Ефим Янкелевич

Дорога длиной в сто лет

Книга 1. Откуда мы пришли

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами — первая из двух книг воспоминаний семьи Янкелевич-Ферман. Она представляет собой тематически и хронологически упорядоченные воспоминания Ефима Аврумовича Янкелевича и его родителей — Аврум-Арона Львовича Янкелевича и Фаины Исаевны Ферман. Воспоминания охватывают период с конца XIX по середину XX века и являются уникальным документом, живописующим быт и нравы сразу нескольких эпох и территорий. Воспоминания будут интересны всем, кто интересуется историей XX века.

- Дорога длиной в сто лет
  - ○
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Часть I. Наша жизнь в местечках до и после революции
    - ■
    - ■ Воспоминания папы о его детстве и юности
      - ■
      - ■ Родители
      - ■ Мои братья и сестры
      - ■ Учеба у директрисы
      - ■ Юкл женится
      - ■ Я в «детстве»
      - ■ Земская школа
      - ■ Мои первые заработки
      - ■ Первое собственное дело
      - ■ После смерти отца
      - ■ Бандитизм
      - ■ Шпола
    - ■ Воспоминания мамы о ее семье и их жизни в Добровеличковке
      - ■ О моих предках Ферман
      - ■ Дедушка Герш
      - ■ Теплые слова о бабушке Эстер
      - ■ Хаим-Цуди, мой дедушка со стороны мамы
      - ■ Рахиль-Бобеле
      - ■ Квартирант деда Герша
      - ■ Детство
      - ■ Пришло время учиться
      - ■ Рождение Лизы

- Первая Мировая война
- Рождение Абрама
- Бандитизм
- Межибовский
- Выздоровление
- Папа безработный
- Советская власть
- Я повзрослела на год
- Дни окаянные
- Смерть троих самых близких
- Пропала кормилица корова
- Только с мамой
- На хуторе
- Невозможность продолжать учебу
- Оттепель
- Обыск
- В гостях у дедушки Хаим-Цуди
- Моя кратковременная юность
- Крыша
- С друзьями
- Весна
- Мне 17
- Сватовство
- Я выхожу замуж
- Первые дни семейной жизни
- За покупками в Елисаветград
- Вторая квартира
- Роды
- Новорожденного назвали Хаим-Шая
- Послеродовые трудности
- Я — мама
- Собственный дом
- Блаженство от дома и кухни
- Фима — «мыслитель»
- Сирота Авреймл
- Подруга Эстер
- Мой протест
- Конец обеспеченной жизни
- Разрыв Аврумарна с братом
- Конфискация дома
- Одесса
- Мама производит квас
- Мама и Лиза поступают в колхоз
- Аврумарн собирается в Харьков

- Часть II. Мы переезжаем в Харьков
  - Папина жизнь начинается сначала
  - Записки мамы о нашей жизни в Харькове
    - Фима учит русский язык
    - Кисляновы
    - Жилье
    - Мы осваиваем Харьков
    - Туберкулез
    - Последний раз в Добровеличковке
    - Жизнь, как зебра
    - Коллективизация
    - Получение Аврумарном паспорта
    - Приезд мамы
    - Голод
    - Я счастливая мать — у меня уже два сына
    - Своя квартира
    - Я работаю в школьном буфете
    - Романивка
    - Болезнь Лизы
    - Я заболела острой формой малярии
    - Мытарства с Машкой
    - Лиза выходит замуж
    - Бедствие с мамой
    - Как росли мои дети
  - Каким запомнился мне довоенный Харьков
    - Павловский переулок
    - Двор
    - Баркаловы и другие
    - Взрослые двора, оставившие след в моей жизни
    - О детях переулка
    - Немного о себе
    - Постышев
    - Об исчезнувших играх моего детства
    - Школьные годы
    - О чем свидетельствует дневник 1938—1940 гг.
- Часть III. Война. Мы эвакуируемся в Коканд
  - Мы покидаем Харьков в последнем эшелоне
    - Из записок мамы о начале войны
    - Из записок папы
    - И снова слово маме
    - Папа продолжает рассказ
    - Чем запомнилось мне начало войны

- Воспоминания мамы о нашей жизни в Коканде
- Записки папы о Коканде
- Коканд моими глазами
- Первые две попытки получить высшее образование
  - Среднеазиатский Индустриальный Институт (САИИ)
  - Грозненский нефтяной институт (ГНИ)
- Меня призывают в армию
- Мама о моей демобилизации и конце войны
  - 19 ноября
  - Фима демобилизовался
  - Конец войны

○ Часть IV. Домой — в Харьков

-
- Записки мамы о тяготах послевоенной жизни
  -
  - И снова борьба за кусок хлеба
  - А жизнь продолжается
  - Немного о моей маме Бране
- Высшее образование с третьей попытки
  - ХЭТИ
  - В Москву по распределению
- Моя взрослая жизнь
  - Год 1953
  - Две недели, изменившие мою жизнь
  - Наш быт после свадьбы

Дорога длиной в сто лет
Книга 1. Откуда мы пришли

Ефим Янкелевич

Редактор Михаил Байтальский

© Ефим Янкелевич, 2017

ISBN 978-5-4483-7883-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем членам нашей семьи: живым и мертвым — посвящаю!

Ефим Янкелевич

От автора

Перекати-поле — травянистые растения степей и пустынь, приобретающие шарообразную кустистую форму. Наземная часть после созревания плодов отламывается от корня и, гонимая ветром, катится в виде клубка, рассеивая семена.

Большой энциклопедический словарь

Пришло время вступить в сражение с силами забвения.

В. Гроссман

Уважаемый читатель!

Перед Вами воспоминания мои и моих родителей за более чем 100 лет. Цель написания этих воспоминаний — рассказать потомкам о нашей нелегкой жизни. Уже сейчас члены нашей семьи живут в четырех государствах, на трех континентах: США (Северная Америка), Израиль (Ближний Восток, Азия), Украина и Россия (Европа). Чтобы нашей семье, уже сейчас разбросанной по трем континентам, не потеряться на Земле, как пылинке и не раствориться во всеобщем плавильном котле, я и решил написать эту книгу.

Если у какого-то из моих потомков возникнет желание поклониться своим корням, то он не сможет найти не только их могильные камни, но, зачастую, и сами кладбища. Мой дедушка Лейб похоронен в селе Ивановка, дедушка Амшей, прадедушка Герш и прабабушка Эстер — в местечке Добровеличковка, бабушка Ханна — в городе Новоукраинка, прадедушка Хаим-Цуди и прабабушка Идес — в Кировограде, их дочь бабушка Брана, мой папа Абрам, дядя Абрам и обе его жены: Нина и Рива, Або — муж моей тети Лизы и его родители Меир-Лейзер и Рахиль, родители моей жены Лили: Зельман и Анна, их дочь Бэлла (сестра Лили), отец моего зятя Бориса — Николай, отец Виктории Байтальской — Абрам и отец Аси Янкелевич — Евгений — в городе Харьков. Рахиль (Боба) Львовская (Ферман) в Москве, отец Гени Янкелевич — Волько — в Вене и, наконец, моя мама

Фаня, брат Геннадий и тетя Лиза, а так же отец Беллы Бейлиной Мирон, мать Виктории Байтальской — Сусанна — в г. Кливленд, а Колмен-Лейб Бавский и его сын Эдвард — в г. Канзас-Сити (США).

Итак, только мне известные члены нашей семьи похоронены в четырех странах и девяти населенных пунктах. А где братья и сестры моего отца и их семьи? Чем не перекати-поле?

Одна из целей этих записок — создать как бы виртуальный фамильный склеп для наших потомков. Кроме того, если эти записки будут опубликованы, возможно найдутся, потерянные для меня, некоторые из членов нашей семьи. Очень жаль, в то же время, что язык, на котором я пишу, уже сейчас является иностранным для подрастающего поколения.

Необходимость в этих воспоминаниях возросла тем более теперь, когда семья разобщена и разбросана по разным городам и странам. Тип «Ивана, не помнящего родства» широко распространен в современном мире. Я поверхностно знаком с несколькими американцами моего возраста. Большинство из них мало что знает о своих дедушках и бабушках и откуда они прибыли в Америку. Эта же участь неизбежно ожидает и моих потомков.

Что случилось? Почему я пишу?

В моих руках оказались бесценные для меня несколько школьных тетрадей с воспоминаниями родителей об их жизни, начиная с их детства. Эти воспоминания дают нам возможность заглянуть в наше прошлое еще на одно, для меня, поколение, а для вас, читающих эти строки, на два и более, и узнать — кто же мы и откуда?

Дорогой читатель! Описанное ниже многим может показаться перегруженным деталями. Я лишь старался не упустить ничего из того, что хотели передать мои родители их потомкам, и не выбрасывал ничего существенного из написанного ими. На мой взгляд, все эти штрихи из их жизни дают возможность лучше заглянуть в то далекое, неизвестное нам прошлое, в жизнь евреев в черте оседлости царской России, в этом огромном гетто. В этом гетто евреи были лишены возможности получить образование и работу, что хорошо видно из воспоминаний папы. После крушения царизма, когда черта оседлости была упразднена Временным правительством, семья разлетелась в разные стороны.

Винюсь! Эти записки следовало было сделать раньше, хотя бы при жизни мамы, тогда не было бы множества неясностей. Например, о родственных связях с Первомайской ветвью Ферман, а так же на каком языке евреи общались с окружающим

населением, в основном крестьянами. Во всех записях и папы, и мамы значится русский язык. И все же трудно поверить, что крестьяне в Украинской глубинке общались на русском языке. Хотя все может быть. Приведу интересный факт. Только в 2004 году я от моей тети Лизы (умершей 15 июня 2004 года) узнал, что она, до приезда в Харьков в возрасте 17 лет, не знала русского языка. Что в 1932 году, в Добровеличковке, она закончила школу с семилетним обучением на языке идиш. И, приехав в Харьков, она поступила на ФЗО (фабрично-заводское обучение) при заводе, где для группы еврейских молодых людей преподавание велось тоже на языке идиш. Ну и ну! А спустя каких то 5—6 лет знание идиш уже было подозрительным для властей и общаться на нем на людях было неприличным.

Если эти записки при жизни папы сделать было не легко, так как тогда я работал, создавал семью и воспитывал детей, и, что очень важно — это была относительная, может быть бездумная, молодость, то уже здесь в Америке, при жизни мамы, я вполне мог их сделать. Тем более, что и компьютер, при жизни мамы, я мог иметь, не дожидаясь пока мне его подарит, к большому сожалению ныне покойный, мой дорогой брат Геннадий.

Когда я начинал этот труд, то думал только о том, чтобы сохранить воспоминания моих родителей, оставленные ими в виде рукописей в нескольких школьных тетрадях. Потом я решил, что будет неплохо, если я дополню их своими воспоминаниями. Тогда я еще не представлял себе, во что они выльются.

В результате получилось две книги, вобравшие в себя наши с родителями воспоминания, охватывающие период времени с конца XIX по конец XX века, а также мои очерки, посвященные членам нашей семьи, нашей работе, детям, друзьям, путешествиям и эмиграции в Америку. Дополнительно, в конце второй книги, в виде таблиц и генеалогического дерева сведена информация об известных мне членах нашей семьи.

В начале работы над воспоминаниями родителей у меня неоднократно возникал вопрос: «Что побуждало их писать свои воспоминания?» Ведь большинство людей этого не делает. А теперь задумался и я: «Что заставляет и меня писать мои воспоминания?»

Возможно, все дело в мысли, содержащейся в приведенном выше эпиграфе замечательного советского писателя Василия Гроссмана — сохраняется только то, что записано.

Мне известен также призыв знаменитой русской поэтессы Марины Цветаевой ко всем людям: «Через пятьдесят лет все мы

будем в земле. Будут новые лица под вечным небом. И мне хочется крикнуть всем живым: Пишите! Пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Записывайте точнее! Нет ничего неважного».

Этому призыву подчиняюсь сейчас и я, а мои родители делали это интуитивно, даже не подозревая о приведенных мною выше мыслях известных писателей.

Я уверен, что эти записки являются как бы их исповедью-завещанием. Еще при жизни родители дали мне прочесть свои воспоминания, а я давал их читать своим братьям — Лене и Геннадию, но особых эмоций они у них не вызвали. Прочли и приняли их к сведению в водовороте текущей жизни. На обложке одной из тетрадей у мамы есть незаконченная фраза: «Потомству моему…». А папа написал: «Дорогие дети и внуки, что бы вы меня поняли».

И еще. Это упорядоченные записи, которые пишутся наедине с самим собой и, приносят большей частью сладостные, а иногда и горькие воспоминания о прожитой жизни. Это беседа с самим собой.

Уже обрабатывая мамины записки восьмидесятых годов я наткнулся на следующее: «Пишу в день рождения Фимы — 6 февраля 1988 года. Я себя плохо чувствую, поэтому не пошла к ним на его именины». Вот так, написанием этих мемуаров, она отметила день рождения своего сына более, чем 20 лет тому назад.

Я постараюсь не опустить ничего существенного из воспоминаний родителей, да и своих тоже. Работая над этими воспоминаниями, я с удовольствием окунаюсь в свое детство и юность и испытываю при этом ни с чем не сравнимое блаженство.

Большая часть первой главы этих воспоминаний «До моего рождения» была опубликована в интернет-журнале «Заметки по еврейской истории» в номерах №46, 47, 49, 50, 51 начиная с 17 сентября 2004 года (адрес журнала: http://bercovich-zametki.com).

По этим воспоминаниям я получил письма благодарности от потомков упомянутых в них людей. Привожу их здесь.

«Воспоминания Вашей мамы один из лучших подарков в моей жизни. Я его разделю с детьми и внуками. Ваша мама жила по соседству с моим дедушкой, дружила с моей тетей и была ровесницей моего папы. Нет слов, чтобы выразить благодарность Богу и Вам. Из прочитанного, я впервые узнала о жизни моих родственников. Спасибо за Ваш труд, который обрадовал меня

на всю оставшуюся жизнь!»

Сима Грабовская, внучка Шлемы Грабовского (Сан Франциско)

«Уважаемый Ефим!

Меня зовут Лариса Береславская. Я внучка Мотла Грабова (будничного кантора) и племянница Симы Грабовой, с которой Ваша мама дружила. Спасибо Вам за ваш труд!»

Лариса Береславская (Нью Йорк)

Кроме того, я получил запрос родственника фельдшера Цанка, упомянутого в маминых воспоминаниях.

Эти письма — лучшая награда для меня.

Выношу благодарность моей жене Лиле и дочери Лене за редактирование и корректировку этих воспоминаний. Особую благодарность заслуживает моя внучка Яна, обработавшая полностью альбом фотографий и создавшая условия для издания воспоминаний в компьютерной форме.

Ниже я привожу упорядоченные мною воспоминания родителей и дополняю их своими. Для лучшего понимания молодым поколением текста ушедших времен, я сопровождаю его своими комментариями. Комментарии я выделяю курсивом.

Часть I. Наша жизнь в местечках до и после революции

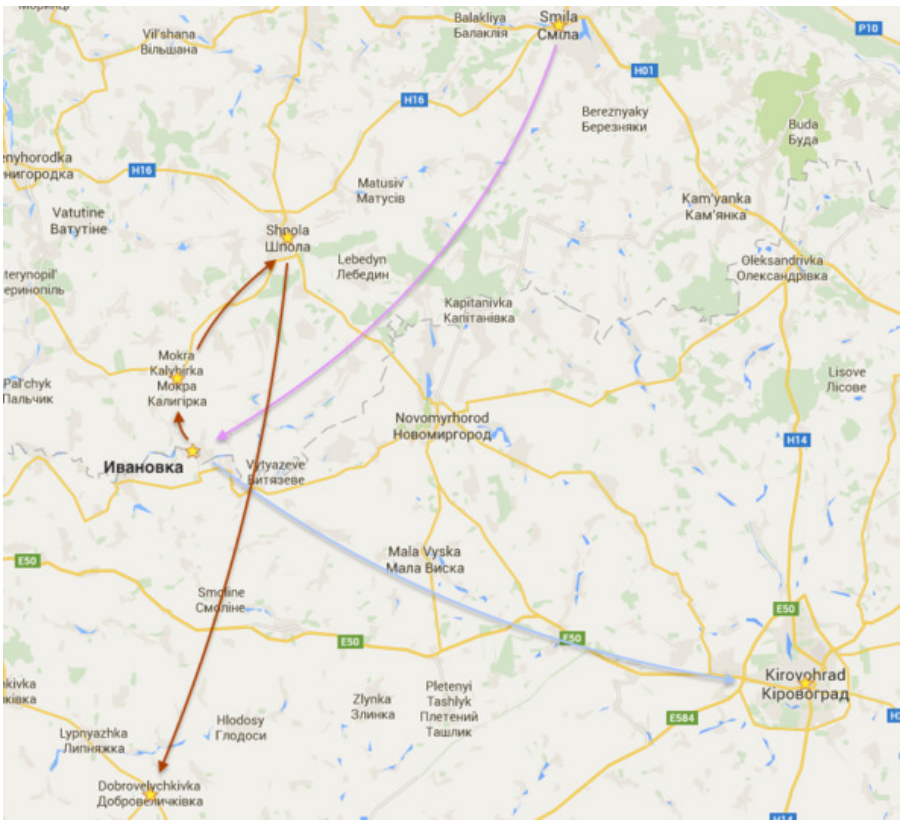
В этой части будут приведены фрагменты воспоминаний моих родителей, рассказывающие о нашей жизни в еврейских местечках черты оседлости.

Многие еврейские фамилии происходят от библейских имен. Янкелевич — это форма имени Янкель (уменьшительно-ласкательное на идише от Янкев, соответствующее русскому Яков или древне-иудейскому Иаков), к которому добавлено славянское окончание, означающее «сын». Иаков, третий патриарх, был младшим из близнецов, родившихся у Исаака и Ревекки. Его имя отражает тот факт, что при рождении он держался за пятку (акев на иврите) своего брата Исава (Бытие, 25). После его борьбы с ангелом (Бытие, 32) он был наречен Израилем. Фамилия Ферман вероятнее всего ведет свое начало от двух немецких слов: ver (e) «паром» и man «мужчина», исходя из чего, можно предположить, что основатель рода Ферман был паромщиком.

Воспоминания папы о его детстве и юности

Я, Аврум-Арон Львович Янкелевич родился 7 сентября 1892 года в землянке родителей на окраине села Ивановка.

В то время село Ивановка находилось в Акимовской волости, Елисаветградского уезда, Одесской губернии, внутри черты оседлости *(В царской России «черта оседлости» — граница территории, за пределами которой запрещалось селиться евреям. Волость — единица сословного крестьянского управления, уезд — низшая административная единица, а губерния — основная административно-территориальная единица царской России. В настоящее время Елисаветград называется Кировоградом).*



Карта Кировоградской области, где указаны основные упоминающиеся в тексте населенные пункты и наши перемещения между ними

Я был последним, шестым, ребенком в семье, что на идиш называется «*мизиныk*». И как все мизиныки я был любимцем родителей.

Какими мне запомнились мои братья и сестры? Старшего брата звали Мотл. Это был высокий, худой парень, совершенно неразвитый умственно и совсем неграмотный. Второго звали Муня. Муня был более развит, чем Мотл, но тоже неграмотный. В то время у мужчин евреев знание молитвы была абсолютно обязательным. А для этого необходимо было уметь читать хотя бы Тору. Мужчину, не умевшего молиться, все окружение просто презирало. Третьей была высокая, красивая сестра Сарра. Четвертого брата звали Юкл. В отличие от старших братьев, это был развитый и довольно грамотный парень. Пятой была сестра Рахиль. Рахиль была и ниже ростом и менее красива, чем Сарра. Обе девочки были неграмотными. В те времена девочек учили грамоте только в зажиточных семьях.

Опишу коротко землянку, в которой я прожил от дня рождения практически до своего 25-летия. Она была врезана в косогор холма на краю глубокого оврага. Для предотвращения попадания в землянку дождевых и талых вод, вокруг нее был прорыт канал шириной метра два. От этого канала до оврага была прорыта канава для стока воды. И все же землянку часто заливало. От входной двери нужно было спуститься на две ступеньки вниз, чтобы попасть в небольшой коридор, в конце которого размещалась небольшая кладовка. Справа от входа была дверь в комнату. Комната была большой, примерно 25 квадратных метров. Причем больше половины комнаты занимала русская печь. Между наружной стеной и печью оставался проход примерно в метр. Это было подобие маминой кухни. К печи справа, примерно с метр высотой, была пристроена глиняная ступенька, которая называлась припечком. С этого припечка все дети забирались на печь. Впритык к припечку стояла родительская кровать. У противоположной стены стоял деревянный помост — нары. На этих нарах спали все дети. Посредине комнаты стоял стол и всего один табурет (стул без спинки). Вот и вся наша мебель.

Родители

Моего отца звали Лейб Мотлович Янкелевич, а маму Ханна Ефимовна. Зарабатывал тогда на жизнь только отец, так как у мамы было шестеро детей мал мала меньше, да и вообще еврейские женщины тогда, как правило, не работали. Правда, когда дети подросли, мама стала подрабатывать грошовой торговлей.

У отца было множество профессий и, несмотря на то, что он был трудолюбив, он не в состоянии был хоть как-то прилично

обеспечить семью.

Отец занимался извозом (у него была лошадь и подвода), он был большим специалистом по лошадям и консультировал крестьян при покупке лошадей, был костоправом *(т.е. лечил всевозможные вывихи*), осенью и в начале зимы был решетником и владел многими другими промыслами. Опишу некоторые из них.

Что такое решетник? Эта работа была востребована после сбора зерновых. У украинских крестьян был специальный хозяйственный сарай, который назывался клуней. Во избежание порчи зерна от дождей и непогоды туда свозили зерно после обмолота. Там же находились закрома для хранения чистого зерна, а так же солома и сено для скота и прочее, например, тыквы. При относительно невысоких стенах, соломенная крыша поднималась метров на пять. Перед засыпкой зерна в закрома или перед продажей крестьяне очищали его. По заказу крестьянина, папа запрягал подводу и укладывал в нее основное средство производства — решето (сито) с канатами для подвески. Приехав к своему заказчику, он привязывал это решето канатами к верхним стропилам клуни и приступал к работе. На решето деревянной лопатой он насыпал из кучи порцию зерна и придавал решету вращательное движение. При этом через отверстия решета просыпалась вниз всякая мелочь, а сверху скапливалась солома и необмолоченные колосья. Все это снималось руками и сбрасывалось. Вращение и очистка продолжались до тех пор, пока зерно не становилось чистым. Тогда он его снимал и засыпал новую порцию. И так весь световой день. Работа была очень тяжелой, но она неплохо оплачивалась. Так он работал у окрестных крестьян осенью и часть зимы. К сожалению эта работа была только сезонной.

Занимался он и извозом — возил людей и товары на базар. Он был признанным авторитетом у окрестных крестьян по части лошадей. Нередко крестьяне обращались к нему, как к консультанту, при покупке или продаже лошадей. Лошадь в те времена стоила примерно пять рублей. Естественно, услуги его были платными — пятьдесят копеек за купленную лошадь.

В свободные от базара дни отец запрягал лошадь и ехал по окрестным деревням. И здесь он выполнял различные услуги. У кого-то, например, свежевал павшую лошадь, у кого-то покупал небольшое количество зерна для перепродажи, вправлял всевозможные вывихи, — тогда это называлось костоправ.

Запомнился мне еще один заработок отца. Однажды один из наших соседей по имени Хаим, который промышлял торговлей лошадьми, предложил отцу, как знатоку лошадей, поехать с ним

сроком примерно на две недели в Таврию (Крым), где лошади были дешевыми из-за голода в тех местах. В дороге за купленным табуном надо было ухаживать и отец поехал с Хаимом. Взял отец у Хаима аванс 3 рубля, отдал маме на расходы и уехал. Поездка была очень тяжелой и только через три недели отец к вечеру ввалился домой и свалился спать. Ночью кто-то с такой силой ударил в окно, что стекло вылетело. Случилось непредвиденное — конокрады угнали весь табун. Несмотря на чрезвычайную усталость отец с Хаимом бросились в погоню. Вскоре начали появляться одна за другой брошенные конокрадами лошади. Конокрады стремились как можно дальше за ночь уйти от Ивановки, а лошади, измученные длинной дорогой и предыдущим недоеданием стали приставать и их стали бросать прямо по дороге. Однако большинства угнанных лошадей они не оставили. Пришлось дать объявления во все ближайшие волости об обнаружении приблудных лошадей. В результате все, кроме одной падшей лошади, были найдены. Но расходы по поиску лошадей: объявления, оплата за содержание найденных лошадей и другие услуги были настолько велики, что у Хаима и отца не оказалось никакой прибыли. И к тому же, более месяца отец не работал и семья оказалась совсем без денег. Пришлось отцу просить у своих постоянных клиентов, зажиточных крестьян, аванс за будущие работы.

Мои братья и сестры

А время идет. Старшие дети подросли, и отец уже не в состоянии прокормить такую большую семью. Из дому ушли мои старшие три брата. Старший Мотл ушел первым — пешком, с буханкой хлеба в город Елисаветград, который был от Ивановки в девяноста верстах (*около 100 километров*). О том, что с ним произошло, я узнал уже намного позже. Там он устроился сторожем магазина и женился. У него было трое детей — два мальчика и одна девочка. После революции в городах развился страшный бандитизм и при грабеже магазина, который охранял Мотл, его убили. А о судьбе Муни я так ничего и не узнал. Он как в воду канул. Родители объясняли их молчание тем, что они были неграмотными. Я так не думаю — могли же они кого-то попросить написать родителям пару строк. Это видно на примере подлого письма, которое позже получили родители как бы от своего среднего сына Юкла.

Когда Юкл немного подрос, к тому же он был относительно грамотным, его устроили работать приказчиком (а точнее мальчиком на побегушках) в бакалейном магазине в тридцати

километрах от дома. Там он жил и работал. Спустя некоторое время родители получили письмо. В этом письме сообщалось, что он, Юкл, тяжело заболел, да так сильно, что сам и письма написать не может, и он хотел бы перед смертью повидаться с родителями. А тут как назло наша лошадь была больной и пришлось нанимать подводу. Выехали очень рано и приехали к открытию магазина. Оказалось, что Юкл не болел и письма такого не писал. Впоследствии выяснилось, что один из наших соседей, повздорив с отцом, решил таким образом отомстить ему. Значит, при желании, можно было попросить кого-то написать и почта тогда работала.

А что же сестры? Надо было чему-то их учить. Решили родители научить их шить. Для этого нужна была швейная машинка. Стоила тогда такая машинка фирмы Зингер 3 рубля (для сравнения лошадь стоила 5 рублей). Таких денег в семье не было и пришлось купить ее в кредит с выплатой ежемесячно по одному рублю. Как пользоваться машинкой сестер научил агент по продаже этих машин. Но надо было еще уметь шить, а этому учить их было некому. Так что практический эффект от приобретения этой машинки был мизерный. С грехом пополам они чему-то сами выучились и кое-что шили себе и нам. Очень редко им приносили заказы крестьянки из окружающих деревень. Так что приличными портнихами они так и не стали.

Время шло, они подрастали и становились уже невестами, а одеть их было не во что. Мама потихоньку плакала, но что родители могли сделать? Отец вовлекся в описанную выше авантюру с покупкой лошадей в Таврии, но что из этого вышло вы уже знаете. С целью заработать хоть какие-то деньги, чтобы одеть девочек, мама включилась в мелкую торговлю. Заняла у соседей немного денег. За речкой у нас стояло село Ярошевка. Мама стала закупать там по дюжине цыплят и носила их продавать служащим сахарного завода в другом селе. В первый раз, в дороге двое цыплят задохнулись, так что первая торговля оказалась с убытком в 5 копеек. После такой торговли в доме стояла ужасная атмосфера. И все же решили не сдаваться. В следующее воскресенье дела улучшились, и мама уже заработала целых 25 копеек. После такой удачной коммерции настроение в доме улучшилось.

Учеба у директрисы

Однажды жена директора завода заинтересовалась, почему это еврейка занимается такой мелочной торговлей.

Мама поделилась с ней своими бедами. Девочки невесты,

а одеть их не во что, а тут еще сын подрос. Его надо учить и опять же для этого нужны деньги. Эта сердобольная женщина решила помочь маме. Она ей предложила: «Приведите своего мальчика, и я буду учить его русскому языку».

Так я впервые оказался в богатом, невиданном мною раньше, доме. Когда я первый раз пришел, то остановился на пороге, как вкопанный. Как можно ступить грязными босыми ногами на крашенный до блеска деревянный пол? До этого я видел только полы земляные. Я остановился в нерешительности. Вошла хозяйка. Взяла меня за руки и повела меня по большой квартире. В квартире было много красивой мебели, но больше всего меня поразили блестящие чистотой полы. Директриса завела меня в одну из комнат. Потом я узнал, что хозяйка завела меня в кабинет директора. Она села к письменному столу, а мне предложила сесть в кресло, стоявшее рядом. Я уселся в невиданное мною раньше сооружение, и она стала выяснять, что же я знаю.

В этой комнате продолжалась моя учеба все лето. Она меня многому научила, за что ей огромное спасибо. Кое-что запомнилось и до сих пор. Как правильно следует писать слово медведь? В те времена в русском алфавите была буква «ять». И в отдельных словах для начинающих была неопределенность, где следует писать букву «е», а где «ять». Вот один из ее примеров. Слово медведь надо писать через букву «е», потому, что медведь любит м*е*д.

Хочу описать то, что запомнилось мне в этом сказочном, добром для меня доме. Семья по тем временам была небольшой. Кроме собственно бездетных хозяев, в доме жили еще сестра хозяйки и еще молодой человек — инвалид. Перемещался инвалид на костылях, так как у него была здоровой только одна нога, а вторая безжизненно свисала. Как-то во время занятий в комнату зашел директор, уселся на подлокотник кресла, где сидела его жена, и начал ее целовать. Она смутилась и говорит ему, что такие нежности не приличны в присутствии мальчика. *(По всей вероятности папе было тогда лет шесть. Ему, не видевшему в своей жизни ласки, это проявление чисто человеческого чувства врезалось в память до самой старости).*

Учеба у этой женщины продолжалась до наступления холодов. С наступлением холодов и грязи, я уже не мог идти в другое село, так как у меня не было подходящей одежды и обуви.

Юкл женится

Тем временем Юкл решил жениться и получить приданное, которое позволило бы ему приобрести свой собственный продуктовый магазин. Возникает вопрос почему продуктовый? А потому, что он с самого раннего детства был приказчиком в бакалейном магазине и научился торговать продовольствием. Несмотря на то, что он был красивым статным парнем и довольно грамотным, по тем временам, да и женихов в нашем селе было мало, невесты ему в нашем селе не нашлось. Тогда он уехал в местечко Златополь к довольно зажиточному брату нашей мамы. *(К сожалению в папиных воспоминаниях нет не только фамилий, но и имен никаких из наших родственников).*

У этого нашего дяди была дочь — невеста. Это была некрасивая, но умная и довольно развитая девушка. Отец обещал ее жениху сто рублей приданного. Это тогда были большие деньги и впоследствии на них Юкл купил довольно большой бакалейный магазин *(Бакалея — это продовольственные товары: крупа, мука, соль, чай, кофе, пряности и др.).*

Но для женитьбы требовалось согласие родителей жениха. Однако, согласия на женитьбу сына отец не дал. Отказ был вызван тем, что согласно законам иудаизма дети в семье имеют право жениться только тогда, когда предыдущий по возрасту ребенок уже был женат или вышла замуж. А у Юкла была старшая сестра-невеста Сарра. Несмотря на отказ, дуэт дяди и Юкла «оружия не сложил». Отец невесты уехал и вскоре вернулся с известием, что он нашел хорошего жениха для Сарры. Он по профессии сапожник и согласен взять Сарру без приданного, которого у папы не было. И тут снова препятствием стал закон иудаизма. Так как отец был коэн, то у него в роду не должно было быть ремесленников. *(Коэн — жрец, совершавший культовые служения в Храме. Коэны являются только потомками первосвященника Аарона).* И снова будущий тесть Юкла нашел выход. Он заявил, что отец его неправильно понял, и что жених Сарры не сапожник, а хозяин большой сапожной мастерской. Позже, когда жених Сарры приехал из города Смела и привез своей невесте богатый подарок в виде золотых часов с золотой же цепочкой, отец сдался. Тут же одновременно сыграли две свадьбы, и новая супружеская пара уехала в город Смелу, а Юкл стал хозяином бакалейного магазина. Теперь в нашей землянке остались двое детей — сестра Рахиль и я.

Я в «детстве»

В заглавии детство взято в кавычки, так как его у меня не было.

После того, как я описал жизненный путь своей семьи насколько у меня сохранилось в памяти, перейду к описанию своего детства. И можно ли назвать мое детство «детством»? Это было голодное, безрадостное время. Хоть меня родители и любили, как мезиника, но ласки я был лишен. Я не помню детских игр, и у меня не было друзей. Может быть еще и потому, что примерно лет в восемь меня поразил недуг. Тогда его в народе называли лишаем *(Правильное название — псориаз или чешуйчатый лишай — болезнь хроническая, но не заразная).* Может быть и поэтому дети, под влиянием их родителей, меня сторонились. Вначале эти розовые чешуйки появились на локтях, а затем перекочевали на руки. Пораженные места не болели, но чесались. Что еще важно — мне было стыдно моих красных рук.

Надо было лечиться, но ближайшая больница была примерно на расстоянии 8 км от нашего села. Однажды отец посадил меня на телегу и повез в больницу. По дороге он мне говорит: «Хорошенько присматривайся к дороге, так как в последующем будешь ходить в больницу сам. У меня для этого не будет времени, так как мне надо будет работать». В больнице меня осмотрел фельдшер и прописал мазь, которую тут же и изготовили. Мазь была бесплатной, но за каждой дозой надо было еженедельно приходить в больницу до начала приема больных, к 7 часам утра.

Несмотря на то, что прошло столько лет, я с ужасом вспоминаю те дни, когда еще в темноте мама будила меня, чтобы я шел в больницу за очередной дозой мази. В особенности мне было страшно в первые дни. Я даже не знал, по той ли дороге я иду. Дорогие! Представляете себе восьмилетнего еврейского мальчика, буквально бегущего по темной дороге? Иду и все время плачу. А тут еще приходилось проходить мимо костра деревенских мальчишек, пасших лошадей. Увидев меня, они с улюлюканьем поднимали крик: «Жиденок, жиденок!» и делали вид, что бросаются за мной в погоню.

За этой мазью я долго ходил и в осеннюю грязь, и в жестокий мороз. А ходил потому, что мне было стыдно моих красных рук. В конце концов я понял, что мазь эта бесполезна и перестал за ней ходить.

Обстоятельства с учебой у меня были не лучше, чем с лечением. Когда я подрос меня определили в хедер. *(Слово хедер на иврите — комната. Это традиционная еврейская школа для мальчиков в Восточной Европе и России).* В хедере учили только молиться и не учили русскому языку. Годовая стоимость обучения в хедере была равна всего трем рублям, но у отца и этих

денег не было. Оплату за мое обучение взяла на себя наша еврейская община. *(В этом нет ничего необычного. В обязанности общины по Талмуду входит оплата общиной начального религиозного образования неимущих членов общины. В Талмуде есть раздел правовых положений иудаизма).* Взять-то она взяла, но платила она по 50 копеек ежемесячно и не аккуратно.

После очередной ежемесячной неуплаты учитель хедера — меламед брал меня за руку и выводил на улицу с напутствием: «Иди домой и придешь, когда мне за тебя заплатят». И так повторялось часто. Как-то меня позвали к самому богатому человеку в нашем селе — хозяину магазина. В магазине кроме хозяина Мэира был еще и наш раввин. Они стали меня экзаменовать по Торе. Из-за моих вынужденных пропусков занятий я, естественно, на многое не смог ответить. Этот экзамен и все что произошло потом, я запомнил на всю жизнь. Раввин и говорит Меиру: «Разве у Лейбы может быть прилежный ученик, знающий Тору?» Я заплакал и говорю им: «Как я мог хорошо учиться, если за меня неаккуратно платили и меламед меня постоянно отправлял домой?». Такой ответ явно не понравился экзаменаторам.

Когда вечером отец вернулся домой, я ему со слезами рассказал все о том, что со мной случилось. Отец мне сказал: «Бедному человеку от богачей не следует ждать ничего хорошего».

Впоследствии всю жизнь я пытался выбраться из бедности. Больше я в хедер не ходил.

Земская школа

Очень близко от нас находилась земская школа. Эта школа была бесплатной, и я начал ходить в эту школу. В школе преподавали начальную грамоту, чтение и закон Божий. В этой школе я был единственным евреем.

Что мне запомнилось в этой школе? Во-первых, запомнилось как меня во время школьного перерыва избили. Дело было так. Как известно, христианский закон Божий состоит из двух частей: Ветхого завета — Торы и нового завета — Евангелия. В один из дней на вопрос священника по Ветхому завету мой сосед по парте ответить не смог. Я же знал ответ на этот вопрос по хедеру. Я и вызвался ответить. Мой ответ понравился священнику. Он и говорит мне: «Накрути уши своему соседу, который не знал ответа». Я указание священника выполнил. Ну, а на перемене группа друзей моего соседа хорошо меня поколотили. На следующих занятиях я уже не вызывался

отвечать, и от этого уже у меня болели уши от нравоучений священника.

Запомнился ответ этого простого деревенского священника на мой вопрос: «Вот вы говорите, что Бог будет карать людей, не соблюдающих законов Священного Писания. Как же это может быть, если наш раввин говорит, что существует только один Бог, Бог-Торы, а вы говорите, что есть только Бог христианский?» На что простой деревенский священник ответил: «Бог один. И судит Он не по словам, а по делам вне зависимости от веры».

А меня уже тогда в раннем детстве мучил вопрос: «Почему в жизни такая несправедливость?» Почему другие дети живут хорошо, а я плохо? Они не голодают, хорошо и тепло одеты и обуты, у них есть возможность без проблем ходить в школу, у них нет такой болячки, как у меня? То что я плохо живу было бы понятно, если бы отец мой был лентяем, каких я видел в нашем селе, но папа работал тяжело с утра до темноты.

Мои первые заработки

Когда я немного подрос, я решил самостоятельно выбиться из нужды. К тому же отец от непосильной работы стал довольно часто прихварывать. Но как это сделать? Я бы тоже пошел в приказчики, но кто меня возьмет с такими красными в лишаях руками? Не важно, что эта болезнь не заразная.

И я пошел в усадьбу помещика наниматься на любую работу — лишь бы платили. Управляющий смерил меня взглядом и говорит: «Нет у меня для тебя работы. Слишком ты мал, да и ростом не вышел» (а я действительно не высокого роста и сейчас, а тогда по сравнению с одногодками был совсем маленький).

А я стою и не ухожу. Мне работа хоть какая-нибудь нужна, а больше идти некуда. Управляющий снова ко мне: «Что ты тут стоишь? Ты мешаешь мне работать». Я еще раз попросил у него работы, так как она мне очень нужна. Он смилостивился и говорит: «Иди на ток (место где производился обмолот зерновых) за церковью, а я туда скоро приеду. Если ты сможешь носить снопы и укладывать их в копны, то я тебе дам работу, а другой работы у меня нет».

Спустя некоторое время он приехал и, как сейчас говорят, провел со мной инструктаж. Что это за работа, которую мне предстояло делать? После покоса на поле оставались на земле скошенные стебли зерновых. В те времена в России и на Украине скошенные зерновые только женщины вязали в снопы. Сноп представлял собой охапку стеблей в обхват величиной

и связанный скрученными стеблями. По мере работы на поле оставались разбросанные снопы. Затем из пятнадцати снопов собиралась копна. Копна — это временное хранилище снопов до их вывоза на ток для обмолота. Копна представляла из себя что-то наподобие шалаша. Снопы в слегка наклонном положении собирались вместе, а сверху на них распластывался еще один сноп, так называемая «шапка», для защиты снопов от дождя. Шапка должна была быть правильно уложена, в противном случае приказчик работу не засчитывал, а это целых 5 копеек.

Казалось, что эта работа для меня с моим небольшим ростом была невыполнимой. Приходилось идти на хитрость. Перед тем, как приняться за установку шапки, я укладывал сноп перед копной и использовал этот сноп как ступеньку. Копны устанавливались не хаотично, а рядами для облегчения их вывоза. Итак, я приступил к работе. Пока снопы лежали вблизи будущей копны, то поднос их занимал немного времени. Хуже было, когда снопы лежали далеко. И я понял, что если буду носить по одному снопу, то очень мало заработаю. Стал я носить по два снопа за один раз. И вот однажды, когда я носил по два снопа, ко мне на бричке подкатил сам помещик. Трудно вам передать тот страх, который я испытал. Посмотрел на меня и приказал идти на ток. Я и пошел, будучи уверенным, что он меня уволит. Пришел и слышу разговор между помещиком и управляющим.

Помещик: «Еду я на бричке и вижу по полю идут два снопа без человека. И когда я подъехал вплотную, то только тогда увидел, что их несет этот малыш. В обед награди его целой селедкой, вместо половины, которая полагается рабочим».

В этот раз я после испуга испытал огромную радость. Вечером я приплелся домой не чувствуя ни рук, ни ног, но очень довольный собой. Ввалившись в дом, я тут же свалился спать, не ужиная. Оно и не мудрено, так как за обедом на току вместе с остальными рабочими, может быть в первый раз в жизни, я наелся досыта. Кроме селедки было вдоволь вкусного ржаного хлеба. Так что я еще домой принес часть селедки и большой ломоть оставшегося от обеда хлеба. Итак, дома на одного едока стало меньше.

По окончании уборки хлеба, как хорошо зарекомендовавшего себя работника, управляющий взял меня на работу в амбар. *(Амбар — простейшее зернохранилище).* В амбаре мы перелопачивали зерно в кучах, чтобы оно не зацвело. Работа заключалась в следующем. Деревянной лопатой набирали зерно

и бросали его вверх и как можно дальше. За эту работу платили взрослым по 30 копеек в день без питания, а детям по 20 копеек.

Потом работал в бригаде по копке свеклы. Взрослые копали, а я обрезал ботву.

Но вот работа для меня закончилась, и я получил полный расчет. Надо отметить, что управляющий ко мне очень хорошо относился и оплатил мне наравне со взрослыми, хотя на очень тяжелую работу он меня не посылал. Мне кажется он это делал потому, что я был у него единственный еврей да еще и ребенок, а работал я не хуже взрослых. Оплатил он мне по 22 копейки в день. Так что я принес домой целых 12 рублей и 50 копеек.

При таких деньгах я стал настоящим богачом. По словам отца, за эти деньги можно было купить тогда упряжку из пары хороших лошадей. Теперь, когда у папы не было денег купить муки или еще чего-нибудь он занимал у меня. Папа всегда возвращал мне занятые деньги. Прежде, когда я ходил в школу, папа давал мне грош (половина копейки), и я на нее покупал халву, так как я ее очень любил. Теперь же, когда у меня завелись собственные деньги, я их на халву не тратил и у папы не просил. Лакомились мы зимой квашенными маленькими арбузами, которые отец покупал осенью по 50 копеек за сотню.

Наступила следующая весна, и я снова пошел к управляющему проситься на работу. Сразу он меня не взял, но велел прийти через две недели на переборку картофеля перед посадкой. Ура! Я снова работаю! После этой работы я еще поработал на посадке картофеля. Девушки копали ямки, а я в них вбрасывал картофелины. После этой работы управляющий выдал мне 3 рубля и 20 копеек и велел прийти только тогда, когда начнется уборка хлебов.

Так как в хедер я больше не ходил, а земская школа с начала лета не работала, то я попросился к папе в помощники. Отец сидел на подводе, а я управлял лошадьми. Каждый четверг папа возил пассажиров на базар. Обычно, когда были пассажиры, он брал с каждого из них в оба конца по 20 копеек. За эти деньги он покупал пуд муки, и семья была обеспечена хлебом на всю неделю. *(Напомню, что в те времена хозяйки пекли хлеб дома в русских печах).*

Кроме того у отца оставалось десять копеек на махорку. *(Махорка — самый дешевый вид курительного табака).* К сожалению, не всегда были пассажиры.

Опишу еще один свой вид заработка. Как я уже писал раньше, отец еще занимался костоправством. Однажды крестьянин привел мальчика с просьбой вправить ему руку, которую он вывихнул

при падении с дерева. Так как это было в четверг, крестьянин предложил отцу вместо оплаты за лечение, принести рыбу на субботу, которую он собирается уловить ночью. Это предложение навело меня на мысль как еще заработать. Каждую пятницу я рано утром начал ходить вдоль реки и скупать рыбу у рыболовов. Потом я эту рыбу продавал и себе тоже оставлял на субботу. Этим промыслом я занимался несколько лет и неплохо заработал. Ко времени женитьбы Юкла у меня уже было семьдесят рублей. И когда после женитьбы он на деньги приданого купил продовольственный магазин, то я ему даже одалживал деньги на закупку товара. Иногда я помогал ему в торговле. *(Обратите внимание. Деньги лежали дома и никакой инфляции)*.

Первое собственное дело

Как-то Юкл говорит мне, что в соседнем селе продается маленький продовольственный магазин. Продавала хозяйка магазин потому, что она вышла замуж и уезжает к своему мужу. Мы с Юклом поехали посмотреть и договориться. Магазин был расположен в удобном месте рядом с «монополькой». *(В те времена царское правительство установило для себя исключительное право на продажу населению винно-водочных изделий. В народе магазины по продаже этих изделий назывались «монопольками»)*. Мы с хозяйкой договорились, и я стал впервые владельцем собственного дела. В начале Юкл помогал мне и даже привозил товар, который он заодно покупал и себе, но за услуги брал с меня деньги. Я и этим был доволен.

У меня появился устойчивый заработок, и я смог помогать семье. Мы даже приодели мою младшую сестру — невесту. Отец же за всю свою жизнь своим непосильным трудом такого заработка получить так и не смог. Недаром есть русская поговорка: «Трудом праведным не наживешь палат каменных». К тому же к этому времени отец стал много болеть.

Однако, относительное благополучие длилось недолго. Началась Первая мировая война и Юкла призвали в армию, а потом и на фронт. После мобилизации Юкла дома у него осталась жена с малолетним ребенком.

Теперь уже мне пришлось ездить за товаром для обоих магазинов. А поездка эта и приобретение товара занимали много времени. До города Шпола, где мы закупали товар оптом, было 30 км только в одну сторону, так что вся езда туда и обратно занимала более 10 часов. А еще приобретение и упаковка товара в нескольких магазинах занимали около четырех часов. Несмотря

на то, что я выезжал в 6 часов утра, домой я возвращался около 8 часов вечера. Но это еще не все. Дома надо было еще отделить мой товар от товара брата, расставить товар брата по местам, накачать керосин в баки и выполнить ряд других необходимых работ, так что домой я возвращался к 12 часам ночи.

После этого я уходил ночью в село к моему магазину, а это было довольно страшно, несмотря на то, что я уже был взрослым парнем. *(Привожу слова папы дословно, так как они характеризуют мировоззрение молодежи тех времен: «Ночью было страшно, так как по ночам летают ведьмы на кочерге. Такие представления были в маленьких местечках и селах. Дорогие, подумайте — такая отсталость. Вы наверное не поверите мне, но так было»).* А идти надо было, чтобы мою лавчонку не обокрали. И все же когда я приходил домой, несмотря на большую усталость, я был счастлив. Семья теперь жила в достатке, чего раньше не было.

Через некоторое время домой возвратился Юкл после ранения. Пуля вошла ниже локтя и вышла выше, так что длительное время рука не разгибалась, и я целых три года все тяжелые работы делал за двоих, но молодость все выдержала.

С тех времен запомнилось мне одно очень радостное событие. Как вы уже знаете, я родился и вырос в землянке. И вот представился случай купить дом. Представляете нашу радость — оставить землянку, в которой я прожил более двадцати лет, а родители почти всю свою жизнь и переехать в настоящий украинский дом, да еще с вишневым садиком за окном. Кроме того, дом стоял в очень красивом месте. Сразу за домом был большой луг, на котором стояла церковь, а чуть дальше — усадьба того помещика, у которого я начинал работать в детстве.

После землянки с одной единственной комнатой на восемь человек, которая была и столовой, и спальней, и кухней с огромной, чрезвычайно нужной русской печью, вселиться в настоящий дом. Опишу это мое замечательное приобретение. В доме была большая столовая квадратных метров двадцать пять, спальня метров двенадцать и большая кухня — метров двадцать, — половину которой занимала необходимая русская печь. Пол, как и во всех украинских хатах, был земляным. Под одной крышей с домом был большой сарай. Заплатил я тогда за все это добро тридцать рублей. Вся наша семья была в огромной радости и в особенности моя сестра Рахиль.

Но счастье было недолгим — умирает мой отец. Умер он совсем молодым, без единого седого волоса, и я даже не знаю, сколько ему было лет. Я даже думаю, что он и сам не знал своего возраста. Когда он умирал, у его кровати собралась вся наша

семья: мама, я и Рахиль. Мама плакала и причитала: «На кого ты нас оставляешь?». А отец уже не мог говорить. Он протянул руку и показал на меня. Так кончилась его жизнь, в которой у него не было совсем светлых дней.

После смерти отца

После смерти отца мы остались втроем. Сестра подросла и ее надо было выдать замуж. А для этого надо было ее приодеть, приготовить приданное и подыскать жениха. Юкл наотрез отказался в этом принимать какое-либо участие. Из-за этого мы с ним сильнейшим образом рассорились.

Наконец, нашелся хороший парень, по профессии кузнец. Опять же ремесленник, но возражать против этого брака уже было некому — папа умер. Жених потребовал приданного в тысячу рублей и организацию свадьбы за счет невесты. Все это я взял на себя, так как Юкл в этом участвовать отказался. Он даже отказался прийти на свадьбу, чем довел маму до слез. Благодаря убеждениям и даже угрозам наших родственников, он на свадьбу все же пришел, и мама успокоилась. После свадьбы жених увез свою молодую жену к себе в Новоукраинку. Я остался вдвоем с мамой.

О произошедших февральской и октябрьской революциях в нашем окружении никто не знал.

Бандитизм

О том, что рухнула царская власть, а вслед за ней и временное правительство, мы практически узнали только с появлением различных банд.

Современному читателю невозможно поверить в это, но это было так. Банды были более осведомлены, что в стране полное безвластие. Банды тогда были небольшими и в основном из окружающих сел. Эти банды грабили и убивали евреев везде, где могли. С наступлением темноты все запирались по домам, потому что было очень опасно выходить.

В конце концов евреи села на собрании решили приобрести огнестрельное оружие и организовать ночную охрану села. Дежурство осуществляли по очереди. В одну из ночей бандиты, увидев наш патруль, открыли по нам огонь. Мы же залегли за забором и начали отстреливаться. В конце концов перестрелка затихла и бандиты ушли.

На утро выяснилось, что банда из шести человек была

из соседнего села. А выяснилось это так. В ночной перестрелке мы ранили одного из бандитов, а через него вышли на всю банду. Староста села собрал сход и над ними всеми совершили страшный самосуд. Это была жуткая картина. У нас поговаривали, что в этом деле был замешан и сам староста, поэтому он и устроил это судилище, чтобы замять свое участие в ночном налете.

Хуже стало для евреев, когда появились бандитские формирования в виде небольших воинских частей. Эти банды занимались грабежом и убийством в открытую. Они появлялись среди белого дня, как правило на лошадях, и начинали убивать попавших им под руку евреев и грабить, грабить, грабить.

Так едва не случилось и со мной. Я был где-то по делам, как неожиданно, словно снег на голову, по селу промчалась банда. Надо где-то спрятаться. Невдалеке стоял полуразрушенный амбар, а под ним был подвал. Здание давно не использовалось по назначению, и оно служило отхожим местом. Я бросился в подвал, а там уже пряталась семья с детьми. Сквозь дыры в амбаре мы слышали крики убиваемых людей и безостановочную стрельбу.

Когда над нашей жизнью нависла непосредственная угроза, нам с семьей брата пришлось бросить все нажитое и уйти в местечко Калигорка, куда отец возил пассажиров на базар. Маму пришлось оставить, так как она бы не осилила эту дорогу. К тому же, она осталась жить в нашей старой землянке, а какому грабителю придет на ум искать ценности в убогой землянке.

Я оставил ей немного денег, и мы ушли в чем были одеты, только взяли с собой все наши деньги. Пришли мы в Калигорку ночью. Не успели мы обосноваться на новом месте, как к Калигорке стал приближаться отряд чеченцев. Для переговоров с ними евреи Калигорки выбрали делегацию. Делегация, как принято в тех местах, встретила отряд хлебом и солью. Вместо переговоров отряд первым делом раздел делегацию и крепко избил. Затем начался поголовный грабеж еврейских домов. Так как мы были чужими здесь, то грабить у нас было нечего. Были только деньги, которые мы принесли. А куда их можно было спрятать? Мы расстелили на полу пальто, на нее уложили жену Юкла, обвязали ее голову тряпкой, а деньги она спрятала в бюстгальтере. Когда в дом ворвалась группа чеченцев, Юкл сказал им что у жены тиф. Но они заявили, что тифа они не боятся. Они ее обыскали, забрали деньги и ушли. На этом, слава Богу, все кончилось. А в тех случаях, когда они не находили ценностей, то избивали хозяев до полусмерти.

Оставаться в Калигорке не было никакого смысла. И мы

снова, уже без копейки денег, пошли пешком в город Шпола. До Шполы было тридцать километров и ребенка мы несли по очереди. *(Обратите внимание, как папа знал эту местность. Из его тетрадей видно, что он многое позабыл, а вот расстояния между населенными пунктами, которые он исколесил, у него сохранились в памяти спустя более чем через полвека).*

Шпола

В Шполу мы пошли потому, что это было единственное место, где нас знали местные жители, так как в былые времена мы закупали там оптом товар для наших магазинов, и к тому же там жило много евреев и было безопаснее, чем у нас.

И действительно, эти люди ссудили нас деньгами и разместили. Когда мы пришли в Шполу там было спокойно. А до этого там тоже испытывали бедствия от бандитских набегов. А произошло там вот что. В город вернулся парень, который до этого служил в петлюровской армии и занимал там довольно высокое положение. *(Петлюра — один из организаторов украинского националистического движения в 1918—1920-х годах).* Увидев, что петлюровцы ничем не отличаются от бандитов, грабя и убивая еврейское население там, где они проходили, парень оставил петлюровцев и вернулся к себе домой.

В Шполе он организовал квалифицированную самооборону. Провел всеобщую мобилизацию всего мужского еврейского населения. Мобилизации подлежали мужчины от 18 до 50 лет. Все мобилизованные прошли курс военной подготовки. Он приобрел для нужд самообороны достаточное количество винтовок. В отряде даже был станковый пулемет и одно орудие. Оборона была поставлена правильно. На всех подступах к городу были размещены круглосуточные посты. У него были даже разведчики. И город жил спокойно.

(Те люди, с которыми я делился мыслями в процессе написания этих воспоминаний, недоумевали куда эта семья шла и почему? Ответ прост. Они шли к людям — к своим одноплеменникам, туда где их было много, и они могли постоять за себя. А в самой Ивановке евреев было ничтожное количество, да и, по всей видимости, — «голь перекатная», что видно хотя бы из того, что вся община с большим трудом собирала 50 копеек в месяц для уплаты меламед за обучение папы).

В Шполе надо было устроиться на работу, а ее не было. Мы оказались в таком положении, что не в состоянии были даже хлеб себе купить. И снова наши бывшие партнеры помогли нам. Они

нам дали ссуду, на которую мы купили упряжку лошадей и загрузили ее мешками с сахаром. По их рекомендации мы повезли этот сахар в большое местечко Добровеличковку, где жило большое количество евреев. До Добровеличковки было расстояние в шестьдесят пять километров. Поездка в те времена, когда кругом шныряли банды, была чрезвычайно опасной, но надо было ехать. Наши благодетели рисковали своей ссудой, а мы жизнью.

Выехали вечером, а приехали уже утром, но благополучно. В Добровеличковке мы сахар продали и на эти деньги купили там две бочки подсолнечного масла (растительное масло из семян подсолнуха). Вернувшись в Шполу, мы это масло продали. Эти разъезды продолжались почти целый год. Одно время к нам присоединился муж нашей младшей сестры Рахили. Хотя он был кузнецом, но работы у него не было. За это время мы расплатились с заимодавцами, и еще у нас появились и свои деньги.

Но пришло время, когда ездить стало смертельно опасно из-за банд, и нам пришлось осесть в Добровеличковке. Так как денег у нас с Юклом было мало, чтобы открыть свой магазин, мы взяли еще одного компаньона. Пока в нашем сообществе было только две семьи, а я был холостяком и питался только молоком и хлебом, доход от магазина покрывал наши потребности. Из одежды у меня был один-единственный хлопчатобумажный костюм и полупальто. В это время была сильнейшая инфляция, и расчеты велись на миллионы. Приведу для вас пример. Если, скажем, сегодня можно было купить килограмм хлеба за один миллион, то завтра, за эти же деньги, можно было купить уже только 900 грамм.

На этих строках систематизированные записи папы обрываются. В дальнейшем разрозненные его воспоминания я буду включать в воспоминания мамы и мои.

Воспоминания мамы о ее семье и их жизни в Добровеличковке

О моих предках Ферман

Ферман — это фамилия моего отца и моя фамилия. После замужества я не перешла на фамилию моего мужа — Янкелевич.

Ветвь Ферманов (родственников моего отца) жила в местечке Добровеличковка, которое в простонародье называлось Ревуцьк, очевидно, по фамилии помещика, владевшего этой землей. *(Местечком назывался поселок с торгово-ремесленным населением в царской России. Как пишет википедия, поселок городского типа Добровеличковка является географическим центром Украины. При въезде в поселок установлен камень — памятный знак на месте географического центра. Поселение возникло во второй половине 18 века. Согласно легенде здесь поселился беглый крепостной кузнец Величко. Выросший со временем хутор стал называться Добровеличковка. В 1780 годах почти все земли вокруг хутора становятся собственностью помещика Ревуцкого. Рядом с Добровеличковкой выросло новое поселение — Ревуцкое. Со временем этот поселок влился в Добровеличковку. Вблизи поселка протекает река Добрая).*

Здесь жило множество еврейских семейств, занимавшихся торговлей и ремеслом — кузнецы, колесники, портные и др.

Прадедушку Аврума-Янкеля Ферман и прабабушку Лею я живыми не застала. В их память мою сестру назвали по-современному Лизой, а позже родившегося брата — Абрамом. Как ни странно, у прадедушки было два родных брата, но с другими фамилиями Хмельницкий и Мусинский. История фамилий трех родных братьев такова. В то время у царского правительства существовал закон, по которому, если у еврея имеется несколько сыновей, то следовало одного из них отдавать в солдаты на двадцать пять лет. Если в семье был только один сын, то его в солдаты не брали. Их отец оказался неглупым человеком и разделил их, дав каждому отдельную фамилию. Очевидно, что кроме ума надо было иметь еще и достаточное количество денег, потому что в те времена необходимо было давать много взяток, чтобы осуществить такое разделение своих сыновей.

О судьбе Хмельницких и Мусинских сведений у меня нет. В те далекие далекие времена они жили в городе Константиновка.

У прадедушки Аврум-Янкеля было два сына — Герш и Ейлык. Все, что связано с семьей дедушки Герша, я опишу ниже, так как это и моя семья.

Дедушка Герш

Дом прадедушки Аврум-Янкеля, в котором жил и дедушка Герш, стоял на центральной улице местечка, которая называлась Первомайской, а потом Ленина. Улица была очень широкой, так как была продолжением крестьянского тракта.

Со всей округи крестьяне везли на базар товар на продажу, там же они приобретали для себя все необходимое. Запомнилась вот такая функция этого тракта. Крестьяне окружающих сел зимой возили для продажи на базар снопики соломы, как топливо для русских печей. Состоятельные люди такие снопики заготавливали осенью на всю предстоящую зиму, чего бедняки делать не могли. Они были вынуждены покупать мелкими порциями уже зимой. Так как тракт проходил перед домами то такие бедняки, как дедушка, перехватывали подводы со снопиками еще перед базаром. Этим перехватом были довольны все. Крестьянину не надо было ехать на базар, а беднякам не надо было тащить снопы с базара. С такими покупками покупатели иногда попадали впросак. Внутри снопиков часто были смерзшиеся куски льда с соломой. Иногда это случалось и у дедушки.

На нашей улице вначале стояли три добротных дома, принадлежавших хлебопромышленникам, а затем вплоть до дома дедушки были дома бедняков-кузнецов, которые подковывали лошадей, мастерские, где изготавливали и чинили подводы, делали колеса и многие другие предметы, необходимые крестьянам. За дедушкиным домом уже стояли дома зажиточных людей.

У прадедушки Аврум-Янкеля совместно с обоими его сыновьями Гершем и Ейлыком было одно общее дело — они торговали деревянным сельскохозяйственным инвентарем. Это были деревянные грабли, вилы, лопаты и разного рода держаки. Если прадедушка и дедушка Герш жили в одном доме, то Ейлык приезжал из города Богополь, теперь это г. Первомайск.

Дом прадедушки был торговой точкой, так как, хоть и захудалый, стоял он на центральной улице недалеко от ее начала, что было очень важно для торговли. Обычно весь товар хранился на чердаке дома. В воскресенье весь товар

раскладывался перед домом и начиналась торговля. Доходы от этой мелкой, да еще и одноразовой в неделю, торговли не могли обеспечить две семьи — Герша и Ейлыка. Дедушке Гершу надо было бы искать другие источники существования, но он этого не делал. Его невестка, моя мама, очень уважала дедушку, а может быть и жалела его. Она понимала ущемленность свёкра тем, что он не владел никакой мужской профессией.

В память об этих двух братьях моего младшего сына назвали Геннадием, а племянника, сына моей сестры Лизы, назвали Юлием.

Кроме торговли мужчины в местечке были портными, сапожниками, кузнецами, жестянщиками, колесниками, столярами, красильщиками, решетниками. Наименее квалифицированным ремеслом было ремесло решетника, просеивавшего зерно после его обмолота. Но и это ремесло ему не подходило. Для этого необходимо было иметь лошадь, подводу, для того, чтобы ездить по деревням, да и здоровье его не позволило бы ему заниматься этим трудом. Так получилось, что он был подсобником у своей жены, откуда и взялась у него ущемленность.

Дом прадедушки стоял в узеньком дворике и был разделен на две половины. В одной половине жил прадедушка, а во второй мой дедушка Герш. При мне половина дома, в которой раньше жил прадедушка, сдавалась в наем.

Постараюсь описать половину дома, в которой жил дедушка Герш. Вросший в землю домик стоял под железной крышей на отдельных столбах, как под зонтиком. Двор был очень узким, так что проезд был односторонний. Вход в дом был со двора. Я заметила, что во всех домах бедняков, чтобы войти вовнутрь, надо было, как минимум, спуститься на одну ступеньку вниз. Мне кажется, что это делалось для лучшего сохранения тепла зимой. Причем, я в этих домах не видела фундаментов. И еще. Наружная дверь открывалась вовнутрь. Это делалось для того, чтобы когда за ночь навалит много снега, а зимы были тогда снежными, можно было открыть дверь.

В квартире дедушки были три комнаты, кухня и сени.

Войдя вовнутрь, попадаешь в сени. Из сеней был вход на чердак, поэтому там стояла лестница и еще бочка с водой. Из сеней был так же вход на кухню. Сама кухня была малюсенькой и в ней было маленькое окошечко. Под окошечком стояла широкая скамья, служившая бабушке столом для

приготовления пищи. В углу стояла бочка с водой — это было сырье. Напротив входа стояла русская печь. Чтобы залезть на печь к ней был пристроен припечек. Припечек — это вмазанная в печь ступенька, позволяющая залезть на печь.

Из кухни была дверь в комнату. В комнате два маленьких окна (в доме все окна маленькие и возвышаются над землей не более чем на полметра), стол с двумя стульями и низенькая табуреточка у крана — для бабушки, когда она торговала кипятком. В комнате были еще буфет, длинный ящик, в котором бабушка в сезон хранила яблоки для продажи в розницу. В центре комнаты в потолок был вделан крюк. По всей вероятности, к нему в свое время подвешивалась детская кроватка — люлька.

Вход в большую комнату — зал — был тоже из кухни. В комнате было три окна. Два выходили на мусорник, а третье — во двор. У окон, глядящих на мусорку, стоял стол со стульями, большой полированный диван со спинками и буфет. С залом соседствовала спальня с двумя кроватями и одним окном, выходящем на ту же самую мусорку.

У входа в спальню был еще коридорчик, в котором стоял кованный железом запирающийся сундук. В этом сундуке, очевидно, хранились вещи для невесты — Бобеле. Платяного шкафа в квартире не было. Память о том, что вещи хранились в сундуках и ящиках, у меня осталась на всю жизнь. В одном из ящиков буфета в гостиной бабушка хранила свою праздничную одежду. Среди всего прочего там хранился очень красивый шелковый платок. Как-то я решила покрасоваться в нем. Только я выдвинула ящик, как мне почудилось, что кто-то идет. Я быстро задвинула ящик и прищемила себе указательный палец на левой руке. На пальце образовался сильный нарыв, но я никому не призналась в чем причина и боль переносила стоически. Старый ноготь слез, а новый вырос деформированным на всю жизнь. Вот такой остался след от детских шалостей.

Высота комнат была настолько маленькой, что мама белила потолок прямо с пола. Пол назывался «доливкой». Утрамбованная земля густо покрывалась слоем глины. В чистой половине квартиры в раствор глины добавлялся порошок мумии. Так в простонародье называлась желтая краска в виде порошка. Пол, покрытый таким раствором, выглядел нарядно. К тому же пол покрывался хлопчатобумажными половичками, наподобие современных ковриков.

Интересна история этого дома под зонтиком.

Рядом с домом прадедушки стоял тоже очень старый дом

с продовольственным магазином зажиточного человека по фамилии Шлема Грабовский. При странных обстоятельствах в этом доме произошел пожар. Кроме дома Грабовского сгорел и дом прадедушки со всем его деревянным товаром. Сохранились только глинобитные стены. На этом же месте решили построить новый дом, побольше. Воздвигли железную крышу под больший дом, но на сам дом денег не хватило, вот и остался домик как бы под зонтиком. Между новой крышей и старым чердаком остался большой просвет. Это было опасно, так как при сильном ветре могло снести крышу. Нашли выход — это пространство заполняли ржаной соломой. Солома должна была быть ржаной, так как она ровная. Кроме сохранения крыши эта солома утепляла еще и дом.

В то же время Грабовский на пепелище старого дома построил новый дом с шестью комнатами, с парадным и черными входами и, даже, невероятной для еврейского местечка ванной комнатой. У Шлемы в центре местечка был еще и галантерейный магазин. А в местечке ходили слухи, что пожар этот был не случайным, так как Грабовский свой старый дом застраховал. Этот Шлема очень много знал такого, о чем другие и понятия не имели. Сколько я помню, отец дружил с этой семьей, несмотря на слухи. Очевидно по принципу: «не пойман — не вор». Очень большая дружба была у отца и с их зятем Велвом Печенюком.

Интересна наследственность. Сын Шлемы по имени Илья проявил папину деловую хватку. После революции, когда всякая коммерческая деятельность преследовалась, Илья освоил доходную профессию — вылавливал бездомных собак. В Добровеличковке всегда бродили своры собак. Они никого не трогали, не лаяли и их никто не боялся. Они только подымали страшный вой, когда сцеплялись. Тогда становилось страшно девочкам, а мальчишки за ними бегали и швыряли в них камни. Так вот, после революции предприимчивый Илья выловил и истребил всех бездомных собак.

(В начале этого повествования вы прочли воспоминания папы, где он без прикрас описывает землянку и нищенские условия, в которых он жил. Только что вы прочли о бедном доме дедушки. Вот что у мамы дословно записано о доме дедушки: «В Добровеличковке были убогие домишки, но такого убожества я не помню». Сравните папино жилье и только что описанный «домишко» деда Герша. Ведь и те, и другие воспоминания написаны обоими родителями уже на склоне лет. Вот как все относительно. Так что бедности бывают разными. И еще. Все это мама написала, пережив вынужденное изгнание из Добровеличковки, а затем и эвакуацию из Харькова, когда ее семья оставалась без крыши над

головой).

Теплые слова о бабушке Эстер

Свою бабушку Эстер я запомнила маленькой, худенькой старушкой. Но я думаю, что это память ребенка. Учитывая, что мой папа умер в возрасте 37 лет в 1921 году, а также тот факт, что девушки тогда обычно выходили замуж рано, ей не могло быть более шестидесяти лет. Если она и выглядела старой, то ее преждевременно состарила жизнь. Муж не в состоянии был заработать на приличную жизнь семьи, и, поэтому, ей приходилось много работать самой.

Многочисленные неудачные роды, пожар, когда у бедняка сгорает единственное его богатство — дом, и многие, многие другие невзгоды не украшали ее жизнь. У бабушки, как и у всех бедняков, тогда рождалось множество детей, но большинство умирало в младенческом возрасте. Осталось только двое и им, как заговор, дали другие уменьшительные имена. Амшею дали имя Куцик, а дочери Рахиль — Бобеле.

О том, что ей плохо живется, она выражала (можно сказать ворчала) вслух, не стесняясь только меня. Или она мне жаловалась, или думала, что я маленькая, чтобы внять ее причитаниям. Не стеснялась еще и потому, что знала, что я никогда и никому не стану рассказывать то, о чем бабушка говорила мне, жалуясь на свою судьбу. Она знала, что все, о чем она говорила мне, останется между нами. Я никогда не была доносчицей.

Чем же бабушка подрабатывала на жизнь при отсутствии основного капитала? Она зарабатывала свои копейки личным трудом, тем более что надо было собирать приданое для Бобеле.

Для современного человека эти виды заработка просто экзотические.

Например, она делала на продажу жидкие дрожжи. По четвергам женщины из ближайших улиц приходили к ней покупать эти дрожжи для выпечки хлеба в пятницу на предстоящую неделю. Малые семьи пекли хлеб один раз в неделю, а большие два раза. Существовала и практика взаимовыручки — занимали хлеб друг у друга. В крайнем случае, в местечке был хлебный магазин.

Жарила она на продажу семечки подсолнуха. Покупателями были в основном дети. Бабушка покупателям была рада, хотя они заносили в дом горы черноземной грязи и выстуживали

помещение. Дедушка им был не рад и, обычно, на идиш кричал мне с печи: «А рих ин дан татнс татын», что в переводе на русский язык звучит как «черт отцу твоего отца», то есть он сам себя ругал. А бабушка по этому поводу иронизировала: «Еще не доспал норму».

Летом покупали у крестьян оптом яблоки, перебирали их, сортировали, отбирали подпорченные на радость мне, а хорошие бабушка продавала поштучно.

Продавала бабушка и куриные яйца. Дедушка покупал на базаре курей-несушек и выпускал их на чердак. На чердаке расставлялись всякого рода старые ситечки, коробочки, в них укладывалась мягкая подстилка, в которую куры и неслись. Мне нравилось лазить по чердаку и выискивать яйца.

Зимой, по дешевке, покупались худые гуси и желательно одного выводка. Одного выводка, чтобы не дрались между собой. Если гуси разных выводков, то они дерутся и плохо набирают вес. Гусей размещали в клетках опять же на чердаке. Затем их три недели откармливали на продажу, чтобы они набирали жир. В те времена у евреев очень ценился гусиный жир. Это было лакомство и им лечили всевозможные болезни. *(Я, например, помню такой случай. Как-то зимой я, катаясь на лыжах, так сильно отморозил уши, что при резком повороте головы, они, как деревянные, хлопали меня по голове. Бабушка смазала мои уши таким жиром, на идиш этот жир называется «шмолц», и это мне очень помогло. Запомнился мне этот случай потому, что это было накануне Нового года, и мне очень хотелось быть на школьном празднике, а с такими огромными красными ушами я стеснялся появиться перед нашими девочками).*

Во время откормки дедушка не спал, так как залезть на чердак было очень просто. Только при удачной покупке труд окупался. Если купленные гуси плохо набирали жир, то старики с трудом возвращали потраченные деньги. Резали гусей только в четверг у резника (на идиш — «шойхет») для предстоящего субботнего обеда, который готовился в пятницу. Накануне этого дня дед не спал всю ночь во избежание кражи гусей.

Зарезанных гусей надо было сразу же ощипать, пока тушки были еще теплыми. Вначале ощипываются перья, а затем — пух. У жирного гуся и перья, и пух ощипываются легко и тушка красивая. Хуже было с худыми гусями. Очень много перьев вытаскивалось с кусками шкурки. Для продажи такой гусь плох и даже шкварки (поджаренные кусочки шкурок) из него плохие — тугие. Перед продажей в ощипывание гусей часто включалась вся

семья, в том числе мама, Бобеле и даже я, хотя мне было лет пять-шесть. Я эту работу никогда не любила, потому что пух лез в нос, рот и даже глаза. Из-за этого и разговаривать было нельзя. Но я от нее никогда не отказывалась, так как чувствовала прилив гордости за доверенную мне работу.

Покупатели бронировали гусей заранее. Гусей покупали целиком или частями, но без жира. Жир продавался отдельно. Все продавалось на вес. Весы были самодельными. К заделанному в потолке крюку, было подвешено коромысло, к которому с обеих сторон на веревках были подвешены железные тарелки. Гири были фабричными: от четверти фунта до пяти. Продавалось все, даже перья и пух. Плохие шкурки от худых гусей, которые не могли быть проданы, перетапливались и продавались беднякам. Это было настоящее безотходное производство.

Интересна дружба между тестем и невесткой. После неудачной покупки гусей или курей-несушек, бабушка Эстер начинала ворчать, и дед Герш спешил за помощью к своей невестке: «Брана, выручай!» Мама предпринимала политический маневр. Она заходила как бы случайно к своей свекрови и предлагала перекупить этих гусей или курей. После этого бабушка Эстер смягчалась, и в доме наступал мир. Надо отметить, что гуси из всей торговли были основным источником их заработка, как тогда говорили — *парнусе*. Когда одна или две такие покупки оказывались неудачными, старики оставались совсем без денег. А занять было не у кого — все соседи и знакомые были такими же бедняками. И тогда выручал только сын Куцик.

Вода в Добровеличковке всегда была проблемой. Как холодная, так и горячая. Воду брали из колодцев. В пределах досягаемости их было два. Ближайший колодец был на расстоянии полукилометра, но он был очень глубоким, и вода в нем была жесткой. Другой колодец был намного дальше — у реки Добрянки, вблизи села Опта. Мне нравилось это село своими белыми хатами, которые летом утопали в зелени садов. Это было зажиточное село. Когда я подросла, то ходила по воду с компанией девочек с коромыслом на плечах, на которое по краям было подвешено два ведра. Любопытная деталь. Во время ходьбы ведра раскачивались. Для того, чтобы вода не выплескивалась при ходьбе, на воду укладывались дощечки. Были у нас девушки и женщины, которые так мастерски несли коромысло, что вода и без дощечек не расхлюпывалась. Теперь я понимаю, что у них была грациозная походка.

И все же так далеко носить воду на плечах можно было в хорошую погоду, да и не у всех были на это силы. Поэтому

приходилось воду покупать. Воду покупали у водовоза по имени Пуся. Только он снабжал всю улицу водой из бочки, которую он набирал из дальнего колодца и развозил по домам. У большинства покупателей воды он брал плату вперед за месяц, а очень бедные платили наличными за каждое ведро. Хуже было зимой, когда Пусина кляча (старая, немощная лошадь) не могла вытащить на гору тяжелую бочку с водой. Тогда вся улица оставалась без воды. У деда Герша с Пусей были особые отношения и они часто ссорились, так как дедушка платил Пусе за полную бочку воды, а тот по дороге продавал кому-то несколько ведер, чем как бы обкрадывал дедушку. Для деда Герша вода была сырьем, о чем несколько ниже. Двор деда был настолько узким, что телега Пуси не могла заехать в него, поэтому воду из бочки в ведра наливали на улице прямо перед домом. Мне запомнилась большая гора льда от воды, расплескивавшейся при этой операции.

Вернемся к воде, как к сырью и не только. Бабушка и дедушка кипятили воду на продажу в русской печи. *(Русская печь — это гениальное изобретение народа. Я не мыслю жизнь людей в тех краях без нее. Коротко опишу конструкцию и использование этого творения. Грубо говоря, это куб примерно 3 на 3 метра и высотой до самого потолка. Эта печь выкладывалась из самана. Саман — не обожженный кирпич из глины. На уровне пояса внутри этого куба имеется большая полость со сферическим верхом, открытая со стороны фасада и предназначенная для обслуживания печи. В этой полости сжигается топливо, как на обычном костре, то есть топливо горит на полу. После выгорания топлива, когда там устанавливается высокая температура, создаются условия для приготовления пищи и выпечки хлеба. Объем полости настолько велик, что в нее может влезть человек, обычно женщина, для обмазки ее глиной изнутри. С одной из сторон, перпендикулярно фасаду и над внутренним проемом до самого потолка, имеется открытое пространство. Оно называется «на печи». Это самое теплое место в доме и зимой это было место обитания детей и стариков)*.

В условиях безлесной части Украины печь в основном топилась соломой. Иногда это были сухие стебли подсолнухов или камыша. Топили и разными экзотическими видами топлива. Приведу некоторые из них. Летом коровий и лошадиный навоз перемешивался с соломой, формировались своего рода кирпичики и высушивались на солнце — и топливо готово к использованию. Это топливо называлось кизяком.

С появлением в местечке маслобойни *(производство*

по выжиманию масла из семян подсолнуха) начали топить отходами этого производства — шелухой от семечек. Топка шелухой требовала мастерства и времени. В русской печи шелуха очень красиво горела, но надо было быть внимательным. С горящей горки шелухи надо было вовремя снимать перегоревший слой, в противном случае огонь мог погаснуть. Перегоревший слой надо было снимать и передвигать в горку уже вместо ранее перегоревшей шелухи. Во время топки нельзя было уходить, пока вся шелуха не сгорит. Горка перегоревшей шелухи обычно занимала половину внутреннего пространства печи. Эта горка представляла особую ценность, так как долго сохраняла тепло. В ее жар вставлялись чугунки с едой, и она там доваривалась.

Еда, приготовленная на таком медленном огне, была очень вкусной.

Для топки шелухой каминов и плит изготавливались мастерами специальные устройства, сыпавшие шелуху небольшими порциями. Вернемся к кипячению воды в производственных целях. Как видно из вышесказанного, бедный человек не мог себе позволить часто топить печь, а кипяток нужен был ежедневно и даже два раза в день — утром и вечером. Учитывая спрос, бабушка Эстер организовала производство кипятка на продажу.

Вот описание этого производства и всего связанного с ним. В печь был встроен бак для кипячения воды. Рядом с печью стояла большая бочка с водой — это сырье. В этом производстве обязанности были распределены следующим образом. Дедушка Герш наливал воду в бак и топил, а бабушка сидела на низком стульчике перед краном, который был выведен в комнату, и продавала кипяток. Продажу кипятка она никому не доверяла, а вот дедушка перепоручал топку мне, что мне очень нравилось. Лучшим видом топлива для кипячения воды была солома, так как она быстро поднимала температуру в печи.

Процесс топки происходил следующим образом. Накануне дедушка натаскивал полную кухню соломы и растапливал печь. Науку как топить я усвоила от дедушки. Я во все времена любила топить печь. Усаживаешься на ворох соломы перед печью и делаешь из соломы маленькие снопики. По мере выгорания предыдущей порции ее разгребают кочергой, чтобы все выгорело, и после этого подкладывают следующий снопик. Дедушка учил меня быть осторожной с топкой, иначе огонь мог вырваться наружу и обжечь, чего я, конечно, боялась. Все было хорошо, пока из соломы не выскакивала мышь. Я очень боялась мышей

и подымала крик. Тут же с печи спускали кошку, которая, как и дед, любила лежать на печи, и начиналась охота.

От жизни у бабушки остались у меня яркие воспоминания о посиделках соседей — покупателей кипятка. К вечеру, еще задолго до того, как закипит вода, приходили женщины с чайниками и усаживались вдоль стен на тот сундук, в котором летом хранились яблоки для продажи в розницу. Это был своего рода импровизированный клуб, где обменивались новостями, на кого-то клеветали, над кем-то посмеивались. Зачастую они засиживались, и тогда их дети приходили звать своих мам домой.

Приход детей дедушке не нравился, так как они выхолаживали дом, а это лишний расход топлива. Ранее пришедшие покупатели переговаривались между собой и с нетерпением ждали прихода «мастеров слова» — наших юмористов. Эти люди талантливо копировали и критиковали всех, кто попадался им на язык. Это были Хаим Каплун, Хаскел Теплицкий и мать большой семьи по имени Цыся. Запомнилось мне одно изречение Хаскела по поводу одной нашей неряшливой соседки: «Хайка после кормления детей, забывает положить грудь на место». Хаима за глаза звали: «Хаим дер лыгнер» — то есть лжец. Хаим талантливо сочинял такие смешные истории, что слушатели смеялись до слез. Но какой писатель не лжец, ведь все, что им написано, плод его воображения. Все их интермедии принимались слушателями с большим интересом и сопровождались смехом от души. Заразительнее всех смеялась Бобеле. Для соседей это были настоящие импровизированные концерты, которые оживляли их тяжелый и однообразный быт. Посиделки эти были, в основном, зимой.

Позже, когда я была школьницей, на этих концертах выступала и я, передавая этим благодарным зрителям те представления, которые мы проводили в школе. Причем здесь я выступала одна за всех персонажей спектакля. Что интересно — ни бабушка Эстер, ни мама в этих концертах не принимали участия — они для этого были слишком серьезными людьми.

Бабушка Эстер была совершенно необразованной женщиной и очень плохо говорила по-русски. Дедушка Герш подшучивал над своей женой. Он говорил, что она владеет тремя языками и приводил пример своего утверждения. Она говорит: «Кыцька бусыр хоп», что переводится следующим образом: «Кошка схватила мясо», то есть: «кыцька» — это русское слово «кошка», «бусыр» — мясо на иврите, а «хоп» — это на идиш.

Моя бабушка Эстер оставила у меня на всю жизнь самые теплые воспоминания. Мне так нравилось имя Эстер, что я дала

себе зарок, что если у меня когда-нибудь родится дочь, то я назову ее этим именем. Но Бог дал мне только трех сыновей и ни одной дочери.

Бабушка Эстер происходила из более высокой, по тем временам для евреев, династии раввинов, но все же была неграмотной. У нее был брат, которого я смутно помню и забыла даже его имя, а жену его звали Цирл. Помню только, что он жил в деревне Добрянка. В этой деревне было всего несколько еврейских семейств и он там совмещал обязанности раввина и резника. Эти еврейские семьи неплохо его содержали. Я несколько раз у них гостила. У них был просторный, чистый, хорошо обставленный дом и летняя кухня. Вели они сельский образ жизни. У них были куры, корова. Он и местным крестьянам резал скот и птицу. Все это позволяло им хорошо жить.

У него было трое дочерей: Перл, Рахл и Буся. Буся — ровесница Бобеле, часто приезжала к нам в гости и привозила много вкусной крестьянской еды. Это было сливочное масло, подсоленный творог в деревянном бочоночке и много всякого другого. В гражданскую войну Рахл с мужем и дочерью Фаней погибли, и я не знаю как, а две другие их дочери Сарра и Рива жили в Одессе. Что касается Перл (Песи), то до 1924 года ее семья с сыном Куциком жила в деревне. Затем жить в деревне стало опасно и они уехали в Америку. Она писала, что варит пищу у плиты в белом платье, чего мы и представить себе тогда не могли. О Бусе я ничего не знаю.

Хаим-Цуди, мой дедушка со стороны мамы

Из предков со стороны мамы я помню только ее отца — Хаима-Цуди Бавского и его сына Колмен-Лейба. Хаим-Цуди жил в городе Елисаветград, в народе его звали Каныболот, а сейчас называют Кировоград. Его первая жена Идес рано умерла, оставив ему двоих детей — старшую дочь Брану, мою маму, и младшего сына Колмен-Лейба. Идес я не застала в живых. По рассказам она умерла от удара коровы во время дойки.

Я помню его вторую жену, которую звали Суре-Лея. Это была высокая, дородная женщина. Дедушка был среднего роста, хорошего телосложения, белокурый, с розовым цветом лица, серо-голубыми глазами и небольшим носом с маленькой горбинкой. Человеком он был серьезным, мало разговорчивым, но красиво тихо смеялся. У него была плохая черта — он был чрезвычайно скуп. Характерно, я не помню, чтобы он когда-нибудь прислал своим внукам подарки.

Хаим-Цуди имел хорошую по тем временам специальность

скорняка *(Скорняк — мастер по изготовлению и ремонту меховой и кожаной одежды).* К тому же он был деловым человеком. У него был свой выезд. Летом он запрягал лошадь в повозку, а зимой в сани. Таким образом, он, в отличие от других скорняков, не ждал, пока заказчик к нему придет, а сам разъезжал по базарам и селам и покупал шкуры по дешевке. Купленные таким образом шкуры он обрабатывал и потом выгодно их продавал.

У него был новый добротный дом со входами с улицы и со двора. Интересную деталь я подметила. Если у бедняков дома были низко посажены, и вход в них имел ступеньку вниз (для сохранения тепла), то у Хаима-Цуди, чтобы войти в дом, надо было подняться на несколько ступенек вверх. В доме были две большие комнаты, большая кухня, большой коридор, ведущий во двор, большие светлые окна.

Двор был маленьким, но образцово содержался. Во дворе были сарай и конюшня. В сарае штабелем лежали дрова для топлива, заготовленные на всю зиму, не так, как у деда Герша, который покупал топливо среди зимы и понемногу. Вокруг была лесистая местность, поэтому была возможность топить дровами, а не соломой, стеблями подсолнуха или даже подсолнечной шелухой. Конюшня была чистой, а навоза во дворе не было — его вывозили. Сырые и выделанные шкуры хранились на чердаке дома и в сарае. Во дворе был старый дом его отца. Его сдавали внаем.

Мама моя была не очень красивой девушкой. Замуж ее он выдал за моего отца, очевидно, уже не очень молодой и не без сватовства. Как это происходило мне неизвестно. Думаю, что наш небольшой домишко был построен на мамино приданное. Так как он был скорняком, то он невесте подарил ротонду (шуба без рукавов) на лисьем меху, а жениху — шубу на хоревом меху с хвостиками наружу для красоты.

Колмен-Лейб был высоким, красивым молодым человеком, что видно из сохранившейся у меня семейной фотографии. До примерно 1910 года он служил приказчиком в магазине в городке Знаменка недалеко от Каниболота. Как говорили в семье, был Колмен-Лейб вольнодумцем и не хотел быть приказчиком, а хотел иметь свой магазин. Отец отказывал ему во всем, даже в подарке ему собольей шубы, которую он хотел иметь, мотивируя тем, что Колменон все промотает. Я же думаю, что отказывал он ему не из-за расточительности сына, а просто из-за своей скупости.

Кончилось это тем, что, окончательно рассорившись с отцом, Колмен-Лейб решил эмигрировать в Америку. Не каждый бы

решился на такой поступок. В дальнейшем жизнь подтвердила правоту его решения. Я хорошо помню это летнее субботнее утро, когда все евреи местечка шли в синагогу. Он подкатил к нашему дому на фаэтоне попрощаться. *(Здесь необходимо небольшое разъяснение. В те времена все евреи царской России исповедовали только ортодоксальный иудаизм. Согласно предписанию этого иудаизма, в субботу евреям на чем-либо ездить было запрещено).*

Мама была его поступком возмущена. Кстати, мне он привез в качестве подарка мандолину. На прощание наша семья сфотографировалась. Эта фотография сохранилась, хотя и находится в плачевном состоянии.

После отъезда Колмен-Лейба я один раз гостила у дедушки, о чем я расскажу немного позже.

Что я еще помню о дедушке Хаим-Цуди? Накануне моих родов мама получила телеграмму о том, что ее отец при смерти. И мама решила ехать в Елисаветград. Лизу и Абрама она оставила на попечение тети Бобы, а я осталась с Аврумарном.

(У меня нет сомнений, что из-за скупости своего отца, моя бабушка засиделась в девках. А ведь он был состоятельным человеком, жили они в большом городе с большим количеством евреев, а, следовательно, и женихов, которым нужно было приданое невест.

Попробуем установить, когда же бабушку выдали замуж. В ее документах записан год ее рождения 1876 год. Первый ее ребенок, моя мама Фаня, родилась в 1906 году. Таким образом, она родила своего первого ребенка в 30 лет. Это в те времена, когда женщины выходили замуж рано и, естественно, тут же рожали. Тогда противозачаточных средств не было, абортов не делали, да и немалую роль в деторождении играли традиции ортодоксального иудаизма. Сколько же лет было моему дедушке Амшею? В записках мамы говорится, что папа ее умер от тифа в возрасте 37 лет. А эпидемия тифа в тех местах была в 1921 году. Из этого следует, что дедушка Амшей родился в 1884 году. Таким образом, он был моложе своей жены на 8 лет. Женитьба их, несомненно, была по сватовству.

Итак, из-за скупости отца, его дочь надолго засиделась в девках. Не лучше он поступил и с Колманом-Лейбом, вынудив его эмигрировать в Америку и, практически, порвал отношения с сыном.

И все же, я благодарен своему своему прадедушке, что он «подарил» мне такую замечательную бабушку Брану).

Рахиль-Бобеле

Главной силой, которая тянула меня в дом бабушки Эстер, была Бобеле — младшая и единственная сестра моего папы. Ее настоящее имя было Рахиль, но все ее звали Бобеле, а для меня она была тетей Бобой. Она была старше меня, но на сколько лет я не знаю. Когда Бобеле вышла замуж, мне было лет девять. Тетю Бобу я любила самозабвенно и она меня так же. Мама меня редко целовала, а тетя Боба меня баловала и так целовала, что иногда даже слегка покусывала. Бобеле любила поесть. Особенно мне нравилось смотреть, как она ела селедку. Она ее съедала от головы до хвоста целиком. Бобеле была необыкновенно красива. Поэтому ее родители не волновались по поводу ее предстоящего замужества. Они были уверены, что, не смотря на то, что она была бесприданницей, найдется достойный молодой человек, который возьмет ее и без приданого.

О красоте Бобеле в девичестве можно судить по сохранившейся в нашей семье фотографии. Фотография запечатлела семью моих родителей перед отъездом единственного младшего брата мамы Колмен-Лейба в Америку. На этой фотографии запечатлены кроме Колмен-Лейба также моя мама Брана, отец Амшей, Бобеле и я.

И действительно, жених нашелся. Это был Арн (Арон) Львовский. Недалеко от дедушкиного двора стоял большой дом зажиточной вдовы Эстер Львовской. Это была некрасивая, но деловая женщина. У нее при доме была мучная лавка, которая ей давала приличный доход. У нее было много детей. Несколько девочек и два сына. Старшего звали Лейб. В описываемое время с матерью в ее доме жила семья одной из дочерей, а младший ее сын работал на лесном складе в селе Любомирка у своего старшего брата.

Как-то на праздник Арн приехал в Добровеличковку и увидел Бобеле не как давно знакомую девочку с одной улицы, а — красивую невесту. Она ему в тот раз так понравилась, что он решил на ней жениться во что бы то ни стало. Но так как Бобеле была бесприданницей, то мать Арна и вся ее зажиточная семья категорически возражали против этого брака. Несмотря на возражения матери, Арн, будучи уже тогда немолодым человеком, решил жениться на Бобеле.

Арн, несмотря на возражения матери, — а она была властной женщиной, — во всеуслышание сделал Бобеле предложение, хотя при сватовстве дедушка Герш не обещал никакого приданного. Помолвку решили сделать у нас, то есть в доме брата невесты. В назначенный для помолвки день все собрались, но пошел сильный обложной дождь и жених не приехал. Все собравшиеся

были сильно расстроены, но не Бобеле. Она взяла за голову большую селедку и съела ее целиком. Затем, чтобы развеселить родных, принялась самозабвенно танцевать, с такой силой, что наш пол не выдержал и провалился. Бобеле не очень переживала по-поводу несостоявшейся помолвки. Если Арн в нее влюбился, то для нее он был давно знакомым парнем с их улицы. К тому же Арн был простым деревенским парнем. Он был высоким коренастым мужчиной с крупным носом, белобрысый. И все же помолвка состоялась, но в другой раз.

Я выше упомянула о провалившемся поле. Хочу внести ясность. Наш маленький двухкомнатный дом стоял на месте старой конюшни моего прадеда. Был он построен без фундамента, поэтому в доме всегда было сыро. Доски пола быстро сгнивали и проваливались. Под Бобеле пол провалился уже в третий раз. После этого родители решили застелить пол метлахской плиткой. Плитки были желтого и бордового цвета, уложенные в шахматном порядке. Пол получился красивым, но очень холодным. От сырости и холодного пола мы часто болели. Пришлось купить железную ванну, в которой мама принимала лечебные солевые ванны. В дальнейшем в плохие времена в этой ванне мы хранили зерно.

По традициям своей зажиточной семьи, которые Арн не стал нарушать, мужчина мог жениться, только обзаведясь своим собственным делом. И он уехал из Добровеличковки к брату на долгие четыре года сколачивать свой собственный капитал. Правда, на христианские праздники, когда покупателей на складе брата не было, Арн приезжал к своей невесте. Бобеле, естественно, переживала — девичьи годы быстро проходят, а других предложений у нее не было, так как в местечке все женихи знали, что она засватана. И, несмотря на все переживания, она всегда была веселой и ласковой.

Спустя четыре года после сватовства, свадьба все же состоялась, хотя денег на приобретение собственного дома Арн так и не накопил.

Торжества состоялись во вместительном амбаре матери жениха при большом скоплении богатых гостей со стороны жениха. Расходы на проведение торжеств взял на себя ее брат, мой папа, так как у отца Бобеле, моего дедушки Герша, не то что на приданое, но и на проведение самой свадьбы денег не было. Мои родители лезли из кожи вон, чтобы угодить родне жениха и не «ударить в грязь лицом». К тому же многие из них были насмешниками и могли ославить моих родных на всю жизнь.

У матери Арна было множество детей и внуков, что

и сосчитать их было трудно. Теперь, уже у Шуры, после смерти Бобеле, сохранилась фотография этой свадьбы. Что характерно для обычаев этой семьи — это было фотография только их семьи. В центре сидит сама старуха Эстер в окружении всей своей большой семьи. Насмешник, ее зять, муж ее младшей дочери Ханны, по поводу этой фотографии выразился: «У такой коровы такое большое стадо».

Мать Арна вскорости стали постигать одно несчастье за другим. Вначале умерла ее старшая дочь. Это была очень богатая, по нашим масштабам, женщина. Ее очень красивый дом стоял на нашей улице, а ее лесной склад стоял на этой же улице через дорогу. Вскоре умерла еще одна дочь, а затем и невестка старшего сына. Позже Эстер говорила, что во всем виновата эта семейная фотография — сглазили.

Одно время после замужества Бобеле я с ней встречалась редко, из-за страха перед ее свекровью. И я не желала ходить в ее богатый дом. Мать Арна невзлюбила невестку и, несмотря на то, что дом был большой, выделила новобрачным малюсенькую комнатку рядом с кухней.

Завели они собственное хозяйство. Арн был очень экономным человеком. Поэтому на базар за продуктами ходил он сам на расторг, чтобы покупать продукты подешевле. *(Расторг — это время перед закрытием базара).* В этой связи мне запомнился такой случай. Как-то в пятницу Бобеле прибежала к своей маме в слезах. В то время на каждую субботу в еврейских семьях готовился праздничный обед. В праздничном обеде обязательно были и фаршированная рыба, и жаркое, и кнышес (пирожки с картофелем), и много других вкусных блюд.

Что же случилось? У Бобеле недавно родился сын Дудл, а Арн купил по дешевке мелкий лук, в то время как для всей этой вкуснятины требовалось много лука, а тут еще ребенок все время плачет. Ей срочно нужна была моя помощь для чистки этого лука. А я для Бобеле готова была сделать все что угодно, даже преодолеть страх перед ее свекровью. С тех пор я стала частым гостем в их доме. И, в то же время, Арна я недолюбливала за то, что он увел от меня мою любимую тетю Бобу.

Квартирант деда Герша

Как я уже писала раньше, в доме дедушки Герша были две половины. Одну занимал дедушка, а вторую он сдавал в наем некоему Авруму.

Аврум был портным. Жену его звали Хайка. У них было

семеро детей. Двое мальчиков и пятеро девочек. Аврум был высокого класса мужским портным. Он был не местный и откуда он приехал в Добровеличковку было неизвестно. Было только известно, что у него нет никаких документов, и, поэтому, он считался невыездным.

Соседи портного между собой звали его бродягой. В половине дома, где жила семья портного, жила еще бедная одинокая женщина по имени Идася. Этой женщине, чтобы она могла существовать, помогала община. Когда я подросла, то устраивала благотворительные спектакли в ее пользу.

Квартира Аврума доброго слова не стоила, но все же у него была крыша над головой. Хотя крыша была дырявой. Во время дождей на чердак выносили кастрюли, ведра и другую посуду и подставляли под дыры в крыше. В квартире Аврума было три комнаты и кухня. В большой комнате работал Аврум, вторая была спальней, и была еще комната со входом из кухни. Вход в квартиру был со двора. Напротив входа в квартиру всю зиму высыпалась зола из печи. Топили твердыми кирпичиками высушенного кизяка. В эту же кучу золы дети ходили опорожняться даже и в сильный мороз. С теплой печи и на мороз — и не болели. В те времена среди детей свирепствовали эпидемии скарлатины и дифтерии, от которых умерло множество детей в местечке, а детей портного эти эпидемии миновали. Вот что значит хорошая закалка!

Весной эта куча золы с человеческими добавками выносилась на проезжую дорогу, то есть на центральную улицу, и место освобождалось до следующей зимы. Впоследствии эта зола перемешивалась с черноземной грязью.

Несмотря на всю свою убогость, квартира Аврума мне больше нравилась, чем квартира дедушки в этом же доме. В большой комнате всегда светило солнце, что создавало ласковый, приятный вид.

Аврум за работу брал деньги вперед, а выполнение ее все откладывал и откладывал до тех пор, пока заказчик не устраивал невероятный скандал. Нельзя сказать, что он был ленивым. Когда у него было много заказов, он шил дни и ночи напролет, с красными от керосиновой лампы глазами и все время напевал себе под нос. Когда Аврум получал оплату за выполненный заказ, дедушка шел к нему получить плату за жилье. Несмотря на дедушкину горячность и скандалы, которые он устраивал

портному, зачастую очередь на получение квартирной платы до него не доходила, находились более требовательные заимодатели. В этих случаях бабушка Эстер над ним подшучивала: «Ну, что отплясался?» И все же, когда дедушка видел, что семья Аврума голодает, он, в секрете от бабушки, подбрасывал им продукты.

Жена портного Хайка была очень доброй и в то же время очень забитой, маленькой, худенькой женщиной. По-русски она и двух слов связать не могла. Основным ее занятием было рожать детей. Хозяйкой Хайка тоже была никудышней. Дедушка Герш ее постоянно ругал за бесхозяйственность, но все было напрасно. Например, субботний обед она могла приготовить, как это делали в богатых семьях, а в последующие дни недели семья просто голодала. И все же, когда продуктов на субботу она купить не могла, то на помощь им приходила еврейская община и приносили все необходимые продукты для приготовления субботнего обеда. *(Что значит зажиточность, даже общины? Вся наша семья перебралась в Америку благодаря содействию богатой общины евреев, а на обучение папы у бедной общины села Ивановка не было 50 копеек в месяц).*

Старшего сына Аврума звали Исруль. Он, как и его старшая сестра Фейга, были очень красивыми детьми. Когда Исруль подрос, он мог бы помогать отцу, но Аврум ни за что не хотел, чтобы его сын стал портным и отдал его в ученики к кузнецу. Как в мире все изменчиво. До революции портные были бедняками. И поэтому Аврум не хотел, чтобы его сын тоже стал бедняком. А после революции в Советском Союзе, портные стали уважаемыми и, что существенно, довольно зажиточными людьми. Так Аврум после революции переехал в Москву, приобрел там высокую репутацию и, даже оставил свою жену, мать семерых детей. Аврум обожал Фейгу и к швейному делу ее не приучал, считая эту профессию для своей дочери унизительной. Зная любовь отца к себе, она с детских лет росла эгоисткой. С братьями и сестрами она не дружила, на печи вместе с остальными не бывала, и как она игралась, я не знаю. Третьей в семье была Руся. В противоположность своей старшей сестре Фейге, она была очень, очень доброй, отзывчивой и умной. Мы с ней были очень близки. Сколько я впоследствии не перебирала своих подружек, такой бескорыстной подруги у меня не было.

Подтверждением нашей крепкой дружбы может служить, например, такой факт: в самое тяжелое для меня время, когда вся наша семья болела сыпным тифом, она меня не оставила одну и даже спала со мной, пренебрегая опасностью заразиться

от моих родных. Я к этому времени уже переболела тифом, а она нет.

А умерла она страшно и нелепо. Она купалась в речке и не обратила внимания на небольшую царапину на ноге. Она заразилась столбняком и умерла в ужасных муках. Вся Добровеличковка переживала ее страшную смерть. Но это будет потом.

В раннем детстве, если я не была у бабушки, то игралась с детьми портного. Летом игрались на улице, а зимой на печи. Благо печь была большой, и все там помещались. Игрались с малышами, как с куклами, и они не плакали. Куклы у нас были самодельными, тряпичными и были даже с фарфоровыми головками. Несмотря на их исключительную бедность, (ребенок же) я у них питалась и не видела в этом ничего предосудительного. Очень мне нравились Хайкины коржики зеленого цвета. Зелеными они были, так как они пеклись на самом дешевом растительно-конопляном масле. Правда, часто я приносила туда все, что можно было без спроса взять у бабушки, а из дому у меня не хватало смелости.

Детство

Самые-самые далекие, самые дорогие воспоминания — детство.

(Прежде чем приступить к изложению воспоминаний мамы и к ее вышеприведенному эпиграфу о своем детстве, хочу обратить ваше внимание на недавно прочитанные вами воспоминания папы о своих ранних годах. Если детство для мамы было самым счастливым периодом в ее жизни, как и должно быть, то папа свои ранние годы и детством не называет. Беспросветная нужда, тяжелая и очень стеснительная для ребенка болезнь, невозможность учебы, отсутствие товарищей, с ранних лет тяжелейшая работа на поле наряду со взрослыми мужчинами — разве это детство, спрашивает он в оставленных воспоминаниях? Такие разные условия жизни моих родителей в раннем возрасте и сформулировали их характеры. Оба они были замечательными, добрыми людьми и прекрасными семьянинами. Папа был добрым и отзывчивым человеком, готовым поделиться с ближним всем, что у него есть, но был он человеком замкнутым и не жизнерадостным.

У мамы ее радостное детство длилось только до двенадцати лет. А далее вы прочтете, что уже в 1918 году, когда ей еще даже не исполнилось двенадцать лет, в ее жизни произошел «обвал».

Детство кончилось. И ей пришлось помогать семье, чтобы выжить в условиях гражданской войны, бандитизма и в последующей неустроенности в жизни.

И все же. По характеру мама была веселым, общительным человеком и умела сглаживать всевозможные острые углы в жизни. Даю ей слово.)

Рассказав о своих предках и своей среде обитания, приступлю к воспоминаниям своего детства.

Родилась я 15 августа 1906 года в местечке Добровеличковка, Елисаветградкого уезда, Одесской губернии. В свидетельстве о рождении я сама исправила год рождения с 1906-го на 1905-й для планировавшегося поступления в Одесский медицинский институт. Причем исправление явно видно, но его приняли в исправленном виде. Так я на всю жизнь и повзрослела на один год.

Сколько я себя помню, все раннее детство я жила у бабушки Эстер. Родители против этого не возражали, а бабушка и дедушка, мне кажется, были этому рады. Дома мне было скучно, так как я долгое время была единственным ребенком, а я всегда любила общество. У бабушки всегда было весело. И еще. Для меня главной притягательной силой была Бобеле, дочь бабушки, которая была старше меня, но ненамного. К тому же, моя мама всегда была строгой и серьезной женщиной, и мои подружки робели перед ней. А подружек у меня было множество, почти все мои сверстницы с нашей улицы. И все же, невзирая на робость, подружки навещали меня дома, когда я болела.

Расскажу о моих подругах. Самой любимой подругой у меня была дочь соседа портного, моя ровесница — Руся. Из близких подруг была у меня еще Туба Грабовская. Она была маленькой, некрасивой, но очень доброй девочкой. Насколько я помню, она все время кашляла. Несмотря на то, что она приносила нам, своим подружкам, всякие сладости, такие как печенье, конфеты, орехи и даже любимую всеми нами белую, пахучую халву, которые ей удавалось стащить в магазине своего отца, девочки ее не любили. Почему? Трудно сказать. Может это, исходило из нелюбви их родителей к ее отцу за его скупость.

Немного о семье Грабовских. В семье было много детей, но из всех их выделялся своей добротой только один сын — Муня. Из-за его доброты родители редко допускали Муню к торговле. Когда по улице распространялась весть о том, что

за прилавком Муня, все девочки наперегонки мчались в магазин за дешевыми сладостями. После женитьбы Муня, понимая, что торговля не для него, арендовал землю и занялся хлебопашеством. Знаю я это потому, что Муня часто приходил к отцу изливать душу на своих родителей.

Какие у нас были игры? Зимой на печи мы играли в куклы. Куклы были самодельными, иногда с фабричными фарфоровыми головками, к которым мы приделывали туловища, которые мы делали из тряпок и заполняли их опилками или стружками. Но часто мы играли с малышами вместо кукол, а их у бедняков всегда было много. Летом весь день играли на открытом воздухе. Играли в прятки, кремешки, в классы, с мячом. Что представляла собой игра с мячом? Мяч ладонью ударялся о землю, отскакивал от земли, а играющий ладонью вновь ударял им о землю — и так сотни раз, причем играющий выделывал при этом всевозможные фигуры и повороты. Это была моя любимая игра, так что мама говорила, что мяч прирос к моей руке. Запомнился и такой случай. Как-то дети всей улицы под ответственность немой прислуги Грабовских пошли купаться на речку. Речка была неглубокой, но ребенок утонуть все же мог. Так оно едва и не случилось. В какой-то момент эта женщина заметила, что рыжей головки нет над поверхностью. Она тут же отреагировала как надо и вытащила меня из воды. На этом купание в реке в детстве для меня закончилось.

Еще об одном увлечении я хочу рассказать. С наступлением теплых дней мы вне дома бегали босиком — настоящее босоногое детство. Рядом с нашим домом стояли амбары зерноторговцев, покупавших зерно у крестьян. Затем торговцы по железной дороге от ближайшей к нам станции Помошная отправляли зерно оптовым покупателям. Вот у этих амбаров в базарный день собиралось множество подвод, а, следовательно, и много конского навоза. Здесь мы и шастали с ведрами между подвод за добычей этого «драгоценного» навоза. Мы лезли прямо под копыта лошадей, чтобы собрать его как можно больше. Этот «продукт» был в цене, а, кроме того, это было и своего рода состязание — кто больше его соберет. Так зачем же нужен был этот «продукт»? Из него делали, так называемый «кизяк» для топки печей. Кроме того, в наших краях все дома были облицованы глиной, и называлось это «мазанкой». Для крепости в раствор глины примешивался конский навоз. Только большие специалисты могли определить правильное соотношение глины и навоза, чтобы мазанка долго стояла.

Вспоминается, что у меня было постоянное желание поесть чего-нибудь вкусненького. *(И это в относительно обеспеченной*

семье управляющего магазином и только с одной дочерью, а что же говорить о бедняках, имеющих по шесть и более детей).

Даже когда в семье была корова, мама меня не баловала сырниками и пирожками. Очевидно, мама молоко продавала. Каждая копейка была на счету. Родители мечтали приобрести свой мануфактурный магазин и экономили на всем. Но мечта эта не сбылась. Запомнила я только, что за домом у нас были штабеля красного кирпича, а строительные бревна уже лежали на базаре, на том месте, где должен был быть сооружен и сам магазин. Свое желание поесть вкусненького я осуществляла на печи у Грабовских, благодаря Тубе. Немая прислуга много и вкусно готовила для большой семьи Грабовских. Глиняный кувшин-макитру с пирожками прислуга держала в теплом месте, а это была русская печь, где мы игрались.

Экономила мама на всем и на фруктах и овощах, объясняя это мне боязнью желудочных заболеваний.

И все же я обходила и этот запрет у бабушки Эстер. Был еще обходной источник поесть вкусненького — в семье портного. Для его большой семьи покупать арбузы и дыни было просто немыслимо. Хочу описать один случай, когда в семье портного появилось множество дынь. Жена портного Хайка остановила на дороге арбу с дынями. Став на спицу колеса арбы, она начала торговаться. Причем, она очень плохо говорила по-русски. Когда она как бы выбирала дыньку для покупки, арбу облепляли покупатели из соседних домов. Пока шла оживленная торговля, Хайка передавала дыньки своей веренице детей. В этой афере и я тоже принимала участие. Добытые таким образом дыньки оказались под кроватью у портного. После такой «покупки» вся эта орава ела дыни сколько хотела, в том числе и я, и никакого поноса у меня не было, хотя ели их даже немытыми. Все это делалось в секрете от мамы и никто меня не выдал. В этой семье не почитался расчет. Ели пока есть, а если не было — обходились.

Интересна особенность крестьянского быта тех времен. Местные крестьяне не выращивали для продажи ни огурцов, ни помидоров. Помидоры и огурцы в местечке продавались тогда только болгарские. Продавали овощи в основном перекупщицы. Перекупщицами были многодетные вдовы. У них была сильная конкуренция за каждого покупателя. Они часто между собой скандалили, обзывали друг друга обидными словами, проклинали своих конкуренток и даже показывали друг другу свои зады. Население их называло «седыхес», то есть базарные. Все эти скандалы были между собой, а с покупателями у них был совсем другой лексикон — обходительный. Они были ласковые

и сладкие до приторности. Были и другие женщины, которым тоже необходим был заработок, но они не могли тягаться с «седыхес». Эти женщины имели своих покупателей и разносили свой товар по домам.

Дедушка Герш очень любил ухаживать за коровой, а мне нравилось помогать ему. Он аккуратно чистил стойло, а навоз складывал рядом с сараем. Летом из этого навоза он делал кирпичики топлива. Он же и принимал роды. Очень радостно и смешно было смотреть на новорожденного теленочка, который тут же стремился встать на свои раскоряченные ноги. Дедушка считал себя знатоком по части коров и гусей. Он же их и выбирал.

Запомнился такой случай. Купили красивую серую телку в белых пятнах. Впоследствии оказалось, что корова яловая, т.е. у нее не будет приплода, а следовательно и молока на целый предстоящий год. На семейном совете решили продать корову на убой, хотя бабушка Эстер была против этого. В первую же ночь после продажи корова с сильным ревом прибежала домой. Я так испугалась этого рева, что заболела, а в семье все ходили расстроенными необходимостью продажи этой красавицы коровы. Когда я болела. бабушка Эстер сидела у моей кровати и шептала какую-то молитву. Приходил лечить меня единственный в Добровеличковке фельдшер Цанк.

Наконец, появилась у меня очень красивая сестричка. Дали ей имя в память покойной бабушки со стороны мамы — Идес. Когда она немного подросла, Идес, как и я, больше находилась у бабушки Эстер. Ей было годика четыре, когда она начала, казалось бы, беспричинно кашлять. Причину кашля наш единственный и незаменимый фельдшер Цанк, установить не мог. С каждым днем кашель все усиливался и усиливался. Я убегала из дому, чтобы не слышать этот душераздирающий кашель и муки этой, всеми любимой, красивой, смышленой малышки. Следовало что-то предпринять. Надо было ехать с ребенком в Одессу, где были опытные врачи. Из-за работы папа ехать не мог, и в дорогу с больным ребенком отправилась мама. Это была ее первая самостоятельная поездка поездом. По рассказам мамы, все пассажиры вагона очень сочувствовали ей, так как невозможно было видеть муки ребенка. Один из пассажиров посоветовал ей сразу же поехать в еврейскую больницу и рассказал как туда добраться. В больнице ребенка сразу же прооперировали и нашли в гортани сильно разбухшую фасоль. Однако ребенка уже спасти было невозможно. Мама похоронила Идес в Одессе и вернулась домой чуть жива. Как же это случилось, что фасоль оказалась в гортани у Идес? Очевидно,

дело обстояло так. У бабушки часто перебирали фасоль. Эту процедуру и я и Идес любили. Вот в один из этих переборов в гортань к Идес фасоль и попала. Затем бабушка всю жизнь себя казнила, считая, что она виновата в смерти Идес. А я надолго осталась единственным ребенком в семье.

Пришло время учиться

Мне 6 лет. Родители решили, что мне пора учиться. В Добровеличковке была государственная двухклассная школа, ее называли Министерской. В этой школе надо было учиться не два года, а шесть, по три года в каждом классе. То есть, в каждом классе было по три годовых отделения. *(Интересная деталь. О том, что в царской России были двухклассные школы, я знал кажется всю сознательную жизнь, но то, что это были серьезные школы с шестилетним обучением, а не двухлетним, я узнал только из этих записок).* Министерская школа находилась на окраине местечка, причем дорога к ней шла вдоль крутого оврага, который называли «провалом». Из-за ее отдаленности и близости «провала», еврейские родители своих детей в эту школу не отдавали. Учиться детям у частных учителей могли себе позволить только состоятельные родители. Для еврейских детей была еще одна трудность. Обучение у этих учителей было раздельным. Один из учителей обучал детей только на идиш, а другой только на русском языке.

И все же родители отдали меня учиться частным учителям.

Еврейский учитель оставил у меня после себя отрицательные воспоминания. Имя его я не запомнила, а за глаза его звали: «Дер шварцер меламед», то есть — «черный учитель». Черный потому, что он был черноволосым. За невыполненные задания он детей нещадно бил. Меня он не трогал, потому что моя мама заранее это обусловила, мотивируя моим малолетством. Кроме учительствования он был еще и парикмахером и, несмотря на эти две специальности, был бедняком.

Добрые воспоминания оставил после себя учитель русской школы Фишкин. Имя его я не запомнила, так как к нему обращались только как: «Господин учитель». Для занятий он арендовал у вдовы Бахмутской большую, светлую комнату с входом со стороны улицы. В классе стояли настоящие школьные парты, а для учителя стол. Учитель никогда не сидел за столом, а сидел на первой парте, чтобы видеть всех учеников, хотя в классе была полная тишина. Учитель требовал, чтобы все дети между собой говорили по-русски. За год учебы Фишкин научил

меня приличному русскому языку и основам арифметики.

В Добровеличковке была государственная женская семинария, которая готовила учителей для начальных школ. *(Опять же для меня открытие. Я был уверен до этого, что семинариями назывались только христианские учебные заведения)*. При семинарии была специальная образцовая детская школа, в которой семинаристки проходили учебную практику. У учащихся была серого цвета шерстяная форма. Однажды начальница семинарии, при закупке ткани для формы учащимся в магазине, где работал отец, обратилась к нему со следующим предложением: «По вашей рекомендации я могу принять в образцовую школу при семинарии пятерых детей самых нуждающихся родителей. В эти пятеро детей включите и свою дочь». Естественно речь шла о еврейских детях.

Вот имена этих пятерых счастливцев: Хромая Рахиль Фурман, дочь портного (впоследствии ее отец сделал для моей мамы доброе дело, не забыл моего папу); дочь вдовы Люба Нудельман, сирота Муня Косовский, дочь сапожника Хайка Волынская, у которой был перекошен рот и я. Этих несчастных четверых детей осчастливила начальница семинарии. Кроме Хайки Волынской все дети хорошо учились, но и Хайку из школы не отчислили. О дальнейшей судьбе этих четырех детей мне почти ничего не известно. Только я знаю, что Муня Косовский стал впоследствии хорошим врачом.

Нам с вами трудно себе представить, каким это было большим счастьем для еврейских родителей в черте оседлости, когда их дети стали учиться в бесплатной образцовой русской школе. Первое посещение школы пришлось на субботу, но никто из окружающих не осуждал Куцика за нарушение еврейских традиций, а только восхищались. Школьной формы у меня еще не было, и мама одела меня в самое лучшее выходное платье, а голову повязала белым платочком с кончиками спереди.

Началась нелегкая, но радостная учеба для меня — еврейской девочки. Курс был рассчитан на шесть лет — шесть отделений в двух классах. В классе было сорок учеников.

Несмотря на большую заслугу Фишкина, знание русского языка у меня было недостаточным. И все же знания, полученные у Фишкина, были существенными. Я уже умела читать, писать и у меня были кое-какие понятия о счете, в то время как большинство поступивших начали учебу с азбуки.

К моей огромной радости и радости мамы и папы после

окончания первого отделения я получила награду — очень красивую книжку, в виде современного журнала на очень хорошей шелковистой бумаге с красочными рисунками. Повезло мне и с подругами. Со мной за одной партой сидела хорошая девочка Женя Николенко. Эта девочка хорошо училась и ее любили преподаватели. Она многое сделала для совершенствования моего знания русского языка.

О языке. Спустя очень короткое время я уже хорошо говорила и писала по-русски. Что значит детство. В эвакуации мы прожили четыре года в узбекском городе Коканд. Дети Леня и Геня свободно владели узбекским языком, а мы, взрослые, так этот язык и не освоили.

Женя происходила из интеллигентной семьи. Интересны наблюдения из жизни этой неполной интеллигентной (без мужа) семьи. Ее мама не работала и жили они на заработную плату старшей сестры Жени, работавшей телеграфисткой. Эта неполная семья из трех человек и с двумя собаками снимала одну большую комнату у маминой подруги Хайки Дашевской. Комната была разделена на две части ситцевой занавеской. Одна половина комнаты была предназначена под столовую, а вторая под спальню. Собаки были подстрижены под львов. У желтой собаки была кличка — Вуцька, а у черной — Пунька. Интересно, что собакам варили еду на кухне. Так что и в те времена к собакам некоторые люди относились очень уважительно.

Вначале мне было тяжело учиться и я боялась оскандалиться своим русским языком. Кроме того, в течение недели были дни, когда семинаристки у нас вели практические занятия, и я очень боялась подвести свою учительницу Людмилу Миновну. Эту учительницу я очень любила. Это была высокая, стройная женщина с красивой прической. Носила она всегда черную юбку, белую блузку и черный галстук. Я мечтала, что когда вырасту, буду так же одеваться. Хотя лицо ее было слегка тронуто следами оспы, все дети считали ее красивой. Она была очень хорошей учительницей и чудесным человеком. Все мои знания были получены от нее. Она нас всемерно развивала. Как правильно вести себя на переменах, проводила игры, прогулки по окрестностям, весной ходили за подснежниками и многое, многое другое.

К моей радости, в школе часто устраивались спектакли, а артистами были мы — школьники. Я бывала и цветком, и трубочистом в костюмчиках из сжатой бумаги. Хорошо запомнился мне спектакль, где я была резедой — цветком

зеленого цвета, Рахиль Фурман — розой, а Женя — лилией. Запомнились мне и несколько слов из этого спектакля: «Мой кустик не пышен и цвет не богат, но издали слышен мой дивный аромат». Бумажные костюмчики делали наши семинаристки. Это было их практикой. А когда мне пришлось играть гимназиста, маме пришлось обегать всю Добровеличковку, чтобы найти мне настоящую гимназическую форму. На эти спектакли приглашались родители. Для них это была неописуемая радость, учитывая их тогдашний быт.

После спектакля я приходила к бабушке и представляла всю пьесу самолично, во всех ролях. Когда у бабушки собирались покупатели, я забиралась на диван-ящик, в котором летом хранились фрукты для продажи, и начинала представление, выполняя роли всех участников спектакля. Прямо «театр одного актера». Я имела такой огромный успех у всех зрителей, какой вам, ныне читающим, невозможно даже представить.

После двух лет учебы, я настолько осмелела, что решила обратиться к начальнице с неслыханной просьбой. У меня была очень хорошая подруга Эстер Рабинович, дом которой соседствовал с дедушкиным домом. Это была очень некрасивая девочка из бедной семьи. Запомнился мне ее угрюмый отец, работавшим кем-то у помещика. Я не представляла, как такого, никогда не улыбавшегося сурового человека можно любить. Эстеркина мама была красивой, доброй женщиной, но очень неряшливой. В мой замысел я никого не посветила.

Я попросила начальницу принять в школу Эстер. Я сказала ей, что эта девочка из бедной, многодетной семьи и очень хочет учиться. Выслушав мою просьбу, начальница велела привести Эстер к ней. Дома мы ее нарядили и помчались в школу. Начальница устроила ей небольшой экзамен по чтению, грамматике и арифметике. Эстер славилась своими способностями. После этого собеседования начальница дала согласие принять Эстер в школу. И, странное совпадение, что это тоже была суббота, как и тогда когда принимали меня в школу (а может и не совпадение, возможно начальница таким образом проверяла не сильно ли ортодоксальные евреи, дети которых принимаются в школу). Домой мы бежали счастливые, как на крыльях, а у домов на крылечках, на скамейках, на завалинках (невысокий выступ фундамента сельского дома) сидели наши соседи. Они перебрасывались репликами и все как один лузгали жаренные семечки от подсолнуха. Мы бежали и кричали во всю: «Приняли, приняли, приняли!» Узнав в чем дело, все соседи пришли в восторг. В этот раз я увидела, что и Эстеркин отец

может улыбаться (очевидно, в жизни ему было не до улыбок). В знак благодарности, он дал мне целых пять копеек — я получила взятку. Эти деньги сразу же пошли в бабушкин оборот — угощаем семечками всех наших подружек.

Моим поступком в семье все остались довольны. Из соседей только Шлема Грабовский выразил недовольство этим поступком моему отцу: «Почему я позаботилась об Эстер, а не об его дочери Тубе?» Отец ответил ему, что, во-первых, я с ним не советовалась, а, во вторых, я сделала правильно, позаботившись о бедной девочке, а он, Шлема, может заплатить за образование своей дочери.

Итак, нас уже шестеро еврейских детей в школе, но особой дружбы между нами нет. У меня лучшими подругами были две русские, а может украинские (так как тогда мы различали только еврейские и не еврейские — другого различия не было) девочки. Это Женя Николенко и Надя Мельниченко. Так как я уже о Жене писала раньше, расскажу о Наде. Надя была добрая, но ленивая душа. Надя жила в центре местечка, а ее отец, по местным масштабам, был крупным бизнесменом. Он владел колбасным магазином и очень хорошей фотографией. Фотография была настолько хорошо оборудована, что даже имела стеклянную крышу. Надя приносила в школу полный портфель колбасы и таких сосисок, что они просвечивались. На большой перемене мы содержимое этого портфеля с огромным удовольствием уничтожали. Сама же Надя была худой и даже зеленой, как голодающая. Училась Надя плохо и все домашние задания списывала у нас.

В школу я выходила с Эстеркой, так как наши дома стояли рядом, затем заходили за Женей. По дороге мы заходили в маленький домовой магазинчик и покупали халву на копейку, которую мне ежедневно давали родители. Эту халву мы уничтожали по дороге. Кроме языка и арифметики у нас были уроки пения, рисования и рукоделия. На уроках закона Божьего еврейские дети могли заниматься чем угодно, лишь бы не мешали проведению урока. Зимой мы сидели в классе, а летом играли в саду. Сад при школе был большим и хорошим. Рукоделие нам преподавала Юлия Францевна. Это была крупная, рыжая женщина с топорным лицом. За все годы учебы с ней мы изучали кройку английской женской блузки и мережку, но так ничему и не научились. На уроке пения мы пели хором. На переменах мы прогуливались группками, которые образовывались, как теперь говорится, по интересам. Основным требованием учительницы была тишина. В общем, жили хорошо.

Но иногда в жизни получается плохо и, часто, по собственной вине. Запомнился один прискорбный случай. Маме захотелось улучшить мою внешность. Она подрезала мне волосы спереди, которые свисали на лоб в виде челочки, и заплела две косички. С новой прической прихожу в школу. Взглянув на меня, моя любимая учительница Людмила Миновна, сказала, как отрезала: «Иди домой и придешь, когда отрастут волосы». Я не очень горевала. Ничего страшного — посижу немного дома, а для мамы это была трагедия, тем более что сама она в этом была виновата. Со слезами на глазах она стала умолять учительницу допустить меня к учебе, казня себя за сделанное. Но ведь отрезанного не приклеишь. Сжалившись над матерью, учительница согласилась допустить меня к учебе, при условии, что мне сошьют головной убор в виде белого берета, но присобранного по краям и обшитого кружевом. В таком чепце я на завтра появилась в школе. Мне было стыдно ходить на занятия в этом уборе, тем более что на уроках у нас сидели семинаристки. Но что поделаешь, если мама так убивалась. Мне и у Фишкина было хорошо. Но, я ведь по малолетству не учитывала, что школа эта бесплатная, что после ее окончания можно поступить в гимназию, а Фишкин только давал знания, и за учебу надо было платить немалые деньги, и никакого документа об образовании он не давал. Мне тогда уже было девять лет и мне было стыдно отличаться от других. Надо отдать должное подругам — на переменах каждая из них примеряли на себе этот чепчик и утверждали, что в нем даже красивее, чем пытались меня поддержать. Для современных детей быть отличным от своего окружения даже хорошо, а тогда для меня это было трагедией. У меня волосы растут медленно, так что я долго ходила в этом чепце.

Рождение Лизы

27 сентября 1915 года у меня наконец-то родилась сестра. В это время отца не было дома и все заботы в помощь маме легли уже на меня. Мне было 9 лет и я начала проходить уроки жизни уже не по учебникам. Мама, как и все женщины тогда, рожала дома. Когда предродовые схватки у мамы усилились, я помчалась домой к акушерке. Я ее тороплю, а она не торопится — для нее это привычное дело. Я хватаю ее чемоданчик с принадлежностями и бегу, а дородная акушерка уже меня догоняет. Сестру, в память о моей прабабушке Лее, уже даже в те времена назвали по-современному Лизой.

Первая Мировая война

Шла первая Мировая война и к нам в Добровеличковку начали прибывать новые люди. Из окружающих сел, где евреев было мало, эти люди переезжали под защиту большой еврейской общины.

Примерно в 1916 году недалеко от нас поселилась семья, уехавшая из села. Семья была многодетной. Были и совсем маленькие, были почти взрослые дети, были девочки моего возраста. Семья, как теперь говорят, была коммуникабельной, и дети сразу обзавелись друзьями из местных. Подружилась и я с их девочками. Старшие дети потянулись уже к знаниям, к тому же они лучше местечковых владели русским языком. Зима. Мы с девочками, как всегда, играем на печке. А внизу за столом несколько старших занимаются самообразованием. Они декламируют, разбирают прочитанное и решают арифметические задачи по самоучебнику. Мне и самой нравилась декламация.

Однажды я прислушалась к тому, что делалось внизу у стола. У них не получается решение арифметической задачи, которая мне знакома по школе. Говорю об этом подруге, а та с печки кричит, что у нас на печи есть человек, который знает, как решить эту задачу. Меня тут же снимают с печи и усаживают к столу. Я им объяснила решение этой задачи точно так же, как это делала Людмила Миновна. Успех был грандиозный. Впоследствии они часто прибегали к моей помощи. В это время в нашей семье дела стали плохи. Папа серьезно заболел и ослеп на один глаз. Он не мог работать, и мы проедали нажитое.

В местечке появилась еще одна большая группа «военных новоселов». Это были, так называемые «баройгесе», что в переводе значит обиженные. *(Это были обыкновенные дезертиры. Их поступки я, в общем, одобряю. Зачем было отдавать свою жизнь за враждебную евреям царскую власть. Однако, мне, жившему в той же стране, буквально через двадцать пять лет, но при другой власти — власти коммунистов, — трудно себе представить, как столько дезертиров могло жить буквально в открытую в крупном населенном пункте и даже работать. Так приведу факт из моей жизни во время Второй мировой войны. Когда я служил в 1943 году в военном училище в Средней Азии, у нас из части дезертировали два солдата из местных жителей. Они, с помощью родных, прятались в диких зарослях горной реки, но их и там нашли и судили военным трибуналом).*

Сдавая им жилье, мама как-то поддерживала наше материальное благополучие. Хочу отметить особенность их проживания. Каждый из них находился на арендуемом жилье

либо днем, либо ночью. У нас таких жильцов было двое. Один из них был очень глупым, и мама не хотела ему сдавать жилье, так как нет ничего хуже, чем иметь дело с дураком. Но ее уговорила жена дезертира, ссылаясь на то, что у них много детей. Жена, в отличие от своего мужа, была очень умной женщиной и смогла уговорить маму.

Вторым жильцом был некий Мойше — прямая противоположность первому. Он был большой умница и настоящий «сорви голова». Благодаря своей артистической повадке он вносил в дом хорошее настроение. Кроме хорошего настроения, он вносил в дом еще кое-какие продукты. Работал он только в ночную смену на мельнице или маслобойке. О некоторых людях говорят, что этот человек «не приходит с пустыми руками». Мойше же «не приходил с пустыми ногами». Прежде чем уйти с работы, он завязывал внизу кальсоны и насыпал в них, «что Бог послал». Это были и семена подсолнечника, которые мы потом жарили, и очищенные от скорлупок семена, и даже подсолнечное масло в плоских бутылочках, и мука. Этот же Мойше принес известие о революции. Это было утром и ему, конечно, никто не поверил, потому что Мойше всегда бредил Революцией и к тому же он был большим лгуном. И только в школе его известие подтвердилось. Занятия в школе продолжались, но обстановка уже была не той. Баройгесе тут же из местечка исчезли. Теперь пришло время гаданий: «Будет лучше или хуже? Будут погромы или нет?» Но 1917 год прошел без погромов и без каких-либо изменений к худшему. В это время я уже мыслила осознанно, так как чувствовала себя почти взрослой. Дальнейшие несколько лет это подтвердили.

Рождение Абрама

Летом 1918 года родился мой брат Абрам.

Он уже был третьим ребенком у моих родителей. Я прекрасно помню день «брит милы». Это день, когда совершается обрезание крайней плоти у младенца-мальчика. Согласно Торе это производится на восьмой день после его рождения. Это был красивый солнечный день, совсем не похожий на всю его последующую жизнь. Бабушка Эстер вышла на улицу в переднике, наполненном круглыми маленькими пряниками и конфетами и ими угощала всех детей.

Вечером собрается миньон — это десять совершеннолетних

мужчин не моложе 13 лет — необходимый кворум для совершения коллективной молитвы. И моэль производит удаление крайней плоти у младенца. Мне запомнилось как выбирали моэля для Абрама. В местечке было два моэля. Один был красивый, чистоплотный мужчина, а второй был — прямо его противоположность. За эту операцию первый брал дороже и, хотя в семье были материальные трудности, взяли первого — более дорого.

Родился Абрам в тяжелое время и рос он тоже тяжело. У мамы исчезло грудное молоко и он стал болеть. Появился понос. Его болезнь тогда называлась «английской», но теперь я думаю, что у него был просто рахит. До трех лет он не ходил и не разговаривал. По моему мнению, Цанк вылечил его случайно, приписав ему известковую воду.

Бандитизм

Уже в 1918-м появились банды. На нашей крайней улице, недалеко от нас в одну из ночей бандиты вырезали всю многодетную семью. Вырезали ради своего удовольствия, так как семья была очень бедной и грабить там было нечего. Этот трагический случай заставил жителей местечка принять необходимые меры по самообороне. Организовали дружину для самообороны. По ночам дежурили на всех улицах. В это время установили на окнах запирающиеся изнутри ставни, а дверь стали запирать не только на копеечный крючок, но в ручку двери стали вкладывать каталку для теста. Так мы баррикадировались на ночь.

Родители решили, что бы ни случилось, все должны быть вместе и меня отлучили от бабушки. Время было очень, очень страшным. Банды сменяли друг друга безостановочно. Часто о приближении банды мы узнавали заблаговременно. Дело в том, что основной въезд в Добровеличковку был как бы с горы. Как только на горе появлялась пыль, значит, скачет банда и все начинали прятаться в заранее заготовленные «схроны».

Многие из нашей улицы прятались в заброшенном, заваленном мусором, входном погребе. Запомнила я один из налетов банды. С появлением пыли на горе, мама отослала меня и Лизу с Бобеле в этот погреб. Сама она не могла прятаться, так как Абрам в это время сильно болел. Боба с грудным Дудлом и мы вбежали в этот погреб, забитый взрослыми и детьми. И тут, когда опасность нависла над погребом, Дудл начал громко плакать, ну просто реветь. В погребе началась паника. Все стали

шикать на Бобеле, а Дудл ревет безостановочно. Боба сама плачет и тычет орущему ребенку грудь, а он не прекращает плакать. Как она его не задушила? В этот налет банда промчалась, но одного старика, случайно оказавшегося на улице, они все-таки убили. Это был старый кузнец Нахман, дедушка Бори Спектора, моего будущего соседа.

Из налетов всех банд, прошедших через Добровеличковку, хочу рассказать об одном очень для меня трагическом. В жаркий летний день снова на горе заклубилась пыль. Все наши соседи ринулись бежать в соседнюю деревню Липняжку, где большинство населения было дружественно к евреям. Мама и в этот раз бежать не могла из-за болезни Абрама. Она нагрузила меня Лизой, и мы побежали с ней в это село, а до него было 7 километров. Через некоторое время я почувствовала невероятную усталость, так что Лизу на руках я уже держать не могла. Я стала отставать от других, а потом я поняла, что до Липняжки я не дойду. Повернулась и поплелась домой, держа Лизу за руку. Не знаю сколько мы шли, но к дому мы приплелись на закате.

В местечке ни души, так что душу охватил ледяной страх, и только куры копошатся на навозной куче. Я ввалилась в дом и потеряла сознание. Так я заболела. Назавтра, когда ко мне пришел наш фельдшер Цанк, он установил у меня сыпной тиф и посоветовал маме немедленно отправить меня в больницу. Уйти от нас по-нормальному через двери Цанк уже не смог, так как по улице уже взад и вперед скакали бандиты на лошадях, и ему пришлось, по рассказу мамы, выскочить во двор через окно.

Я уже была в бреду, и меня в больницу на руках отнес папин друг Велв Печенюк, так как у папы для этого не было сил. Когда я пришла в себя, то узнала, что в больнице полно выздоравливающих махновцев. Они вовсю веселились, танцевали и пели. Во всем, в чем они нуждались, их обеспечивали еврейские жители местечка. Здесь я остановлюсь на особой роли, в спасении евреев местечка от разбоя, нашего земляка Межибовского.

Межибовский

Это был очень пожилой, культурный человек. Я помню этого удивительного человека стариком. В зубах у него всегда торчала папироса, хотя он не курил. Он был небогатым человеком, но всем своим сыновьям дал образование. Он был единогласно делегирован жителями местечка для переговоров с бандитами,

а это совсем не просто.

Межибовскому удавалось устанавливать взаимопонимание со всеми главарями банд. Он договаривался с главарями и оговаривал выполнимые для местечка требования. Это были и сапоги, и одежда, и продовольствие, и фураж для лошадей, и размещение членов банды по квартирам. Как ни странно, это ему удавалось, хотя жители были разного достатка, а материальные требования бандитов были большими. Мне ведь известны нравы людей. Примерно так: «Почему я должен дать столько-то, а мой сосед меньше?» Благодаря стараниям и умению Межибовского время бандитизма в местечке прошло относительно благополучно.

Выздоровление

После выздоровления я из больницы вернулась домой стриженной и невероятно худой. Так закончилось относительно благополучно мое знакомство с сыпным тифом. Но только для меня. А для семьи… эта болезнь унесла с собой троих самых дорогих мне людей. Но это будет позже.

Папа безработный

Год 1918-й. В это время из-за гражданской войны и бандитизма частные магазины (а тогда магазины были только частными) уже не работали, и отец оказался безработным.

Деловые люди его квалификации начали ездить в города, где производили ткани, закупали там оптом товар и реализовывали его в местечке. Подключился к этому делу и отец, но у него ничего не получилось. В Добровеличковке товар у отца не продавался, и пришлось мне и ему ходить с товаром по окружающим селам и там его реализовывать. Но и здесь у него ничего не получилось. На Украине шла гражданская война, и разъезжать с большими партиями товара, да еще с повсеместным бандитизмом, стало опасно для жизни, в особенности еврею.

Пришлось перейти на мелочь. У торговцев в местечке стали покупать галантерею и разносить ее для продажи по селам и базарам. В этой торговле я уже была первенствующей. Я расстилала на земле подстилку и раскладывала на ней наш товар: нитки, иголки, гребешки, тесьму, резинки, ленты и всякую другую мелочь. У меня торговля шла довольно бойко.

Во-первых, мне помогало хорошее знание русского языка, и,

во-вторых, многие крестьяне покупали у нас, а не у других потому, что знали отца по прежним временам. Отец этой торговли стеснялся, стоял в стороне и переживал. Такая торговля убивала его морально, он осунулся и на него было больно смотреть. Базары в селах открываются очень рано. Если ехать на подводе, то можно из дому выйти чуть позже. Идти около 8 км летом было еще терпимо, а зимой было очень тяжело. Тогда я очень завидовала нашему соседу, который работал в тепле и еще и песенки напевал.

А тут в семью пришла еще одна большая неприятность. Во время разгула бандитизма родители спрятали свои ценные вещи в погребе Шлемы Грабовского. Когда пришло время доставать их из этого тайника, выяснилось, что самое ценное, что у них было, обе меховые шубы, сгнили. Зима стояла суровая, и отцу необходимо было теплое пальто. Но для этого нужна была соответствующая ткань. Материал фабричного производства купить было уже невозможно, пришлось купить кустарную ткань кремового цвета, просто рядно. Но ничего не поделаешь, и наш портной пошил ему это позорное для него пальто на вате. Я уже была достаточно взрослой, чтобы ему посочувствовать. Надо было что-то делать, и эта ткань навела отца и его приятеля Ицю Кривоноса на мысль заняться кустарным производством тканей. Поехали они в город Смела — тогдашний центр производства тканей. Купили два ткацких станка и привезли с собой инструктора, показавшего им, как этими станками пользоваться. Однако, после отъезда инструктора, выяснилось, что ткать они так и не научились. Пришлось это производство прекратить. Так как станки были куплены за деньги Кривоноса, то их в разобранном виде оставили у него, как память.

И все же, несмотря на эту совместную неудачную операцию, Кривонос после смерти отца много помогал нашей семье, — что значит настоящий друг. И пришлось нам снова заняться торговлей вразнос по селам и базарам. У нас уже появился опыт и торговля шла бойко. У меня уже хорошо получалось. Бабушка с дедушкой продолжали заниматься тем же, чем и раньше, с теми же посиделками.

Советская власть

На смену царской власти пришла Советская власть. Магазины теперь стали государственными, но в них ничего не было. Евреи начали приобщаться к земледелию. В семьях со взрослыми детьми, могущими работать на земле, дела шли хорошо. Вначале было хорошо и в семье Шлемы Грабовского. Но потом произошла

ссора из-за межи между Шлемой и Печенюком, в которой они друг друга чуть не убили. Очень скоро Шлема умер и соседи говорили, что это его бог наказал за несправедливый поступок по отношению к зятю.

Впоследствии американские еврейские организации открыли на Херсонщине еврейские земледельческие кооперативы. Печенюк туда переехал и хорошо там преуспел. Вначале Советская власть религиозную деятельность евреев не преследовала. Но при очередной перемене в политике государства, когда стала преследоваться всякая религиозная деятельность, Печенюка арестовали за хранение литературы по иудаизму, и вряд ли он этот арест пережил.

Рядом с больницей, на окраине местечка, приступили к строительству школы, которой дали название «Еврейской семилетней средней школы». Закладка школы прошла торжественно. Под каждый столб положили деньги. Помещение школы было маленьким — четыре небольшие классные комнаты и небольшой актовый зал. Меня приняли в пятый класс. После образцовой школы эта школа была просто убожеством. Неопытные учителя, отсутствие порядка, парты стояли тесно. Училась я неплохо, но без охоты. Только потом я поняла причину своей грусти. Я скучала по привычному порядку, по чистоте, по подругам и даже по школьному саду. Здесь все было по-бедняцки. Только летом было хорошо. Я забиралась в хлебное поле за школой и учила там уроки.

Я повзрослела на год

На дворе уже начало 1920 года. Я заканчиваю школу. Родители хотели, чтобы я продолжала учебу на врача в Одессе. А продолжать учебу после 7-го класса можно только детям, достигшим 16 лет, а мне было только 15. Мне надо было прибавить один год. Отец обратился к казенному раввину по фамилии Тигай *(В царской России казенным раввином было выборное должностное лицо, отвечающее перед государственными властями за регистрацию гражданского состояния евреев и за административное управление еврейским богослужением)*. И с легкой руки Тигая я повзрослела на один год *(В сохранившемся метрическом свидетельстве видно явное исправление цифры 6 на 5, причем другим цветом чернила и другой рукой)*. Но наступает зловещий 1921 год. Тут уже будет не до учебы.

Дни окаянные

После небольшой передышки, наступили еще более тяжелые времена. Вокруг тиф косит людей, голод и холод. И все же у нас, в начале мая 1921 года, произошла большая радость — корова отелилась. Для нас эта радость была особенной, так как после отела у коровы появилось молоко, а наличие молока в семье тогда — это была жизнь! Я не в состоянии описать радость от появления первого молока. Для нас это значило, что будем жить! Корова была племенной породы и молоко было жирным, а масло быстро сбивалось.

Радость была недолгой. Почти что сразу на нас начали сыпаться одно несчастье за другим. Началось с того, что у дедушки обвалилась русская печь и сразу же он заболел сыпным тифом. Так как я уже переболела тифом, я вызвалась ухаживать за больным без опасения заболеть самой. Родители с моим предложением не согласились. Основной их довод был: «Что люди скажут?». Им стыдно было перед соседями и друзьями.

Смерть троих самых близких

Перевели больного дедушку к нам. Так как он всю жизнь спал на печке, то и у нас он залез на нашу крохотную печь. Долго он на печи не пролежал. Спустя короткое время он не выдержал кризиса и умер, слезая с печи. Дедушка был религиозным человеком и, по традиции, следовало вести семидневный траур утром и вечером. К нам никто не приходил, так как боялись заразиться. Папа пошел только в синагогу.

Но тиф уже вселился в наш дом. Заболели все взрослые. На ногах осталась я одна, да еще на руках у меня Лиза и больной Абрам.

В это тяжелое для меня время моя лучшая подруга Руся не оставила меня одну. Здесь надо отдать должное ее родителям, позволившим ей быть со мной и помогать мне. Через две недели, после смерти дедушки, умерла бабушка Эстер, а неделю спустя — папа. У папы было слабое сердце, и он не выдержал кризиса, а Цанк не сделал ему необходимого укола, чтобы поддержать сердце. В то время такие уколы были дорогостоящими.

За день до смерти папа попросил, чтобы к нему пришел Шлема Грабовский, но когда тот пришел, было уже поздно.

Умер отец у меня на ногах. Это произошло так.

Оба больных мама и папа лежали в одной комнате на разных кроватях. Мы с Русей спали на полу в другой комнате. Очевидно, отцу стало ночью совсем плохо, он поднялся, пошел за чем-то и, не выдержав, свалился мне на ноги и умер. Среди ночи я почувствовала тяжесть в ногах. Проснулась и увидела, о ужас, лежащего на мне отца. Разбудила Русю (что бы я без нее делала) и стали поднимать папу, а он уже был мертв. Как тяжело это вспоминать и писать.

О том, что отец умер, мама не знала, потому что была без сознания. Если бы у Цанка не заговорила совесть и мама тоже бы умерла. *(В этом месте у меня снова неразрешимая загадка. Мы с вами и раньше читали, — во время гражданской войны, и при бандитах, и позже, — откуда у местного фельдшера Цанка, обратим внимание только фельдшера, даже не врача, были лекарства, да еще дорогостоящие? Ведь в стране разруха, власть переходила поочередно то к белым, то к петлюровцам, то к красным. Неужели все лекарства у фельдшера были дома и была ли в местечке аптека? Из дальнейшего будет видно, что вряд ли).* Он стал спасать маму. Стал часто к нам приходить и делать ей уколы, пока не миновал кризис.

За это время к нам никто не приходил, кроме моей дорогой, незабвенной Руси. Все боялись заразиться, включая тетю Бобу. Ей, очевидно, не разрешала свекровь. Чтобы облегчить мое положение, Боба забрала к себе шестилетнюю Лизу.

Пропала кормилица корова

И вот, когда мама еще была в опасности и без сознания, и еще у меня на руках был больной трехлетний Абрам, на меня свалилось еще одно несчастье. Пропала наша кормилица-корова. Рано утром моя дорогая и единственная помощница Руся выгнала, как всегда, корову в общее стадо, которое собиралось в центре местечка. А оттуда пастух уже гнал стадо на пастбище. Но в этот злополучный вечер корова, к моему ужасу, не вернулась домой. До поздней ночи я, без всякого страха, бегала по посадкам и оврагам с одной вожделенной мечтой увидеть нашу кормилицу. Мои поиски оказались тщетными. Домой я вернулась поздно ночью с выплаканными глазами. И здесь мне еще пришлось успокаивать Русю, казнившую себя за то, что она ведь вывела корову в стадо. А я как-то окаменела. Столько напастей за три недели и еще мама на грани жизни и смерти. Что будет с нами? И все же всяким несчастьям приходит конец.

Только с мамой

Как только после кризиса мама пришла в сознание, она поняла весь трагизм случившегося. После того, как мы с ней вдоволь наплакались, мама говорит мне: «Посмотри, хватит ли пшеницы на одну выпечку?»

Откуда у нас была пшеница? Когда мы с отцом ходили по селам и продавали галантерею вразнос, то многие крестьяне платили за товар пшеницей, а многие, в знак уважения к отцу, давали нам понемногу пшеницы в качестве подарка. Когда выяснилось, что пшеницы оказалось достаточно, мама велела ее смолоть и из всей муки испечь хлеб. Ее расчет был следующим. Испеченный хлеб нарезать кусочками и продать на базаре с таким расчетом, чтобы на вырученные деньги купить снова муки для следующей выпечки, так, чтобы и себе хлеб остался. На мельнице работал рабочим бывший ученик отца Аврум Бахмуцкий. Из уважения к покойному отцу он, втайне от хозяина, пшеницу смолол, а так называемый «размер» (часть смолотой муки в оплату за помол) не взял.

Раньше я много чего делала по хозяйству, но тесто я не выделывала. До этого я и хлеб не выпекала. Мама из постели инструктировала меня, как делать закваску, как месить тесто — до тех пор, пока рука из теста не вынимается чистой. Потом выделанное тесто разделить на части и выработать их в виде шаров. Затем следовало хорошо истопить печь. Как истопить печь, у меня был опыт. Я уже и раньше топила печь соломой, кизяком, шелухой от семечек подсолнуха и проса. Несмотря на то, что я пекла впервые, хлеб у меня получился хороший.

Теперь задача была хлеб продать. Нарезав хлеб на ломтики, беру табурет, белое полотенце и иду на базар. Я быстро свой товар распродала. На вырученные деньги снова купила пшеницу. И все тот же Абрам, без ведома хозяина мельницы, мелет мне муку без размера и даже разрешает мне набрать шелуху для топки. Я становлюсь заправским хлебопеком. Так, с помощью друзей, мы боролись за выживание.

Как только свекровь тети Бобы увидела, что мама уже на ногах, она велела Лизе возвратиться домой. Вот и разница в сочувствии некоторых родственников и друзей. Здесь и Велв, и Руся, и Аврум Ройдич, и Кривонос и Аврум Бахмуцкий и его мать, Мойше Спектор и много- много других друзей.

На хуторе

Мне запомнился светлый случай тех времен. Недалеко от местечка был хутор богатого крестьянина по фамилии Жирный. *(Хутор это обособленное от деревни крестьянское хозяйство).* Во время сбора урожая к нам под вечер приехал Жирный на арбе и стал набирать желающих поработать на поле. *(Арба в Украине это четырехколесная длинная повозка с решетчатыми из реек бортами).* Нас набралось довольно много, в том числе и я. Ужин, которым нас накормили, мне не забыть никогда. Это были галушки, хорошо перемасленные пережаренным луком и, что очень важно, — ешь, сколько хочешь. *(Галушки — это украинское национальное блюдо. Они изготавливаются из вареных кусочков специального теста. Их часто ели со сметаной).*

Но этой вкуснятины много не съешь — четыре-пять и больше не лезет. На закуску дали без ограничения дынь и арбузов. Вот где была Божья благодать. Спали мы в клуне (высокий сарай, где хранилось сено и другие сельхозпродукты). Ночью и днем шел дождь. На поле работать было нельзя, а нас хорошо кормят, так, что мы даже поправляться стали. И еще — неописуемая тишина. Назавтра дождь прекратился, и мы хорошо отработали, так, что хозяин остался нами доволен. По домам нас развозили с заработанной нами пшеницей. У нас была большая металлическая ванна (о ее назначении я писала раньше), и мы ее заполнили пшеницей до верху. Так что хлеб у нас был, но к хлебу еще кое-что нужно. Что-то нам доставалось от сдачи дедушкиного дома, однако этого было недостаточно для содержания семьи из четырех человек.

Невозможность продолжать учебу

Мама была вынуждена идти по пути копеечного производства бабушки Эстер и наладила производство жидких дрожжей. Надо подчеркнуть, что женское общество местечка входило в бедственное положение мамы, оставшейся одной, без мужа и близких родственников, с тремя детьми в такое тяжелое время. Если бабушка делала дрожжи только для двух соседних улиц, то совершенно чужая женщина, мать Аврума Бахмуцкого, жившая в другом конце местечка, собирала баночки у своих соседей, приходила к маме с большой корзиной и брала дрожжи для своих соседей. Так она, чем могла, помогала маме. К сожалению, я забыла ее имя, так как все окружающие звали ее «де Бахмучехе». У нее, кроме Аврума, было еще трое детей. Моя ровесница Брана,

младший сын Янкеле (прямая противоположность своему старшему брату Авруму) и самая младшая Сарра. И этого заработка не хватало. Мама кое-кому шила детские вещи, но всего этого было мало. Я уже закончила школу. Получила аттестат с оценкой «Успешно» по всем предметам и даже репетировала двух учеников.

Время поступать в медицинский институт в Одессе. Многие желающие и даже сироты уехали учиться. При царе для еврейских детей это было невозможно, а я этого сделать не смогла, потому, что только-только умер отец, да и мама с двумя маленькими детьми. Так мое образование на этом и закончилось. А тут еще зима приближается. Нужно топливо, обувь, теплая одежда детям.

Оттепель

И вот в таком безвыходном положении, появилась надежда в виде молодой девушки по имени Ханка Шифрин. Кто она? Откуда взялась? А взялась она из деревни, из которой ее семья была вынуждена уехать во время бандитизма. Ханка была лет на пять старше меня. Она была уже современной девушкой. Культурная, начитанная, скромная — прямая противоположность своей матери.

Ханка предложила маме совместно гнать самогон. *(Самогон — это кустарная водка, не очищенная от сивушных масел)*. Она просветила маму, что этим многие промышляют, включая и ее маму. Но со своей мамой она дела не хочет иметь и хочет жить самостоятельно. Для производства самогона нужен был аппарат, главной частью которого являлся металлический змеевик, в котором конденсируется выделяемый закваской алкоголь. И еще следует отметить, что это была запрещенная деятельность, но блюстители власти в это время смотрели на нее сквозь пальцы. Некоторые из них брали небольшую взятку. По совету Ханки мама решила поговорить с Кривоносом. Кривонос это мероприятие одобрил и даже вызвался достать необходимый змеевик. Через очень короткое время он принес прекрасный медный змеевик. Маме он сказал, что сделал этот змеевик его знакомый русский ювелир, который сделал это из сострадания к маме и не хочет, чтобы кто-нибудь об этом знал. Мне кажется, что он боялся преследования властей.

Опишу вкратце процесс выгонки самогона. Определенный срок закваска выдерживается в кадушке. Затем закваска переливается в нагреваемый железный бак, герметично закрытый, из которого пары алкоголя выходят через змеевик.

Дополнительную герметичность соединения змеевика с кубом мама придумала сама. Крышку куба она обмазывала толстым слоем глины. Испаряемая влага, попав в змеевик, охлаждается водой в бочоночке, куда этот змеевик опущен. Влага в змеевике конденсируется в алкогольную жидкость, в народе называемую самогоном. В бочоночке вода должна быть всегда холодной. Так как иногда заготовленной воды не хватало, а гнали мы только по ночам, то мне приходилось идти в ночь к колодцу по воду. Это было страшно, но еще больше было страха от запаха самогона во дворе, что было очень опасно, так как это производство было противозаконным. Полученный самогон, проверялся на крепость. Жидкость должна гореть. Если жидкость переставала гореть, надо было прекращать гнать. *(В начале гонки идет качественный самогон, который в народе называется — первач. Он горит. Потом крепость его падает и, в конце концов, перегонку прекращают).*

Гнали мы один раз в неделю. И гнать, и продавать самогон было чрезвычайно опасно. И здесь к нам на помощь пришли друзья отца. Они организовали систему реализации готового продукта. Весь самогон относился к Мойше Спектору домой. Мойше относил «продукт» в синагогу, где его раскупали. Вырученные деньги Мойше отдавал мне у себя дома, куда я была вхожа.

Мойше был вдов и я очень хотела, чтобы мама за него вышла замуж, но мама не решалась. У нее двое маленьких детей, да и у него тоже. Не захотела мама стать мачехой. В этом запрещенном производстве была радость общения с замечательной Ханкой. Мы с ней даже стихи сочиняли. Но работа эта была очень опасной.

Обыск

Однажды у нас был обыск. Друзья говорили, что это не обошлось без Янкеле Бахмутского. Вот вам и два брата. Старший, Аврум, старался помочь маме, попавшей в беду, а младший — донес на маму. А последствия могли быть самыми ужасными, тем более для вдовы с тремя детьми. Об этом немного ниже. В этот обыск нам несказанно повезло. Они искали вещественные доказательства нашего производства, но не нашли. А оно у них было под носом. У стены русской печки, в самом теплом месте, стояла кадка с закваской для будущего самогона. Она была законспирирована под постель для Абрама. На кадку положили ставню от окна, а сверху постелили. Когда пришли

с обыском, на этой постели сидел трехлетний Абрам, который еще не ходил и только кое-что говорил. Во время обыска ребенка они не тронули, а мы с мамой сидели окаменевшими. О ночном обыске мама рассказала нашему знакомому портному Фурману.

Именно его дочь (как особо нуждающегося) папа устроил в образцовую школу. При новой власти, он, как рабочий класс, был в фаворе и был знаком с местными руководителями. Он успокоил маму и сказал, что постарается уладить ее дело. Так оно и случилось.

За время нашего производства, мы приоделись, купили необходимую обувь, приобрели топливо на зиму и немного приободрились. Мы потихоньку продолжаем свое производство. Мы довольны Ханкой, а она нами.

И вот нашему счастью приходит конец. Власти ужесточили борьбу с самогоноварением. Начались повальные обыски. Нас эти обыски обошли стороной. Дело происходило зимой и пойманных, в том числе нашего доброго соседа Аврума Ройдича, погнали пешком более 50 км в Первомайск с аппаратом на плечах. Теперь уже производство решили прикрыть. Инвентарь спрятали на чердаке дедушкиного дома, откуда его и украли. С Ханкой мы дружно разошлись. Она была замечательной девушкой и удачно вышла замуж.

В гостях у дедушки Хаим-Цуди

Зима. Начало 1923 года. С прекращением производства самогона, учитывая мое истощенное состояние, мама решила дать мне передышку и отправила меня на месяц к своему отцу Хаим—Цуди в Каныболот (Кировоград). Каныболот от Добровеличковки находился далеко и добираться к нему можно было только на подводах.

Подвернулся случай. Через один дом от нас жила старая женщина, которую окружающие звали Ушеренцелны. У нее было два взрослых сына. Это были рослые мужчины, холостяки. В народе говорили, что они занимаются всякими темными делами и даже конокрадством. Мама несколько раз собирала меня в дорогу, но каждый раз откладывалось, так как в их делах третий человек был лишним.

Немного о людях, кравших лошадей. Их называли конокрадами. Как правило, они воровали лошадей в одной губернии и перегоняли их для продажи в другую. Это было всегда очень опасным занятием. В те времена для крестьянина лошадь была основным средством ведения хозяйства. И если попадался

конокрад, то крестьяне из солидарности объединялись и часто забивали конокрада до смерти. И смерть для них была мучительной. Наконец они взяли меня с собой. Ехали мы очень долго, около суток, и вот эти люди вручили меня дедушке.

Приняли меня радушно, даже вторая жена дедушки, которую звали Суре-Лея. Это была дородная женщина. Она очень хорошо готовила. Обед всегда был из трех блюд и на закуску замечательный компот из сухофруктов. Хозяйство вели очень экономно. Так, например, абрикосовые косточки не выбрасывали, а складывали в ящик кухонного буфета. Как-то подводит она меня к этому ящику, дает молоток и говорит: «Разбей косточки, а ядрышки ешь, сколько хочешь». Наконец-то я зажила сытно и беззаботно. От первого мужа у Суры-Леи была замужняя дочь с двумя мальчиками почти одного со мной возраста. У нее был свой дом в центре города и там же парикмахерская ее мужа. У этих мальчиков были хорошо образованные культурные друзья, не чета нашим. Мне было хорошо в их компании. Родители этих ребят меня очень хорошо принимали.

Принимали меня так же хорошо и в семье по фамилии Лернер. Они были родственниками со стороны мамы. В их семье были две девушки Маня и Даша и их брат — имя его забыла.

Город этот был — не то, что наше местечко — чистый, ухоженный, хороший базар, в магазинах есть товары, дворы маленькие, чистые, топят дровами, не то, что наши — кизяком. У дедушки дрова на зиму сложены в углу двора аккуратным штабелем, и ему не надо покупать топливо среди зимы, как это делал дедушка Герш.

Беззаботный, сытый месяц прошел быстро и я вернулась домой. На прощание дедушка Хаим-Цуди остался верен себе и кроме подарка мне — отреза голубой шотландки на платье, — никаких подарков ни своей дочери, моей маме, ни Лизе, ни Абраму не сделал. И все же, после пребывания у дедушки, я — заморыш с длинными ногами — вернулась пополневшей взрослой девушкой. Меня там откормили, как дедушка Герш откармливал своих гусей.

Моя кратковременная юность

Дома я снова, вместе с мамой, включилась в борьбу за выживание. Денег, которые нам платили квартиранты в нашем (из-за нужды мама сдала квартирантам нашу вторую комнату) и дедушкином домах, не хватало для содержания семьи из четырех человек. Мама с превеликим страхом принялась снова за самогоноварение, а сбывал его все тот же Спектор.

Опишу наших квартирантов, впоследствии изменивших всю нашу жизнь. Поселились они у нас еще во времена, когда мы гнали самогон в компании с Ханкой. Соседей мы не боялись и производство шло безостановочно. Семья эта состояла из мужчины лет двадцати пяти, его матери и сироты-племянника. Во время бандитизма они приехали к нам в местечко из села Ивановка. Сам сосед редко бывал дома, так как был очень занят. У него, с братом на паях, был небольшой продуктовый магазин. Наш сосед был холостяком, а у брата была вторая жена и двое детей от первого брака. Семья нашего соседа состояла из слегка парализованной матери — у нее немного тряслась голова и руки — и сироты-племянника. Племянник был ужасно разболтанный и ленивый. К тому же он буквально издевался над своей бабушкой, что для нас было диким.

Сосед наш бывал дома редко. В магазине он был чем-то наподобие снабженца. Чтобы не утомлять больную мать он питался в сухомятку. Утром он выпивал литра полтора молока с хлебом. Нам с мамой нравился его уход за матерью. Он часто ее купал в корыте и мыл ей голову. Эта зима была очень холодной и буранной, а мама сдала соседу комнату с отоплением. Сколько не топи, все равно холодно, хотя топили регулярно.

Крыша

В эту зиму, в один из ночных буранов, мы с мамой слышим, что ветрище срывает с дома нашу железную крышу. Мы быстро оделись и выскочили во двор. Ветер срывал по одному или по несколько листов железа и уносил их в степь. Мы с мамой с риском для жизни (подхваченный ветром лист железа мог кого-нибудь и ударить) стали собирать сорванное железо в степи. Большую часть кровли собрали, но не всю. И снова помогли друзья отца. Среди них был и кровельщик по фамилии Бесноватый. Рано утром мама вся в слезах прибежала к нему за помощью. Он ее успокоил и крышу восстановил. В восстановлении крыши приняли участие все друзья покойного

отца — общими усилиями крышу перекрыли. Эту дорогостоящую зимнюю работу даже зажиточному человеку было бы не по силам оплатить. Вот и такое несчастье нам пришлось пережить. И что значит иметь таких друзей, какие были у моего отца.

С друзьями

Есть такая поговорка, что молодости и море по колено. И это действительно так. В тяжких трудах по дому у меня была отдушина. С детских лет у меня была подруга Сима Грабовская, дочь брата нашего соседа Шлемы. Братья не дружили. Шлема был богат, а его брат Мотл — бедняк. Дети братьев тоже не дружили. Мотл унаследовал от матери дом в центре местечка и нам подругам там хорошо жилось. Мотл чем-то промышлял, поэтому у него была лошадь, и мы, дети, часто разъезжали на его выезде.

У Мотла была большая семья — пять мальчиков и две девочки. Чтобы поддержать семью, жена Мотла пекла хлеб на продажу, а также продавала жидкие дрожжи. Кроме того Мотл был еще и кантором, но кантором будничным, то есть повседневным. На главные еврейские праздник Рош Ха-Шана (новый год по еврейскому календарю) и на самый святой праздник Йом Кипур (Судный день) община нанимала первоклассного кантора со стороны. *(Кантор или хазан — главный певец религиозного песнопения).*

В эти праздничные дни все евреи вместе со своими женами — и богатые, и бедные — шли в синагогу. В одном дворе были две синагоги — старая и новая. В синагоге мужчины размещались на первом этаже, а женщины на втором. Места в синагоге, как внизу, так и на вверху были платные. На эти деньги и содержалась синагога. Первые ряды подороже, для состоятельных людей. Праздничный кантор красиво пел и посматривал все время на второй этаж.

Дома жены, если им понравился кантор, решали приглашать ли через своих мужей кантора в следующий раз или нет. В еврейских семьях мнение жены большей частью было решающим. Плата за молитву в праздничные дни была большой, а в будние дни низкой, так что на нее Мотл не мог содержать свою семью.

У Симы очень часто бывал настоящий хор, и пели все — и родители и дети. Относительно меня Мотл говорил, что у меня приятный голос. Когда мы пели, все житейские невзгоды уходили. Пели мы и еврейские, и русские песни. Больше всего я любила русскую песню «Белое покрывало», которая брала меня за душу.

Летом, когда окна были открыты, прохожие останавливались, чтобы послушать этот импровизированный концерт.

Как сложилась жизнь этих моих друзей? Старший сын Иця, когда подрос, уехал в Палестину. У второго сына Янкеля был превосходный голос и он мечтал стать хорошим кантором и жениться на Голде, дочери богача Шлоймы Жернистого. В последствии обе его мечты сбылись. Он женился на Голде и в Москве стал известным кантором. Песнопения в доме Симы были для меня главной отдушиной.

По вечерам молодежь гуляла по центральной улице, беседовали, лузгали семечки. Так мы стремились, как говорится, и людей посмотреть, и себя показать. Украдкой от мам девочки покупали пудру с названием «Лебяжий пух». Розовая пудра мне была ни к чему, так как у меня и без нее румянец был на всю щеку.

Весна

После ухода зимы начиналась генеральная уборка перед праздником Пейсах. Мне предстояло мазать русские печи изнутри у нас и у тети Бобы. В нашу крохотную печь только я свободно и могла залезть. Я эту работу любила. Меня ей научила большая мастерица по имени Улита, которая за свою работу брала очень дорого. Она свои знания охотно передала мне. Сделанную мною работу она всегда хвалила. Для обмазки замешивается раствор глины, хорошенько сдобренный конским навозом. Такая обмазка крепкая и долго стоит. Мой навык обмазки пригодился мне много лет спустя уже в Харькове. В доме, который мы снимали, обвалилась кирпичная облицовка. Пришлось эту наружную стену обмазать. И мы, всей семьей, даже с малолетним сыном Геной, эту работу сделали. Моя обмазка стояла долго, а вот обмазка соседней квартиры, где жила русская семья, требовала ежегодного ремонта. Что значит, у меня была хорошая школа.

Надо было побелить квартиру и изнутри. У нас за зиму мыши выгрызали внутренние стены так, что они даже обваливались и часто обнажались целые мышиные гнезда, с ужасно выглядевшими бесшерстыми малышами.

В предпраздничные дни мне надо было помогать маме *кошировать* посуду. Этот процесс мы осуществляли во дворе. Посуда заранее хорошо очищается. Предварительно накаляются булыжники. Кипятят воду. Накаленные булыжники укладываются в большой таз. В этот таз кладутся ложки, вилки, чугунки и заливают кипятком. Потом эту посуду споласкивают холодной водой, и она становится кошерной.

У богатых людей пасхальная посуда специальная и храниться из года в год в деревянных ящиках. Пасхальная посуда самая красивая и в особенности пасхальные рюмочки для вина.

У нашей бабушки Эстер был тоже небольшой набор пасхальной посуды, и хранился он у дедушки на чердаке.

Мне 17

Мне уже семнадцать лет. Хочется принарядиться, а у меня ничего своего нет. От бабушки Эстер остались красивые черные ботиночки с белыми пуговицами. От тети Бобы — красивая плюшевая курточка. Курточка как раз мне по фигуре. Так что есть, в чем выйти погулять. В нашей компании я — самая младшая. К нам присоединились новые две девочки Ханка и Ева, дочери Зельмана Смотрицкого. Это были некрасивые, но добрые девочки. Зельман был обеспеченным человеком. Кроме своей семьи он содержал еще две семьи своих рано умерших от туберкулеза братьев. А их семьи были большими. У одного осталось трое детей, а у второго пятеро. В местечке все знали, что у Смотрицких наследственный туберкулез. Соседи Зельмана уважали. В субботу на обед он брал из синагоги особо нуждающихся людей, которых называли «ойрехы». У Зельмана был свой выезд, так что зимой мы катались на санях. Жизнь прекрасна. Как-то Ханка сказала, что завидует мне, так как меня радует всякая мелочь, например, покупка гребешка, а у нее все есть, говорит она, но ничего ее не радует.

Весна 1923 года. В теплые субботние и воскресные дни женщины группируются на парадных крылечках и скамейках, перемалывают кости всем прохожим, и лузгают, лузгают семечки подсолнуха. Причем лузгание тоже требовало мастерства. По скорости с тетей Бобой, пожалуй, никто сравниться не смог бы. Кроме того, лушпайки должны были свисать с нижней губы, склеенные слюной.

(Небольшое отступление от повествования мамы. Оно предназначается для молодых родителей относительно их детей. Сколько мне было лет? Не более трех-четырех. Но я помню, даже зрительно, крылечко дома Бобы. Это было деревянное сооружение темно-красного цвета в несколько ступенек, без перил, но с обоих сторон ступенек были помосты такой ширины, что на них можно было удобно сидеть. По всей вероятности эти помосты и предназначались для посиделок. Мне врезалась в память одна такая посиделка. На крылечке сидело несколько женщин, включая Бобу и маму со мной. Они о чем то говорили. Мне стало скучно сидеть и я стал бить ботинками по этому помосту. Очевидно мой

стук мешал женщинам беседовать, и Боба сказала мне, чтобы я перестал стучать. На мой вопрос почему, она ответила, что в противном случае мама заболеет. Естественно, я перестал стучать, а ее высказывание помню до сих пор.

Раз речь зашла о доме Бобы, хочу еще кое-что рассказать о нем и приблизительно в то же время. У дома проходила широкая улица. Мы, очевидно, были с мамой в гостях у Бобы. Меня послали кого-то позвать на другой стороне улицы. Когда я возвращался, то зацепился ногой за засохший ком грязи в колее и упал. Прибежал в дом Бобы с разбитым в кровь носом и, наверное, с плачем. Что меня поразило, так это то что мой окровавленный нос не унял веселья в доме. А Боба со смехом сказала, что у меня тяжелая голова, поэтому я падаю на нос. В этот раз со мной возился Арн, муж Бобы. Он учил меня, как надо правильно падать: когда начинаешь падать, выставляй вперед руки.

Так я обычно мотался по дому и ничего не замечал. Но в этот раз, когда Арн держал мокрую холодную тряпочку у меня на носу, я обратил внимание на маленькую белую голову человека, стоявшую на чем-то. Много-много лет спустя я увидел точно такую же голову. Это был маленький гипсовый бюст Ленина. Значит в это время обычные евреи чтили Ленина).

Сватовство

Как-то на закате я отдыхала на скамейке у дома после того, как помазала (побелила) дом снаружи. На скамейку присаживается наш квартирант. Поговорили. До этого я с ним очень редко разговаривала. После нескольких таких свиданий, он говорит мне: «Выходи за меня замуж». Я, как и все девушки в подобных случаях, сказала, что об этом еще не думала. Он говорит: «Ну что ж, подумай». А думать было, о чем. Во-первых, я еще очень молода — мне только 17 лет. Знаю, что к нему сватаются очень хорошие девушки и постарше меня. У него уже большая семья, как я уже писала ранее, больная мама и вздорный племянник, а я уже и до этого столько настрадалась. С другой стороны он мне нравился своей черной густой шевелюрой, очень черными глазами, красивыми черными бровями. У него красивый рот, с умеренными губами. В общем, он здоров, красив, подтянут. В обществе держит себя ненавязчиво. Сватался он между длительными поездками. Приезжает, спрашивает: «Надумала?» И так несколько раз.

В конце-концов, я его полюбила. Мы с мамой перешерстили всех местных женихов и остановились на нем, как на самом интересном. Как-то между поездками, он сказал мне, что у него

есть возможность устроить свою маму у замужней сестры в Новоукраинке. При этом муж у сестры — добрый человек, и ей там будет хорошо, хотя у них уже живет его мать. А племяннику он даст какую-нибудь специальность, которую тот сам себе выберет.

Я выхожу замуж

Я была влюблена в Аврумарна, как говорят «по уши». Мне в нем нравилось все, включая его одежду. А у него всего-то и было два костюма, серый и темно-синий. И оба на нем сидели как влитые. Особенно он был хорош в темно-синем костюме из бостона (бостон — плотная шерстяная ткань).

Мы с мамой посоветовались и решили дать согласие, хотя со свадьбой не торопились. У меня, как у невесты, нет никакой одежды. Занялись подготовкой к свадьбе. К тому же и осень наступила, а теплой одежды тоже нет.

Свадебное платье. Наша знакомая Брана Бахмутская перешила мне бабушкино черное длинное платье с шелком. Обувь у меня была. Несколько лет назад в подарок к моему дню рождения ныне покойный папа купил мне очень красивые черные женские сапоги на высоком каблуке. Мне в них было так хорошо, что я за всю жизнь не припомню, чтобы от обуви у меня было такое удовольствие, как от них. Зимнее пальто. Курточка тети Бобы к таким сапогам не подходила. И здесь нашелся выход. В начале я нарядилась в генеральскую бекешу (полупальто) с серым каракулевым воротником, которая была без надобности у жениха. Сидела эта бекеша на мне как влитая (бекеша, очевидно, была не генерала, а его ребенка). Но пальто все-таки шить надо и мама отправила меня за этим к дяде Ейлыку в Первомайск, у которого и дочь Хайка, и зять были первоклассными портными. *(В этом месте неувязка с родством Хайки с дядей, а вернее двоюродным дедушкой Ейлыком. Ныне живущий внук Ейлыка Иосиф не знает о дочери Ейлыка по имени Хайка)*. Пальто они пошили быстро и хорошо, но взяли с меня дорого, так как по выражению Ейлыка Хайка была очень скупым человеком.

Назначенную свадьбу почему-то перенесли на апрель 1923 года.

Подвенечное платье. Как-то мама купила на базаре поповскую ризу. Из кремовой саржевой подкладки этой ризы Брана Бахмутская пошила мне подвенечное платье. Из бостонового верха этой ризы, тоже кремового, пошили жакет. Интересная деталь, связанная с этой ризой. У этой ризы был

стойкий парфюмерный запах. Сколько я ее не стирала, запах сохранялся.

Спустя много-много лет, этот жакет я отдала своей внучке Леночке, как прекрасную ткань. Хотела, чтобы она пошила из него что-то для своих девочек. А теперь думаю, что они в таком наследстве не нуждались.

Саму свадьбу, не помню по какой причине, еще раз перенесли. Состоялась она в апреле 1924 года. Свадьбу проводили по еврейской традиции у синагоги под хупой. У нас это выглядело так. На четырех столбиках был натянут полог (*полог на иврите «хупа»*) из черной плотной ткани с белой бахромой. Я семь раз обошла вокруг жениха. Затем раввин произнес благословения. По традиции положено, чтобы жених одел на руку невесте золотое кольцо, но такового у него не оказалось. Затем нам дали выпить по рюмочке вина, а рюмочки разбили на счастье. Само торжество провели в большой комнате у тети Бобы. Свадьба была скучной. Ни музыки, ни танцев. Правда, были певчие — Грабовские.

Первые дни семейной жизни

Мама не хотела, чтобы мы после свадьбы жили у нее. Она сняла квартиру для нас у четы по фамилии Учитель. Его звали Мойше, а ее Сура. В семье у них царил матриархат. В народе ее звали Сура-шейгец, что значило «отпетый парень». Сура была красивой женщиной и вела себя очень свободно. Их дом стоял в самом центре местечка. У них был свой участок земли и они занимались хлебопашеством. Участок этот был у них еще до Октябрьской революции, и люди говорили, что Сура-шейгец выдурила этот участок у помещика своей фаршированной рыбой. Кроме того, Сура славилась своей вредностью. И к этой хозяйке меня угораздило попасть.

Квартира, не в пример домику моих родителей, была хорошей. Двухкомнатная, светлая, с деревянными полами. Первую комнату мы оборудовали под столовую. В ней стоял подаренный мамой полубуфет и обеденный стол со стульями, которые мы купили сами. Во второй комнате у нас была спальня. В ней стояла двуспальная железная кровать, деревянная мамина кушетка, в сиденьи которой было множество дырочек, и две лозовые корзины, поставленные одна на другую и накрытые скатертью. Корзины заменяли нам платяной шкаф. Вот и вся наша мебель. На то время и квартира, и обстановка были замечательными.

(Раз мама так подробно описала их первую собственную мебель, хочу внести и я свою лепту о мебели моего детства. Хоть это была первая мебель родителей, она очень долго оставалась и единственной, несмотря на то, что семья кочевала из квартиры в квартиру и из города в город.

Обеденный стол. Это было массивное прямоугольное сооружение из толстых коричневых досок с толстенными, пузатыми, круглыми, резными ножками, — даже трудно их назвать ножками, точнее было бы — слоновьими ножищами. У меня о нем остались самые теплые воспоминания. Наша первая съемная квартира в Харькове на Павловском переулке. Стол долго был моей кроватью, и я на нем ночью спал. И не помню, чтобы мне было жестко спать. Ножки стола для крепости внизу были соединены крест накрест толстыми рейками. Под столом была моя первая «комната», где я играл, если не был во дворе. Последние дни до эвакуации в 1941 году этот стол провел в нашей квартире на Змиевской улице. Когда мы вернулись из эвакуации, люди, которые жили в нашей квартире при немцах, вернули нам часть мебели, а стол — нет. Они заявили, что сожгли его для обогрева, что вполне вероятно — дерева в нем было много.

Теперь о двуспальной родительской кровати. Она была их первым действительно семейным приобретением. Эта кровать особо заслуженная. Хоть она и считалась двуспальной, но по современным американским меркам она была односпальной. Кровать имела металлическую сетку в раме, на которую укладывалась пуховая, а может перьевая перина. Сетка со временем растянулась и провалилась так, что ее пришлось заменить на доски. Спинки кровати были крашенными (я помню их цвета слоновой кости), верх спинок имел красивые никелированные украшения. Припоминается случай, происшедший с этой кроватью. Это было, когда мы жили на Павловском переулке. Во время одной из уборок квартиры мама передвинула кровать и сломала литое красивое соединение спинки с обрамлением сетки. Спать на ней стало нельзя. Казалось бы надо было покупать новую кровать. А это тогда родителям было не по карману. У нас в Харькове жил наш земляк Беня Спектор. О нем будет рассказано позже, но забегая вперед скажу, что у него были действительно золотые руки. Он пришел к нам и сделал это соединение, так что его трудно было бы отличить от фабричного. По сломанному соединению он сделал точную литейную форму из двух кусков мела. Во дворе разжег костер и расплавил на нем ни то олово, ни

то свинец. А затем жидкий металл залил в приготовленную форму. После очередной покраски (мне было интересно) трудно было отличить Бенино соединение от остальных. Эта кровать кочевала с нами всю жизнь в Союзе. Ее даже вернули нам после эвакуации (ее нельзя было сжечь). Перед отъездом в Америку мама ее даже продала, — пускай за бесценок, но продала. Возвращаемся к воспоминаниям мамы.).

Я очень боялась острого языка Суры. Все знакомые пугали меня, что она меня обязательно ославит на все местечко. Сложность состояла в том, что пищу готовить надо было в общей кухне. Я еще только начинала самостоятельную жизнь, а в семье моих родителей пищу готовила мама и в моей помощи она не нуждалась. А теперь готовить надо было самостоятельно. Здесь я хочу похвастаться. Я всегда была наблюдательной и с самого раннего детства, когда жила у дедушки, я любила смотреть, как готовила бабушка. Бабушка готовила значительно лучше, чем мама. Тогда мои детские наблюдения очень пригодились.

К первой пятнице я предварительно заготовила все необходимые продукты. В первую очередь я начала готовить фаршированную рыбу. Готовила я ее по методу бабушки. В нарезанных для фаршировки кусках рыбы, при выемке мякоти, я не разрезала ни брюшко, ни спинку. В фарш я не клала ни хлеба, ни яиц. Затем фарш я закладывала в приготовленные ранее куски рыбы. Наполненные фаршем куски рыбы я уложила в казанок и она получилась, как живая. Во время моей стряпни хозяйка за мной наблюдала. После того, как я вынула рыбу из печи, я выбрала самый красивый кусок и угостила хозяйку. Восхищению ее не было предела. Она заявила, что моя рыба намного вкуснее ее. И с ее легкой руки я прославилась на все местечко, как хорошая хозяйка.

(Где-то я прочел, почему фаршированная рыба является еврейской национальной едой. В субботу, наряду с множеством запретов по иудаизму, есть и запрет на извлечение рыбьих костей из мякоти. Вот и придумали извлекать эти кости загодя).

У меня было много подруг, и хотя я была самой молодой в нашей компании, я первая вышла замуж. И, не удивительно, что девочки мне завидовали. Тем более, что Аврумарн был красивый, видный мужчина. С первых дней замужества у меня сложилась хорошая, обеспеченная жизнь. Живи и радуйся. У меня хорошая квартира и я материально обеспечена. У меня был открытый дом. Мы собирались у меня и мне было чем угостить моих подружек. Мы распевали еврейские, русские и украинские песни. А так как

открытые окна выходили на центральную улицу, то прохожие останавливались и слушали эти импровизированные концерты, что мне нравилось еще со времен моей жизни у бабушки Эстер.

За покупками в Елисаветград

Подумали, что перед рождением ребенка мне следует приодеться, так как дела у Аврумарна шли хорошо. Ближайший большой город, где можно было купить все необходимое, был город Елисаветград. В связи с занятостью, он со мной поехать не мог и мне пришлось ехать одной. Поездка для меня облегчалось тем, что в Елисаветграде жил младший сын дяди Ейлыка. Он был портным и семья его оказала мне большое гостеприимство. С его помощью я очень быстро приобрела все, что мне было нужно, так как выбор был большой.

Я купила осеннее пальто стального цвета, черные лаковые туфли с замшевой отделкой, стального цвета чулки под цвет пальто и черную шляпу.

Так как печь, на которой я готовила, стояла в неотапливаемом коридоре, с приближением зимы решили поменять квартиру.

Вторая квартира

Мама быстро нашла для нас очень хорошую квартиру. Тоже две солнечные комнаты и общая кухня. Такой солнечной квартиры у нас в дальнейшем никогда не было. Солнце светит в комнаты весь день. Но за всякое удовольствие надо платить.

По договору мы должны были отапливать весь дом, включая и комнату хозяина. Отапливался дом общей русской печью. Если наши две комнаты были угловыми и продувались всеми ветрами, то комната, где жили хозяева примыкала к стене русской печи и была самой теплой, что зимой немаловажно.

Коротко опишу колоритную семью нашего хозяина. Хозяин был рослым, угрюмым, безулыбчивым человеком. Зато хозяйка была веселого нрава. Звали хозяина Берця Гофман, а жену — Ента. Оба они были большими аккуратистами. Она постоянно и дома, и вне дома носила черный парик. Она была либо лысой, либо седой и стеснялась этого. У них было много детей, но только два мальчика примерно 12 и 14 лет. Со старшим Сюней я сдружилась. Ему нравилось, как я красиво застилаю кровать и он приходил этому учиться. Девочки были рослыми, веселыми

и вольного нрава по тем временам. Несмотря на нетрадиционно, по тем временам, вольное поведение, все девочки впоследствии удачно вышли замуж. И еще Берця был очень скупым человеком. Так, например, зимой он заклеивал бумагой даже замочную скважину для сохранения тепла в их комнате.

Берця содержал и дом, и маленький дворик в образцовом порядке. Во дворе был сарай для топлива и хороший входной погреб с пологими ступеньками, что очень мне пригодилось, когда я была на последних месяцах беременности. Была теплая осень и я еще успела засолить в бочке очень хорошие помидоры. Может кому нибудь пригодится рецепт засолки. На дно бочки плотно укладывала слой целых помидоров. В место, где была плодоножка, я насыпала немного соли. Из плохих помидоров варю сок и заливаю помидоры. Помидоры получались замечательные.

Аврумарн привез небольшие белые арбузы. Арбузы были внутри красными и сладкими, как мед. Я и их засолила. Всему этому меня научила моя первая хозяйка Сура-дер-шейгец. Дома ни мои родители, ни бабушка этим не занимались, так как это было им не по карману.

К осени заготовили дрова на всю зиму. Живи-радуйся и не заглядывай в будущее. Зима выдалась холодной, так что сколько ни топи, а в комнатах холодно. Мне к холодной квартире не привыкать. В доме моих родителей, с каменным (метлахская плитка) полом, зимой всегда было холодно. А здесь, даже в морозные дни, в комнатах сияло солнце, чему я несказанно была рада.

К сожалению, мама получила телеграмму из Елесаветграда, что ее отец Хаим-Цуди при смерти. Надо было ей ехать. Так как я была накануне родов, она на время отъезда отдала Лизу и Авреймла (*Абрама*) Бобеле.

Роды

В мои 19 лет без мамы рожать мне было очень страшно. На следующий день после отъезда мамы, помнится, что это был четверг, вечером я начала рожать. Начались схватки, но я терпела. Допоздна метала петли на пододеяльнике. Закрытые пододеяльники тогда не делали.

К утру, когда мне стало невыносимо, Аврумарн побежал в больницу. В больнице работала очень опытная акушерка Маня Медведовская, и он привел ее ко мне. Рожала я очень тяжело. Оказалось, что у меня последыш прирос к матке и его следовало оторвать вручную. После такого неестественного вмешательства

у меня началось сильное кровотечение и я начала истекать кровью.

Видя, что я погибаю, акушерка послала Аврумарна к своему племяннику Сене Медведовскому за необходимыми ампулами для уколов. Сеня почему-то заупрямился и ампулы дать не захотел. Вся предыдущая жизнь сделала Аврумарна очень сильным, несмотря на небольшой рост, а Сеня был еще меньше ростом и толстый. После некоторых пререканий, Аврумарн взял его за шиворот, придавил к стенке и говорит: «Одно из двух. Или ты даешь ампулы, или я тебя тут же задушу». Такая «просьба» подействовала и Сеня ампулы дал. На дворе уже была оттепель и была ужасная грязь. Аврумарн так быстро бежал, что на бегу потерял галоши.

А я действительно чувствовала, что умираю. Рожала я на маминой деревянной кушетке с дырочками. Вижу, что кровь через эти дырочки проливается на пол и он уже весь залит моей кровью.

Ничего не болит, но чувствую, что теряю сознание. В последние минуты, перед тем как потерять сознание, даю древний еврейский обет. Если не умру, то дам для бедных 18 по 18 рублей. *(Следует рассказать об этом старинном еврейском обычае. В иудаизме есть такое понятие, как гематрия. Гематрия — это буквенная математика. Буквам древне-еврейского языка «лушн койдеш» (святой язык) приписывались числовые значения. 18 — это числовое значение слова «хай» — живой. По этому обычаю полагается за спасенную Богом жизнь жертвовать восемнадцать или, если имеется такая возможность, в десять, в сто раз больше денежных единиц неимущему или на доброе дело).*

Принесенные Аврумарном ампулы, возымели действие и я не умерла. Целый месяц я была в тяжелейшем состоянии. *(Интересно, что это были за ампулы почти сто лет назад, которые так быстро возымели действие? И откуда эти ампулы были в маленьком населенном пункте, после семи лет мировой и гражданской войны, и как могла знать об их назначении не доктор, а обычная акушерка?)*

Новорожденного назвали Хаим-Шая

Вернувшись домой мама застала меня тяжело больной и с новорожденным ребенком. Ребенку дали имя Хаим-Шая, в память недавно умерших его прадедушки Хаим-Цуди и дедушки Шаи. Дома, а затем и в жизни, его звали русифицировано — Фима или по-взрослому Ефим.

Спустя некоторое время мама рассказала о своей поездке в Елисаветград. Когда она приехала, Хаим-Цуди действительно был при смерти. В доме ничего не было. Для того, чтобы его переодеть после купания, пришлось сшить сорочку из нескольких наволочек. После купания он был ей так благодарен, что даже прослезился, чего с ним никогда не случалось. Таким он каменным был человеком. Умирал он долгой, мучительной смертью. Вот такой финал его жизни.

Незадолго до его смерти его раскулачили. Раскулачивание — это когда по решению властей, без суда, зажиточного человека лишали всего его имущества. С ним еще хорошо обошлись, — не арестовали. Соседи рассказали маме, что из дому было вывезено столько добра, что хватило бы с избытком и детям, и внукам. *(Вспомним, как он, со своей скупостью, обошелся со своим сыном, вынудив Колман-Лейба, правда к его счастью, эмигрировать в Америку. Да и примирительная встреча его с единственной дочерью произошла только перед его смертью. Совсем недавно вы прочли о том ужасном времени, когда бабушка Брана осталась одна, после смерти мужа. На ее руках в голодное время, после того как она сама перенесла тиф, осталось трое детей, причем младшему сыну было всего три года. И в это время, хорошо обеспеченный отец, из-за своей невероятной скупости, отказал в помощи своей единственной дочери и внукам).*

Одна из соседок сказала маме, что все, что осталось после раскулачивания, забрала его вторая жена и оставила его одного умирать. Вот так наказала судьба скупца.

Послеродовые трудности

Сразу встал вопрос — что делать со мной и новорожденным? Полноценно ухаживать за мной мама не могла, так как у нее самой было двое детей, да и зарабатывать надо было на жизнь. Соседи посоветовали взять в дом одну нуждающуюся старую женщину в качестве няни, что Аврумарн и сделал. А я еще долго не могла прийти в себя. Мне постоянно хотелось спать. Слабость была таковой, что я ходить самостоятельно не могла. К тому же еще и ребенок оказался беспокойным и все время кричал, не давая мне спать. Ох! Как спать хочется, а тут надо его качать в лозовой коляске. Несколько раз ночью я брала кричащего ребенка, чтобы его покормить и успокоить, и тут же усыпала, а ребенок падал на пол.

И няня решила, что я таким образом хочу убить ребенка. Однажды она задумала поймать меня с поличным. Ночью она устроила наблюдательный пункт, спрятавшись за спинкой

кровати. И вот что она потом рассказала. Покормив ребенка, я, вместо того, чтобы положить его в постель, сама валюсь на кровать, а ребенка роняю на пол. Естественно, она выскочила из засады с криком: «Нэ так кормлять дитэй!» Этот крик я запомнила на всю жизнь. До трех месяцев ребенок мне жить не давал. Чтобы как-то его, кричащего, успокоить, я привязывала его кроватку полотенцем к своей ноге и качала пока он не засыпал.

Уже потом я поняла, что плакал он от того, что был все время голоден. После перенесенной мною тяжелой болезни, у меня практически не было грудного молока. В то время новорожденных не подкармливали искусственным питанием. Он просто голодал. Начала я его подкармливать только в три месяца.

(С рождением ребенка в наших краях был обычай для ребенка покупать на счастье серебряную чайную ложечку — для кормления. Кстати, я так и делал для своих детей. Была и у меня такая ложечка, в виде черпачка с круглой ручкой, которую я терпеть не мог. У нее были острые края и она при кормлении царапала мне губы. Но что было делать? Я терпел. Но примечателен финал этой «серебряной» ложечки. Перед переездом в Америку мы продавали все, чтобы получить максимум денег. Продал я все, что было серебряного в доме, так как золота у нас не было. Это были пасхальные рюмочки и ложки. Любопытно, что мама не знала, где серебряная ложка, а где нет. Мама часто выскребала подгоревшую еду из казанков и сковородок ложками. И, очевидно, лучшей для этого была одна из ложек. Так вот, за семьдесят лет такого использования, эта ложка чуть ли ни на треть была стерта. Когда я собрал все ложки, которые по виду могли быть серебряными, то взял и эту неказистую ложку и понес в пункт приема драгоценных металлов. И что же оказалось? Эта полустертая столовая ложка оказалась серебряной. Моя же в детстве нелюбимая «серебряная» ложечка оказалась мельхиоровой. С одной стороны это показывает благосостояние моих родителей «мелких собственников», а с другой стороны я напрасно мучился в детстве).

Время идет. Я начала поправляться. Ребенок успокоился, так как я его начала подкармливать.

Я — мама

Начинаю привыкать к роли матери. Наступила весна. Девочки приходят меня навещать.

Когда девочки приходили за мной, чтобы прогуляться, то они брали ребенка на руки, а я плелась сзади, так как стеснялась быть

матерью в моем раннем возрасте.

У Янкеля, старшего брата моей лучшей подруги Симы, было две мечты. Он хотел жениться на девочке из богатой семьи Голде Жернистой и стать кантором. В дальнейшем он свою мечту осуществил и стал лучшим кантором Москвы. В 1986 году я гостила в Москве у нашей Шуры. Тогда я к ним зашла в гости. Официально он работал сторожем и одновременно пел в синагоге. Янкель очень сильно изменился, а меня и вовсе не узнал. Стал он маленьким и толстеньким. У них было много детей, включая девочек-невест. Я поехала к ним с Аркадием, сыном Шуры, чтобы его засватать. Сватовство было безуспешным. Виделась я тогда и с Кларой Смотрицкой. Спустя пол века расставания мы друг друга узнали даже на расстоянии.

Наступил веселый еврейский праздник Пурим. *(Коротко об этом празднике. Он установлен в память о чудесном избавлении евреев от гибели в Персидском царстве. Об этом событии рассказывается в библейской книге Эстер (Эсфирь). Злой визирь Аман добился царского разрешения на уничтожение всех евреев царства. Но еврейская царица Эстер сумела отвести царский гнев от евреев и обратить его на Амана. Праздник назван Пурим, так как Аман бросал жребий «пур» о времени уничтожения евреев. По традиции в этот день принято посылать сладости в подарок родным, друзьям и бедным. Называются эти подарки на идиш — шалахмунес. Во время праздничной трапезы подаются треугольные пирожки с маком. Называются эти пирожки гументашами и символизируют отрезанные уши Амана).*

В этот праздничный день хозяйки соревнуются между собой, кто лучше спечет кондитерское изделие и преподнесет его друг другу. Я тоже спекла что-то вкусное и пошла впервые поздравить маму с ее внуком.

Собственный дом

У мамы возникла новая идея. Буквально рядом с маминым домом стоял дом из двух половин. В первой половине жила семья Иты, дочери Ханны-Ривы, а вторая половина пустовала и использовалась, как курятник.

За эту половину дома была судебная тяжба между Ханной-Ривой и ее богатым сыном Лейбом Шварцем. У самого Лейба был свой хороший дом и магазин в центре местечка.

Вот мама за эту часть дома, с согласия сына и дочери, и сторговалась с Ханной-Ривой за 250 рублей. Правда, было одно обстоятельство, которое впоследствии сыграло немаловажную роль. Это общий вход в обе половины дома. У кузнеца Зейды

Спектор была большая семья. Кроме жены Иты, были дочери Эстер, Лиза и сыновья Боря, Лева, самый маленький Гриша и бабушка Ханна-Рива.

Купленная нами часть дома была очень запущенной. Мы ее очистили и помазали снаружи и внутри, а столярные работы взялся выполнить друг покойного отца по имени Арн Бесноватый. Полы он покрасил красивой оранжевой краской с красивой художественной каймой. *(Сколько мне было лет, что я помню эти красивые полы? Не более трех).*

Выкрасил он все оконные рамы внутри и снаружи и ставни тоже. Отремонтированный и выкрашенный дом был настолько красив, что выделялся на всей улице. Нам достался даже сарай, который мы разделили на две части. В одной части мы разместили топливо, а во второй части был курятник. Сарай я тоже побелила. Рядом с сараем Авумарн построил уборную. Первое время на уборной повесили замочек. А потом замочек сняли, чтобы туда ходили, кто захочет. Для Добровеличковки это было редким явлением. По нужде ходили или за дом, или за амбары. Сейчас даже трудно себе представить, что такое могло быть совсем недавно.

Здесь, как и во многих других дворах местечка, не было помойных ям, а я уже к ним привыкла на предыдущих квартирах. Двор был большой, ничем не засаженный. Я возьми и предложи Ите, хозяйке второй половины дома, вырыть общую выгребную яму. Реакция была такой, что и представить себе было невозможно: «Хочешь стать здесь полновластной хозяйкой? Нет! Этого не будет! Я забиваю твой вход и попадай в свою квартиру как хочешь, хоть через окно».

Сказала — и так сразу и сделала. Действительно, пришлось попадать в квартиру через окно в кухне. Это окно было так низко расположено, что его можно было просто перешагнуть. Пошла, как всегда, за помощью к маме. Надо было как-то разрешить эту проблему. И я, а мне уже было более двадцати лет, и Аврумарн оказались бессильны. А вот мама выход нашла. *(Это событие было около восьмидесяти лет тому назад. И до этого, после смерти своего мужа Шаи, и после, всю мою сознательную жизнь, я был свидетелем того, что бабушка Брана была, как теперь говорят, генератором идей по выживанию семьи. Это качество частично от нее переняла моя мама и, к сожалению, больше никто).*

Организовать новый вход в дом можно было только пристроив коридор со стороны проезда во двор, а он и без того был узким. И вот мама с ювелирной точностью сделала расчет, что хоть и узкий, но коридор можно все же пристроить. В нашей

местности строили дома не из обожженного кирпича, а из самана *(саман — сырцовый кирпич из глины с добавлением в него резанной соломы).* В соседнем селе купили необходимое количество самана и быстро пристроили коридорчик, прорубив входную дверь из крайнего окна. Глиняный пол покрыли линолеумом и получился замечательный коридор для входа в дом с улицы. Можно себе представить нашу радость, когда вместо входа в дом через окно, у нас появился такой замечательный красивый вход. Спасибо тебе, мама родная! Во всех последующих бедах ты была мне помощницей и утешительницей. Итак, еще одна трудность преодолена — живи и радуйся!

Блаженство от дома и кухни

Следует еще рассказать об одном событии, связанном с покупкой дома. При оформлении договора на покупку, Шварц настоял, чтобы мы взяли к себе в дом некую старушку Блюму. Блюма была неполноценной сестрой Зейды Спектор, свата Ханны-Ривы. До этого она была няней в доме Шварца, но к тому времени потребность в ее услугах отпала. Так в нашем доме появился еще один человек.

Перейдя к нам, Блюма, со своей стороны, поставила условие, что она будет помогать мне по дому, но нянчить ребенка она не будет. Так как выхода не было, пришлось взять ее на содержание. Была Блюма маленьким, некрасивым, жалким, но спокойным существом. Хотя в семье Шварца ее и обижали, но на самого Шварца она не жаловалась. У нее была странность. Она обвязывалась несколькими белоснежными мешками, в виде юбки. Объясняла это тем, что таким образом она согревала живот и снимала боли. Кушала она мало и садиться с нами за стол отказывалась. Она накупила для себя множество курей и по утрам кормила их прямо из окна кухни, где с утра было солнце. Она прекрасно стирала и чистила до блеска кухонную посуду.

В кухне стояла большая русская печь, которая ее даже украшала. Одна большая стена кухни была всегда обклеена газетами. Когда газеты выцветали, их заменяли свежими. На этой стене мы размещали все свое кухонное богатство. В тазиках делались дырочки, чтобы можно было их повесить на гвоздик. На этой же стене висели полотенца, тряпочки, чугунки, кружки из красной меди, разливные ложки. В общем не кухня, а настоящий музей. Никто, мне кажется, не испытывал такой радости, как мы с мамой. Это я пишу от всей души, от всего сердца. Ни от чего, никогда не имела большего удовольствия, чем от этой своей кухни, от своего дома.

Я блаженствовала. Чувствовала себя хозяйкой большого дома. Выходила во двор — и все сияло. Курей много. Все куры красивые и каждая имеет свое имя. Ребенок растет здоровым. Блюма служит мне верой и правдой, так как я к ней хорошо отношусь.

В конце концов помирилась с соседями. Они оказались добрыми людьми. У меня сложились хорошие отношения с Ханной-Ривой, которая продала нам свою часть дома. Она для меня даже делала покупки в магазинах и на базаре.

Фима — «мыслитель»

Фима в девять месяцев стал ходить. Рано стал говорить и декламировать совсем не по-детски. Зейде дер ковель (кузнец) был в него влюблен. Он ставил Фиму на стол и тот ему декламировал к его удовольствию. *(Этого, естественно, я не помню. Исходя из описанных мамой событий, мне тогда было не более двух-трех лет. Как ни странно, но я кое-что запомнил из того далекого, безоблачного для меня времени. Помню эту чужую женщину, обвязанную белыми мешками. Помню приход к нам высокого человека с двумя маленькими коричневыми собачками с обвислыми ушами. Я тогда был на полу и мне было интересно на них смотреть. Из дальнейших маминых воспоминаний, — это, очевидно, был приход к нам фельдшера Цанка к моему дяде Авреймлу. Помню ненастные дни, когда мне нельзя было выходить во двор. Я садился у окна и смотрел на улицу. Люди, наблюдая за мной, очевидно думали обо мне то же самое, что я сейчас думаю о кошках на подоконниках, часами смотрящих на происходящее за окном. Но со мной это было не так. Я уже тогда* ***думал.*** *Причем мысли у меня были «глобального масштаба». Вот запомнившийся мне пример. По грунтовой дороге в грязи вереницей одна за другой ехали подводы. И каждая из них углубляла колею предыдущей. И думал я: «Так они могут продавить землю насквозь». Вот такой я был* ***«мыслитель»****. Совсем недавно я узнал, что в моих детских воспоминаниях нет ничего необычного. В возрасте примерно трех лет происходит первый, из трех, переходный период, который называется «Я САМ». Ребенок обнаруживает, что он такой же человек, как и взрослый, а взрослые его таковым еще не считают. Мамы и папы: «Не заблуждайтесь! Маленькие дети серьезно думают и запоминают». Учтите это. Со своими детьми я это понимал интуитивно.*

Помню и такое. Как мама уже вспоминала, нам выделили часть длинного сарая для наших нужд. В соседнем сарае возился

дядя, которого я часто видел у соседей. Из этого сарая я часто видел, что оттуда валил дым и чем-то пахло. Туда зайти я не решался, но через открытую дверь я видел, что дымит бочка. Для меня это было странным, так как до этого я видел только бочки, в которых была вода. Я тогда спросил папу, что это за бочка, из которой валит дым? На это папа мне ответил, что дядя Беня коптит селедку. Вот уже второй раз мы встретились с Беней — «золотые руки». Его золотые руки были, очевидно, наследственными, так как его папа Зейде был хорошим кузнецом.

Кстати, мама с раннего детства хотела сделать из меня «человека». Запомнилось, как-то она привела в комнату, где жил Беня и показала мне картину на стене, на которой был нарисован большой дом. Она сказала, что это здание Одесского оперного театра и что Беня видел его, когда служил в армии. Вот таким человеком надо быть, говорила она мне. Но последующее воспоминание относится, вероятно, к более позднему периоду, когда я был в Добровеличковке второй и последний раз, когда мне было уже лет пять.

Но наиболее загадочным детским воспоминанием для меня является мамина колыбельная песня. Я запомнил, как будто это было вчера. Моя кроватка стоит у стены. У кроватки сидит мама и тихо поет красивую песню. Я даже запомнил отдельные слова и фразы из этой песни: «Спи младенец мой прекрасный, баюшки баю. Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою. Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». И еще. «Богатырь ты будешь с виду…». Мама пела красивую колыбельную песню, которую она знала, очевидно, по семинарской школе. Но как я мог запомнить слова этой песни, когда я до пяти лет не знал русского языка и говорил только на идиш? Я как-то поделился с мамой этим воспоминанием и для нее это было тоже загадкой. И все же. То, что мне запомнился момент, когда мама пела песню у моей кроватки — в этом я не сомневаюсь. Это было и это не выдумка. Мотив этой красивой колыбельной песни я мог и запомнить. Что же касается слов, то это, очевидно, более позднее «приобретение». Только работая над этими воспоминаниями, я поинтересовался первоисточником этой песни. Оказалось, что эта песня написана на стихи великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Стихи называются «Казачья колыбельная песня»).

Сирота Авреймл

Наряду с хорошим, было и плохое. Когда мы обосновались в своем доме, к нам переехал жить племянник-сирота Аврумарна,

которого звали Авреймл. *(Далее в воспоминаниях родителей ничего об Авреймле не говорится. Я же помню скорбный разговор папы с мамой о трагедии с его сестрой Сарой. Я запомнил этот разговор потому, что то, о чем они говорили было мне тогда не понятно. Сара разжигала примус и он взорвался. Горячий керосин облил ее и она загорелась. Сара бросилась к постели, чтобы схватить одеяло и завернувшись в него, сбить пламя. Однако, находившаяся в комнате свекровь вырвала у нее одеяло. От ожогов Сара умерла мучительной смертью. Что же я тогда не понял? Одеяло ведь само тоже будет гореть. Не знал я, что завернувшись во что-то, можно погасить пламя, лишив его поступления кислорода).*

Надо было чему-то учить Авреймла. Аврумарн хотел, чтобы у него была хорошая профессия. Он отдал его в ученики провизору (фармацевту), но Авреймл не захотел учиться этой сложной профессии. Пришлось отдать его в ученики к парикмахеру. После учебы он неплохо работал в парикмахерской на ближайшей железнодорожной станции Помошная. Но спокойная жизнь длилась недолго. Зимой он пошел в баню, простудился и заболел летучим ревматизмом с сильнейшими болями. Пришлось его забрать к нам. У нас он сильно капризничал, издевался над Блюмой и дружил только с Фимой. Лечил его опять же незаменимый фельдшер Цанк. К лету он выздоровел и снова уехал на работу.

Во время болезни Авреймла Фима начал ходить. Я даже запомнила его первые шаги. Вообще он не лазил, а сидел на полу и занимался тем, что у него было под рукой. Как-то я пришла с базара и принесла лозовую корзину с продуктами. Корзину я поставила на пол рядом с местом, где игрался Фима. Фима взялся за край корзины, встал и пошел. Ему тогда было месяцев 9. Этот подъем наблюдал Авреймл. И тут же он придумал для себя игру, которая была полезна и Фиме. Он бросал свою обувь, а Фима должен был ее приносить.

Подруга Эстер

Зейде дер ковель выдавал замуж свою очень способную старшую дочь Эстер, мою лучшую подругу. Опишу вкратце, что представляла тогда местечковая свадьба. Стол накрыли в амбаре нашего двора. Гуляли до утра. А затем на подводах развозили гостей по домам с музыкой и танцами. За каждого гостя музыканты получали вознаграждение. После замужества некоторое время Эстер жила у нас.

Какое счастливое начало жизни было у Эстер и какая тяжелая

судьба у нее сложилась впоследствии вплоть до самой трагической гибели. До войны семья Эстер оставалась жить в Добровеличковке. Во время голода 1933—1934 годов ее с детьми оставил муж, и они чудом выжили. О том, как они выжили, я расскажу позже. А в войну она вместе с родителями погибла от фашистов.

О страшной судьбе Эстер я узнала от чудом уцелевшей Рахиль, старшей из ее дочерей. С началом войны с немецкими фашистами вся ее семья успела эвакуироваться на Северный Кавказ. Они жили в колхозе в районе реки Кубань. В колхозе им жилось неплохо, так как ее отец, старик Зейда, был кузнецом. В колхозе он был нужен, поскольку все мужчины были в армии. Когда немцы прорвались на Кубань, только в последний момент им удалось достать грузовик, чтобы уехать из зоны боевых действий. Но было уже слишком поздно. Когда их машину начали догонять немецкие мотоциклисты, Эстер схватила Рахиль и выбросила ее на ходу в высокую пшеницу, колосившуюся у дороги. Из своего убежища Рахиль видела, как нагнавшие грузовик мотоциклисты поснимали с кузова всю ее семью и тут же в пшенице расстреляли. Сама Рахиль вернулась в село, где они жили до этого. Ее приютила одна семья и, на ее счастье, никто из жителей села ее не выдал фашистам. Уже значительно позже, после окончания войны, Рахиль нашла нас и рассказала о трагедии постигшей ее маму и всю ее семью.

Мой протест

Шел 1926 год. Аврумарн тогда работал на паях со своим братом Юклом. Аврумарн занимался доставкой товаров в магазине и был по большей части в разъездах, а реализацией товара занимался Юкл. Патент был взят на Аврумарна. К сожалению учет расходов не велся, в том числе, если кто из пайщиков брал товар в магазине. У Юкла уже была вторая жена и двое детей от первого брака. Жена Юкла вышла замуж будучи старой девой, и к тому же с большой гордыней. Эта женщина очень хорошо одевалась.

А я была буквально раздета. Зимой я как в девичестве, так и в замужестве носила бекешу Аврумарна. Единственная красивая вещь, которая у меня была — это дамские сапоги с небольшим каблучком и очень мягкой кожей, спереди на сапогах был красивый вырез. Я даже помню фамилию сапожника. Его звали Афанасием Куликом.

Как вы видите, мы жили очень, очень скромно, а семья Юкла жила на широкую ногу. Я, естественно, переживала от такой

несправедливости, но даже маме не говорила об этом. В Добровеличковке буквально все знали, в какой семье что варится и печется. Вот мои знакомые стали мне доносить о широкой жизни семьи Юкла и что правит там не он, а его жена. В магазине был заведен порядок, что жены компаньонов в пятницу приходили и брали все, что им нужно. Причем, взятые продукты не учитывались. Я против такого порядка возражала, но меня не слушались.

В знак протеста я перестала брать продукты в нашем магазине, а покупала в магазине некоего Литвака. Сам Литвак давно был женат, но был бездетен.

Однажды зимой в этом магазине произошел инцидент, результаты которого я долго расхлебывала. Погода была морозной и я зашла в магазин, одетая в бекешу Аврумарна и сапоги, разрумяненная, здоровая и довольная жизнью. Приказчик обслуживал меня очень вежливо, так как дорожил каждым покупателем. Пока я подбирала товар, ко мне подходит хозяин магазина, берет меня ласково за щечку и говорит: «Эх! Какое яблочко досталось Аврумарну». Я же, не долго думая, отвесила ему звонкую пощечину. Оставила все продукты и ушла. Необходимые продукты купила в другом магазине, но эта пощечина имела большой резонанс в местечке, да и у нас дома тоже. Подумать только, кто кому посмел дать пощечину.

Конец обеспеченной жизни

Наша беда началась, казалось бы, с хороших событий. По предложению Юкла решили открыть второй магазин и взять в пайщики старого преуспевающего коммерсанта Сеню Медведовского. Патент на эти оба магазина уговорили взять, на нашу беду, Аврумарна. Хотя Аврумарн только приобретал товар для магазинов, а не занимался реализацией, оба патента были записаны на его имя.

Торговля процветала, а учета не было никакого. Меня это обстоятельство сильно беспокоило, а у Аврумарна был один ответ: «Если не доверять, то и совместного дела иметь не следует». В дальнейшем мои опасения о недопустимости ведения совместного хозяйства без учета оказались пророческими и привели к драматическим последствиям. Об этом чуть ниже.

Уже много позже я узнала, что собой представлял Юкл, как человек. После того, как компаньоны расстались, Аврумарн рассказал мне историю со свадьбой их младшей сестры Рахили, уже сироты. Тогда Юкл, уже будучи состоятельным человеком, отказался принять участие в ее приданном и даже приехать на ее

свадьбу.

Спустя непродолжительное время после приобретения второго магазина, Аврумарн стал подозревать, что компаньоны его обкрадывают и — по-крупному. Если поступки Медведовского еще можно было понять, он ведь был чужим человеком, но Юкл! Он ведь был родным братом, с которым они пережили не одну трагическую страницу в их совместной биографии в течение почти десяти лет? Подозрения о нечестном компаньонстве Юкла возникли у меня давно, еще перед моей поездкой в Елисаветград. Мы жили очень скромно. У меня тогда не было даже приличной одежды и обуви, а семья Юкла уже тогда ни в чем себе не отказывала, о чем мне докладывали его соседи. Когда же я заикнулась Аврумарну о неравном распределении прибыли, он мне заявил, что Юклу надо больше, потому, что у него вторая жена, а двое его детей растут без матери. И что младшая дочь Юкла лежит в гипсовой кроватке, так как у нее намечается горб. Тогда Аврумарн на мои сетования не обратил никакого внимания. Мы же жили скромно. Я ни одной копейки не давала маме и даже Лиза и Абрам к нам не ходили, чтобы злые языки не говорили, что я их кормлю.

В то же время, неожиданно для нас, оказалось, что у Юкла появился собственный процветающий магазин. Мне запомнилось, что у него первого в местечке перед магазином, появилось уличное радио, что, естественно, привлекало покупателей.

Разрыв Аврумарна с братом

Очевидно, случаев обкрадывания Аврумарна было много, но мне запомнился один, который стал как бы последней каплей, переполнившей чашу терпения. Как-то раз раньше времени вернувшись из поездки Аврумарн по делам зашел к Юклу домой. И что предстало его глазам? Большой обеденный стол был завален головками сахара. То, что они были из общего магазина видно было по их обертке. Вместе с женой Юкл сидел за этим столом и раскалывал специальными щипцами головки сахара на более мелкие куски. На этот раз Аврумарн поймал Юкла с поличным. После этого случая Аврумарн вычеркнул Юкла навсегда из своей жизни. Я со своей стороны пыталась наладить их отношения, но безуспешно. Дальнейшая судьба Юкла и его потомства мне не известна. Кстати, о головках сахара. В те времена сахар выпускался в виде конусов, думаю более пяти килограммов, и назывались они головками.

(Больше в маминых и папиных записках о родных папы ничего

нет. А вот что я помню о них. Эти воспоминания как бы в тумане — не отчетливо и расплывчато. Племянник папы Авреймл. Он длительное время жил в семье родителей в Добровеличковке. Папа дал ему специальность парикмахера, что по тем временам было совсем неплохо. Потом он возник в моей жизни еще раз в Харькове. Мне тогда было лет десять-двенадцать. Когда он приходил к нам в гости, мама была ему не рада. Он не был пьяницей, но, очевидно, выпивал, что в нашей семье не приветствовалось. Из записок мамы видно, что он меня любил. В Харькове он иногда брал меня с собой. Мне запомнилась одна прогулка с ним. Мы зашли в полуподвал (над землей возвышались только окна, что было тогда для меня в диковинку), где жил его приятель сапожник. Запомнился этот визит потому, что там я впервые увидел птичку в клетке. Это, кажется, была канарейка.

Еще я помню худенькую папину племянницу, которая гостила у нас во время голода, когда многие умирали от истощения. Это было время, когда я спал на обеденном столе, а она спала на полу у плиты. Имени я не запомнил, но запомнил одно событие, связанное с ней. Случилось так, что дома оставалась только она и я. Ей поручили сварить пшенный суп. Когда пришло время обедать, то есть его, несмотря на голод, никто не смог, настолько сильно он был пересолен.

И последнюю из папиной родни, опять же папину племянницу, мы встретили в эвакуации в городе Коканд. Она с нами мало общалась. Помню, что она была женой командира (офицера), который был на фронте. Знаю, что она не нуждалась, так как тогда жены офицеров получали зарплату своих мужей, а это были не маленькие суммы. Вот и все, что я помню о всей большой папиной родне. Хочу подчеркнуть, что несмотря на неустроенность нашей семьи, слава Богу, кое-кто обращался к моим родителям за помощью, а не наоборот. Как вы увидите из последующих глав, все взрослые члены нашей семьи, включая, конечно, и бабушку Брану, и ребенка Леню, боролись за то, чтобы выжить, иногда даже преступая суровый советский закон. И снова, в который уже раз, хочу подчеркнуть, что цель этих записок — сохранить, хоть как-то, память о людях, давших нам жизнь, чтобы они не исчезли бесследно).

Конфискация дома

Очень скоро закончился НЭП. Власть за неуплату непосильных налогов стала лишать собственников их имущества. У Аврумарна, как у владельца патента аж на два магазина, оказался большой долг. Такую сумму он уплатить не мог.

Компаньоны Юкл и Медведовский от участия в уплате налогов уклонились. В этом я всю жизнь виню Юкла. Сам же Юкл, способный делец, вовремя свернул свои дела в Добровеличковке и уехал со всей семьей в Одессу. С момента разрыва ни я, ни Аврумарн ничего не хотели о нем знать. И все же. После войны мы расспрашивали знакомых одесситов о них, но никто о них ничего не знал. По всей вероятности, они, как и тысячи других евреев, погибли во время фашистской оккупации.

Предстояла конфискация имущества, включая и дом. После конфискации должнику оставляли только кровать, стол и два стула. Пришлось всю мебель и другие ценные вещи спрятать у соседей.

Как в вопросе патентов на магазины, так и в вопросе прав на дом, мы оказались совершенными профанами. Если бы купчая на дом была оформлена на мое имя, то никаких проблем с фининспектором не было бы. А вот пример другого делового человека. В местечке был магазин, хозяином которого был молодой человек по фамилии Долгий (кстати, Аврумарн раньше засватал его моей подруге Симе Грабовской). Так вот он, в нужное время, свернул свое дело и переехал в Москву, где неплохо устроился. А мы остались ни с чем.

Финансовый инспектор по фамилии Ермолович постоянно описывал наш дом и имущество. *(Вот так память. Благодаря этой необычной памяти, этот чиновник попал на страницы этих воспоминаний).*

Магазина уже нет, а жить-то надо. Надо как-то приспособиться. И начались наши мытарства.

Вначале, на окрестных базарах, мы скупали у крестьян сливочное масло для перепродажи его в Одессе. Но перед этим все разрозненные, разноцветные куски масла надо было соединить в одну однородную массу. Делалось это так. Все куски хорошо мыли, затем сваливали их в таз и долго, долго месили, пока не получалась однородная по цвету масса. Затем этой массе придавали форму коробки и Аврумарн отвозил это масло на рынок Одессы. Со временем этот заработок прекратился, так как цены на масло у нас и в Одессе практически выровнялись.

Шел 1927 год. В Добровеличковке не было никакой работы.

Одесса

Надо было ехать в Одессу, на заработки, так как другого места Аврумарн не знал. В Одессе Аврумарна уговорили вступить пайщиком в артель «Картофельный продукт», производящую крахмал. Работа была адской, в особенности зимой. Необходимо

было так отмывать грязный картофель, чтобы после отмывки крахмал был белым. Темный крахмал не продавался.

И это при том, что у него с детства был псориаз на руках. В таких тяжелейших условиях Аврумарн проработал всю зиму. Весной он решил забрать меня и Фиму к себе в Одессу. Снимал он крохотную комнатку в гостинице на центральной улице Ришельевской.

В комнатке стояла узкая железная кровать, стол и один стул. В гостиной по вечерам собирались все постояльцы и там было очень шумно. Мне, провинциалке, было страшно проходить через это сборище чужих людей, поэтому я всегда брала с собой Фиму. Мне в то время было примерно 22 года и я выглядела очень молодой. И у меня, и у Фимы сохранился деревенский румянец и постояльцы странно на меня поглядывали. Я была единственной женщиной среди этого разношерстного люда, да еще с очень красивым ребенком. Когда пришло время делить прибыль, то она оказалась незначительной. К тому же, по всей вероятности, не обошлось и без жульничества. Так как к этому моменту финансовый отдел все еще не реквизировал наш дом, я уговорила Аврумарна вернуться в Добровеличковку. *(Чтобы окончить повествование о пребывании родителей в Одессе, я хочу рассказать от себя мое впечатление от Одессы тех времен. Если мама пишет, что ей было около 22 лет, а сомневаться в ее памяти нет оснований, так как она даже запомнила номер дома гостинцы, значит это было в 1928 году и, следовательно, мне было 3 года. Я совершенно не помню наше жилье, которое описала мама. Но мне запомнилась большая толпа людей, среди которых я стоял с родителями, а по проезжей части шло множество людей с красными флагами, и среди них ехала машина, а на ней стоял толстый человек одетый во что-то «чудэрнацькэ» и чем-то размахивающий. На мой вопрос, что это за человек, мне ответили, что это священник, и что он враг, с которым все должны бороться. Запомнилось мне, что все люди, включая моих родителей, веселились и радовались. И это при том, что, очевидно, большинство людей жили тогда в ужасных условиях, только что описанных мамой. Люди были счастливы, невзирая на материальные трудности. Судя по описанным мамой событиям и времени, это была первомайская демонстрация на одиннадцатый год свержения царизма. Это значит, что в то время народ был полностью на стороне Советской власти).*

Мама производит квас

Мы всей семьей возвратились в Добровеличковку, пока еще

в свой дом.

Этой весной маме привалило счастье. В то время многие евреи снимались с мест из-за невозможности жить по-старинке. Уезжали кто куда. Очень многие уехали в Москву, как Арн с Бобеле, а многие уехали в Ташкент. Тогда Ташкент считался благодатным местом. Кстати, уезжали от неразберихи не только евреи. В 20—30-х годах была широко распространена книга писателя Неверова «Ташкент — город хлебный». Уезжая туда трудоспособные люди приобретали всевозможные профессии, которые могли там пригодиться. Это были стекольщики, маляры, сапожники, портные, кузнецы и даже мастера по изготовлению конфет. Уехал туда и друг моего отца и к тому же зять моего дяди Ейлыка. *(Имя этого доброго человека мама забыла, но запомнила, что он был мужем Нехамы, она пишет дочери дяди, а в действительности двоюродного дедушки Ейлыка. Уже это одно подтверждает целесообразность этих записок. Ведь была довольно близкая родственница Нехама, а вот ее племянник Иосиф даже не помнит о ее существовании. Такова жизнь!)*

Человек этот был искусным мастером по изготовлению хлебного кваса и ехал туда тоже производить квас. Вот он и решил сделать доброе дело для мамы, в память о большой дружбе с моим папой. Он решил передать маме секрет изготовления хлебного кваса высокого качества, что обеспечит ее и ее семью безбедным существованием. Во всей округе только один человек занимался тогда изготовлением кваса. Но он не сможет быть конкурентом, так как такого качества квас ему не сделать. Для организации производства необходимо было иметь ледник, входной погреб, бутылки, пробки и пробочник, для заколачивания пробок в бутылки. Для этого производства нужна была мужская сила и в нее с большой охотой включился Аврумарн.

Коротко опишу эти средства труда.

Ледник. В леднике лед должен сохраняться все лето для поддержания холода в производственных целях. Для сооружения ледника роется глубокая яма. Хорошая термоизоляция осуществляется с помощью снопов соломы, обильно уложенных на дне и вдоль стен ямы. После укладки в нее льда зимой, над ямой сооружается крыша из большого количества соломы. В нашем хорошо сделанном леднике лед держался все лето до наступления холодов.

Затем возникла задача строительства входного погреба. Что такое «входной погреб»? Это погреб со входом снаружи, а не изнутри помещения. Для сооружения такого погреба необходим был не копанный ранее грунт. С трудом нашли

небольшой участок у старого дедушкиного дома. На нем построили, как нам тогда казалось, погреб на века. А оказалось всего на пару лет. Но об этом позже. В погребе были выдолблены ниши для будущих бутылок. В ту пору даже бутылки были дефицитом. В стране всего не хватало, так что из бутылок делали стаканы.

И все же и бутылок накупили, и весь инвентарь тоже. Переданный маме секрет был замечательный и квас получался превосходным, так что из открытой бутылки выходило даже облачко газа, и был он необычайно вкусным. Стала мама ездить со своим квасом по базарам окрестных деревень. Товар раскупался быстро, так как он был лучшим в округе. Даже «коренной квасник» стал набиваться к маме в компаньоны, но мама ему под благовидным предлогом отказала.

В ту пору Аврумарн вступил в компаньоны с одним порядочным человеком по фамилии Табачников. Они у оптовиков на стороне покупали товар и продавали его в небольшие магазины. Это товарищество продержалось не долго, так как Советская власть начала ликвидировать мелкое предпринимательство. Табачников сообразил к чему это ведет и решил бросить все и уехать вслед за дальновидными людьми подальше. Он решил ехать в Ташкент в надежде там организовать производство конфет. Раздел совместного имущества произвели по-дружески и Табачников даже предложил Аврумарну совместный переезд. Аврумарн отказался, мотивируя это тем, что теще в ее производстве нужны мужские руки. Это решение было недальновидным — пока еще не «прижали». А ведь к этому шло, и умные люди уезжали до того, как их придавили. Некоторое время мы еще жили в своем доме, так как он государством не был продан с торгов. Мы жили относительно спокойно. У нас даже снимала комнату Эстер — старшая дочь кузнеца Зейды.

Мама и Лиза поступают в колхоз

Эта временная передышка подошла к концу. Маме пришлось прекратить свое налаженное производство и поступить в колхоз. Поступление в колхоз было обязательным. Колхоз — это коллективное земледельческое хозяйство, где все частное имущество отчуждалось в общее пользование. Тогда в колхоз поступили и Бобеле, и Арн, и малолетняя Лиза. А для нас жизнь становилась все труднее и труднее из за того, что у Аврумарна не было постоянной работы.

Аврумарн собирается в Харьков

У Аврумарна было четверо двоюродных братьев со стороны мамы, которые в это время уже жили в большом городе Харькове. Это были братья Кисляновы — Исаак, Лева, Юкл и, самый младший, Нуся. Нуся был старым холостяком и в это время судьба его забросила в Добровеличковку жениться. Кто-то предложил ему в невесты очень хорошую девушку Клару Фонбертейн. Аврумарн знал Нусю только в детстве. И знал он только, что родители тогда о нем плохо отзывались. Помня только детские воспоминания о Нусе, Аврумарн посоветовал старшему брату Клары поехать в Харьков и больше разузнать о нем. Брат в Харьков не поехал и свадьба состоялась.

Во время пребывания в Добровеличковке Нуся уговаривал Аврумарна переехать на постоянное жительство в Харьков, мотивируя тем, что там легко устроиться на работу и у него там будут близкие люди.

А дела наши становились все хуже и хуже. Аврумарн согласился бы на любую работу, но ее не было, а жить как-то надо было. Аврумарн не гнушался никакой работы, включая физическую, но и ее не было. Посоветовались и решили, что ему надо куда-то ехать на заработки. И тут вспомнили приглашение Нуси, тем более, что он предложил на первых порах, пока Аврумарн не найдет квартиру, пожить у него.

(Наша семья начала поэтапно покидать Добровеличковку. Первым навсегда уехал папа. Добровеличковка! Есть такое выражение, что родину, как и место рождения, не выбирают. Мне же повезло, что я родился в городке с таким многозначительным названием — «Добровеличковка». Если разобраться, то это городок «Великого Добра». И обстоятельства складывались так, что надо было это «Великое Добро» покинуть. Как вы только что прочли, у родителей не так уж много добра там было. Если у бабушки, мамы и папы остались воспоминания о жизни в этом городке, то у меня только отметка о месте рождения).

Часть II. Мы переезжаем в Харьков

В этой части будет описана жизнь нашей семьи в Харькове в советское время вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Папина жизнь начинается сначала

К этой главе воспоминаний родителей, я хочу сделать свое предисловие.

Из предыдущих глав вы знаете, что жизнь у папы так сложилась, что у него не было никакого образования. Никакого! Ни религиозного, ни светского. Не обучили его никакой профессии. С помощью старшего брата он занялся коммерцией. Причем, не коммерцией собственно, а был заготовителем товаров у оптовых продавцов. Когда время частной торговли закончилось, он оказался не у дел. Никакой, даже самой тяжелой физической работы, в Добровеличковке не было. Чуть выше мама пишет, что папе следовало ехать «на заработки». Но это не совсем точно. Практически все люди в таком возрасте уже имеют профессию, такую как портной, сапожник, кузнец или одну из множества других житейских специальностей. У папы не было никакой профессии, да еще его не проходящий псориаз. И вот он поехал на чужбину, в Харьков, без специальности, без жилья и даже без денег, о чем вы прочтете чуть ниже. Действительно, ему, семейному человеку в 37 лет, жизнь надо было начать с чистого листа. Пришлось папе одному ехать в Харьков с тем, что когда он найдет себе какую-нибудь работу, то вызовет маму со мной.

Харьков привлекал тем, что в это время он был столицей Украинской республики в составе бывшего тогда Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Кроме того это был самый большой промышленный город в республике и там легче было найти работу, от отсутствия которой страдала наша семья.

Теперь обратимся к запискам папы.

Приехав в Харьков, я первые дни остановился у Нуськи, как тот и обещал, когда был в Добровеличковке. Но комната у Нуськи была одна, да еще и подвальная. К тому же и семейные отношения у супругов не складывались.

Пришлось мне снять угол в большой комнате у женщины, которую звали Циля Вертейм. *(Есть необходимость объяснить, что такое угол. В те времена в больших городах был дефицит жилой площади. Вот тогда получил распространение способ сдачи хозяевами одной комнаты нескольким квартиросъемщикам. Каждый жилец получал как бы свой угол. Это аналогично общежитию, но разница в том, что в общежитии живут несколько человек одного пола, а в случае углов — семьи и даже с детьми).*

Я устроился в пекарню развозить хлеб по магазинам

на подводе. Опишу эту работу. Вставал я утром в четыре часа и шел пешком примерно километра четыре до конного двора, где запрягал лошадь в подводу, на которой стоял контейнер (тогда это называлось будкой), в который навалом набрасывались буханки хлеба. В мои обязанности входило в пекарне нагружать будку горячими батонами, а по приезде брать по десять батонов в руки и заносить в магазин. Тогда лотков для батонов не было. И еще. Я загружал горячие батоны прямо из печи, а рабочих рукавиц не было, так что к вечеру мои руки набухали и лопались. И все же этой тяжелой работой я был доволен, а мучиться от боли я уже привык с детства — как вы помните, у меня с детства на руках был псориаз.

В это время в стране были распространены всевозможные учебные курсы в вечернее время. И я решил учиться на агронома. Моя работа заканчивалась в четыре часа. А к шести я уже шел на курсы. Я буквально бежал на курсы, так как деньги на трамвай я экономил. Учеба мне очень нравилась. Если на многих уроках я дремал из-за усталости, то на уроках арифметики сон у меня как рукой снимало. Арифметика мне очень нравилась и преподаватель ставил меня другим слушателям в пример. По арифметике я считался лучшим учеником в нашем классе.

Но моя радость от учебы быстро оборвалась, так как Фаня с Фимой вынуждены были покинуть Добровеличковку из-за продолжавшихся притеснений местных властей. Ведь она была женой бывшего владельца магазина.

(На этом месте мне захотелось немного пофилософствовать. Вот уже много лет, как родители умерли и теперь поздно задавать им вопросы: «Почему вся их жизнь осталась в этих нескольких тетрадках, а мы, их дети, — пока, вернее, только я, — узнаем об их, порой невыносимо тяжелой жизни, только из этих нескольких сохранившихся тетрадей?» За эти тетради им большое спасибо!

У замечательного русского писателя К. Г. Паустовского есть такое выражение: «Жизнь у пожилого человека состоит из воспоминаний». И здесь я вспоминаю мою встречу на вечере читателей с писателем Д. Граниным, где он рассказывал собравшимся об их работе вместе с писателем А. Адамовичем над «Блокадной книгой». Это книга о жизни жителей города, который тогда назывался Ленинград, а теперь Санкт-Петербург, переживших 900 дней блокады города войсками немецко-фашистской Германии. Часть населения города, несмотря

на варварские бомбардировки, нешмоверный голод и холод, выжила. Тогда от голода и холода в городе погибло много сотен тысяч людей. Работая над этой книгой, писатели ходили из дома в дом с магнитофоном и записывали рассказы людей, переживших эту ужасную блокаду. Так вот, почти все из них рассказывали писателям, что даже члены их семей с неохотой слушали о пережитом ими времени. Да что далеко ходить. В нашей семье я был на фронте в Великую Отечественную войну. И о том, как я воевал мои близкие узнали не из моих живых рассказов, а из моих напечатанных воспоминаний «Армия 1943—1945 гг. Воспоминания солдата»).

Записки мамы о нашей жизни в Харькове

Фима учит русский язык

Когда я приехала с Фимой в Харьков, то с вокзала заехала к Нуське, думая временно у него остановиться, но он мне в этом отказал. Пришлось Аврумарну просить у хозяйки комнаты, где он снимал буквально один угол, так как остальные углы занимали другие жильцы, согласие на то, чтобы и я там временно поселилась. Хозяйка комнаты проявила настоящую человечность и без раздумий разрешила. Эту женщину муж оставил с тремя детьми Олей, Гришей и Левой. Дети были немного старше Фимы. Они издевались над Фимой, не знавшим русский язык. Надо было как-то помочь Фиме. Подзываю их и у нас произошел следующий разговор.

Я: «Вы евреи или нет?».

Оля: «Да. Евреи».

Я: «Вы говорите на идиш?»

Оля застенчиво: «Нет».

Я: «Почему вы не знаете свой родной язык?»

Оля: «Нас ему не учили».

Я: «Тогда давайте договоримся. Вы его учите русскому языку, а он вас идишу».

На этом и договорились. Не знаю, научились ли эти дети своему языку, а Фима быстро заговорил по-русски.

(Здесь вклиниваюсь я со своими воспоминаниями об освоении русского языка. Я его осваивал, но не так быстро. Запомнился мне случай, когда мы уже снимали отдельную комнату на Павловском переулке. Там была девочка Катя, старше меня, которая тоже учила меня русскому языку. Вот такой эпизод. Мы с ней сидели на деревянном крыльце перед входом в нашу комнату. И Катя объясняла мне разницу между кольцом и крыльцом, на котором мы сидели. И еще память сохранила у меня складную красивую стенку, которую родители передвигали, когда мы жили на Рогатинском переулке. Как я потом узнал это была ширма).

Кисляновы

Во всем огромном городе у нас были родственные связи только с двоюродными братьями Аврумарна — Кисляновыми, а точнее у меня с Лизой, женой старшего из братьев Исаака. Она

и была моей самой лучшей советчицей в этом новом мире большого незнакомого города. Лизе моя хозяйка квартиры не нравилась. Она считала ее женщиной легкого поведения.

Мне хочется описать братьев Кисляновых, так как их старший брат Исаак и, в особенности его жена Лиза, сделали для нас очень много добра. Исаак и остальные его братья кроме Нуськи были очень крупными, спокойными мужчинами. Лиза тоже была крупной женщиной. В семье Исаака был настоящий матриархат. Всем заправляла Лиза. Она была очень волевой и работящей женщиной. Сама Лиза преклонялась перед деловыми людьми. В то время у них росла дочь Нюся лет десяти.

Второго брата, тоже огромного, звали Юкл. У Юкла была вторая жена Люба. У Любы была дочь от первого брака Рахиль. По словам Лизы, Люба была просто ангелом. И зачем ей такой неотесанный хамлыга, который не в состоянии прокормить семью? Она и добрая, и красивая, и еще кормит такую большую семью, так как работает в столовой. Что же касается детей Юкла, то у него от первого брака были дочь и сын. Оба ребенка были недоразвитыми. Сын жил с ними, а дочь находилась в какой-то психиатрической больнице и Люба ее часто навещала с подарками и лакомствами.

Третьего брата Кисляновых звали Левой. По словам той же Лизы, Лева был в семье наиболее культурный и образованный, но у него была тяжелая почечная болезнь. Жена Левы Клара была красивой, образованной женщиной и работала где-то бухгалтером. Клара была намного моложе Левы. У них был очень славный мальчик, в котором они души не чаяли.

Четвертого брата звали Нуська. Я уже о нем упоминала. Опять же, по словам Лизы, Нуська был настоящим коммерсантом, но по характеру — просто сумасшедший.

Никто из этих двоюродных братьев, даже на время, не мог нас приютить, так как все они жили в малюсеньких комнатушках.

У старших братьев, кроме Нуськи, был странный, на сегодняшний день, промысел. Лиза с иронией утверждала, что три брата, кроме Нуськи, мелкие коммерсанты. Они и считать то умеют только до десяти.

Эти три брата покупали на базаре у крестьян старые мешки. Дома их стирали, латали, а потом продавали на базаре и за этот счет плохо, но могли жить три семьи. Предложили и Аврумарну включиться в их коммерцию. Надо отдать должное этим братьям, несмотря на то, что Аврумарн мог составить им конкуренцию, они даже предложили ему деньги для закупки мешков на первых порах. *(Эти Кисляновы были папиными двоюродными братьями. А теперь вспомним, как с папой поступил его родной брат Юкл,*

бессовестно обкрадывая его. И кроме того, ненароком брошенная мамой фраза о кредите Кисляновых на покупку старых мешков говорит о том, в каком плачевном состоянии находился папа. У него не было даже денег на покупку нескольких рваных мешков).

Но Аврумарн отказался — ему осточертела всякая торговля и такой заработок.

Жилье

Я стала просить Аврумарна найти другое жилье. А это было очень сложно в городе, переполненном семьями, вырвавшимися из деревень и черты оседлости.

После долгих поисков, нашлась комната в поселке Рыжов, пригороде Харькова. Жить в этой квартире мне, жившей до этого в украинской глуши, было тяжело. Круглосуточно стоял грохот проезжавших железнодорожных составов. И, к тому же, в доме постоянно матерно ругался пьяница хозяин, которого я очень боялась. До этого я ничего подобного не слышала. Так как Рыжов был пригородом, то все продукты надо было привозить из Харькова. Аврумарн работал очень тяжело, а еще вечерние курсы после работы. Все это и сподвигло меня на непростительный поступок. И я его сделала. Несмотря на то, что Аврумарну очень хотелось учиться и он очень любил заниматься (первый раз, а потом оказалось и в последний, дорвался до настоящей учебы), я с плачем настояла на том, чтобы он бросил учебу. И он ее бросил. Этот поступок он мне не простил до конца жизни, да и я сама себе тоже.

Здесь я еще раз хочу отметить великодушие и доброту Лизы и Исаака Кисляновых. Однажды мы всей семьей пошли к ним в гости. Узнав о нашем бедственном положении они, не задумываясь, предложили мне и Фиме временно остановиться у них, с тем чтобы Аврумарн где-нибудь снял себе угол. Доброта их была удивительной, так как нормально уложить спать нас было негде. Их хозяин дал согласие, и они нас в их тесноте разместили на раскладушках, а сами Кисляновы и их дочь Нюся спали на тесно прижатых друг к другу кроватях. Так мы прожили у них некоторое время.

Немного еще хочу дополнить рассказ о семье Лизы и Исаака. Лиза была прекрасной хозяйкой и хорошо готовила. Она пекла замечательные ароматные булочки. Их вкус я и сейчас помню. И еще. Лиза, как и я были женами мелких торговцев, что в то время преследовалось властями. Опишу два примера по этому поводу. Примерно году в 1926-м, в Добровеличковке, избирали женский совет местечка. Уговорили и меня пойти на это

злополучное собрание. Так как из всех наших женщин я была самой образованной и грамотной, то наша соседка Бася-Бруха предложила мою кандидатуру в женский совет. Но мою кандидатуру отклонил Янкеле Бахмутский, бывший в то время главным представителем Советской власти в местечке, как жену мелкого собственника. Я обиду проглотила и ушла. То же самое произошло и с Лизой, так как ее девичья фамилия была Карогодской — очень зажиточной до революции семьи. Она устроилась работать швеей в артель и стала носить красную косынку — признак принадлежности к пролетариату (рабочему классу).

Поиск квартир в то время осуществлялся на бирже. Что собой представляла такая биржа? Это был какой-то свободный участок земли, чаще всего сквер, где собирались маклеры (люди у которых были адреса квартир и комнат, которые сдавались в аренду) и туда приходили после работы люди, нуждающиеся в жилье. За каждый адрес маклер брал деньги. Туда и ходил Аврумарн каждый день после работы. Зачастую маклер посылал по адресу сдаваемого жилья, предварительно взяв с Аврумарна рубль, а это были для него большие деньги, а жилье уже давно было сдано.

И все же, однажды нам повезло. Маклер, который когда-то предложил адрес угла, где жил Аврумарн, предложил ему адрес комнаты. Они договорились так, что если квартира не сдается, маклер возвратит ему деньги. Мы быстренько собрались и пошли смотреть эту квартиру в переулке Юного Ленинца, который раньше и теперь в простонародье назывался Павловским. Это было недалеко от центра города. Двор, в котором предлагалась наша квартира, был очень большим. С двух сторон двора стояли два добротных дома, причем один из них был под соломенной крышей. А в глубине двора стоял деревянный флигель с застекленными верандами, разделенный на четыре части. Одна из комнат с верандой была свободна и подлежала сдаче. Но когда начали договариваться, то возникла ссора между наследниками. Когда мы, так и не договорившись, вынуждены были уйти, то нам улыбнулась удача. В это время во дворе сидела женщина, которая как потом оказалось была старшей по возрасту наследницей. Звали ее Анной Никаноровной. Так вот, мы ей, очевидно, как потенциальные жильцы понравились. Она нам сказала, чтобы мы не отчаивались. Что эта комната принадлежит только одной наследнице и они в конце концов договорятся. Так оно и случилось. Вскоре мы поселились в этой комнате.

Эта комната досталась нам намного тяжелее, чем дом в Добровеличковке. Тогда, когда мы перебирали съемные

квартиры и купили пол дома, то с позиции сегодняшнего дня мы просто бесились с жиру.

Мы осваиваем Харьков

Хочу немного описать Харьков тех времен с добавлением более поздних сведений, которые я, естественно, тогда не могла знать.

Первый маршрут трамвая, которым я ездила, был — к Кисляновым. Из окна трамвая я видела огромную строительную площадку. Правительство решило построить в развивающемся, так называемом нагорном районе, величественную площадь. Площадь назвали Дзержинской. Знатоки утверждали, что по площади она вторая в Европе. По замыслу архитекторов по периметру площади должны были быть построены красивые высотные здания. Замыкало площадь грандиозное железобетонное здание дома Государственной промышленности (Госпром). Это здание строилось при мне на месте большого холма, который строители срыли. Но в то время на этом холме ютились жалкие лачуги цыган. Трамвайная линия проходила у подножия этого холма и я, проезжая к Кисляновым, из окна вагона завидовала жилью цыган. *(Когда мы проезжали, я видел из окна трамвая высокие земляные столбы, с сохранившейся даже на них травой. Теперь я догадываюсь, что это были, вероятно, геодезические отметки).*

Теперь у нас есть, хоть наемное, но отдельное жилье. Причем близко находится большой городской базар, который называется Конным. В прежние времена там очевидно торговали лошадьми. Близко проходила трамвайная линия, буквально рядом продовольственные и хлебные магазины, да и до центра города было недалеко. С соседями мы скоро подружились. Таким образом, у нас совершенно случайно оказалось удачное во всех отношениях жилье.

Не успели мы вселиться, как разгорелся еще один скандал между наследниками. И снова наш добрый ангел Анна Никаноровна нас успокаивала. И на этот раз все обошлось.

Пришло время описать нашу комнату. Это была длинная узкая комната размерами примерно 3 на 5 метров. У противоположной от входа стены было окно, которое давало мало света, так как за ним на расстоянии примерно двух метров возвышалась высокая стена капитального дома. Основной свет поступал через внутреннее окно между комнатой и застекленной верандой, обращенной на юг. В квартире всегда было солнечно. Потолок был деревянным. Основной достопримечательностью

комнаты была русская печь, которая занимала треть комнаты. Мы наняли хорошего печника, который развалил эту печь и на ее месте соорудил хорошую плиту с двумя конфорками и духовкой. Комнату мы побелили и снова хорошо зажили. А тут еще мама прислала нам нашу мебель: две кровати, полубуфет, знаменитую кушетку с дырочками и большой обеденный стол. Эта мебель заполнила всю нашу комнату.

(Из разрозненных воспоминаний папы: «После того, как мы устроились с жильем, я решил оставить работу развозчика хлеба, так как она была тяжелой и плохо оплачивалась. Я поступил на курсы каменщиков. Очень скоро получил удостоверение о том, что я могу работать каменщиком. Имея уже законную профессию каменщика, я поступил на работу в трест „Харбудстрой“. Это был главный трест по строительству в Харькове. Работа каменщика, хоть и тяжелая, мне нравилась. Особенно трудной была доставка кирпича, песка, извести и цемента на верхние этажи строящегося здания. Все это переносилось на спине в так называемых „деревянных козлах“ по временным деревянным помостам и в дождь, и в снег, и в мороз».

Читатель, обрати внимание! Папа описывает конец двадцатых годов прошлого столетия, то есть примерно немногим более 80 лет тому назад. По моим сведениям, в эти годы в мире уже широко была развита строительная техника. В стране строилось много современных и высотных сооружений, но само строительство осуществлялось допотопным способом. Никаких подъемных кранов, даже простых подъемников, никаких централизованных бетономешалок. Все строительные материалы переносились на спине рабочих. Я еще помню, как строительные материалы подвозились на конной тяге, на телегах, похожих на половину лежащей на боку бочки. Их называли «каталажками». Подъехав к месту назначения, кузов телеги возчиком переворачивался и содержимое высыпалось. Эти каталажки были аналогом автомобильного самосвала, но кузов опрокидывался набок. В записках папы есть такой эпизод, который я привожу дословно. «Так как я работал с удовольствием, активно помогал в рабочем комитете и был ударником труда, то это не прошло без внимания со стороны моего непосредственного начальника — бригадира. Бригадир говорит: «Я первый раз вижу, чтобы еврей так усердно работал».

Здесь требуется уже мое пояснение. К сожалению в народах среди которых жили евреи в царской России, а затем и в Советском Союзе, сложилось отрицательное отношение к евреям. Оно и сейчас такое. Большинство было уверено, что евреи — торгаши

и нечестные люди. Но это отдельная тема и ее в этом повествовании я, по мере возможности, буду еще касаться.

Это время мама описывает несколькими словами, характерными для того времени. «Аврумарн после всех мытарств работал с удовольствием.» В это время Харьков был столицей Украины и в городе велось большое строительство, в котором участвовал и отец. Строили Дом государственной промышленности. Это здание даже спустя пятьдесят лет является величественным строительным сооружением. Строился один из самых больших в стране тракторный завод (ХТЗ), электростанция и многое другое. И, что характерно для тех времен, она пишет, что мы, наследники, должны гордиться вкладом отца в это строительство. Папу прикрепили к магазину, где он получал специальный продовольственный паек, спецодежду, обувь и талоны на приобретение тканей).

Туберкулез

Уже на дворе 1929 год. Аврумарн работает каменщиком в тресте «Коммунбудстрой». Работа неплохо оплачивается и мы чувствуем себя хорошо. Нас прикрепили к магазину и мы получаем специальный паек. Кроме того, Аврумарн получает спецодежду. Аккуратность Аврумарна давала еще дополнительный источник нашего благополучия. К установленному сроку выдачи очередного набора одежды и обуви Аврумарн не снашивал ранее выданную. Я полученную новую одежду и обувь продавала на вещевом рынке, а за вырученные деньги покупала что-нибудь более необходимое.

Правда один раз я пострадала. Подошел ко мне «покупатель» и я дала ему один ботинок, а второй у меня был в сумке. Пока «покупатель», как бы рассматривал покупку, кто-то меня сильно толкнул сзади, так что я упала. Когда я поднялась с земли, у меня пары ботинок уже не было.

И снова напасть. После таких сильных переживаний и потрясений за каких-то пять лет, у меня открылся туберкулез. Мне только 23 года.

В то время наше медицинское обслуживание осуществлялось местной амбулаторией. В нашей амбулатории работала замечательный врач и человек по фамилии Брук. Она меня и просветила, что туберкулез в моем возрасте очень опасен. В то время единственным способом лечения туберкулеза было только хорошее питание.

Последний раз в Добровеличковке

Хорошего питания в Харькове я получить не могла, и тогда решили, что я поеду с Фимой к маме в Добровеличковку. Там продукты были очень дешевыми и я организовала себе исключительно хорошее питание. Ела все без ограничения, чего я не могла себе позволить в Харькове. Коровье масло, цыплят, молоко, а сметану я даже пила, вместо молока. *(Мне уже было 5 лет. Из этого пребывания в Добровеличковке мне запомнилось, что вход в комнаты бабушки, где мы жили, был из узкого коридора. В конце коридора стояли одна на другой деревянные клетки с гусями, которых бабушка откармливала перед забоем. Мне было страшно заходить в комнаты, так как передо мной маячили извивающиеся длинные шеи гусей, которые, мне казалось, хотели меня укусить).*

По совету одной знающей женщины я еще лечилась яичными желтками. Курс лечения был таков. Следовало выпивать желтки по нарастающей. Начать с одного и ежедневно добавлять по одному до 21-го желтка в день. А затем по нисходящей до конца. В результате такого массированного лечения я поправилась на целый пуд (16 кг), а уже дома рентген показал, что все туберкулезные каверны зарубцевались.

Трудности у меня возникли при переезде домой. Дело в том, что по сравнению с Харьковом в Добровеличковке продукты были очень дешевыми и хотелось домой привезти их как можно больше. Так что кроме Фимы у меня собралось очень большое количество узлов, а дорога была непростой. До железнодорожной станции Помошная мы ехали на подводе. Там пассажиры помогли мне погрузиться, а затем и выгрузиться из железнодорожного вагона в Харькове. Аврумарн не смог прийти нас встречать, так что домой мне пришлось добираться самостоятельно. От трамвайной остановки, которая называлась Молочной, до нашего дома было километра два. Двигалась я домой, как теперь это называется челночным способом. На горке узлов сидел Фима, а я брала пару узлов и переносила их в зоне видимости по направлению к дому. Затем возвращалась и брала следующую пару узлов и тоже переносила. И таким образом мы благополучно добрались домой.

Жизнь, как зебра

Жизнь наша похожа на раскраску зебры: чередование светлых и темных полос. Каменщиком Аврумарн работал года три, как вдруг однажды упал с помоста и повредил себе два ребра. После

выздоровления ему каменщиком уже было работать тяжело и его, как ударника труда, перевели работать комендантом рабочего общежития на окраине города Шатиловка. *(Мне запомнилась радость в доме, когда отец принес большой лист плотной бумаги с красивыми рисунками. На мой вопрос, что это за бумага, папа ответил, что это он так премирован за хорошую работу. Назывался этот лист «Почетной грамотой» и, по его словам, это было лучше, чем деньги).*

Для меня опять начались волнения. Главной причиной была его чрезмерная пунктуальность и добросовестность. Кроме того, что сама Шатиловка, где расположены были бараки, была неблагополучным в плане преступности районом, и сам состав рабочих был опасным. А Аврумарн, из-за своей добросовестности, возвращался домой уже в темноте. Из-за этого я была в постоянном волнении. И так каждый день.

Коротко опишу его работу. Основными рабочими треста были вчерашние крестьяне, так называемые «кулаки». Кулаками назывались зажиточные крестьяне, у которых был большой надел земли и, для обработки которого, они нанимали людей. Власть их считала эксплуататорами и преследовала. Вот эти трудолюбивые люди вынуждены были побросать свои участки земли и спасаться в городах. И не важно было, что эти, в основном трудолюбивые, крестьяне, получили эту землю от советской власти которую они отстояли в Гражданскую войну 1917—1922 гг. Они были лишены всяких гражданских прав — их называли «лишенцами». В массе своей они были озлоблены на власть и приезжали в город замаливать свои несуществующие «грехи». Для размещения этих рабочих на тогдашней окраине города построили несколько жилых бараков, раздельно для мужчин и для женщин.

По характеру Аврумарна эта работа совсем ему не подходила. Что ни говори, а он был местечковым евреем, воспитанным в строгих правилах ортодоксального иудаизма. И вот он встал на стражу нравственности деревенских женщин, в чем они совершенно не нуждались. Он охранял нравственность девушек, воспитанных в свободных нравах села, в плане отношений между мужчинами и женщинами. И я думаю, что все его старания только вызывали нелюбовь к нему как мужчин, так и женщин. Кроме того, он стал добиваться чистоты в бараках. Он стал неукоснительно требовать от уставших за тяжелый день рабочих не ложиться в постель одетыми. Чтобы по утрам постели были аккуратно застелены. Все это вызвало недовольство рабочих, что могло кончиться большими неприятностями. Могли хорошенько побить или даже убить, так как все они были озлоблены на власть, а поводы выместить злобу Аврумарн давал ежедневно

и ежечасно. Правда, начальство ценило его и регулярно награждало. А я была счастлива увидеть его дома поздно вечером. И все же прожить на одну зарплату было тяжело.

Как-то мне предложили поторговать в небольшом продовольственном магазинчике на окраине города. Я согласилась. Но с кем я оставляла Фиму не помню. То ли со старшим его товарищем Колей, то ли с Ольгой Никаноровной. *(Мама не помнит, а я помню. Ни с кем. Мы все ребята тогда были воспитаны самостоятельными и могли обходиться без надзора взрослых. Мы были предоставлены сами себе. В этой связи мне припомнился случай, когда я был сам на хозяйстве, вернее, когда я болел, а мама, очевидно, работала. Перед этим следует сказать, что двери в квартирах не запирались, думаю, что и запоров на дверях не было. Событие это произошло летним днем и я спал, так как болел. Уже позже я узнал, что произошло, пока я спал. Во дворе работал родственник нашей соседки, которую во дворе звали Павловна. Вот этот человек и заметил, что из нашей квартиры выходит оборванец, но в брюках моего папы. А брюки были из шевиота темно-синего цвета (в этих брюках я, после демобилизации из армии, ходил в институт). Он его и задержал. Потом родители говорили, что хорошо, что я спал, а то он мог бы меня и придушить).*

Работа мне нравилась и я от нее получала даже удовольствие, я даже думаю, что у меня к этому был талант. Люди, которые меня устроили уже позже говорили мне, что моя торговля очень нравилась покупателям. С наступлением зимы я, по семейным обстоятельствам, вынуждена была оставить эту работу.

Коллективизация

Шел 1930 год.

В это время все жители деревень в обязательном порядке должны были быть членами сельскохозяйственного кооператива — колхоза. И мама с Лизой (ей тогда было 15 лет) тоже стали членами колхоза. Принимали в члены колхоза на общем собрании коллектива открытым голосованием, путем поднятия руки. По этому поводу голосования Арн как то выразился, что рука, поднятая против, — это нож в сердце. Уже за несколько дней до собрания они сильно переживали. На этот раз все обошлось и их приняли в колхоз. А при поступлении в колхоз следовало сдавать свою собственность. Арн и сдал принадлежащие ему лошадь, подводу и корову.

К тому же в колхозе должны были работать все члены семьи. Колхоз назывался «Безвирнык», что можно перевести как «атеист».

Всем жителям местечка, не привыкшим работать в поле, было очень трудно. Легче всех привыкала молодежь и в том числе Лиза. Она, быстро обработав свой участок, спешила на помощь сначала маме, а затем и своей тете Бобе. Постепенно колхоз стал распадаться и из него стали выбывать люди. Маму перевели работать в шерстемойку. Работа для нее была очень тяжелой. От плохого питания и пыли в помещении она стала кашлять кровью. К этому времени Арн и Боба переехали на жительство в Москву к родственникам Арна, а Лиза в 1931 году приехала к нам в Харьков.

Как я уже писала в первой части, Лиза, приехав в Харьков, не знала русского языка, так как и школу в Добровеличковке она закончила на нашем еврейском языке — идише. Она без труда устроилась на курсы учеников слесаря на заводе сельскохозяйственных машин «Серп и молот». Для таких подростков, как Лиза, преподавание велось на идише. Вскоре она закончила курсы и стала слесарем.

Она стала получать заработную плату и, что самое главное, по рабочей карточке стала получать 800 гр. хлеба. Этим хлебом она еще подкармливала и нас.

Получение Аврумарном паспорта

В это время началась паспортизация взрослого населения. Чтобы получить паспорт необходимо было иметь справку о социальном происхождении. За этой справкой и поехал Аврумарн в свое село Ивановку. По дороге он заехал к маме в Добровеличковку. И тут случилось непредвиденное. По дороге к маме он встретил активиста Янкеле Бахмутского. Это было плохим предзнаменованием. Придя к маме, он ей об этой злополучной встрече рассказал. Он даже предвидел свой арест ночью. Боже мой! Какая наивность и недальновидность. Раз почувствовал недоброе, — уезжай сразу же. Ан нет! Остался. Ночью за ним пришли и арестовали. Причем, в эту ночь была облава и арестовали многих с целью выкачать как можно больше золота и валюты. Для индустриализации нужны были станки и машины, которые можно было купить за границей, но для этого необходима была валюта или золото.

Всех их отправили в Чрезвычайный комитет (ЧК) в районном центре города Первомайск. Там их поместили в уже и без того переполненную маленькую комнатушку. Так как в камере было очень тесно, то вновь прибывшего начинали пинать и толкать в разные стороны.

Чуть приспособившись к новым условиям, наш праведник

стал оправдывать действия властей по изъятию золота у населения, так как оно было необходимо для индустриализации страны. Что здесь произошло с сокамерниками, трудно передать. Они его приняли за провокатора. И если бы не охрана, то его бы либо убили, либо искалечили. В этом нет сомнения. Спустя некоторое время его повели к начальнику. Здесь он рассказал, что ни золота, ни валюты у него нет и никогда не было. Правда у тещи возможно есть доллары, которые ей присылал в письмах ее брат из Америки. Если его отпустят под честное слово, то он принесет все доллары, которые есть у тещи. Ему поверили. Мама подняла одну из плиточек возле кровати и вытащила из ямки металлическую коробочку из под конфет. В коробочке было всего 25 долларов по одной купюре. Она отдала их Аврумарну. Аврумарн, с полного согласия мамы, все эти деньги сдал начальнику в Первомайске. На наше счастье этот начальник оказался порядочным человеком и отпустил его, а многие из тех арестованных так и погибли. Так что его путешествие за справкой растянулось надолго.

И еще для вас должно быть интересно, какие мы тогда были? Какое у нас тогда было мировоззрение? В это время происходили выборы в районные советы (это самый низший уровень местной власти). Мы на эти выборы приглашения не получили, так как не имели справки о бывшем социальном положении, за которой поехал Аврумарн. Люди, не имевшие справок о своем пролетарском происхождении, считались «лишенцами». «Лишенцы», кроме множества ограничений, были лишены права голосовать на любых выборах. Я тогда из-за этого сильно переживала. Сейчас это кажется смешным, но тогда евреям, вырвавшимся из черты оседлости, где они не имели никаких прав, это ограничение было обидным. Возможность голосования для нас было большой честью. Чтобы приглушить эту горечь я решила с Фимой пойти в кинотеатр. Кинотеатры тогда были большой редкостью. Недалеко от нас был небольшой общественный парк-сад, который в простонародье назывался «Сад бурьян». По вечерам на открытом воздухе там показывали кинофильмы. В этот раз шел фильм «Ночной крик». По ходу действия орел утащил маленькую девочку, и Фима очень сопереживал всему происходящему и, в особенности, — за девочку. Кинофильм он видел впервые. Он расплакался и успокоился только тогда, когда я его уговорила, что это не правда, а вымысел — понарошку. *(Любопытно, что и я запомнил этот фильм. Девочку я не запомнил, а вот орла, с огромными распростертыми на весь экран белыми крыльями, мне кажется, что и сейчас вижу. Исходя их маминых воспоминаний,*

мне тогда было лет 5—6. Запомнил я радость мамы, когда папа вернулся и показал ей какую-то бумажку.)

И все же мы жили в надежде на хорошее будущее, о котором нам безустанно твердили власти.

Приезд мамы

Шел 1932 год. Маме без Лизы, только с четырнадцатилетним Абрамом, работать в колхозе было тяжело, да и ставили ее на непосильные для нее работы. И мы решили их забрать к нам в Харьков.

(Здесь, для вас, не знакомых с советской действительностью, необходимо мое разъяснение, так как мама не решалась оставлять письменные свидетельства о действиях властей. С тридцатых годов и до прихода к руководству страной Н.С.Хрущева в середине пятидесятых годов, в стране существовал строгий закон, запрещавший выдавать колхозникам паспорта, кроме тех кто поступал на учебу в высшие учебные заведения. А это означало, что колхозники превращались в крепостных или рабов, не имеющих права по собственному желанию или по семейным обстоятельствам покидать колхоз. Вот так мы жили, и все это было как бы естественным. Из этого следует, что описанное произошло до момента введения в силу этого закона, благодаря чему бабушке и семейству Бобеле удалось выехать из Добровеличковки и колхоза «Безвирныk»).

Когда мама приехала в Харьков, на железнодорожном вокзале маму встречал Аврумарн. Несмотря на все предосторожности, у них при выходе украли большую корзину с продуктами. В давке Аврумарн даже помог вору выйти с маминой корзиной.

И опять значительный ущерб для того времени пришлось пережить.

Теперь в нашей комнате уже жили шесть человек. Мне хорошо запомнились только пять, если так можно выразиться, спальных мест. У дальней от двери торцевой стены стояли две кровати. На одной мы спали с Аврумарном, а у противоположной стены кровать Фимы. Между кроватями проход был не более метра. За нашим изголовьем, ближе к двери была печь, а за ней до самой стены стоял комод. Так что вся левая стена комнаты была занята. У изголовья кровати Фимы, стоял наш большой обеденный стол и совсем у двери стоял наш старый деревянный диван с дырочками, на котором спала мама. На ночь ставили раскладушку для Абрама. Больше места не было. А где же спала Лиза? Ни я, ни сама Лиза вспомнить не смогли. С появлением Лени, обстановка еще более усложнилась. Вначале Леня спал

в корыте, в котором я стирала. А позже пришлось Леню положить в Фимину кровать, а Фиму устраивали спать на обеденный стол.

(Со времени, когда меня переложили спать на стол, у меня сохранилось яркое, незабываемое воспоминание, которым я не могу не поделиться с вами. Это было летом, сразу же после рождения Лени, то есть мне было чуть больше 9 лет. В этот день мы весело с ребятами играли в переулке. Неожиданно, я обратил внимание, на проходящую мимо маленькую женщину, ростом меньше мамы, которая, надрываясь, несла, вернее тащила, огромный чемодан. Она тяжело шла, обливаясь потом и временами останавливаясь. Когда меня уложили спать на стол, я вспомнил эту женщину и подумал: «Вот эта женщина с таким трудом тащила этот тяжелый чемодан. А зачем? Ведь она все равно умрет». И мне так стало жалко эту женщину и вообще людей, что я разревелся. Естественно, родители повскакивали ко мне. Стали выяснять, что у меня болит? Стали меня успокаивать. ***Не мог же я им сказать, что у меня душа болит****. Я был уверен, что они меня не поймут. Да и сейчас я в этом сомневаюсь. Что мне тогда было жалко эту женщину и вообще всех людей. Родители! Знайте, что дети порой размышляют и чувствуют не по-детски).*

С приездом мамы и Абрама нам стало еще теснее в комнате…

И снова мама проявила себя. Она, впервые приехав в большой город, не растерялась. Очень скоро она устроилась на работу в трест «Харпромторг» продавщицей в галантерейном киоске. Киоск стоял на базаре, который назывался Заиковским, по месту жилого массива, где он был расположен. Киоском назывался маленький, отдельностоящий магазинчик на одного продавца. Мама торговала, а я выполняла роль заведующей. Получала товар в магазине на этом же базаре и на базе треста, а вот со сдачей денег было значительно хуже. Касса была одна на все магазины треста на базе центрального базара, и поэтому там всегда была большая очередь. В ту пору в торговле было очень много грузин *(а в простонародье говорили, что торговлей занимались исключительно евреи),* которые захватили лучшие торговые точки. В очереди, они как правило стоять не хотели, поэтому они заходили прямо во внутрь кассы. *(Мама не развивает эту мысль, поэтому я ее дополню. В кассу, где хранятся большие суммы денег, так просто не войдешь. Надо было, чтобы тебя впустили. А это делалось не просто так. Эти люди давали взятки кассиру).*

Мы же, стоящие часами в очереди, негодовали, а пожаловаться было некому.

Итак, все пристроены, жить можно — тем более, что по карточкам выдавали по 400 гр. хлеба, включая иждивенцев. *(Следует пояснить молодому читателю, что значат слова*

мамы:».. по карточкам выдавали по 400 гр. хлеба». В это время в Украине был голод. Умирали от голода многие тысячи жителей села. Город же подкармливали. Вот вам и эти 400 гр. хлеба).

После демобилизации из армии, в Харьков приехал Боря Спектор — сын Зейды дер ковеля. Угол ему Аврумарн посоветовал снять у той же Цили Вертейм. Он так и поступил — и устроился на работу на тот же завод «Серп и молот», где работала Лиза. Интересна человеческая память. В настоящее время я с большим трудом запоминаю английские слова и тут же забываю, а вот дореволюционное название этого завода, то же из двух нерусских слов запомнила так, что и ночью бы сказала: «Гельферих-Саде». Спустя некоторое время, Боря в этой же квартире женился на Соне, одной из своих соседок. Рядом жили две сестры. Старшую, маленькую и худую, звали Ида, а младшую звали Соня. Соня была прямой противоположностью Иды. Она была выше ростом и очень толстой. Полнота ее была, очевидно, связана с тем, что она с трудом ходила из-за какой-то болезни в коленях. Соня была по-благородному очень красивой, образованной и умной. Она пыталась скрыть свою болезнь, но это ей плохо удавалось. Естественно, когда в Харьков приехала Ита — Борина мама, — она пришла в ужас, но было уже поздно — он был женат, а расторгать брак по еврейской традиции она не могла, да и не в ее это было силах.

Голод

Голод, начавшийся в деревнях, стремительно стал захватывать и город. Мы еще не забыли голод 1921 года, а на нас уже навалился новый 1933 года.

Вес хлеба по карточкам (называемый пайкой) резко уменьшился, и мы стали по-настоящему голодать. И снова нас, в какой уже раз, выручила мама. По утрам на Заиковском рынке продавали ливерную колбасу. Так как она на работу приходила очень рано, то ей удавалось покупать эту колбасу. Дома мы эту колбасу поджаривали и мама на следующий день ее с хорошей прибылью продавала. Это нас сильно выручило в голодные дни.

(Здесь снова требуется мое пояснение. В описываемое время, это были 1933—1934 гг., в Украине свирепствовал невероятный голод. Некоторые историки утверждают, что это был голод, вызванный властями искусственно и целенаправлено против крестьян, несогласных с коллективизацией. Население городов власти поддерживали путем карточек и всевозможных распределений, о которых пишет мама. На настоящее время ориентировочно считается, что от голода тогда в Украине

погибло от 5 до 10 миллионов человек. Что касается меня, то у меня это время связано со следующим воспоминанием. На противоположной от нашего двора стороне переулка был длинный сплошной забор. Прислонившись к нему, сидели набухшие, как пузыри семьи с выпученными остекленевшими глазами. Их было много, очень много. Почему-то эти люди мне запомнились, когда я выходил со двора, направляясь в школу. И тогда я уже обратил внимание, что люди эти время от времени менялись. Очевидно, что тех кто за день умирал, какие-то специальные команды ночью забирали, а на их место приходили другие. Не помнится, чтобы об этих умирающих людях кто-то из взрослых говорил. Был какой-то заговор молчания. Очевидно говорить о них было опасно. Вот такие были страшные времена, а в воспоминаниях родителей этот голод описывается лишь чуть-чуть. Даже много лет спустя было опасно оставлять письменные свидетельства об этом голоде).

В эти страшные дни мы получили письмо с призывом о помощи от моей подруги Эстер из Добровеличковки. Она умоляла нас спасти от голодной смерти ее и двух ее близняшек, которых с большим трудом выходили после их рождения. А муж ее куда-то уехал и сгинул, бросив их на произвол судьбы, то есть на верную смерть. И мы, из своего убогого пайка, стали посылать ей посылки. Мы с мамой еще не забыли, что такое голод 1921 года. Но в жизни бывает и такое, что никакому писателю не вообразить. Произошло чудо. У Эстер, ко всем бедам, обвалилась русская печь, а без нее жизнь зимой в тех краях просто невозможна. Для ремонта ее необходим был кирпич, а где его взять? В это время синагога уже не функционировала и решили взять там кирпич. Ночью пошли к бывшей сторожке при синагоге и стали разбирать плиту, которая служила когда-то для обогрева. Выломав несколько кирпичей, они наткнулись на тайник, где была спрятана золотая корона, которая одевалась на свиток торы. Это был спасительный подарок судьбы, а может и Бога. Отколов кусок золота от короны, Ита, мать Эстер, поехала в Одессу и накупила там в магазине «Торгсин» всевозможных продуктов: муку, пшено, подсолнечное масло и многое другое. Их семья была спасена.

(Для вас, читатель, следует снова прервать мамины воспоминания, чтобы расшифровать это спасительное для многих слово «Торгсин». Сразу после Октябрьской революции государство стало всевозможными путями изымать золото и драгоценности у населения. Изымали силовыми методами, вплоть до расстрела людей, подозреваемых в укрытии золота, или путем угроз, как с моим папой, или при помощи голодной удавки. В стране был создан, так утверждают многие источники, ужасный голод. И вот

придумали как бы добровольную сдачу золота населением через «Торгсин», то есть продажу товаров за иностранную валюту и золото. И люди, чтобы не умереть от голода, несли туда все имевшееся в семье золото и серебро, обручальные кольца, золотые часы, украшения, столовое серебро и даже, говорят, вырывали у себя золотые зубные коронки. Я помню этот магазин в Харькове — это было самое красивое здание дореволюционной постройки в самом центре города, и во все времена этот магазин назывался «Люкс»).

Следующий раз Ита, очевидно из конспиративных соображений, приехала в «Торгсин» к нам уже в Харьков. Интересно, что Ита даже своим детям, ни Боре, ни Лизе, о своей находке не рассказала. Мне кажется в отместку за то, что они ни ей, ни своей умирающей от голода сестре Эстер в самое голодное время ничем не помогли.

(В маминых тетрадях почему-то нет еще одного человека, которому наша семья помогла выжить в этот страшный голод. Это одна из папиных племянниц. Мама о ней почему-то в своих записях не упоминает, а я ее помню. Она была моложе Лизы, и я даже помню забавный случай, связанный с ней. В один из дней, когда все взрослые ушли по делам, ей поручили сварить на всех пшенную кашу. Когда все собрались за столом, то кашу эту никто, несмотря на голод, есть не смог. Так эта каша была пересолена. Я даже помню, где эта девочка спала. Комната наша была переполнена, так что я спал на столе, а ей постелили на полу рядом с печкой. Здесь я хочу подчеркнуть, что в ужасное время голода, наша семья смогла оказать посильную помощь родным и близким).

Я счастливая мать — у меня уже два сына

И вот, в это ужасное время, меня угораздило забеременеть.

Только благодаря непреклонному настоянию мамы, я не прервала беременность.

Так что наша семья, благодаря маме, должна была увеличиться еще на одного человечка.

Припомнился предпоследний день перед родами. Я получала товар для киоска на базе. Видя мое положение, товар мне отпустили вне очереди. Товара было много, включая тюки с ватой, которая тогда пользовалась большим спросом, так что я взяла подводу. В то время я часто встречалась с Беней (Борей) и Соней, так как Рогатинский переулок был недалеко от нашей базы. И в этот раз я зашла к ним попрощаться перед родами.

Назавтра мы с мамой поехали в наш роддом на Москалевской

улице, но нас там не приняли, сказав, что еще рано. Но домой мы все же не поехали. В то время единственным городским транспортом был трамвай, мы решили поехать в другую больницу на Пушкинской улице. А в этом роддоме нам сказали, что уже даже поздно. Мама оставила меня в роддоме и уехала на работу. А у меня сразу же начались предродовые схватки. До чего же я была тогда голодна? В перерывах между схватками, я с огромным удовольствием съела суп, который был поставлен у моего изголовья. Родила я на следующий день днем. *(Мама вспоминает о супе, который она ела в перерывах между предродовыми схватками, как о чем-то очень важном. Это был май 1934 года, то есть время страшного голода в Украине. Но не пройдет и 8 лет, как в такой же голод 1942 года, во Вторую мировую войну (Великую Отечественную), но уже в Узбекистане она родит моего младшего брата Геннадия, к большому огорчению уже преждевременно умершего. Прямо какой-то рок — рожать в голодные годы).*

Ребенок родился благополучно, как я уже упомянула, днем 23 мая, а к вечеру пошел проливной дождь. Это был первый дождь за всю весну в этом году и он был действительным счастьем для всех. С первыми каплями дождя, да еще такого обильного, все выздоравливающие женщины пустились в радостный пляс. Все надеялись, что голод скоро кончится. А тут еще такое совпадение — мама сказала мне, что она сегодня нашла на улице кошелек с небольшим количеством денег, что является хорошей приметой.

Наша семья увеличилась еще на одного человечка.

С появлением малыша в доме Фима разревелся. Он был уверен, что с этого дня, по его детскому мышлению, все будут любить только малыша, а не его. Пришлось ему обещать, что все останется по-прежнему и что он сам, Фима, будет любить и защищать малыша, если это потребуется. Так оно и произошло. Когда мне необходимо было отлучиться из дому, то Фима оставался с ним, лежащим запеленутым в корыте, — такова была его первая кроватка. А через несколько месяцев он уже ездил в специальную детскую столовую за питанием для Лени на расстояние целых 15 трамвайных остановок.

Новорожденному, в память его дедушки Лейба по линии Аврумарна, дали имя Лев, в обиходе Леня.

(И снова вклиниваюсь я. В этот день, утром, мы играли в квачика в переулке. У наших ворот, в обычной для себя позе на корточках, сидел дед Кузьма наш сосед по двору. Когда я пробегал мимо него, он мне сказал: «Фимка, у тебя родился брат». Но я это известие пропустил мимо ушей, так как я убегал

от преследователя, а для меня тогда это было главным.

С приходом лета наша семья переехала на новую квартиру на Змиевской улице. Там двор был еще больше, чем двор на Павловском переулке и было много неработающих соседок. Леня все еще спал в корыте для стирки белья. Мама часто оставляла его на меня. Так как это было летом, то мама оставляла Леню в корыте перед домом. Для меня самым ужасным было когда он обделывался. К сожалению, я от природы всегда был брезгливым. Надо было срочно его обтереть и переложить на чистую пеленку. Для меня это была настоящая трагедия, так как он был вывалян в жидкий желтый кал, по консистенции похожий на сметану. Запомнился, очевидно, первый такой случай. Стою я перед корытом и не могу подойти к Лене. Меня просто охватил ужас, как прикоснуться к этой жиже. Но и тогда Бог смилостивился надо мной. К моему счастью рядом находились две наши соседки, тети Нюся и Люба. Стою я как вкопанный, Леня весь в кале, а соседки стоят в стороне смеются и получают удовольствие, глядя на мою растерянность. Вдоволь потешившись надо мной, они все же пришли мне на помощь.

Еще один случай, запомнившийся мне с рождением Лени. Мы еще жили на Павловском переулке. В какой-то из дней, вскоре после рождения Лени, к нам пришел незнакомый мне человек в черном одеянии. К чести моих родителей, мне сказали, что сегодня будут делать обрезание Лене, которое называется «брис». Мне же предложили пойти погулять. Только теперь я знаю, что обрезание делается именно на восьмой день от рождения ребенка и независимо от того, на какой день недели это выпадает, даже если это суббота или Йом Кипур. Напомню, что в эти дни религиозным евреям запрещена всякая работа, включая даже извлечение костей из мякоти рыбы. После ухода этого человека, я долго пытался в мусорном ящике найти то, что отрезали у Лени. Вот что значит детство, а мне тогда было уже 9 лет.

Когда Леня подрос я водил его в детский садик недалеко от нашего дома. Хуже стало, когда его перевели в круглосуточный детский садик. Там он проводил всю неделю, кроме выходных. Садик находился очень далеко от дома и туда приходилось добираться на трамвае около часа. Так получилось, что отводить его выпало мне. Самое страшное наступало тогда, когда я его отдавал воспитательнице. Тут Ленька обхватывал мою ногу и подымал отчаянный крик. От моей ноги мы его отрывали вдвоем с воспитательницей).

И тут снова на меня навалилась напасть. У меня было мало грудного молока, но это еще пол беды. У меня полопались соски, и при кормлении у меня начиналась невыносимая боль. Я от боли

просто ревела. Ходила я к различным самым известным врачам, но они только сочувствовали мне, а помочь ничем не могли. В Харькове был известный дерматолог профессор Кричевский, у которого Аврумарн лечился от псориаза. По нашему мнению лечить женские соски было не его профилем, но все же решили пойти к нему на прием. Больше не к кому было идти. И тут произошло чудо. Добрая память вам, профессор Кричевский. Он выписал мне красную ртутную мазь. И произошло чудо — после первого же смазывания у меня исчезла боль при кормлении.

(Забегая вперед, скажу, что мама рецепт сохранила и, когда проблема с сосками повторилось при кормлении Генки, мама снова воспользовалась этим чудо-лекарством. И снова помогло. Уже много лет спустя подобные трещины появились и у Лили при кормлении Лены, и мы захотели прибегнуть к этому чудо-лекарству. Моя мама рецепт Кричевского хранила, как реликвию. Я даже помню сам рецепт, написанный на тонкой белой бумаге самим Кричевским и измочаленный многими надписями бесчисленных аптек Харькова и Коканда. В те времена большинство лекарств делалось самими аптеками, а рецепт врача возвращался больному. Но для Лили это лекарство уже сделать аптеки не могли, так как, с их слов, ртуть была запрещена в лекарственной практике. И чтобы закончить историю с женскими сосками скажу, что и Лиля прошла ту же Голгофу. И снова помог ей прекрасный детский врач, профессор Гильман. Он прописал ей для сосков мазь с содержанием ляписа. Как вы только что прочли, и мама, и Лиля лечились у знаменитых врачей, профессоров. Как это могло случиться, что такие рядовые люди как они, могли лечиться у знаменитых врачей? А ларчик просто открывался. Для возможности лечения рядовых граждан высококвалифицированными врачами были созданы платные поликлиники. Напомню, что в Советском Союзе медицинское обслуживание было бесплатным. Для помощи особо больным людям и, с целью материально помочь высококвалифицированным врачам, были и созданы эти платные поликлиники. Причем оплата услуг врачей определялась их статусом, но она все равно была невысокой).

За то время, пока я практически не могла кормить, Леня совсем истощал. Тельце было в старческих морщинках, ручки и ножки, как палочки и весь он выглядел старичком. Ребенок просто таял на глазах. Глядя на него было трудно сдержать слезы. Так как мне надо было получать товары для киоска, то я ездила с Леней трамваем до Рогатинского переулка и оставляла его у Сони. Пока я получала товары, Соня его подкармливала, так как ее сын Владик был старше Лени на один месяц. У Сони молока

было достаточно и Леня, сытно поев, спал себе тихо и никого не обременял. Как-то в гости к нам приехала мать нашего земляка Эли Грабовского. Посмотрела она на моего ребенка-старичка и задала очень болезненный для меня вопрос: «Фаня, и ты еще можешь его любить?» А сказала это женщина, слывшая у нас в местечке умной. В то время Леня действительно был очень некрасивым ребеночком. Мы делали все, шли на непозволительные для нас затраты, чтобы спасти его от угасания. Покупали дорогостоящее грудное молоко, покупали молоко только одной коровы, как нам советовали, но это не давало никаких результатов. И вот маме кто-то из ее покупателей посоветовал обратиться к детскому врачу по фамилии Дайхес. Этот профессор совершил чудо и спас ребенка. Увидев меня и ребенка, он сказал: «Вы наверно покупаете дорогостоящее грудное молоко и молоко от одной коровы? Все это излишне. Ребенка надо кормить так, чтобы он не голодал. Кормите ребенка по следующему графику. Кормите его манной кашей, начиная с одной чайной ложечки, увеличивая до десяти ложечек, а потом сколько захочет. Я так и сделала. Ребенок стал поправляться как на дрожжах и, поправившись, стал очень красивым и обаятельным.

(Здесь я хочу отвлечься для того, чтобы отдать должное врачам и медицинскому персоналу, спасавшим нас и наших детей, уменьшавших наши страдания и, в конце концов, благодаря которым мы живем. Мы как-то считаем их работу обыденной, например, как работу инженера. Но это совсем не так. Вспомним хотя бы доктора, снявшего у вас невыносимую зубную боль. Начну с простого деревенского фельдшера Цанка. Он, будучи единственным в местечке медработником, спас множество односельчан, включая мою бабушку Брану во время эпидемии тифа, лечил всю нашу семью. Вспомним только что перечисленных мамой профессоров Кричевского, Гильмана, Дайхеса и других безымянных врачей, спасших мою жизнь в тяжелейших полевых условиях и многих-многих других).

С ребенком уже наладилось и надо возвращаться к повседневной жизни.

Своя квартира

Как я писала чуть выше, в комнате на Павловском переулке было так тесно, что спустя много лет уже здесь, в Америке, мы с Лизой не могли вспомнить, на каких местах мы укладывались спать.

В жизни, очевидно, не бывает безвыходных ситуаций. Выход

нашелся и для нас. Это произошло летом 1934 года.

В тресте «Харстрой», где работал Аврумарн, на Змиевской улице номер 61 стоял жилой барак. В это время необходимость в этом бараке отпала. Руководство треста решило перестроить этот барак на пять небольших квартир и поселить в них наиболее нуждающихся сотрудников. И нам неимоверно повезло — нам выделили там квартиру. В квартире были две маленькие проходные комнаты и пристроенный к ней дощатый коридор. В проходной комнате у нас была столовая, а во второй спальня. Спальня была настолько мала, что кроме нашей кровати можно было втиснуть только небольшой шкаф для одежды и белья. В столовой была плита для обогрева и приготовления пищи, наш обеденный стол, буфет для посуды, мягкий диван, на котором спал Фима и его маленький письменный стол.

Мы были счастливы.

Расположение нашей новой квартиры было очень удобным — в пяти минутах от нашей старой квартиры, где теперь остались жить на «свободе» только мама, Лиза и Абрам.

Я готовила еду на наши теперь уже раздельные две семьи. Все работающие приносили заработную плату мне, а я уже ей распоряжалась. Я покупала продукты и все, что было необходимо для жизни. Наш новый двор был еще больше двора на Павловском переулке и жило в нем большое количество семейств, в том числе и много выходцев из села. Одна женщина предложила мне взять в качестве няни для Лени свою односельчанку, девочку-сироту по имени Фрося. Я ее взяла и не прогадала. У Фроси все лицо было испещрено следами перенесенной оспы. В доме Фрося ничего не делала кроме того, что нянчила Леню. Она была очень хорошей няней и могла с ним подолгу сидеть, пока он не съедал всю кашу.

Я работаю в школьном буфете

Фиму мы определили в школу №12, которая стояла недалеко на Павловском переулке. Школа была украинской, но нам было безразлично, какая школа — русская или украинская. Фима учился хорошо и мне нравилось посещать родительские собрания. Меня даже выбрали в родительский совет школы. Однажды на школьный совет пришел человек из руководства школами города с предложением мамам школьников работать в школьных буфетах. Я согласилась.

После этого я отучилась на трехмесячных курсах. С начала школьного 1935 года меня направили на работу в школу №99 для слаборазвитых детей.

В школе, к сожалению, и состав учителей желал быть лучшим. Мне запомнилось, что все они почему-то любили холодец, и возмущались, если в этот день холодец по какой-то причине их не устраивал. *(Здесь я с мамой согласиться не могу. Ее ирония по поводу холодца неуместна. Я знаю, что заработная плата школьных учителей во все времена Советской Власти была мизерной. Знаю это потому, что моя жена Лиля была школьной учительницей и мне известно, сколько она зарабатывала. А холодец был дешевой едой и в нем все же было мясо).*

И кухня, и буфет были расположены в подвальном помещении. В первый же день школьники буфет обокрали. Они отодвинули от стены витрину с продуктами и вытащили все, что там было. А расположила я там продукты так, как нас учили на курсах. К вечеру первого же дня я выявила большую недостачу. Невзирая на то, что Аврумарн возражал, я продолжала работать. Со временем я со школьниками подружилась. Первым ключом к взаимной дружбе оказалась обычная копейка. В то время, за какое-то количество собранных копеек что-то продавали. Вот тогда я и предложила им, что за день буду собирать копейки и выдавать им по очереди, которую они сами установят. Таким простым способом я сдружилась со школьниками. У нас был очень хороший повар, так что все работники местной районной власти питались у нас. Вот что рассказал мне один из таких наших посетителей: «Когда я кушал, вы ушли на кухню, оставив буфет без присмотра. И в это время в буфет зашли два школьника. Увидев, что вас поблизости нет, один из них предложил другому что-то стащить из буфета. Но другой ему тут же возразил, что воровать у тети Фани нельзя. Так они и ушли ничего не взяв». Вот такая дружба у меня сложилась со школьниками.

Кроме заработной платы и морального удовлетворения от работы, буфет давал еще одно важное преимущество. В результате некоторого послабления с продовольствием, после страшного голода 1933—34 годов, в стране вновь возникли продовольственные трудности. За любыми продуктами выстраивались огромные очереди. Я же большинство продуктов покупала у себя в буфете.

Романивка

В 1935 году Леня заболел коклюшем. Судорожный кашель сопровождался поносом. И снова ребенок стал таять на глазах. Лечащий врач меня предупредил, что если я летом не вывезу ребенка в деревню, чтобы изменить климат, то ребенок погибнет.

Надо ехать. Уговорила Соню тоже поехать со мной. Деревню Романивку мне порекомендовали сельские девочки из нашего двора. Во избежание заражения Владика, Сониного сына, мы ехали в одном поезде, но в разных вагонах. От железнодорожной станции до села, мы ехали на разных подводах и в селе мы сняли для жилья комнаты в разных домах.

Мы с Фимой, Леней и Фросей поселились в большой светлой комнате. У хозяина был большой культурный плодовый сад. Например, на одном дереве было привито несколько сортов яблок и, если мне память не изменяет, даже груш. Колхоз, не в пример другим, был богатым, а сама деревня маленькой и почти все ее жители были в родстве из трех фамилий. Люди в этой деревне были трудолюбивые, а дома большие и ухоженные. Колхозники внесли в колхоз своих лошадей и инвентарь, а в личном хозяйстве у них остались коровы и птица.

Когда мы с Соней буквально на рассвете пошли на базар, то были прямо потрясены его обилием и дешевизной. Молочные продукты покупали у хозяйки, а фрукты хозяева нам разрешили есть из сада бесплатно. Накупили цыплят и пустили их, с разрешения хозяйки, пастись по двору. И резали цыплят по необходимости. Здоровая обильная пища, неограниченное количество фруктов и целые дни пребывания Лени с Фросей у пруда, за очень короткое время сделали свое дело. Кроме того, по совету опытных людей, Леня съедал каждый день огромное количество яблок. Исчез кашель и понос. Он загорел и окреп и даже самостоятельно начал ходить. Домой я его привезла совсем другим ребенком. Фиме тоже повезло — ему было с кем играть. У хозяйки были две девочки почти одного с ним возраста. Правда, меньшая девочка была слепой, но она игралась со всеми на равне. Я тоже хорошо отдохнула. Сижу на подстилке в саду и ем яблоки, падающие с дерева. Мы не скучали. По вечерам хозяин с девочками устраивали для себя и для нас концерты. Все они играли на разных инструментах.

(Жизнь в селе была для меня в новинку. Первое, что меня поразило, это то, что все встречные здоровались. Кто-то из взрослых мне объяснил, что это естественно, так как все в селе знают друг друга. Обычно люди в колхозах работали неохотно, не так как на своем участке. Но этот колхоз был исключением из правил. Когда по улице проносилась весть, что в колхозе есть работа, бабы на перегонки бежали за ней.

И не удивительно, что Романивка была богатым селом в отличие от рядом расположенных нищих сел Чернещина и Румунщина. Еще я помню, что мы с местными мальчишками ходили на рыбалку к реке, которая протекала за большим лугом.

Меня поразило большое количество рыбьих скелетов разбросанных по лугу. Ребята объяснили мне, что весной в половодье луг заливается разлившейся рекой вместе с находящейся в ней рыбой. А позже, когда вода начинает спадать, рыба скапливается в небольших углублениях. Затем с наступлением лета вода высыхает и рыба дохнет. И еще у меня сохранилось воспоминание о бережном отношении крестьян к своему инвентарю. Как-то я помогал хозяйке что-то делать во дворе. Я взял топор, чтобы прорыть им канавку. Она меня строго отчитала. Для этих целей есть лопата, а топор предназначен для другого и к тому же топор от мягкой земли тупится, что мне казалось неправдоподобным).

Лето подходит к концу и надо возвращаться в Харьков. Дети окрепли, а Леня полностью выздоровел и уже бегает. Мы с Соней лето провели прекрасно. Наварили на всю зиму варенье.

Болезнь Лизы

По возвращении в Харьков, спокойно прожить удалось не долго.

С наступлением осени Лиза простудилась и должным образом не вылежала. И, как следствие, получила осложнение на сердце. Врачи определили заболевание сердечных клапанов. Сказали, что это очень серьезное заболевание и ее обязательно следует госпитализировать. Причем лечить желательно в специализированной клинике профессора Корохова.

В те времена эта клиника была платной, но было несколько бесплатных мест.

И снова мама, в какой уж раз, взяла инициативу в свои руки. Мама стала ходить туда ежедневно, как на дежурство, чтобы не пропустить день, когда освободится бесплатное место для Лизы. Длительное время ее дежурства были безрезультатными. И все же ее настойчивость дала свои плоды. Как-то одна сердобольная уборщица, наблюдавшая ежедневные бдения мамы, сказала ей, чтобы она никуда не уходила, так как в этот день освобождается одно бесплатное место. Только таким упорством мамы удалось поместить Лизу на лечение.

Как показало будущее, лечение оказалось эффективным, однако при выписке врачи в заключении записали, что рожать ей противопоказано. Но жизнь внесла свои коррективы — она рожала дважды.

Еще не выписали Лизу, как заболел мой младший брат Абрам и так сильно, что пришлось его тоже положить в другую больницу, которая находилась в другом конце города. По выходным дням я моталась по несколько часов на трамвае

с продуктовыми передачами для больных. Тогда лечение было бесплатным, но питание больных было плохим и надо было их подкармливать продуктами из дому: маслом, фруктами, курятиной и др. Так что к моим постоянным на то время двум бедам, не хватало еще третьей. И она не заставила себя долго ждать.

Как-то в один из дней, когда выдавали заработную плату, все работающие семьи отдали мне деньги, и я положила их в свою лакированную сумочку. В воскресенье приготовила две передачи, взяла машинально сумочку под мышку и поехала по больницам. О том, что в сумочке много денег я и не подумала. В начале я поехала с передачей в больницу к Лизе, а затем села в трамвай и поехала в больницу к Абраму. Когда я стала сдавать свое пальто в гардероб больницы, где лежал Абрам, почувствовала, что чего-то мне не хватает. Оказалось, что у меня нет сумочки. Или я ее где-то в суматохе забыла, а скорее всего ее у меня украли. А в ней была месячная заработная плата всей семьи. Мне даже сейчас трудно описать тот ужас, который охватил меня. Любой бы сказал, зачем я носила все деньги с собой? Но я и сама себе объяснить это не могу. Судьба! Так ко мне нежданно-негаданно пришла и третья беда. Пришла домой не живая, не мертвая. Только Фрося, добрая душа, сразу обратила внимание на то, что со мной происходит что-то неладное. Она стала меня допытывать и я ей все рассказала. Она тут же, не раздумывая, предложила мне занять у нее деньги, так как она свои заработанные деньги не тратила. Она предложила мне возвращать ей долг постепенно, по мере возможности.

Я ей была несказанно благодарна и смогла свою потерю скрыть от всех. О случившемся я рассказала маме только тогда, когда выплатила свой долг Фросе. Аврумарну о моей потере, из-за боязни, я так и не рассказала.

Я заболела острой формой малярии

Ко всем моим бедам, меня мучила малярия. Мне пришлось проходить тяжелый противомалярийный курс лечения в протозойном институте у профессора Молдавской. Чем только она меня не лечила, но все было безрезультатно. Как-то в отчаянии, она воскликнула, что мое заболевание приперло ее к стенке. Помимо официальной медицины я еще лечилась народными средствами. Но и они мне не помогали. Во время одного безуспешного сеанса лечения профессор посоветовала мне поменять климат. Надо было ехать, но куда? В это время у нас работал столяр по фамилии Биндус, ремонтировавший нам

дубовый шкаф для одежды, который мы купили по дешевке. Он и посоветовал мне поехать в его родное село Новоборисовку, уже на территории России.

(О Биндусе. Мне запомнилось, что я длительное время находился в квартире вместе с Биндусом. Человек он был чужой и родители, очевидно, оставляли меня дома, в качестве сторожа. В детстве я делал всякую домашнюю работу. Так вот, Биндус дал мне урок запомнившийся мне на всю жизнь, как правильно подметать пол веником. Полы у нас, как и у многих в городе, были деревянные и крашенные. Я быстро подметал, размахивая веником и поднимал облака пыли. На это обратил внимание Биндус. Вот он и научил меня, как правильно подметать пол. Подметая, следует не отрывать веник от пола во избежания подъема пыли).

Недолго думая, я собралась и поехала туда с двумя детьми, прихватив еще и Лизу для поправки ее здоровья после больницы. В Новоборисовке я сняла очень удобную квартиру у исключительно доброй хозяйки. Дом ее стоял у проселка, а с другой стороны, за оградой из колючей проволоки, простирался заповедный лес. Еще было удобно, что у хозяйки был сын — ровесник Фимы.

Все было бы хорошо: очень хорошая квартира, дружелюбная хозяйка, очень дешевый базар, если бы не приступы малярии. Периодические приступы малярии измучивали меня окончательно.

На этот раз спасла меня от этой болезни народная медицина, перед которой пасовала самая передовая медицина, во главе с профессором в специализированном противомалярийном (протозойном) институте. Одна из соседок порекомендовала свой рецепт от этой болезни. Он состоял в следующем. Настоять на четвертинке водки (бутылочка в 250 гр.) листья сирени и полыни (полынь очень горькая трава). Затем этот настой выпить сразу, лечь в постель, хорошо укрыться и заснуть. Так как я была в безвыходном положении, то я решилась на этот рискованный эксперимент. Выпив эту адскую смесь, я тут же провалилась в долгий сон. Смесь оказалась исключительно целебной и болезнь меня оставила. Кстати, подхватила я ее в Романивке. Отдых у нас оказался замечательным и мы все, включая Лизу, стали поправляться.

Однажды мы пошли с хозяйкой на базар покупать вишни. Проходя по скотному ряду, я увидела крохотного поросенка с удивительно курносой мордочкой-пятачком. И он запал мне в душу. Я и скажи об этом хозяйке. А она в ответ: «Раз понравился, купите». На такую реакцию этой на редкость доброй женщины я не рассчитывала. Я задумалась. Материальное

положение семьи у нас было очень неважным. Мы жили от получки до получки. Покупка нового пальто или пары ботинок была для нас серьезной проблемой. И если бы нам удалось выкормить свинью, а затем мясо и сало продать на базаре, это бы нам помогло материально. Но как это сделать? Это Новоборисовка, а я живу в Харькове. Я даже представить себе не могла, как это можно сделать. Опять же хозяйка говорит, что в этом нет никаких проблем. Она знает, что животных отправляют по железной дороге. Постояли немного и пошли покупать вишни, за которыми мы и пришли на базар.

(На слове поросенок я должен прервать воспоминания мамы, чтобы дать свои комментарии. Прошло чуть больше пятнадцати лет, как была ликвидирована черта оседлости. Считается, что большинство евреев в пределах этой черты были религиозными. В предыдущих маминых воспоминаниях об этом тоже говорилось. Буквально все жители Добровеличковки посещали синагогу, чтили субботу и другие традиции иудаизма, запрещающие употреблять в пищу свинину. И вдруг мама подумала купить свинку. В нашей семье не было глубоко верующих. Больше всех соблюдала еврейские традиции бабушка. Она в пятницу вечером зажигала керосиновую лампу, вместо свечей, для пейсаха ей пекли дома мацу, потому что она не продавалась в магазинах. В то время в стране была пятидневка. Это значило, что люди работали четыре дня, а на пятый отдыхали. Следовательно, суббота могла выпасть на любой день этой пятидневки и, чтобы не выйти в этот день на работу, — об этом и речи быть не могло. Так что бабушка и работала, и нарушала многие другие традиции иудаизма. Что же касается религиозности папы, то на моей памяти только он не ел свинину до определенного события, о котором я хочу рассказать. В то время свинина была самым дешевым мясом. Вот что как-то рассказала мама: «Для нашего бюджета говядина была дорогой. Я решилась на эксперимент со свининой. Из молодой свинины сделала жаркое и Аврумарну ничего не сказала. Аврумарн съел жаркое с удовольствием и даже похвалил. Тогда я и призналась ему о моем эксперименте. С тех пор он начал есть свинину»).

У одного крестьянина была хорошая, сухая вишня, насыпанная прямо на днище возка. Крестьянин предложил нам закупить всю вишню дешево, а не на ведро как тогда практиковалось. Я стояла в нерешительности, так как собиралась купить только пару ведер вишни, а не целый воз. Сомнения мои снова рассеяла эта неимоверно добрая женщина: «Купите. Дома мы снимем ворота из клуни (это большой сарай, где хранилось сено на зиму, зерно и др.) и будем вишню для вас сушить на зиму. Зимой из сушенной вишни будете варить компот. Купите

и понравившегося вам поросенка (молодая свинья), которого и привезем на этой подводе».

И я решилась. Поросенка назвали Машкой. Больше всего радостей от поросенка было у детей. Они два раза в день бегали в колхоз и брали там молочную сыворотку. На этом корме поросенок рос, как на дрожжах. Что же мы делали с таким большим количеством вишни? Когда вишня немного подсохла на солнце, мы ее расстелили на чердаке дома под железной крышей. Там она прекрасно высохла. Затем мы ее промыли и оставили досушиваться под марлей. Так что я наварила и варенья и насушила довольно много вишен. В то время мы не практиковали домашнего консервирования. Это нововведение у нас появилось после войны.

Хоть и отпуск большой, но наступало 1 сентября — начало учебного года — и нам пора было возвращаться домой из этого рая. Заказала клетку для Машки и поехали со всеми вещами и, естественно, с несколькими мешочками сухой вишни, на железнодорожную станцию. Хозяйка нас провожала.

Мытарства с Машкой

И здесь произошла первая, из многих последующих, неприятность с Машкой. На станции нам заявили, что в Харькове карантин, и город животных не принимает. Пришлось нашей доброй хозяйке забрать поросенка к себе.

(Карантин — система мер для предупреждения распространения инфекционных заболеваний из эпидемического очага. Здесь к месту приведу в вольном переводе украинскую поговорку: «Не было бы хлопот, так купила баба поросенка». И к сожалению это было только началом многих неприятностей с этим поросенком. Может быть это своего рода наказание за то, что еврейка принялась выкармливать свинью).

Слава Богу, от моей хозяйки приходят хорошие успокаивающие письма. Спустя некоторое время поехала снова в Новоборисовку. Машка так уже выросла, что старая клетка для нее была мала и пришлось заказывать новую. Приехала с ней снова на железнодорожную станцию. И снова ее не принимают, так как в Харькове карантин продолжается.

Теперь я уже решила со станции не уезжать. Хозяйка принесла хлеб для меня и для Машки и я просидела на станции больше суток. В отчаянии пошла с мольбой к начальнику станции с таким монологом: «Если человека можно не жалеть, то пожалейте хотя бы животное». Он вошел в мое положение и сказал, что свинью можно отправить до станции Куряж

(пригород Харькова). Я с радостью согласилась. В Куряже шофер случайно подвернувшегося грузовика согласился подбросить нас до железнодорожного вокзала Харькова. Там я наняла тачку (это двухколесная тележка, похожая на тележку китайского рикши, то есть тащил ее человек) и, таким образом, я с большим трудом, но к огромной моей радости, прибыла домой. Но заботы с Машкой на этом не кончились. Днем мы ее держали в сарае, а на ночь, во избежание кражи, брали ее в коридор. А это было совсем не просто. В коридорчике под полом был погребок и надо было быть очень осторожным чтобы Машкины экскременты не попали в погреб. Как-то она заболела и ветеринар установил у нее воспаление легких. Пришлось свинью лечить и от такой, можно сказать, человеческой болезни. Теперь мы узнали, что свиньи очень подвержены всяческим заболеваниям и к тому же, как ни странно, они любят чистоту. А в русском народе существует поговорка: «Вымазался, как свинья».

(Забавный случай, рассказанный папой. Пошел я в аптеку получать лекарство для Машки. Сижу, жду. Наконец выходит фармацевт выносит лекарство и объявляет: «Янкелевич — свинья»).

Но и на этом неприятности, которые преподносила Машка, не закончились. В это время хлеб, относительно стоимости корма для животных, был дешевым. Жители города, которые кормили, как и мы, свиней, лошадей, коз и других животных, покупали для них хлеб. И вот выходит постановление правительства выдавать покупателям (тогда это называлось в одни руки) только по одному батону хлеба. А Машке ежедневно требовалось несколько. И снова начались наши мытарства. К тому же мы боялись доносительства о незаконном использовании хлеба. Для нас возникло еще одно затруднение. Для того, чтобы можно было продать свинину на базаре, необходима была справка от ветеринарной службы. А для того, чтобы ее получить, надо было освежевать тушу и сдать им шкуру. А сало без шкуры теряет свой товарный вид.

И все же, после всех наших забот и трудов по ее кормлению и поддержанию в чистоте, Машка себя оправдала. Мясо ее было настолько красивым, что я его на базаре сразу же продала. Ведь вначале ее кормили молочной сывороткой, а потом хлебом. Мы себе оставили достаточное количество сала и мяса. Кроме того у нас осталось целое ведро топленного внутреннего жира. Этот жир назывался смальцем.

(Дополню от себя историей про еще один вид заработка. Брошки.

Как вы обратили внимание, материальное положение семьи оставляло желать лучшего. И родители старались сделать все, чтобы семья не испытывала трудностей. Это и огород, и постоянные очереди за дефицитом, и выкармливание свиньи на продажу, и поездка на дачу, где питание было дешевле, и заготовка на зиму картофеля. А вот еще одна деятельность мамы.

В Советском Союзе была категорически запрещена индивидуальная трудовая деятельность, как мелкобуржуазная. Для вас это звучит странно, но такова была идеология большевизма. И все же находились умельцы, организовывавшие артели, так сказать «в законе». По сегодняшнему моему мировоззрению это были люди с большой буквы. Вот на работе мамы в такой артели я и остановлюсь

У родителей была знакомая Геня Залонжева. Очевидно идея работать в артели принадлежала ей. Папа с ней познакомился, когда был управляющим домами. Она жила в переулке Короленко №5. Ирония судьбы. Когда я женился на Лиле, то первые несколько лет жил в этом дворе с семьей ее родителей.

В Харькове была артель по изготовлению брошек для населения, в основном для села. Сырьем для брошек был отбракованный целлулоид из авиационной промышленности. Такой целлулоид использовался для прокладки между двумя стеклами, чтобы при ударе стекло не рассыпалось. Артель выдавала рабочим небольшие параллелепипеды и масляные краски. На этих параллелепипедах рисовали разные цветочки. Затем к ним сзади приклеивалась булавка. Свою продукцию сдавали в артель и получали хоть и маленькую, но зарплату. Вот и такой был заработок.)

Лиза выходит замуж

Пришло время, когда надо было начать думать о Лизином замужестве. Ей уже исполнилось 23 года.

Так как круг знакомств у нас был очень ограничен, то сватовством пришлось заняться маме.

Как я уже писала, мама работала в галантерейном киоске на Заиковском базаре, на районе Москалевки. Этот район был застроенном одноэтажными частными домами. После ликвидации черты оседлости множество евреев, таких же как и наша семья, ее оставили. Многие поселились в этом районе Харькова, где было относительно свободно с жильем. Вот мама и стала спрашивать у кого можно, нет ли у них на примете жениха. Многочисленные предложения ни к чему не приводили,

пока не появился Абраша (Або).

Дело обстояло так. В один из дней, увидев за прилавком еврейку, к киоску подошла просто поболтать на идиш пожилая женщина. Эта женщина была в гостях у дочери, жившей недалеко от базара. Оказалось, что она знакома с еврейской семьей у которой есть взрослый сын. Эта беседа оказалась удачной. Так засватали Лизу за Абрашу Байтальского в 1938 году.

Свадьба была у нас. Гостей было немного, так что все поместились в нашей маленькой столовой. Здесь надо отметить, что и Лиза, и я остались на девичьих фамилиях Ферман.

Молодожены жили у мамы, так что опять в их комнате стало тесно. И почти сразу же Лиза забеременела. Помятуя запрет врачей, мы с мамой уговаривали ее не рожать, но безуспешно. Хочу иметь ребенка и все! Во все дни ее беременности, мы с мамой были в большой тревоге. Я в это время работала калькулятором в школьной столовой.

(В настоящее время калькулятор это портативное вычислительное устройство. В то время это была профессия. Работа калькулятора заключалась в определении стоимости блюда по количеству продуктов в этом блюде и их цене. Несомненно, и сейчас есть такая профессия, но как она называется я не знаю.)

Так случилось, что когда подошло время Лизе рожать, мама лежала в больнице с сильнейшим обострением радикулита. Я же не отходила от телефона. И наконец в январе 1941 года Лиза родила замечательную девочку, которой дали имя Нилочка. Радость в семье была неописуема. Ребенок был на удивление спокойным, так что Фима с удовольствием за ней ухаживал.

Лиза дома жила за маминой спиной, как за каменной стеной. Когда настало время самостоятельно вести хозяйство, она, к сожалению, оказалась практически к этому не подготовленной. Запомнился мне такой юмористический случай ее неумелого хозяйствования. В те времена мясо население покупало только на базаре. Пошла Лиза на базар и попросила у мясника мяса обязательно с косточкой для жаркого. Тогда это было очень смешным, так как любой мясник старался «всучить» покупателю как можно больше костей. Был даже такой анекдот. Мясник говорит покупателю: «Где вы видите кости? Это же мясодержатели».

(Напомню, что Лиза уже с раннего детства, примерно с 12 лет в Добровеличковке, работала в колхозе наряду со взрослыми и помогала при прополке и своей маме и Бобеле. А с 17 лет в Харькове работала слесарем на заводе сельскохозяйственных машин «Серп и Молот». Так же трудился

с детства и Абраша. Но родители их оберегали от бытовой работы).

Бедствие с мамой

Только маму (*бабушку Брану*) в феврале выписали из больницы, как на нас обрушилось снова ужасное бедствие. Ее арестовали по ложному обвинению. Какое могла сделать должностное преступление пожилая (теперь это возраст пенсионерки) продавщица булавок, пуговиц, ленточек и всякой другой мелочи? Я взяла для защиты мамы в суде редкой души адвоката. Несмотря на то, что обвинение строилось на выдуманных обвинениях, суд приговорил ее к шестимесячному заключению. В те времена это был просто мизерный срок.

Содержали ее в Харьковской тюрьме, в районе, который назывался Холодная Гора. Я практически ежедневно ходила на встречи с адвокатом, этим добрым человеком (о телефонной связи тогда и речи быть не могло). После долгих, но безрезультатных посещений этого юриста, в конце апреля, этот замечательный человек встретил меня с улыбкой во все лицо и сказал, что к первому мая маму освободят. В то время 1 мая и 7 ноября были государственными праздниками. Так оно и произошло. Накануне 1 мая я забрала маму из этого ужасного заведения. Я не в силах описать радость от возвращения мамы домой.

И все-таки освобождение мамы было чудом. О том, чем это могло кончиться, чуть ниже. В одной камере с мамой сидела более молодая женщина, с которой мама подружилась. Эта женщина, когда приходила очередь маме мыть полы, даже мыла пол вместо нее. Надо отметить, что война с немецкими фашистами началась менее через два месяца после освобождения мамы. После возвращения из эвакуации мы с мамой решили разыскать эту женщину, которая была тоже арестована из-за какой-то мелочи, а обивать пороги, за нее было некому. И вот что мы узнали. При приближении немцев к городу, заключенных вывели из тюрьмы и погнали этапом (пешком) на восток. В какой-то деревне, недалеко от города, охрана заперла сарай, в котором находились эти заключенные, и подожгла его вместе с находящимися там людьми. Эта страшная судьба ожидала бы и маму, не будь этого замечательного юриста и человека. Несмотря на то, что облик его у меня перед глазами, фамилию его я вспомнить не могу, а очень жаль.

На дворе лето 1941 года. У нас жизнь как будто наладилась. Дети растут и мы все работаем, даже хлеб продают без карточек.

Абрам тоже женат. Жену его зовут Нина и он живет у нее (засватала опять же мама). Работает Абрам обойщиком. Живут они нормально, детей пока нет. У нас растут двое сыновей.

Как росли мои дети

В своих воспоминаниях я пропустила время, когда росли мои дети. После того, как от нас ушла Фрося, Фиме пришлось взять на себя уход за Леней. Он ездил за детским питанием в третью поликлинику — остановок трамваем больше десяти. Со временем, когда Леня немного подрос, у нас с ним возникли затруднения. Мы с Аврумарном так были заняты на работе, что не могли его забирать вовремя из обычного детского садика, а Фима в это время учился на второй смене. Пришлось его определить в круглосуточный детский садик. Из этого садика мы Леню забирали домой только на выходные дни. Садик находился на территории Тракторного завода, на окраине города. И опять пришлось Фиме его туда возить, так как дорога в оба конца занимала около двух часов, и мы не успевали это сделать до начала работы. Фима рассказывал, что когда он сдавал Леню воспитательнице, то тот обхватывал его ногу и с плачем не отпускал. Приходилось его с силой отрывать. Когда Фима уходил, он еще долго слышал его плач. Когда Леня еще немного подрос, мы его определили в обычный садик, куда опять же Фима отводил его уже пешком.

Учился Фима хорошо. И все же, как и у других детей, у него не всегда было благополучно с дисциплиной. Школа у него украинская и вот что у него было, например, записано в дневнике в переводе с украинского на русский язык: «Прыгал через забор стадиона. Его задержал милиционер и привел в школу». Или: «Залил чернилами брюки ученику». У него было увлечение. Он пытался что-то изобрести. Вел даже по этому поводу переписку. Мною он был недоволен, потому что я поздно родила Леню и у него нет товарища, который мог бы быть ему другом, будь он постарше. Теперь же, кроме того, что он у него был вместо Фроси, Леня ему еще только пакостит. То залезет на его письменный стол, то раскрутит его настольную лампу, то все перевернет вверх дном.

И все же, наконец мы зажили спокойно.

Однако это спокойствие оказалось недолгим. После него наступили еще более жестокие времена — война.

Каким запомнился мне довоенный Харьков

Павловский переулок

Когда я вспоминаю раннее детство, оно ассоциируется у меня с Павловским переулком. Поэтому мне приятно погрузиться в это время. В дни моего детства этот переулок официально назывался по-советски на украинском языке «провулок Юного Ленынця», но в быту его так никто не называл.

Переулок начинался от Змиевской улицы и заканчивался нашей **красавицей** — 12-й школой, возвышавшейся как корабль, над окружающими ее одноэтажными постройками.

За школой было большое поле, которое называлось Павловой дачей.

На этой даче были вырыты два больших пруда и сохранились еще остатки забора былых времен из толстых досок. Я тогда был мал, но помню, что меня и тогда удивляло, как эти толстые доски уцелели. Ведь топливо, да и строительные материалы всегда были в дефиците.

Павлов, очевидно, был очень крупным помещиком и владел большими земельными наделами вокруг Харькова. Так, в мою бытность, в черту города уже входило село Павловка (там жили наши хорошие родственники Кисляновы, и одно время мы у них жили). На Павловку уже ходили трамваи. В 60-е годы прошлого столетия началась застройка большого жилищного массива, снова на землях этого помещика, которые назвались Павловым полем.

Мы в Харькове жили во всех местах, связанных с Павловым. Сначала Павловка, где мы жили у Кисляновых. Затем Павловский переулок с Павловой дачей. Последние годы в Харькове мы жили на Павловом поле. Не странно ли это?

Возвращаемся к переулку. Теперь, когда я пишу эти строки, я понимаю, что до революции в этом переулке жили зажиточные люди.

Наш двор имел номер 5. Следовательно, до Змиевской улицы по нечетной стороне было всего два дома, но расстояние, припоминается, было большим. Это были не дворы, а усадьбы. Только наш двор был величиной с треть футбольного поля. А напротив нашего двора простирался очень длинный и высоченный забор, и что было за ним я не знаю.

Посреди переулка пролегала грунтовая дорога. В сухую погоду она была пыльной. Пыльной настолько, что когда мы бегали по ней босиком, ступни ног погружались в пыль

по щиколотки. Осенью и весной дорога утопала в грязи.

Ночью по переулку ездили так называемые «золотари».

Это были упряжки лошадей, везшие длинные бочки, наполненные фекалиями. Везли эти фекалии на сливные поля в конце Павловой дачи. Здесь следует сделать небольшое отступление. Во всем прилегающем районе не было канализации. Во дворах стояли уборные, выгребные ямы и мусорные ящики. Вот «золотари» и занимались вывозом фекалий. И еще. Мне всегда было непонятно выражение «сливные поля» и почему-то они ассоциировались со сливочным маслом. Сливными полями назывались неглубокие пруды, куда сливались фекалии со всего района. Затем эти фекалии определенное время отстаивались в них для дальнейшей переработки.

Так вот, иногда по утрам от дорожной грязи шел тяжелый запах фекалий. Кто-то из взрослых мне объяснил в чем дело. Проезжая по нашему переулку в грязи, очередной «золотарь», чтобы не ехать далеко, открывал пробку в бочке и пока он ехал по переулку, бочка пустела. После такого рационализаторского поступка, он мог быстрее возвращаться за следующей порцией фекалий. Так он повышал свою производительность труда. В это сейчас трудно поверить даже мне, но это было.

Не помню, по какой причине, какой-то «золотарь» беседовал с папой у нас в комнате. Это было не его рабочее время, и, думаю, что он был не в рабочей одежде, но запах фекалий еще долго держался в комнате.

Пешеходная дорожка была тоже земляной и в мокрую погоду была грязной.

Кстати, в грязную погоду все население от мала до велика надевало калоши. На всякий случай остановлюсь на том, что такое калоши. Калоши одевались на обувь в грязную погоду, чтобы не заносить грязь в помещения. Они были отлиты из черной резины, а подкладка была всегда из какого-то толстого красного материала, типа байки. Выпускались они по размерам обуви. Насколько я помню, на всю страну изготавливал калоши только один Ленинградский завод «Красный треугольник». Чтобы не спутать свои калоши с чужими к видимой части калош изнутри крепили плоские медные буквы.

Вернемся к переулку.

Грунтовая пешеходная дорожка была только со стороны наших дворов, а вдоль длинного забора с противоположной стороны была прорыта глубокая канава, по которой в дождливую погоду стекала вода.

Для перехода проезжей части в грязное время немного выше наших домов на дороге были разбросаны кирпичи. По ним,

маневрируя, можно было не сильно испачкавшись перейти на другую сторону дороги. Зачастую, пешеход не удерживался и соскальзывал в грязь.

В моей памяти сохранилось одно очень для меня неприятное событие, связанное с этими кирпичами. Начну с предистории. Это произошло осенью 1934 года. То есть голод уже прошел. Родители решили купить мне зимнее пальто. И тогда, и после войны в центре Харькова был большой пассаж, в котором размещался магазин «Детский Мир». Вот родители привели меня туда и померили, очевидно по своим небольшим деньгам, по всей вероятности дешевое пальто ярко зеленого цвета. Цвет мне этот так не понравился, что я выскочил из магазина и убежал. Естественно, я далеко не убежал, и папа меня быстро нашел. Пришлось им купить более дорогое пальто по моему вкусу. И вот, как часто бывает, с этим новым пальто у меня просто произошло несчастье. Уходя на работу, мама сказала чтобы я купил в магазине томат. В ее отсутсвие я пошел в магазин и купил в открытую банку этот злополучный томат. Вот, возвращаясь с открытой банкой с томатом, я поскользнулся на одном из кирпичей в грязи на дороге и упал. Весь томат вылился на мое новое, с таким трудом купленное, пальто. Я очень сильно испугался гнева родителей. Теперь думаю, почему у меня был такой испуг? Ведь я не помню, чтобы родители за мои проступки меня наказывали. Меня не били, не ставили в угол, как других. К тому же это был несчастный случай. Но вся пола пальто была залита томатом. Я прибежал домой и вместе с другом Колькой начали ножом соскребать томат. Родители, конечно, испачканное пальто обнаружили, но их действий я не помню. Вот такая история с кирпичами-мостками на дороге.

Электричество подавалось в дома по воздушной сети. Все было бы ничего, но провода мешали нам запускать воздушных змей и «монахов». К концу лета на проводах висело множество наших творений. Висели искореженные змеи и «монахи» — наши разбитые мечты о полете, результаты наших кропотливых трудов, а так же огромное количество ниток, которые мы с таким трудом добывали.

Двор

Двор наш был огромен — примерно как четверть футбольного поля.

В нашем и в соседних дворах было множество мальчишек, но Колька был моим главным другом и товарищем. К слову, хочу отметить, что в те времена вся жизнь детей протекала во дворах

и на улице. Поел, кое как выполнил школьные домашние задания и — во двор. Родители, если им было до того, с трудом удерживали нас дома. Особенно им было трудно нас удержать во время выздоровления. Мы, еще будучи не совсем здоровыми, рвались во двор, в переулок, где нам было раздолье.

В детстве я часто болел ангиной. Наш детский врач Брук предупреждала и родителей, и меня, что ангину надо вылежать, так как это грозит серьезным заболеванием сердца. И она на примерах описывала мне, как плохо быть сердечным больным. Мне ее наставления не нравились, но совместными усилиями ее и родителей, я был вынужден подчиниться. Когда у меня спадала температура, я с утра усаживался у окна, выходящего во двор, и с завистью смотрел на игравших перед окнами приятелей. Тогда мне очень хотелось, чтобы погода испортилась и загнала бы их тоже по домам. Из своего наблюдательного пункта я наблюдал за небом. И вот, что я для себя установил. Если с раннего утра стояла совершенно безоблачная погода, жди в ближайшее время дождя. Мое наблюдение часто подтверждалось, и я злорадствовал.

И еще. Для укрепления моего здоровья родители поили меня рыбьим жиром по столовой ложке в день. Жир этот был очень невкусным, и я всячески упирался, чтобы его не пить. Для того, чтобы отбить неприятный вкус, родители давали мне кусок черного хлеба, густо посыпанного солью. Кстати, мне помнится, что соль была не тонкого помола, как сейчас, а в больших крупицах.

Для ныне читающих эти записки хочу отметить одну особенность детского быта тех дней. С приходом тепла весной, примерно в мае, все дети, одни чуть раньше, другие чуть позже, выходили во двор и на улицу босиком и до наступления холодов, примерно до сентября, обувь не одевали. Таким образом, мы естественным образом закалялись, а с другой стороны экономили обувь, которая для многих родителей стоила дорого. И к чести моих родителей, несмотря на мои частые заболевания ангиной, они не запрещали мне бегать босиком, наряду с моими более здоровыми друзьями. А в среде ребят считалось за честь как можно раньше выйти во двор босиком. Много лет спустя, когда мои дети уже были взрослыми, мама увидела в нашем дворе бегающего босиком ребенка и пришла в восторг. Мои же дети босиком почти не бегали.

Баркаловы и другие

В одной из квартир нашего флигеля жила семья Ольги

Никаноровны Баркаловой, одной из наследниц домов двора, с мужем Яковом Архиповичем и их двумя детьми. У них была всего лишь одна комната. Сын Коля был года на два старше меня. Коля был моим самым лучшим другом детства. В семье росла их младшая дочь Надя. Эту девочку мы с Колей прямо с пеленок нянчили, когда тетя Оля куда-то уходила. Был еще один член их семьи, — коричневого цвета коза по прозвищу Нелька, привязанная в веранде перед комнатой.

Эта семья жила очень бедно, так как дядя Яша работал на низкооплачиваемой работе, — счетоводом на электротехническом заводе, а тетя Оля не работала. Семья жила так бедно, что думаю просто голодала. Голодала и Нелька. Запомнилось обстоятельство, связанное с Нелькой. Мы часто играли в Колькиной квартире, пока тети Оли не было дома. В основном она ходила на расторг.

Так вот. Играли мы в квартире, в основном, рассматривая старинную энциклопедию с ее превосходными цветными картинками под тончайшей папиросной бумагой. В современных книгах такой замечательной печати я и не встречал. Мы играли тем, что фантазировали по этим картинкам. Брать эту энциклопедию Коле не разрешалось, слишком она была дорогая. Сигналом, что надо ставить энциклопедию на место, было блеяние Нельки. Коза чувствовала приход своей хозяйки минут за пять-десять до ее появления во дворе. Она была вечно голодна, а тетя Оля, возвращаясь с базара, после его закрытия, подбирала с земли сено и солому для козы, которая оставалась на тех местах, где стояли подводы. И коза чуяла издалека приближение тети Оли с едой для нее.

В семье была еще одна замечательная и, очевидно, дорогая вещь — это большой деревянный фотоаппарат. Мы и с ним играли. В их комнате висел портрет дяди Яши в царской военной форме, причем, не рядового. Теперь я понимаю, что все эти вещи не могли принадлежать малоимущему человеку. Но тогда время было такое, что все дореволюционные имущие люди должны были скрывать свое прошлое от Советских властей. Теперь я уверен, что скрывал свое прошлое и дядя Яша. Я помню, что его интересовало искусство, что не свойственно простолюдинам. Колю он отдал в музыкальную школу по классу скрипки. Сам он пел по вечерам в хоре заводской самодеятельности. Он даже маму брал с собой на их концерты, которые проходили в красивом заводском клубе. Да и наличие в семье замечательной дореволюционной энциклопедии что-то значило.

Немного о стоимости дореволюционных книг. Уже в восьмидесятых годах прошлого столетия мне удалось пролистать «Детскую библию» подаренную девочке-гимназистке города Кронштадт за хорошие успехи. По печати она была похожа на энциклопедию Баркаловых, но значительно меньше по объему. Вот эта небольшая книга стоила тогда 3 рубля. В то же время, по папиным детским воспоминаниям, лошадь стоила 5 рублей. Представляете ценность книг и кто их мог купить. Дядя Яша сильно хромал и Коля говорил, что это следствие ранения в Первую мировую войну.

Ниже я хочу коротко описать несчастную судьбу семейства Баркаловых.

Яков Архипович и Ольга Никаноровна умерли во время оккупации города фашистами. Надя выжила. Вернувшись после эвакуации в Харьков, я с Надей, Надеждой Яковлевной, возобновил дружеские отношения. После войны она окончила педагогический институт. Для того, чтобы продвигаться по службе во времена Советской власти, необходимо было вступить в Коммунистическую партию. Вступила и она, скрыв от партии многое из биографии своей семьи. Она оказалась способным руководителем и очень долго, до самой своей смерти, была заведующей большим детским садиком. Под ее руководством этот садик был лучшим в районе. Когда моя внучка Аня подросла, с помощью Нади удалось ее устроить в престижный заводской детский садик по месту жительства Лены.

Надя была замужем и у нее был сын Саша. Саша окончил Железнодорожный институт, но долго не мог устроиться на работу, так как у него были проблемы с психикой. Пытался и я его устроить в ТЭП, но безуспешно. В Харькове была такая организация Красный Крест. Эта организация защищала права больных. Заведующая этой организации объяснила мне, что по закону прием таких больных директорам не рекомендуется.

Со временем болезнь Саши прогрессировала и его поместили в психиатрическую больницу, где я его неоднократно навещал.

О Коле. Его в начале войны призвали в армию. После войны его судьба сестре Наде была неизвестна. Сама Надя начать его розыск не решалась, так как при вступлении в партию, она скрыла его существование. Поэтому она попросила меня попытаться выяснить его судьбу. Я написал запрос в Центральный Архив Советской Армии. Ответ долго не приходил. Однажды меня пригласил к себе военный комиссар (далее В.К.) нашего района. С ним у нас состоялся примерно такой разговор. В руках он

держал какое-то письмо.

В.К.: Вы запрашивали о судьбе военнослужащего Баркалова.

Я: Да.

В.К.: Вот пришел ответ.

Я: Разрешите мне прочесть его.

В.К.: Нет. Я могу Вас только ознакомить с содержанием ответа. Но прежде всего, кем вы относитесь к Баркалову?

Я: Друг детства.

В.К.: Во время войны Баркалов дезертировал. Был приговорен судом к 10 годам лишения свободы. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Вот и все, что известно о моем друге Кольке. Все это я рассказал Наде.

Для вас — читателя, не знакомого с советской действительностью. Жил молодой человек, друг мой Колька. Началась действительно справедливая война с немецкими фашистами. В армию были призваны миллионы молодых людей, даже еще не начавших жить, включая и Кольку. Не буду вдаваться в подробности того, почему тогда Советская Армия стремительно отступала. В немецкий плен попало более 3 (трех) миллионов солдат и командиров. Вина ли отдельного солдата, такого как Николай Баркалов, в таком бегстве всей армии? И вот, спустя сорок лет после окончания войны, представитель армии иносказательно сообщает мне, что судьба его не известна. Да и то, что родная сестра исчезнувшего в войне солдата боится узнать о его судьбе. Подумайте, что собой представляла Советская власть!

(Вот еще один эпизод, связанный с военкоматом. У меня был дядя Абрам — брат моей мамы Фани. Где-то в 70-х годах по указанию свыше, решили почтить людей-ветеранов Красной и Советской Армии. Для получения памятного подарка местному комитету предприятия необходимо было предоставить документ о пребывании в армии. А у дяди Абрама произошло ограбление и все его документы пропали.

По просьбе его мамы, моей бабушки Браны, я занялся добычей копии документа о пребывании Абрама в армии. Тогда мне казалось, что дело облегчалось тем, что Абрама призвали в армию в 1938 году, — я сам ходил провожать его в военкомат нашего района.

Прошла разрушительная война с немецкими фашистами и после освобождения Харькова районный военкомат остался на том же самом месте, где он был до войны — в Аптекарском переулке.

Узнав о моей просьбе дежурный направил меня к начальнику

четвертой части военкомата. От ответа начальника четвертой части я просто опешил. Оказывается, военный комиссариат не ведет учета им же призванного рядового состава армии. Просто не ведет и все! А это же тысячи и тысячи людей!)

Я уверен, что Колька погиб. В войну из таких осужденных формировали штрафные роты. Солдаты штрафных рот почти все погибали, так как их посылали буквально на верную смерть.

Спустя некоторое время на работе от сердечного приступа умерла и Надя — Надежда Яковлевна. Сын ее остался доживать в психиатрической больнице.

Так печально окончилась история семьи Баркаловых.

Чтобы закончить повествование о судьбе моего первого настоящего друга детства, хочу рассказать еще об одной истории.

Роясь в семейном альбоме фотографий, я обнаружил две фотографии плохого качества. Фото было сделано в зимнюю пургу в нашем дворе. На одной фотографии запечатлен я на лыжах, а на второй Надя лет шести. Фотографии были сделаны Колькой тем самым деревянным фотоаппаратом. О любительских фотографиях в моем окружении тогда не было известно.

Если бы не эти два клочка бумаги, отпечатанные Колькой, можно сказать, между прочим, ради его интереса, во всем Мире ничего бы не осталось от этой семьи. Их как бы и не было.

Мораль. Дорогие! Оставляйте след на земле, хотя бы в виде бумажек.

Я на лыжах, 1936 г. Снимок сделан Колей Баркаловым в пургу деревянным фотоаппаратом изготовленным в 1910 г.

Взрослые двора, оставившие след в моей жизни

В нашем дворе было много взрослых, но оставили след в моей памяти лишь несколько человек.

Мама уже писала теплые слова о тете Нюсе, правильнее — Анне Никаноровне.

Что мне запомнилось об этой необычной, для нашего двора женщине? В мое время, тетя Нюся была статной, пожилой женщиной, старухой ее назвать было нельзя. Из всех жильцов двора она выделялась своей интеллигентностью и аристократизмом, так что даже я, маленький мальчик, понимал это. У нее было двое неженатых сыновей: Витя и Саша.

Мама, когда я был совсем маленький, иногда оставляла меня у нее. У тети Нюси обычно я сидел за обеденным столом и она со мной разговаривала. Ходить по комнате, обставленной незнакомой для меня мебелью, я не решался.

Как-то раз тетя Нюся показала мне висевшую на стене длинную прямую палку с перекладиной (это была рейсшина) и говорит: «Видишь, Фима, эту линейку. С ее помощью дядя Витя зарабатывает деньги. Учись! И ты тоже сможешь зарабатывать деньги не так тяжело, как твой папа и дядя Яша». Она словно была провидицей.

В крайней квартире нашего флигеля, слева от нас, жила семья женщины средних лет, которую звали Павловной. Мужа ее я не запомнил, но сына ее — Гаврика — запомнил. Семья была необычной для моего образа мышления тогда и поэтому она мне запомнилась. Павловна была боевой женщиной и вокруг нее вертелось много людей. У нее часто бывали гости. Но ее гости отличались от наших. Если мои родители к приходу гостей готовились — варили, пекли, убирали квартиру, то у Павловны все было наоборот. Гости приходили и брались за работу сами. Ходили по воду к колонке на Змиевской улице, пилили и кололи дрова, убирали квартиру. Часто они работали даже тогда, когда хозяйки не было дома. Я уже писал, что в один из таких дней гость Павловны перехватил грабителя нашей квартиры. Но потом, после трудов, хозяева вместе с гостями в беседке по-настоящему веселились и пели песни под гитару Гарика. Я им тогда очень завидовал.

У Павловны была дворовая волохатая собака рыжего цвета по кличке Пират. Я с Пиратом подружился. Рост у него был такой, что моя рука лежала горизонтально у на его спине. Часто Пират

сопровождал меня до 12-й школы, и я был горд этим.

О детях переулка

Так как во дворе кроме Кольки других друзей у меня не было, то остальные были из переулка. В соседнем дворе жили мои сверстники Борис и Глеб. Были и другие ребята.

В первом доме переулка жила семья, у которых был сын-подросток Мишка. И вот однажды Мишка исчез. Весь переулок говорил об этом. Тогда было модно подростками убегать из дому, чтобы воевать в Испании против Франко. Вот и исчез Мишка, «чтобы землю крестьянам отдать», как пелось в то время в очень популярной песне Светлова «Гренада». Домой он не вернулся.

И еще об одном парне нашего переулка. Он был старше меня и кличка у него была Пиво. Как-то я пошел в школу на праздник 1 мая. Папа купил мне красивый значок к этому празднику, который я прикрепил к пиджаку. По дороге меня нагнал Пиво и так дружески меня обнял, что у «меня в зобу дыханье сперло». Я был счастлив! Сам Пиво со мной в обнимку. Позже я обнаружил, что значок с пиджачка исчез. Вот таким было «дружеское» объятие Пива.

С остальными ребятами переулка я игрался.

Немного о себе

В детстве я себя помню худым веснушчатым мальчишкой, с ярко желтыми кучерявыми волосами. Не помню, чтобы сверстники меня дразнили рыжим, но я внутренне стеснялся своей рыжины. Я отличался своим внешним видом от всех остальных, а это было не принято. Все должны были быть похожими друг на друга, включая стрижку волос.

Скажите мне, пожалуйста, какого обычного еврейского мальчика родители не учили играть на скрипке?

Это поветрие не обошло и меня. При всей своей бедности, родители купили мне детскую скрипку и договорились с учителем. Учитель оказался высоким стариком (старше моих родителей) с неприятным для меня характером. Я его сильно невзлюбил. Именно он и отбил у меня охоту учиться играть на скрипке. Из того что вы прочли раньше, вы, наверное, обратили внимание, что родители меня любили, даже можно сказать лелеяли. Мама иногда била меня, но по заслугам. Била она меня шутя и даже со смехом. Она вообще говорила соседям, что бить по попе она меня не может, потому что попа настолько костлявая, что после битья у нее самой болит рука. Поэтому она

била меня мягкой ручкой веника из проса. Что это было за битье? Просто поглаживание.

А вот учитель музыки больно бил меня по рукам смычком от скрипки, чем еще больше отбивал у меня охоту учиться играть на скрипке. Если бы не он, я может быть чему-то и научился бы. Я, несомненно, не был бы хорошим скрипачом, но в жизни мне игра на скрипке могла бы пригодиться. В войну, в военном училище, всех, умевших на чем-либо играть, отбирали в музыкальный взвод. Попади я в этот взвод, жил бы в приличных условиях и всю войну отсидел бы в Намангане. И, в конце концов, был бы, как и многие другие, участником Великой Отечественной войны.

Но, честно говоря, сейчас я обо всем этом не жалею. Я выполнил свой долг и не отсиделся в тылу.

Итак. Родители потратились. Для них это было существенным, а я не научился играть. Интересно то, что эту детскую скрипку родители везли в эвакуацию. Зачем? Может быть для Лени.

Чем еще я занимался самостоятельно, кроме игр с мальчишками?

По вечерам мастерил модели самолетов и даже ледокола «Иосиф Сталин» по журнальным рисункам. Единственным клеем для дерева тогда был столярный клей. Это были твердые коричневые пластины, наподобие шоколадных. Перед употреблением откалывался молотком кусок. Этот кусок дробился на более мелкие, лучше под тряпкой, чтобы мелкие куски не разлетались, и, совместно с небольшим количеством воды, нагревался до жидкого состояния. Клеить им было не удобно, так как он быстро застывал и его снова надо было разогревать. Зимой это было просто, так как по вечерам всегда топилась плита. Летом надо было разжигать примус или керогаз. Здесь я хочу отдать должное родителям. Мастерил я на единственном в комнате столе и, несомненно, мешал им, но я не помню ни одного проявления их неудовольствия.

За всю жизнь у меня был один-единственный велосипед, но трехколесный, на котором ни я, ни мои друзья, кататься не могли. Несмотря на то, что он был трехколесным, он под нами опрокидывался. Копка, наш взрослый сосед, сказал что у него была сломана втулка переднего колеса. Когда я написал, что у меня за всю жизнь был всего один велосипед, я был неточен. Уже после выхода на пенсию Лена с Борей выполнили мою застарелую мечту и подарили мне на именины замечательный велосипед. Однако, в этом возрасте я уже не смог научиться на нем ездить. А может это следствие ранения и того, что у меня

нарушена вестибулярная функция.

Пытался разводить кроликов. У меня их была пара белого цвета с серыми пятнами. Держал я их в сарае без клетки. В качестве корма для них ходил рвать траву на Павлову дачу. Однажды утром пришел, а они валяются растерзанные. Мне было их очень жаль, до слез. Взрослые говорили, что это сделал хорек. Больше у меня кроликов не было. Держал я в большой банке с водой тритонов, но тоже безуспешно.

Вот так протекало мое ранее детство. Мне кажется — совсем неплохо.

Постышев

Глава эта странная даже для меня. Чтобы написать ее, я предварительно посмотрел в справочник, чтобы удостовериться до какого года Харьков был столицей Украины. Оказывается до 1934 года. Значит мне тогда было 9 лет. 9 лет и политика. Так дети были тогда политизированы.

Я ничего не знал об устройстве власти в стране, но знал, что главным в городе, а значит и в республике, был человек по имени Павел Петрович Постышев. В народе его звали «три П».

Чем же он запомнился ребенку?

По его инициативе в Харькове, тогда еще столице Украины, был создан первый в стране Дворец Пионеров. Причем он размещался действительно во дворце. В этом красивом здании в центре города до революции было дворянское собрание. Я этот дворец посещал, как член железнодорожного кружка. Этот кружек готовил персонал для будущей детской железной дороги, зачинателем которой, как говорили, тоже был «три П». Когда я, житель трущоб городской окраины, попал впервые в это здание, я просто «обалдел» (другого слова я не могу подобрать). Зимний сад высотой в два этажа со стеклянной крышей, живыми деревьями с бассейном, в котором плавали рыбы, произвел на меня неизгладимое впечатление.

В моем представлении после Октябрьской революции в народе — русском, украинском или еврейском — религиозность резко упала. В бога верили только пожилые люди. И вот «три П» решил воссоздать празднование Нового Года с нерелигиозной украшенной елкой. Это мероприятие подхватило все население вне зависимости от религии. В Союзе, во главе которого стояла атеистическая партия, празднование Нового Года с украшенной елкой, включая и главную елку в Кремле, стало впоследствии проводиться повсеместно, в том числе и в нашей семье. Кроме нас — детей, украшение елки нравилось и маме.

По отношению к «три П» запомнилась и такая легенда. Он зашел в окраинный магазинчик с одним продавцом. И попросил взвесить килограмм макарон. Продавец взвесил, но сказал, что у него нет бумаги для кулька. Тогда «три П» снял соломенную шляпу и продавец высыпал макароны в нее. С этой шляпой он явился в продовольственное управление и устроил там разнос. Бумага в магазинах появилась на завтра и тут же исчезла.

Вот этого прекрасного организатора в 1939 году арестовали, вменили ему в вину вредительство и расстреляли. Вот так!

Об исчезнувших играх моего детства

Прошло всего лишь каких-то семьдесят лет со времен моего детства. Я смотрю на игры современных детей и поражаюсь тому, что наши игры исчезли, как здесь в Америке, так и в Израиле. А жаль! Это были не фабричные, запрограммированные и не изготовленные взрослыми игры, а настоящие детские игры, которые, в основном, как бы создавались самими детьми. Большей частью, если так можно выразиться, инвентарь этих игр был самодельным. Он изготавливался самими детьми, при минимальном участии взрослых.

Вот мне и захотелось воссоздать наши исчезнувшие детские игры.

Детство мое прошло во дворах на Павловском переулке и на Змиевской улице Харькова. Разница только была в том, что в частных домах переулка детей было мало и поэтому большинство игр мы проводили в переулке. А на Змиевской улице детей во дворе было много и, поэтому, играли во дворе. Друзей, вернее товарищей по играм, было много, но другом с большой буквы был только Колька с Павловского переулка. Наша дружба продолжалась до самой эвакуации.

Когда мне было лет, примерно, от 6 до 10, одной из моих самых любимых игр, была игра, которая у нас называлась «Колесико». Она требовала колеса, а лучше обода колеса, размером примерно 20 см и проволочного стержня по росту играющего. Стержень с нижней стороны имел плоский крючок для обхвата обода колеса, а с верхней был загнут для рукоятки. Играющий приставлял крючок стержня к колесу и толкал его. Для того, чтобы колесо не опрокидывалось, необходимо было бежать, и, чем быстрее, тем колесо было более устойчивым. Одной из целей игры было, чтобы колесо как можно дольше не опрокидывалось. Бегали мы по тротуарам. Тротуары в переулке были земляными, что было не очень удобным, поэтому мы стремились выбегать на близлежащую Змиевскую улицу, где

тротуары были вымощенными. Играться можно было индивидуально, но лучше с друзьями. Запомнилось мне колесо, которое, как сейчас я понимаю, было узким отрезком трубы, с плохо отшлифованными краями. До сих пор мне припоминается то удовольствие, которое я испытывал от режущего звука, издаваемого колесом от трения при резких поворотах крючка о плохо отшлифованные края колеса. Мы бегали без устали много часов. Вот вам и бег, не как вид спорта, но ради удовольствия. Для осуществления этой игры требовалась помощь взрослых или старших ребят. Нужно было приобрести колесо и толстую проволоку, а также придать проволоке нужную форму. Кстати, часто эти составляющие игры мы добывали и сами, например, путем обмена.

Нравилась мне и другая игра, которая называлась «игрой в цурки». Играли вдвоем. Для игры в цурки нужна была палка, лучше круглая, и сама цурка. Цурка представляла собой отрезок палки длиной примерно сантиметров 15 с несколько заостренными концами с обоих сторон. Для этой игры нужна была значительная территория (нашего двора хватало).

На земле вычерчивался квадрат со стороной примерно в два раза больше длины цурки. В игре участвовали подающий и принимающий. Подающий устанавливал цурку в квадрат и ударял по ее заостренному концу палкой. Цурка подпрыгивала и подающий бил по ней на лету так, чтобы она полетела как можно дальше. Принимающий должен был поднять цурку с земли и пытаться забросить ее в квадрат. Когда цурка подлетала к квадрату, подающий пытался палкой на лету эту цурку перехватить и отбить ее, как можно дальше. Если цурка, брошенная принимающим, в квадрат не попадала, то с этого места подающий отбивал цурку дальше от квадрата. Игра заканчивалась, когда цурка оказывалась в квадрате. В игре были разные варианты. Например, если принимающий ловил цурку на лету, то считалось, что он игру выиграл. Если для предыдущей игры требовалась помощь взрослых, то здесь все делалось самими ребятами. Если хотите, это было что-то наподобие бейсбола.

Распространен у нас был, в особенности в Павловском переулке, запуск воздушных змеев и «монахов». И сейчас дети, а больше взрослые с детьми, запускают воздушных змеев. Но это пародия на наших змеев. Все составляющие этих змеев — это изделия фабричного изготовления. То есть у ребят не возникают никакие проблемы с их изготовлением, нет никакой инициативы, нет фантазии и нет радости, когда у тебя появился змей, сделанный собственными руками. Мы же все делали сами, а это было непросто и интересно. Начну с воздушного змея. Бумагу для

змея мы брали из разворота школьной тетради, хотя нужен был лист побольше, но где было его взять. Затем, для закрепления листа, нужна была дранка. Нам ее можно было добыть, только отодрав верхний слой фанеры. Но фанера была дефицитной и мы тайком портили нужные в хозяйстве листы. Нужен был клей для приклеивания дранок к бумаге. Тогда для таких целей годился клей под названием «Гумиарабик». Но такого клея у меня не было. Мне приходилось делать клей самому. Делался он путем разбавления небольшого количества муки в воде. Этот клей почему-то назывался «поп». Заготовленные заранее по размеру листа змея две дранки приклеивали к листу бумаги крест накрест по диагонали. Затем приклеивали дранки по периметру бумаги. Таким образом получалась жесткая конструкция. Дранки по периметру должны были немного выступать за пределы бумаги. За перекрещенные по углам дранки крепилась петля для хвоста. Особо сложным было изготовление хвоста для змея. В те времена хвост делался из тканевых полос. Но где взять ткань? Для этого мы использовали тряпки, то есть использованную ткань. Куски нарванных полос мы связывали узлами в длинную ленту в несколько метров, она и являлась будущим хвостом. Этот хвост мы прикрепляли к петле на змее. Хвоста для устойчивого полета данного змея должен был иметь вполне определенную длину. Она зависела от самого змея, от веса тряпок, из которого был сделан хвост и, думаю, даже от погоды. Для определения длины хвоста нужно было обладать мастерством и интуицией. Если хвост оказывался слишком длинным, змей не мог оторваться от земли. Еще хуже было, если хвост оказывался коротким. Тут жди беды. Змей отрывался от земли и тут же делал стремительный виток вниз — это называлось козырянием — и с силой ударялся о землю. Вся твоя работа пропадала, так как змей ломался полностью или требовал существенного ремонта. Трудности были еще и с приобретением ниток, к которым привязывался змей. Для этого годились только толстые нитки под номером десять. В этом плане мне, по сравнению с другими ребятами, было легче. Моя бабушка работала в галантерейном киоске, то есть при нитках. Ниток надо было много, потому что они пропадали при большинстве неудавшихся запусков. Это тогда, когда змеи повисали на электрических проводах, на деревьях, когда они обрывались и улетали. До запуска нитки надо было еще мастерски перемотать с катушки на палочку. Такую перемотку надо было делать обязательно. При запуске змея нитка должна была свободно разматываться и сматываться, чтобы время от времени поддергивать змея для его устойчивого полета, что невозможно делать с катушкой. Правильно

наматывать нитку на палочку тоже надо было уметь. Нитки должны были плотно укладываться друг на друга. Витки наматывались крест накрест, причем при намотке палочку надо было постоянно слегка проворачивать, чтобы навив был равномерным.

Теперь, когда змей сделан, его надо было запустить. Для этого нужно было большое, очень большое пространство, свободное от строений и деревьев. Места лучше чем наш переулок и не придумаешь. Это была большая дорога, по которой изредка проезжали подводы.

Запуск осуществлялся так. Один из нас держал змея вертикально, а запускающий отходил на небольшое расстояние и начинал быстро бежать по переулку. Если хвост был подобран правильно, то змей, к нашему ликованию, взмывал вверх.

Почему-то, мысленно возвращаясь к этому времени, я запомнил один особенно удачный запуск. Я вижу себя со стороны. В переулке стоит веснушчатый, с золотыми сильно кучерявыми волосами мальчишка лет восьми и держит нитку парящего в безоблачном небе змея. Это был змей с наредкость удачным размером хвоста. Змей парит и наибольшее удовольствие я получал от хвоста, извивающегося в воздухе. Прямо настоящий змей!

Делали мы и упрощенные летательные аппараты — «монахов». Делали их из тетрадного листа. Это была своего рода не замкнутая конусообразная коробочка и к ней привязывали хвост. Делать его было просто, но и у довольствие от его запуска было значительно меньше, чем от змея.

Было у нас и приспособление для снятия повисшего на проводах змея. К веревке длинной примерно метра полтора с двух сторон привязывались небольшие кусочки кирпича. Это приспособление бросалось на повисшего на проводах змея. При броске связка разворачивалась и, если бросок был удачным, она обхватывала зависшего змея. Под тяжестью камней запутавшийся змей падал на землю, к нашей большой радости. Это была непростая задача и тоже требовалось мастерство. Обычно, бросков было множество и только после одного удачного, змей, захваченный связкой, падал на землю. Но большей частью попытки спасения змеев были неудачными. К концу лета на электрических проводах переулка оставались висеть десятки запутавшихся змеев и связки камней.

Играли мы также в игру которая называлась «Жмурки». Собиралась группа ребят. Один из играющих отворачивался, прислоняясь к стене лицом, а остальные прятались. Задача зажмурившегося найти одного из спрятавшихся игроков. Когда

ведущий отходил далеко от места, где он жмурился, прятавшиеся должны были быстренько выскочить и коснуться рукой того места, где ведущий жмурился. Если, жмурившийся перехватывал бегущего, то последний проигрывал. Проигравший сам становился ведущим и шел «жмуриться».

Была игра в «квачика». В группе ребят один из играющих должен был нагнать кого-то из убегающих и прикоснуться. Тот, кого нагнали проигрывал, становился «квачиком» и в свою очередь уже должен был бегать за другими.

Была еще одна групповая игра, название которой я забыл. Одному из игроков завязывали глаза. Игрок с завязанными глазами должен был найти кого-нибудь из убегающих.

Была еще игра в «классы». На земле мелом вычерчивалась сложная фигура, состоящая из десятка и более смежных квадратов. На землю бросалась, например, метлахская плиточка и играющий, подпрыгивая на одной ноге, должен был эту плиточку переталкивать от первого квадрата до последнего. Эту игру не любили родители, так как в ней портилась обувь от ударов о плиточку.

Очень распространена была, в особенности среди девочек, игра в «скакалки». Девочки брали в руки небольшую веревку и начинали вращать ее через себя. Когда веревка приближалась к земле, играющая должна была ее перепрыгнуть. Таких прыжков у некоторых было много сотен, причем эти перепрыгивания делались с большими выкрутасами. Этой игрой увлекалась еще моя мама, что она описала это в первой части этих воспоминаний.

Среди девочек широко распространена была игра в кремушки. Для игры необходимо было пять небольших камешков легко зажимаемых в кулаке. Это были либо небольшие кусочки кирпича, которые шлифовали о другой кирпич, либо небольшая галька. Основной вариант групповой игры осуществлялся на чем-то твердом. Это был стол, скамья, деревянное крыльцо. Игра проводилась так. Камушки рассыпались по поверхности. Играющий устанавливал левую руку так, как будто ей измеряется расстояние в вершках. Образуются своеобразные «ворота». Затем играющий подбрасывает камушек, и пока он находится в воздухе, играющий пытается забросить той же правой рукой один из камушков в «ворота». Это делается быстро, чтобы успеть словить падающий камушек. Выигрывает тот, кто больше всего протолкнет камушков через «ворота». Не пойманный на лету камушек считался проигрышем. В эту игру можно было играть и в одиночку, подбрасывая и ловя один или несколько камушков.

В «ножичка», в основном, играли мальчишки. На земле вычерчивался круг. Его делили на две равные части. Затем один из играющих брал ножик за острие и быстрым опрокидывающим движением вонзал его в землю на территории противника. Затем вдоль плоскости ножа проводилась линия, отрезающая часть территории противника. Игру проигрывал тот, кто уже не смог стать на свою территорию даже одной ногой.

Когда мы подросли до 10—11 лет, мы играли уже на деньги, правда небольшие. Припоминается два варианта игры на деньги.

Первый назывался «слепа». Для этой игры нужно было несколько человек. Предварительно договаривались, сколько ставить играющему на «кон». Обычно это были небольшие медные монетки. Но, припоминаю, что были монеты достоинством и в десять копеек, так как они были «серебряными», то есть из белого металла. На земле вычерчивалась прямая линия. Игроки отходили от нее на договоренное расстояние. Затем по очереди бросали свою «биту» так, чтобы она упала как можно ближе к черте. В этой игре был важен вес «биты» — тяжелой монеты. Чем бита была тяжелее, тем она лучше подчинялась игроку. Из действующих монет, самой тяжелой была желтая медная монета достоинством в пять копеек — «пятак». Были у нас счастливчики, у которых были более тяжелые царские монеты. Особо ценились «катеринки». Это была монета из красной меди, на которой был выгравирован профиль дородной женщины с пышными волосами и с надписью «Екатерина вторая». После того, как все игроки побросали свои монеты, устанавливалась очередность каждого участника в игре, в зависимости от того на каком расстоянии от черты упала та или другая монета. Первым был тот, чья монета была ближе к черте, но по ту сторону. Надо отметить, что обе стороны монеты имели названия. Сторона с гербом называлась «орлом», а противоположная сторона называлась «решкой». Это потому, что эти стороны назывались так до революции, когда гербом страны был двуглавый орел. Затем монеты укладывались в столбик по убыванию диаметра орлом кверху. Игра начиналась с того, что первый игрок своей монетой бил по столбику. Все перевернувшиеся монеты с «орла» на «решку» он забирал себе. Он переставал бить по монетам, когда ударенная им монета не переворачивалась. Затем наступала очередь следующего и так далее.

Название второго варианта игры я не могу вспомнить. Для этой игры нужна была кирпичная стена. Игроки по очереди ребром монеты били по стене, так чтобы монета отскакивала. Задачей последующих игроков было так ударить монетой, чтобы

она как можно ближе упала к уже лежащей на земле монете. Если монета падала на расстоянии достаточном, чтобы игрок мог достать обе монеты раздвинутыми большим и средним пальцами одной руки, то игрок забирал себе чужую монету.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос, почему я не описал распространенную в Европе среди мальчиков игру в футбол. Но мы в него практически не играли. Родители в моем окружении не в состоянии были купить надувной мяч, не говоря уже о тяжелом футбольном. Да! Иногда мы играли в футбол. Но, что это была за игра? Наш мяч делался из набитого дамского чулка. Это была пародия на футбол, да еще мы ведь все лето ходили босиком и удар по такой тяжелой тряпке был ничтожным. Так что в детстве мы практически не играли в футбол. Уже в юности я ходил играть в футбол на стадион «Дворца пионеров».

Зимой мы катались на коньках и лыжах. В раннем детстве у меня были коньки, которые назывались «Снегурочки». У них был механизм с зажимами, которые прикручивались к рантам обычных ботинок на время катания. Механизм был ненадежным и приходилось укреплять его веревками. Когда я подрос, родителям пришлось раскошелиться и купить мне коньки для льда, которые у нас назывались «гаги». С этими коньками я ходил уже на стадион «Металлист», который был недалеко от нас. Там на зиму заливали для катания футбольное поле. Таким образом катание на коньках было затруднено. Не всегда удавалось вырваться на каток, зимняя погода в Харькове неустойчива, лед на катке таял и его не сразу заливали.

Лучше обстояло дело с катанием на лыжах. Когда я был совсем маленький, я катался в нашем большом дворе. Когда я подрос, мы большой компанией уходили кататься на Павлову дачу. Кстати, на этом поле было два пруда, на которых мы тоже иногда катались на коньках. Но это катание было опасным из-за ненадежности замерзшего льда.

Подумать только, что запоминается! 1 декабря 1934 года мы с мальчишками катались на одном из прудов. И вот по уличному радио мясокомбината, который размещался невдалеке от прудов, передали сообщение о том, что враг народа убил Кирова (один из руководителей партии). Дату убийства проверил через Google. Все совпадает.

Дорогой мой молодой читатель. Можете ли вы себе представить жизнь детей без телевизора и компьютера? Думаю, что это трудно. Но и тогда, уверяю вас, дети не скучали дома.

Когда я был совсем маленьким, в зимние вечера мне нравилось сидеть перед дверцей топящейся печки. Во-первых, было тепло. Я вырезал из бумаги всякие фигурки, а больше всего

гусей и просовывал их в щель дверцы, где они сгорали.

В доме всегда были игральные карты. Играли так. Часть карт раскладывали на столе. Из оставшихся карт строили «карточный домик». Затем по очереди вытаскивали разложенные под домиком карты. Проигрывал тот, у которого, после вытянутой им карты, домик разрушался.

Пока я был совсем маленький и еще не увлекся чтением, на что впоследствии уходили все вечера, главной моей игрой было строительство всевозможных зданий из косточек домино. Мне это очень нравилось. Теперь я думаю, что автор блочного строительства сооружений, тоже наверное вынес эту идею из своего детского увлчения косточками домино.

Была у нас еще одна игра, которой мы увлекались. Называлась она «игрой в карамельки». В этой игре главным компонентом были обертки конфет. В то время самыми распространенными конфетами были карамели, типа «раковая шейка», поэтому так и назвалась игра. Правда, были и конфеты шоколадные, но в нашей среде это было редкостью. Обертки этих конфет были на лучшей бумаге и красивее. Они у нас ценились и часто за одну красивую обертку давали по несколько обычных оберток. Из оберток делали небольшие конверты. Этими конвертиками мы и играли. У каждого из нас был набор этих конвертиков, которые мы держали в металлических коробочках, обычно из под леденцов. Как мы играли? На верхнюю часть ладони укладывали конвертик и ударяли пальцами этой же руки о край стола. При этом конвертик отлетал на стол. Выигрывал тот, чей конвертик накрывал уже лежащий. Он же и забирал себе оба конвертика.

Была еще распространена игра на двоих, которая называлась «кроватка». Из веревки делалась довольно большая петля, которая растягивалась на руках одного из игроков. Второй игрок переплетал петлю таким образом, чтобы можно было ее снять с рук первого игрока. Затем такую же процедуру проделывал первый игрок. Это петляние происходило до тех пор, пока ничего с петлей уже сделать было нельзя.

Надо еще отметить, что у меня была редкая для тех времен покупная игра, которая называлась «Конструктор». Такие игры и сейчас продаются. Это набор перфорированных алюминиевых реек, колесиков, шайб, гаек и винтов, из которых можно было собрать всевозможные машинки и устройства. К игре прикладывалась инструкция с рисунками для работы с деталями.

Дорогой молодой читатель!

Как видите, я без труда насчитал более двадцати детских игр, которые украшали наше детство, без покупных игр, телевизора,

компьютера и многого другого.

Школьные годы

Описываемые события относятся к 1932 году. В русскоязычном Харькове было очень много как русских, так и украинских школ. В то время для моих родителей, очевидно, было безразлично на каком языке я буду учиться. Несмотря на то, что я совсем недавно научился говорить по-русски, в анкете для поступающих в школу, мама записала меня, как грамотный (по-украински — «пысьмэнный»). В соответствии с анкетными данными комплектовались классы. Теперь я думаю, что мама поступила правильно. Она записала меня, как теперь говорят, в продвинутую группу с более подготовленными учениками. Но во что это вылилось вы узнаете чуть позже.

12-я образцовая школа им. Тараса Григорьевича Шевченко находилась в конце нашего переулка. Трехэтажное здание школы из красного кирпича с огромными окнами под черепичной крышей возвышалось, как настоящий дворец, над окружающими одноэтажными строениями.

Школа была построена на тогдашней Харьковской окраине сразу после Октябрьской Революции 1917 года с большим размахом и вкусом. Тогда еще Советская власть беспокоилась о своем народе.

Для меня, жителя лачуги, само нахождение в этой школе было праздником. Коридоры были широкими с большими окнами на всю длину. Запомнилось, что полы в классах были деревянными, а в коридорах паркетными. Почему запомнилось? Назначение паркета мне было непонятным. Зачем нужно было хорошие доски дробить на маленькие?

На третьем этаже был превосходный зал со снарядами для занятий физкультурой. В праздники он превращался в настоящий театральный зал со сценой и даже со стационарным занавесом из какого-то тяжелого материала зеленого цвета. В подвале стояло несколько больших машин. Кто-то из учителей сказал, что это резервная электростанция на тот случай, если не будет электричества. Однако в жизни было не так. Очень часто электричество исчезало, но наша электростанция никогда не включалась.

Нелишне описать директора школы. Несмотря на то, что здание школы было большим, кабинет директора размещался прямо у парадного входа в школу. Помнится перед началом занятий директор всегда стоял у входа и разбушевавшиеся мальчишки тут же теряли свой пыл. Трудно себе представить, что

прошло более семидесяти лет, а я помню внешность и фамилию директора. Звали директора (напомню, что школа была украинской) Мыкола Костовыч Тесленко. Было у него, как и у многих учителей, прозвище — Мыконтес, своего рода аббревиатура. Мне тогда было не более 7 лет, но я помню его красивую, стройную фигуру с седеющей аккуратной шевелюрой.

Временами он заходил в класс во время занятий, мы дружно вставали и он здоровался с нами. Он осматривал классную комнату и мне запомнился случай, когда он вынул из кармана белоснежный носовой платок и провел им по крышке шкафа. В нашей школе, в отличие от других школ, в шкафу стояли коробки для чернильниц-непроливаек. Что это за такие чернильницы? Это были невысокие стеклянные баночки, края которых были загнуты вовнутрь в виде усеченного конуса без вершины. В это отверстие опускалось перо для набора чернил, — тогда это называлось «макать». Конструкция чернильницы была такой, что, благодаря конусу, даже из лежащей на боку чернильницы чернила не вытекали. В то время, как в других школах ученики носили чернильницы с собой в специальных мешочках, в нашей школе чернильницы хранились в шкафу на весь класс. Писали мы тонкими, толщиной с карандаш, ручками с наиболее распространенными металлическими перьями под номером 86 коричневого цвета. Чтобы перья не ломались, ручки носили в школьных пеналах.

На каждом этаже у лестниц всегда сидели уборщицы. Мы их боялись и по лестнице не бежали сломя голову.

Исчезновение Мыконтеса произошло, мне кажется, когда я учился во втором классе и был еще совсем ребенок. И все же я запомнил разговоры учителей, что Мыконтеса арестовали, как украинского националиста. Уже в то время преследование инакомыслящих набирало силу. Теперь я предполагаю что случилось с Мыконтесом. Он, по всей вероятности, был рафинированным дореволюционным украинским интеллигентом. Он, как и многие другие, поверил декларациям большевиков, что «все для народа и во имя народа». Вот он, очевидно, и решил создать школу в соответствии со своими идеалами. Ему тут же «дали по рукам».

«Правление» новой директрисы коренным образом отличалось от директорства Мыконтеса. Она тут же закрыла парадный вход для школьников и мы заходили в школу через мрачный черный ход. С ее приходом чинность в школе исчезла. На перерывах мы мотались по всем этажам и, точно помню, исчезли уборщицы, которые при Мыконтесе сидели на этажах.

Запомнилась «детская трагедия», которая произошла со мной

во втором классе. У нас дома, как и у большинства людей, висела черная тарелка репродуктора, то есть громкоговорителя радио. И вот из этой тарелки я узнал, что вышла в свет книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Репродуктор вещал, что каждый советский человек, а я тогда таковым уже себя считал, должен прочесть эту книгу о молодых революционерах. И вот эту книгу принесла тетя Лиза домой. Так как она уходила на завод «Серп и Молот», где она работала, очень рано, а приходила поздно, я решил прочесть ее, пока она находилась на работе. Взял эту книгу в школу и стал читать ее на уроке под партой. Естественно, учительница меня разоблачила и забрала книгу. Я был в отчаянии. Пришлось рассказать маме, чтобы она эту книгу вызволила. *(Читатель! Прошло более 75 лет. Точное время описываемых событий казалось бы невозможно установить. Однако, с этим временем совпадает конкретное событие, дата которого точно известна. Это происходило в 12-й школе, когда я учился во 2-м классе. А третий класс я учился в 90-й школе. Следовательно, уже во 2-м классе я читал серьезные книги).*

Теперь я вспоминаю, что в нашей большой семье меня любили и не помню, чтобы меня наказывали, в том числе и за этот проступок. А тогда наша большая семья состояла из папы, мамы, брата Лени, бабушки, тети Лизы и дяди Абрама.

В связи с переполнением школы учащимися (так сказали родителям) наш 3-й продвинутый класс перевели в школу №90, которая представляла собой прямую противоположность школе №12. До революции в этом помещении находился монастырь. О занятиях в этой школе мне практически ничего не запомнилось.

Но в детской памяти запечатлелось другое. Перед зданием школы была большая песчаная площадь. И вот мы, школьники, в перерывах между уроками наблюдали за учениями красноармейцев (солдат), которые проводились на этой площади. В землю на расстоянии пару десятков метров друг от друга были врыты столбы высотой примерно полтора метра. На вершинах этих столбов закреплялись обычные деревянные прутья. Красноармеец шел или бежал вдоль этих столбов с обнаженной шашкой. Поравнявшись со столбом, красноармеец взмахивал шашкой и должен был срубить этот прут. Не всем это удавалось. А нам было интересно.

Кажется в 4-м классе я записался в кружек городского Дворца пионеров.

Несмотря на то, что у меня было много друзей, во Дворец записался я один, даже Коле Баркалову родители не разрешили. Выходит, что уже лет в одиннадцать у меня была полная свобода действий.

Коротко расскажу об этом Дворце по памяти и кое-что из литературы.

Это было очень красивое белоснежное двухэтажное здание с колоннами у главного входа. Стояло оно в самом центре Харькова на площади Тевелева (большевика, расстрелянного немцами в 1918 году при оккупации Харькова). До революции в этом здании находилось Дворянское собрание, а после революции правительство Украины. С переездом правительства в Киев это здание превратили во Дворец пионеров. До этого таких «дворцов» в стране не было.

И вот мое первое впечатление о Дворце пионеров. Я вхожу вовнутрь здания с высоченным потолком. Уже одно это меня, 10-летнего мальчика, жившего в лачуге, впечатляет. Из фойе (я этого слова тогда не знал) — широкий вход в Зимний сад. Я за всю последующую жизнь не был в таком саду. Что меня потрясло, так это бассейн внутри здания, в котором плавали большие рыбины, — может быть килограммовые. Подумать только — бассейн внутри здания! Я и представить себе не мог, что такое возможно. А потом я поднял голову и увидел вместо потолка стеклянный купол. Для меня было невероятным, чтобы потолок был стеклянным. По бокам помещения росли самые настоящие деревья. Слева от входа во Дворец был большой кинозал. Следует отметить, что вход в Дворец был совершенно свободный. Моя будущая жена Лиля, не учась ни в каком кружке, запросто заходила туда.

Из всех, предложенных мне на выбор секций, я выбрал кружок «Юных железнодорожников». Дело в том, что тогда в Харькове строилась первая в стране детская железная дорога. Наш кружок подготавливал будущий ее эксплуатационный персонал. Мы изучали все вопросы, касающиеся работы железнодорожного транспорта. Странно, я практически ничего не помню об учебе в школе того времени, однако я запомнил многое, чему нас учили в этом кружке.

Приведу пару примеров. Изучали мы, например, каким образом машинист паровоза получал разрешение дежурного станции проследовать дальше до следующей станции. Теперь это архаика, а тогда это было обязательным условием движения поездов. При подъезде к железнодорожной станции машинист сбавлял скорость и высовывал наружу проволочное, примерно полуметровое, кольцо с закрепленным на нем жезлом. Это кольцо ожидавший его дежурный заменял на другое кольцо с новым жезлом. Этот жезл разрешал машинисту следовать до следующей станции и быть уверенным, что на перегоне нет никакого другого состава. Интересна сама блокировка жезлов, исключающая

ошибку дежурного. Последующий жезл нельзя было вынуть из гнезда, если предыдущий не был вставлен на место.

У нас были настоящие экзамены. Мне запомнился вопрос, на который я не смог ответить. Вопрос: «Как цепляется паровоз-толкач к вагону». Я ответить не смог. А ответ простой. Так как этот паровоз просто толкает впереди находящийся вагон, то никакой сцепки не требуется.

Летом весь наш кружок участвовал в строительстве объектов будущей дороги. До войны эту дорогу так и не достроили. А спустя некоторое время после войны она уже работала и мы с детьми пользовались ею.

У читателя возможно возникнет вопрос, как маленький мальчик может запомнить конкретные даты своего детства? А вот и ответ. Как-то, выходя после занятий кружка, а это было вечером, я обратил внимание на большую группу людей, собравшихся у уличного репродуктора. Репродуктор вещал о принятии сталинской конституции. Теперь, когда я пишу эти строки, я заглянул в энциклопедию и узнал, что это был 1936 год. На высоких зданиях и столбах оживленных перекрестков были установлены репродукторы, передававшие правительственные сообщения и музыку.

В 90-й школе я проучился 3-й и 4-й классы.

Спустя два года, наш злополучный «продвинутый класс», перевели в школу №74. До этой школы уже надо было ехать трамваем остановок семь.

Что запомнилось об этой школе? Само здание. До школы это был, очевидно, жилой дом в четыре или пять этажей. Довольно мрачное здание из темно-красного кирпича. Классы размещались по этажам. Наш 5-й класс учился во вторую смену.

Из новых дисциплин был немецкий язык. Учиться немецкому языку мне было легко, так как он мне во многом напоминал идиш, которым я хорошо владел. И еще я запомнил занятия по музыке.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я время от времени включаю музыкальный проигрыватель. И вот что удивительно. Из проигрывателя звучит мелодия моего детства. Где-то в пятом классе у нас был детский оркестр, который назывался «Шумовым оркестром», очевидно, по набору инструментов. Учительницу по музыке я не запомнил, но она, узнав, что я дома учусь играть на скрипке (правда неудачно), определила меня играть на ксилофоне. И, представляете, мы — малыши в шумовом оркестре — играли что бы вы думали? «Музыкальный момент в Fa-minor» Франца Шуберта. Естественно, я тогда не знал что мы играем, но теперь он снова прозвучал из проигрывателя, спустя

более чем 70 лет. Теперь я думаю, что наша преподавательница по музыке, как и многие другие учителя, была настоящим подвижником.

В зале школы запомнился установленный макет Дворца Советов, который в то время строился в Москве. Этот макет, под руководством учителя труда, соорудили два наших старшеклассника Беловол и Шлиозберг (надо же было запомнить!).

Запомнился мне один из соучеников нашего класса, который впоследствии стал моим лучшим другом. Запомнился он вот почему. Для меня получить тройку или даже двойку по уроку было обыденным делом, и я нисколько не переживал из-за этого. Этот же мальчик, фамилии я его тогда не знал, получив даже тройку плакал, что было для меня как-то странно. Вот почему я его и запомнил. В те времена знания учеников определялись баллами от единицы до пяти. Самым плохим баллом была единица, а самым лучшим была пятерка. А после войны, встретив в институте отставника офицера, я тут же вспомнил откуда я его знаю.

Мои школьные проказы, которые классная руководительница старательно отмечала в дневнике, мою маму не сильно расстраивали. Я теперь думаю, что маме это, в отличие от папы, нравилось. Она, очевидно, не хотела чтобы я рос маменькиным сынком. Почему я так думаю? Уже на много лет позже мама в разговоре со знакомыми, я бы сейчас сказал с удовольствием, рассказывала о моих детских шалостях. Особенно ей нравилась такая запись в дневнике, отраженная и в ее мемуарах выше: «Стрыбав через паркан. Затрыман милиционэром». По русски: «Прыгал через забор. Задержан милиционером». В чем дело? Недалеко от школы был стадион, который назывался «Балабановка». Там часто проводились футбольные матчи. Естественно, мне хотелось их посмотреть. Вот почему я и перелазил через забор. И однажды попался милиционеру, который привел меня в школу.

На поездку в школу родители ежедневно давали мне 6 копеек, так как проезд в одну сторону стоил 3 копейки. Для нас мальчишек покупать билет было зазорно. А сэкономленные деньги я тратил на покупку сладостей и игры на деньги, которые я описал раньше.

С поездкой в школу связано у меня печальное происшествие. Остановка трамвая была дальше того переулка, где находилась школа. Мальчишеский шик состоял в том, чтобы соскочить на ходу в нужном месте. В те времена двери в трамваях автоматически не закрывались. Делалось это так. Становился

на подножку. В нужном месте отталкивался от подножки в сторону движения, чем уменьшал инерцию от движущегося трамвая. Приземлялся на мостовую или асфальт и пробегал еще несколько шагов. Обычно, мне это удавалось. Но однажды я не удержался на ногах и упал. К счастью, я только содрал себе щеку. Что было дома, когда увидели меня с разодранной щекой, не помню.

В этой связи хочу остановиться на детской жестокой психологии, я бы сказал общей, не только моей. Я все же запомнил это, значит был не таким жестоким, как все.

На нашей улице жил мальчик примерно моего возраста. Вот он тоже прыгал с трамвая, описанным мною способом, пока ему не отрезало ногу. Мальчишки моего окружения его почему-то не любили и, вместо сочувствия, издевались над ним. Помнится, что один парень, намного выше других, отобрал у него костыль и повесил так высоко, что одноногий не мог до него самостоятельно дотянуться. А наша стайка мальчишек убежала со смехом, оставив его одного.

Думаю, что мое падение с трамвая с разодранной щекой и этот несчастный мальчик ускорило решение моих родителей перевести меня снова в ближайшую 12-ю школу.

Теперь о сочетании оранжевого и зеленого цветов.

Как я уже писал выше, наш класс учился на второй смене. Зимой занятия заканчивались в полной темноте. И вот наша группа, ехавшая в мою сторону, замерзшие, в плохой одежде, затевали игру, кто первый заметит приближающийся наш заветный трамвай под номером 10. В те времена наверху трамвая, над кондукторской будкой, был закреплен его номер, а по бокам два цветных фонаря. У нашего 10-го номера это были зеленый и оранжевый фонари. Выигрывал тот, кто первый заметит наш трамвай. С тех пор сочетание этих двух цветов меня радует.

В те времена трамваи не отапливались. Окна замерзали полностью. Для того, чтобы увидеть, где находится трамвай, люди, а в особенности дети, своим целенаправленным дыханием на стекло протапливали «лунки». В таком промерзшем вагоне кондукторши простаивали весь день. Как правило они были в перчатках, но кончики перчаток были отрезаны, чтобы не мешать «обилечивать», то есть отрывать билет, пассажиров. Билет сохранялся на случай появления контролера. А у меня, когда замерзают руки, в первую очередь мерзнут именно кончики пальцев.

Итак, 8-й класс я продолжал учебу уже в школе №12, так сказать по второму заходу. Новый класс, новые друзья и новые учителя. А школа эта была уже не школой Мыконтеса. Главный

парадный вход был закрыт, а может даже заколочен. Вход в школу осуществлялся по настоящему черному, темному коридору со двора. Но сама школа, по сравнению с 90-й и 74-й, оставалась светлой и красивой внутри. Однако исчезли у лестниц дежурные-уборщицы. Для меня это было хорошо, так как они стесняли меня, когда я мчался по лестнице. Мне было приятно вернуться в эту школу. Школу я любил и шел туда с удовольствием. Кроме занятий, я участвовал во множестве кружков. Это и русский литературный, и физический, и математический, и, даже, стрелковый. И снова я учился во вторую смену. И, что примечательно, очень часто исчезало электричество. Для нас исчезновение света было настоящим праздником.

Руководителем нашего класса одно время был мужчина, что было редкостью для школы. Федор Петрович Бухалов преподавал в школе географию. Он много путешествовал по стране и на уроках рассказывал нам о том, что видел. Я был его любимчиком, так как меня тоже интересовала география. У меня на столе стоял глобус, который с искренней любовью подарил мне папа, и я по нему «объездил» все страны, моря и континенты.

С Федор Петровичем запомнился такой случай на экзамене. Как только я взял экзаменационный билет, Ф.П. говорит мне: «Отвечай без подготовки». Так он был уверен в моих знаниях. Я подошел к большой карте и прочел совершенно незнакомое название — Латинская Америка. Я был удивлен, так как в учебнике и на глобусе такого названия не было. На мой недоуменный взгляд он тут же уточнил, что это Южная Америка. После этого все стало на свои места.

У нас была хорошая преподавательница математики. Это была средних лет очень стройная, элегантная женщина. И хотя она была к ученикам, можно сказать, доброжелательной, кличка у нее была «Кобра», потому что у нее слегка подергивалась голова. Честно говоря, мне математика не очень нравилась. Но в это время в стране была если не истерия, то сильная пропаганда инженерии. А я все это впитывал, понимая, что математика — путь в инженеры. Поэтому старался лучше учиться по математике и физике и участвовал в этих кружках. По математическому кружку мне запомнились задачи с детерминантами.

Осталась в памяти учительница биологии. Она была одновременно и заведующая учебной частью. Некоторые сведения полученные от нее мне пригождаются и сейчас. Дело в том, что у меня в Кливленде есть небольшой огород. Ее совет, как бороться с сорняками, я использую и по сей день. При удалении

сорняка нельзя в земле оставлять его корешки. Иначе после удаления одного вырастет множество новых.

Учительница была продуктом своего времени. Как негативную сторону капитализма она приводила нам такой пример. В капиталистических странах продают молоко, разбавленное до установленной концентрации, что плохо. А у нас продают молоко с естественной жирностью, такой, которую дает корова.

У нее был свой кабинет. В этом кабинете завешивались окна и она нам показывала научно-популярные фильмы. Запомнился фильм о механической стрижке овец. В 9-м классе она нам показала фильм о том, каким способом разводится племенная порода лошадей. Я его запомнил, потому что его невозможно забыть пятнадцатилетнему мальчику. Когда я теперь рассказываю содержание этого фильма другим, то никто этому не верит. Такое не могло произойти в советской школе. Да я и сам бы не поверил. Но это ведь было. Вот краткое содержание этого фильма.

Показали как сексуально возбуждали племенного жеребца. Каким образом я не запомнил. Затем на экране появляется полый макет лошади. Женщина-лаборант сидит в пустотелом брюхе макета лошади с огромной стеклянной колбой. Разгоряченного жеребца за уздцы подводят к макету лошади и он производит семяизвержение в колбу. Каково было самочувствие этой женщины во время этого процесса?

Расскажу немного об учителе русского языка Климентии Ивановиче Оконевском, по кличке КИО. Каким он мне запомнился.

Это был, с моей точки зрения тогда, высокий худощавый седой старик — думаю лет шестидесяти. Ходил он с кожаным, сильно потертым небольшим портфелем. Я, очевидно, был шаловливым мальчиком, поэтому запомнил себя сидящим либо за первой партой, либо с какой нибудь девочкой.

Вот сижу я на первой парте. Из-за высокого роста КИО было неудобно сидеть на стуле, поэтому он усаживался на край учительского стола, прямо перед моим носом. Сидя таким образом, он читал нам наизусть большие отрывки из русской классической поэзии, в которую был влюблен. Это и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов.

Отрывок из поэмы Некрасова «Саша», который я запомнил, очень сильно меня выручил в армии. Подробно об этом можно прочесть в моей книге «Армия 1943—1945 гг».

Запомнилось мне вот такое наставление КИО. В контрольной работе я написал слово «воняет». Он мне говорит, что в русском языке нет такого слова, а следует говорить и писать: «плохо

пахнет». Почитал бы он сейчас современную русскую литературу, даже именитых авторов. Там слова и похлеще бытуют.

Я с особым удовольствием участвовал в работе русского литературного кружка под руководством КИО. В сохраненном мамой моем дневнике за полтора года — с 1938 по 1940 год, — у меня записано три моих рассказа, написанных для кружка.

Как видно из записей, эти рассказы хвалил не только руководитель кружка, но и учительница химии. Ей, для рецензии, как специалисту, КИО дал прочесть мой рассказ «Бред чудака». Она его одобрила. Сейчас, когда пересматриваются теории об образовании и строении вселенной (тогда нас учили, что вселенная вечная, она не имеет ни начала, ни конца) мысль о том, что вселенная тоже материя, была для ребенка продуктивной.

Уроки истории. Надо не забывать, что описываемые мною школьные годы приходятся на время сталинских репрессий. Учителя у нас часто менялись. И я их не запомнил. Но помню, что в учебнике истории были фотографии многих «врагов народа», в основном военачальников. Что мы делали с этими фотографиями я не помню. Помню, что учитель их называл врагами.

И все же запомнился мне один из учителей истории. На уроке он усаживался за учительский стол и укладывал перед собой большие карманные часы. Это я видел, так как сидел за первой партой. Вот примерно его слова. Урок по теме он будет вести только пол часа. За это время он опросит учеников и даст задание на следующий урок. Если мы будем сидеть тихо, то оставшиеся 15 минут он нам будет рассказывать интересные истории. Мы сидели так тихо, что можно было услышать, как пролетит муха.

Хочу поделиться с вами поучительным мифом, рассказанным учителем, о человеческой зависти и о том, что даже такой гениальный человек, каким был Аристотель, не мог всего предвидеть. Привожу его рассказ по памяти.

Под конец своей жизни Аристотель придумал способ, как себя обессмертить физически. Для осуществления задуманного ему потребовался помощник. Он остановился на своем любимом ученике. Ему он оставил самую подробную инструкцию, что тот должен сделать после его смерти.

Действуя строго по инструкции, ученик, после смерти Аристотеля, расчленил его тело и водворил в сосуд с жидкостью, оставленный учителем.

Потом ученик подумал: «Какая несправедливость? Вот Аристотель будет жить вечно, а я умру. Я этого допустить не могу». Но нарушить инструкцию своего учителя он не посмел.

И все же он свой замысел осуществил. Так как Аристотель не оговорил место нахождения сосуда с его телом, ученик установил его на открытом оконном подоконнике. Дело было в Греции. Орел, почуяв запах мяса, подлетел к открытому окну и взмахом крыла опрокинул банку с содержимым. Все содержимое сосуда вылилось, и Аристотель не возродился. Вот такая поучительная история. Даже Аристотель не мог предвидеть всех возможных обстоятельств.

При переходе в 12-ю школу у меня появилась дополнительная трудность. В отличие от 74-й школы, где я два года изучал немецкий язык, в 12-й школе иностранным языком был французский. Но поскольку и «старожилы класса» плохо усвоили этот язык, то я быстро их догнал «по незнанию». Единственное, что мне запомнилось, так это тяжелый запах духов нашей учительницы, от которого меня просто воротило.

Напомню читателям, что когда родители перевели меня вновь в 12-ю школу, я уже жил в «барских» условиях на Змиевской улице. У меня уже был свой письменный стол. У меня уже был глобус, который с большим удовольствием и радостью подарил мне папа. У него ведь ни в детстве, ни потом, не было возможности учиться. По этому глобусу я «пропутешествовал» по всем странам и континентам. Над столом висела тарелка репродуктора, которую я никогда не выключал. Я готовился к урокам под звуки репродуктора. Звучали песни и передавали радиоспектакли для детей. Запомнились мне почему-то басни Беранже, его «Старый фрак», и рассказ «Свинья художница».

Во дворе было много детей, но младше меня возрастом. Был один Борис, с которым мы обычно играли в карамельки. И все же, большей частью я пропадал на Павловском переулке.

Как вы знаете в стране был постоянный дефицит. Рядом с нашим двором был продовольственный магазин,,и я много времени проводил в очередях за продуктами. Хочу поделиться с вами одним забавным случаем. В нашем дворе жила семья сапожника, и при мне у них родился мальчик, которого тоже назвали Фимой — Фимкой. Он еще самостоятельно не ходил и его водили подпоясав полотенцем. Он еще не разговаривал. И у нас была такая игра. Кто-то из детей подбегал к нему и кричал: «Фимка, сахар привезли!» и этот малыш, где бы он не был во дворе, поворачивался и устремлялся к воротам двора, то есть в направлении к магазину.

В школе у меня было много друзей. Это и Семка Сокольский, и Ленька Дегтярев, и Жора Коньков, и многие другие. Но, к сожалению, все они жили далеко от Змиевской улицы. Я ведь был новичок в этом классе. Поэтому наша дружба ограничивалась

только временем пребывания в школе. Правда, у Жорки я бывал дома после школы, так как у него была голубятня и жил он в частном доме. Семкина семья жила в такой же лачуге, как и наша на Павловском переулке.

Для молодых читателей вношу некоторую ясность, почему у нас были трудности с общением. В те времена телефонная связь осуществлялась только между предприятиями. Для того, чтобы двум людям поговорить, нужно было обязательно встретиться. Лично у меня домашний телефон появился только в середине шестидесятых годов.

На лыжах мы с ребятами катались на Павловом поле. Там были горки и овраги. От бесконечных падений мы были в снегу с ног до головы. Нам было очень, очень весело.

Коньки. Во время учебы в младших классах я катался на «снегурочках». Когда подрос, ходил зимой на каток стадиона «Металлист» и брал коньки на прокат. На зиму футбольное поле заливали водой. Спустя некоторое время вода замерзала и можно было кататься.

Футбол. Не могу понять, почему, несмотря на большое количество друзей, как в секцию железнодорожного транспорта, так и в футбольную секцию Дворца пионеров, я ходил один. В футбольную секцию принимали только при наличии разрешения лечащего врача. Пришлось мне ехать в 3-ю поликлинику, где когда-то я брал детское питание для Лени. Эта поликлиника была построена на заре Советской власти. Она представляла собой настоящий дворец, как снаружи, так и изнутри. Огромные окна, широченные коридоры, паркетные полы, большие комнаты. Когда я пришел за справкой, мой лечащий врач задал мне вопрос: «Почему я хочу поступать именно в футбольную секцию, а не волейбольную?» Вопрос был тогда для меня просто смехотворным. Чтобы я вместо футбола играл в волейбол? Никогда!

В секции нам выдали футбольную форму, чему я был несказанно рад. Играл я правым полузащитником. Из дневника видно, что я неплохо справлялся с обязанностями полузащитника и в дальнейшем тренер поставил меня на игру левым нападающим. Игра мне удавалась.

Запомнилось и вот такое. Лето. Жара. Мы всей командой покидаем стадион и идем пить газированную воду у ларька. Каждый из нас пьет по несколько стаканов, хотя уже и не хочется, но мы с удовольствием наблюдаем, как растет очередь жаждущих.

Что еще помнится о довоенных школьных годах.

Харьковский паровозостроительный завод (ХПЗ), очевидно,

в те времена считался флагманом советской индустрии. Он построил в нашем районе два общественных сооружения. Стадион «Металлист» и парк «Металлист», которыми наши родители и мы активно пользовались.

Футбольная команда «Металлист» долгое время была лидером в Украине. Кстати, стадион был универсален для всех видов спорта, не так как в Америке, где строят специализированные стадионы для бейсбола, футбола, баскетбола, хоккея и т. п. Летом там проводились матчи футбольных команд из разных городов. Мы туда, естественно, проникали без билетов. Опишу один оригинальный способ. Подходили к проходной и просили кого нибудь из взрослых провести. Когда это удавалось, взрослый брал нас за руку, а предъявляя билет контролеру говорил, что этот малыш со мной.

На стадионе проводились всевозможные праздничные мероприятия и концерты. Однажды, в какой-то из праздников, я первый и последний раз, видел игру двух команд в пушбол. В него играли мячом, который был выше человеческого роста.

Воспоминания об этом стадионе у меня остались самые теплые.

В парк «Металлист» мы ходили вечерами всей семьей и даже с дядей Яшей и Колькой. Запомнилась игра духового оркестра. Все трубы были блестящими, медными. Больше всего вызывала у меня радость аллея смеха. На той аллее были установлены большие искривленные зеркала, которые отражали зрителя в самом карикатурно-искаженном виде.

У меня сохранилась фотография восьмого класса. Но, как в большинстве случаев, ни фамилий, ни имен на обратной стороне фотографии нет.

Война с немецкими фашистами началась в каникулы после окончания мной 9-го класса. Школа дважды мобилизовывала нас на помощь сельскому хозяйству. Первый раз мы работали на опытной сельскохозяйственной станции по уборке спелого гороха. Работа для нас, городских жителей, была не столько тяжелой, сколько болезненной. Мы все ободрали руки о сухие стебли гороха. Пока кто-то не придумал одевать на руки носки. После работы нам было очень весело. Наш класс, во главе с учительницей, разместили на ночевку в большом соломенном шалаше. Это был первый случай для меня, когда мальчики и девочки спали в одном помещении. Девочки лежали по одну сторону шалаша, а мальчики по другую. Несмотря на дневную усталость, мы допоздна дурачились.

Второй раз старшеклассники школы поехали, причем снова добровольно, на уборку зерновых в колхоз. Нам и здесь было

весело.

Когда мы вернулись в Харьков, город сильно опустел и на улицах нередко можно было слышать антисемитское «уезжают жиды». Таких открытых высказываний до войны я не слышал. Теперь вдумайтесь. А если бы не уехали, как это сделали родители моего друга Семена Сокольского? Вся его большая семья не эвакуировалась и погибла в Дробицком Яру. Дробицкий Яр для Харькова это полная аналогия всем известному Бабьему Яру Киева.

Итак, девять классов до войны я окончил в украинской школе в Харькове. Насколько я себя помню, я был худым, рыже-кучерявым, среднего роста, веснушчатым подростком.

Теперь о моей учебе в 10-м классе во время эвакуации в Коканде. Фактически родителей у меня было трое, а не двое. Бабушка в семье была главной. Шла война, семья голодала, передо мной маячил призыв в армию, а на фронте остаться в живых было маловероятным. И все же родители посчитали, что я должен закончить школу.

Так как в Коканд мы приехали в начале декабря, и был уже конец первого учебного полугодия, то решили, что я должен поступить на учебу в 10-й класс не в дневную, а в вечернюю школу. Там и требований меньше и у меня будет больше свободного времени для того, чтобы помогать по дому.

Учиться мне было легко, так как требования к успеваемости в школе были значительно ниже, чем в Харькове. Некоторые трудности были из-за моей «украинизации». Хоть мой бытовой язык был русским, но отголоски украинской школы были. Так вместо слова «сложение» у меня было украинское слово «додавання», по химии «карбонатная кислота» называлась «угольной» и всякие другие мелочи.

Было еще одно затруднение. Иностранным языком в вечерней школе был немецкий, а я в последних классах в Харькове учил французский. В Коканде была всего лишь одна учительница французского языка. Я к ней ходил заниматься на дом. Учил я только один текст «Лейтенант Луайо» Стендаля. Как ни странно, но я и сейчас могу пересказать содержание рассказа. Конечно по-русски, а не по-французски.

У нас был молодой математик по фамилии Калантаров. По национальности он был бухарским евреем. Мы с ним сдружились, хотя бухарские евреи, в массе своей, относились к нам хуже, чем узбеки или русские старожилы. Мы с ним так сдружились, что я иногда, когда задерживался в школе допоздна, ночевал у него на их веранде. Дружба с ним пошла мне на пользу. Какую специальность выбирать мне после окончания школы?

Посоветоваться мне было не с кем. Начитавшись, я решил поступать в университет на физико-математический факультет. Я тогда полагал, что это престижно. Он же меня переубедил, что делать этого не следует. Основной его довод был: «Ты, что учителем хочешь стать?» Этого я как раз и не хотел. И я в университет передумал поступать. И вот сейчас, возвращаясь в прошлое думаю, как важно получить правильный совет у опытного человека и вовремя. Вот так в моей памяти остался учитель Калантаров.

Была у нас замечательная классная руководительница. Ни имени, ни фамилии ее я не помню. О ней осталась на память любительская фотография, где мы запечатлены с ней и еще с одним учеником.

О соучениках. Запомнился только один. Он был старше меня, где-то под тридцать. По национальности он был немцем из Поволжья. С началом войны всех немцев оттуда выселили. Так он попал в Коканд. Я иногда бывал у него дома. Для меня это было полезно, так как только у него было вдоволь хлеба — он работал в пекарне. Хоть я еврей, а он немец отношения у меня с ним сложились хорошие. Что я еще помню о нем? Во время нашей учебы его жена ночью стала рожать. Жили они, как и мы, в старом городе, а роддом был в новом городе. Для него, казалось, положение было безвыходным. И все же он у соседа одолжил двухколесную арбу с ишаком и повез жену сам в роддом. Но в дороге начались роды и они родила прямо на соломе арбы. Моему приятелю пришлось зубами перекусить пуповину. И, что характерно, и ребенок, и мать после таких неординарных родов оказались здоровыми.

Хочу рассказать как я возвращался из школы. Обычно я возвращался домой часов в 10 вечера, то есть уже ночью. В старом городе я шел по длиннющей улице Конституции. Середина улицы была вымощена булыжником. Улица освещалась редкими фонарями. В это время все люди уже спали. Так как в городе процветала преступность, идти одному было небезопасно. Во избежание нападения из-за угла, я шел по центру булыжной мостовой. В кармане я держал большой раскрытый перочинный нож. К счастью, все обходилось благополучно. Пока я не возвращался домой, мама с папой не укладывались спать. Если, по непредвиденным обстоятельствам, я в школе задерживался, родители выходили меня встречать. Улица была темной и они определяли мое приближение по моей шаркающей походке, еще меня не видя.

Особенность длительных переходов в грязное время. Низ брюк сильно пачкался во время ходьбы. А местная грязь очень

липкая. Практически из грязи здесь делались лепешки, из которых строили кибитки-дома. Я как-то подсмотрел как ходит местная шпана. Шпана — это мелкие преступники. Они заправляют брюки в носки. Получается что-то вроде галифе, и брюки меньше пачкаются. Такой стиль в народе не приветствовался, но мне так было удобно. В грязное время я так ходил всегда, в том числе и в Харькове в сад.

Во время учебы я еще подрабатывал на строительстве сахарного завода, привезенного откуда-то с запада. Помнится, что я иногда помогал маме сшивать чашечки для бюстгальтеров и работал по хозяйству, так как папа часто болел.

Закончил я школу на отлично. Это давало мне право поступать в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. В сохранившемся у меня аттестате значится, что это право выпускникам школ представлялось правительством с 1934 года. Но оказалось, что это право соблюдается не всегда. Об этом в свое время.

О чем свидетельствует дневник 1938—1940 гг.

Ниже приведу отдельные события из нашей довоенной жизни по моему детскому дневнику. Две сохранившиеся мои детские дневниковые тетради (их было больше), содержат сведения о событиях, которые я записывал тогда непосредственно. Эти тетради родители везли с собой в эвакуацию в Среднюю Азию и обратно, а затем мама, а не я, уже в Америку.

Тетради начинаются 24 сентября 1938 года, а последняя запись в них 3 декабря 1940 года. Сейчас, возвратившись в памяти в то далекое время, мне припоминается, что мама в начале войны прочла мои записи в дневниках и сказала мне, что часть тетрадей она уничтожила из-за боязни моих, как она выразилась, безответственных записей. А жаль! К счастью, тогда «кому надо было» их прочесть их не читал, а сейчас бы пригодились. Можно ли ее осуждать? Ведь до самого прибытия в Америку она держала в уме адрес своего американского дяди.

Читая эти детские ежедневные записи, спустя более чем через семьдесят лет, можно воссоздать реальную жизнь в Харькове и в нашей семье.

Перелистаем некоторые страницы дневника, касающиеся нашей жизни и жизни страны в то время. Курсивом привожу современные комментарии к своим детским записям.

1938 год

24 сентября.

Утром пошел в город до открытия книжных магазинов, чтобы купить учебники. Купил только «Русскую морфологию». Других учебников не было ни в одном из магазинов.

(Обращаю внимание читателя на нижеследующую фразу)

В 11.30 со школой пошли в детский кинотеатр «Рот Фронт» на кинофильм «Профессор Мамлок». Фильм об издевательствах немецких фашистов над известным врачем-евреем и его семьей. **Среди девочек была истерика.**

(Не пройдет и года, как еврейская тема вовсе исчезнет из советской пропаганды. О фашистском холокосте, унесшем 6 миллионов евреев, мы узнаем уже после распада СССР).

26 сентября.

После уроков Татьяна Федоровна (классный руководитель) раздала нам по три тетради. Вечером мама с папой работали над переучетом в бабушкином киоске.

2 октября.

Мама заболела. Скорая помощь, которую вызвал папа, приехала очень быстро в половине девятого. *(Несмотря на материальные трудности, медицина работала хорошо).* Врачи ей сделали промывание. Я до школы смотрел за ней, да еще Леньку отвел в садик. До девяти часов вечера не было света. К вечеру маме стало легче.

3 октября.

Неожиданно для меня оказалось, что Ленька уже не числится в своем старом садике, куда я его привел. Пришлось перед уходом в школу оставить его у тети Нюси (Она наша соседка). Оставил ему два куска хлеба с повидлом.

Вечером папа натопил плиту, чтобы выкупать Леньку, так как его завтра должны будут отвезти в круглосуточный садик на всю пятидневку. Садик находится далеко на «Опытном поле» около тракторного завода.

По радио передали радостное сообщение. Летчиком Сахаровым найден в тайге пропавший ранее самолет «Родина». *(Этот самолет, в экипаже которого были три женщины, под командованием Гризодубовой, совершил беспосадочный перелет Москва — Владивосток).*

6 октября.

Я, папа, мама и Абрам убирали урожай на огороде. Урожай плохой. 3 небольших мешка мелкого картофеля и пол мешка

кабачков.

10 октября.
Провожали Абрама в армию.

5 ноября.
В 10 часов вечера папа ушел в очередь за ботинками.

6 ноября.
Утром папа пришел с ботинками.

7 ноября.
Праздник в ознаменование 21-й годовщины Октябрьской революции. Демонстрация длилась до 3-х часов дня. *(Читатель! Обрати внимание, каким угощением семья отметила этот праздник)*. Вечером нажарили две сковородки семечек и все налускались вдоволь.

9 ноября.
Бабушке дали пригласительный билет на стахановский вечер. *(Стахановское движение в СССР это движение за повышение производительности труда. Названо по фамилии его зачинателя)*.
Ночью была учебная воздушная тревога. *(Видите! Власти готовились к предстоящей войне. Но что из этого получилось, вам известно)*.

24 ноября.
С папой купили мне лыжи. *(Лыжи выбирал я сам, но они были дорогими и стоили 11 рублей. Цена их была очень велика для бюджета нашей семьи. Но папа все же решился на такое мотовство, но попросил маме сказать, что они стоили 7 рублей. Вот таким был отец, а в трудных положениях я был всегда на стороне мамы. И до сих пор меня мучает совесть, что я письма из армии писал всегда на мамину фамилию. Оправдываю себя тем, что письма писала мама и я, не задумываясь, как бы отвечал ей, несомненно травмируя самолюбие отца. Всегда думать надо!)*
В магазинах очереди за картофелем.

29 ноября.
Вот уже три дня хожу к бабушке — она болеет. Я ее развлекаю и играю с ней в домино. *(После замужества Лизы бабушкина постель была прямо у входной двери на известном уже вам диване с дырочками)*.

8 Декабря.

Бабушке стало еще хуже. Наняли легковой автомобиль и отвезли ее в больницу.

У нас ввели в расписание урок «Противовоздушной и химической обороны — ПВХО».

16 декабря.

При испытаниях самолета разбился летчик Чкалов. *(Он первый перелетел через Северный полюс в Америку)*. Вечером снова не было света. Легли поэтому рано спать.

20 декабря.

Первый раз катался на новых лыжах. Вечером снова не было света. Цена детского билета на фильм 1 рубль. Кинофильм «Александр Невский». *(Припоминается. Нам всегда говорили, что наши власти беспокоятся о детях. А тут накануне школьных каникул, когда мы часто имели возможность пойти в кино, цена билета выросла в четыре раза с 25 копеек. И это в специальном детском кинотеатре. Мне это невозможно было понять)*.

27 декабря.

По табелю у меня оценки: 2 отлично, 3 удовлетворительно, а остальные хорошо. *(Мои родители, из воспоминания мамы, были довольны моими оценками)*.

31 декабря.

Встреча нового 1939 года.

Ночью выпал хороший снег и мы с Колькой весь день и вечер катались на лыжах. Вечером в школе был «Маскарад». Родители пошли в театр на пьесу «Честь».

Новый год встречал у бабушки. У бабушки и ночевал, так как Лиза с Абрашей ушли к их приятельнице.

1939 год

Новогодние каникулы с 1 по 10 января.

5 дней была снежная погода, и я много катался на лыжах.

Снова был на антифашистском кинофильме «Болотные солдаты». *(Пока еще демонстрируют антигитлеровские фильмы. Посмотрим по дневнику когда это закончится)*.

Несколько раз был в театрах. В театре русской драмы смотрел пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», «Дружба», «Честь». В театре Ленинского комсомола смотрел антитроцкистскую пьесу «Павел Греков».

18 января.

(Интересно. Ниже приводятся покупки родителей и их стоимость. А какова была заработная плата?)

Мне костюм: 45 рублей, Лене ботинки: 27 рублей, папе галстук: 5 рублей 40 копеек.

31 января.

Демонстрируется кинофильм «Семья Оппенгейм». *(Фильм антифашистский, повествующий о расправе фашистов со знаменитой в Германии еврейской семьей. И вновь интересно. Когда это закончится?)*.

5 февраля.

В школе выдали две тетради.

6 февраля.

Сегодня мне исполнилось 14 лет. Лиза с Абрашей пришли к нам. Они принесли торт и мы отпраздновали мой день рождения. Бабушка мне подарила 10 рублей. *(Это не малая сумма. Помните, хорошие лыжи стоили 11 рублей)*.

7 февраля.

Вечером мама пошла на спектакль «Анна Каренина». *(Интересно, а как же папа? И это не впервые)*.

27 февраля.

Умерла Н. К. Крупская. Принялся рисовать ее портрет по квадратикам. *(О том, что она умерла я услышал по радио, когда лез в погреб в коридоре за вишнями, оставшимися от наливки. Я любил их есть с хлебом. Вот какие мелочи запоминаются)*.

7 марта.

Произошел переворот в Мадриде. Власть перешла к Кабальеро. Он сторонник договора с мятежниками.

8 марта.

Международный женский день. Папа подарил маме духи «Шипр». Выпал такой глубокий снег, что трамваи не ходили.

12 марта.

В кинотеатрах идут фильмы «Танкисты» и «Если завтра

война». *(Фильмы на военную тему. В особенности последний фильм с рефреном: «будем бить врага на его территории». Неправда ли пророческий? В войне, которая случилась всего через два года, тот же самый враг дойдет до Волги и Кавказа, оккупировав более половины Европейской части СССР. Но что еще запомнилось, в конце этого фильма на экране развивался действительно красный флаг. Цветное изображение на киноэкране я увидел впервые).*

Вечером мама с папой пошли в театр на спектакль «Доля поэта». Много снега.

15 марта.

Немцы заняли Прагу.

У нас в школе были в гостях испанские дети.

21 марта.

Международное положение катастрофически ухудшилось. Ноту Германского посла в Москве о том, что Чехословакия стала провинцией Германии, народный комиссар иностранных дел Литвинов отверг.

Германия предъявила ультиматум Румынии с требованием закрыть все свои промышленные предприятия. *(Странно это звучит сейчас. Но это ведь было. Допускаю, что это было сделано немцами для того, чтобы сберечь румынскую нефть для себя).*

В табеле 7 отлично, 3 посредственно не считая физкультуры и поведения *(Странно, почему такие исключения?)*

28 марта.

Сейчас в кинотеатрах показывают фильм в 2-х сериях «Петр I». В библиотеке взял книгу Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». *(С этой книгой у меня связаны двойственные воспоминания. И плохие, и хорошие. Книга была толстой, думаю страниц 500, в твердом желтом картонном переплете. Книга показалась мне неинтересной, нудной. Не помню по какой причине, но книгу в библиотеку я не вернул. Книга пролежала дома до эвакуации из Харькова в конце сентября 1941 года. Дорога* ***в никуда*** *предстояла долгой, и я взял ее с собой. Диккенс, все таки, как нибудь домучаю в долгой дороге. Но оказалось вовсе не так. Я ее буквально «проглотил». Читал ее при скудном освещении на верхней полке железнодорожного вагона безотрывно).*

31 марта.

Мама пекла мацу для бабушки.

Смотрел кинофильм «Девушка с характером».

3 апреля.

Я заболел. Доктор поставил диагноз — грипп. Температура 39,5.

10 апреля.

Первый день, когда встал с постели.

В ночь с 6-го на 7-ое Италия захватила Албанию.

22 апреля.

Получили письмо от Абрама из армии. В письме он написал, что купил для меня 50 тетрадей. Вот радость-то какая! Не буду теперь экономить.

16 июня.

Переведен в 8-й класс.

18 июня.

Хожу по магазинам и понемногу покупаю учебники для 8-го класса.

26 июня.

Спал во дворе на раскладушке. Спали и другие ребята.

30 июня.

Пришел к нам в гости папин племянник Абрам. Когда я был маленький, мы с ним дружили. Теперь ему 30 лет.

Летом были на даче в деревне Двуречная.

(Интересен народный метод лечения. Я на даче заболел. Мама дала мне выпить таблетку аспирина и растерла меня раствором соли. Взвесился после болезни. Весил 51 кг.)

1 сентября.

Пошел в школу, которую отремонтировали под госпиталь. В каждом классе есть раковина и подведена вода.

В школе нам объявили, что «начались военные действия между Германией и Польшей». *(Уже из этого сообщения видно изменение в отношениях с Германией. И тогда правительство знало, что Германия спровоцировала войну).*

8 сентября.

Немцы заняли Варшаву, а Франция и Англия оккупировали Саарскую область. *(Читатель! Обрати внимание на форму и содержание моей записи, вдохновленной нашей пропагандой.*

*Немцы, а не фашисты **заняли** Варшаву, то есть столицу суверенного государства просто заняли, а Франция и Англия **оккупировали** спорную территорию. Здесь уже виден, правда с позиции сегодняшнего дня, резкий поворот ориентиров правительства в сторону фашистской Германии. Началось сближение. Уже антифашистских фильмов до самой войны показывать не будут. А на обсуждение антисемитской темы наложили табу до самого распада СССР).*

10 сентября.

В соответствии с ухудшением международных отношений, все классы нашей школы перевели в помещение школы на Батуринской. Помещение нашей школы переходит под военный госпиталь.

17 сентября.

По радио в 11 часов 30 минут передали выступление Молотова. Вот его слова дословно: «В виду того, что Польского правительства больше не существует, наш священный долг взять под свою защиту Западные Украину и Белоруссию. Сегодня был дан приказ, чтобы наши войска перешли польскую границу». В школе был митинг.

28 сентября.

Письмо от Абрама из армии. У него обнаружили туберкулез и его скоро демобилизуют.

21 сентября.

Взял анкету для поступления в комсомол.

Был в украинском театре на спектакле «Богдан Хмельницкий». Наши места были на верхнем боковом ярусе. Сидел рядом с Валей Кржапек. *(Этот спектакль запомнился до сих пор. Запомнил одну реплику из этого спектакля. Приближенные Хмельницкого пили водку из ведра. Закуской для всех была одна сушенная рыба (вобла), которую после выпитой кружки водки только нюхали. Реплика в переводе на русский язык звучит так: «Закуски много, а водки мало». И все же, почему запомнился спектакль? Валя Кржапек была красавицей и первой ученицей в классе. Вот поэтому и спектакль запомнился. В действительности она была долговязой и малоинтересной девушкой, что я уже понял при встрече после войны).*

26 ноября.

Катался на лыжах. Сообщили о финской провокации.

(Подумать только! Крошечная Финлядия провоцирует такого гиганта, как СССР на войну. И народ, в том числе и я, верил).

30 ноября.

Наши войска перешли финскую границу. Организовано финское демократическое правительство во главе с коммунистом Куусиненом.

1940 год

Из сохранившейся второй тетради. Явный пропуск в записях. По всей вероятности тетрадь или утеряна или уничтожена мамой из предосторожности.

4 мая.

Для поступления в футбольную секцию Дворца пионеров оформляю справку в поликлинике. Мой врач послал меня на анализ мочи, так как я когда-то болел почками.

(Надо отдать должное организации медицины в то время. Подчеркиваю, запись относится к маю 1940 года, а болел я почками в 1934 году, то есть за 6 лет до этого. После перенесенной скарлатины в 1933 году у меня были осложнения на почки. Я это прекрасно помню. Мне сказали, что у меня в моче кровь. Поэтому родители довольно часто сдавали мою мочу на анализ. А я в ночном горшке искал и не находил эту самую кровь. Тогда я подумал, что если я не обнаруживаю саму кровь, то моча по крайней мере должна была быть окрашена кровью. Но ничего в моче не находил. По направлению нашего детского врача из местной амбулатории, которая была на Змиевской улице (сама поликлиника была далеко и это представляло большие неудобства, как для больных, так и для врачей. Поэтому по месту жительства были созданы амбулатории), я проходил долечивание в детском санатории. Санаторий находился в лесном пригороде Харькова — Померках. Почему я это запомнил? Потому, что вся страна в это время жила сообщениями о судьбе экипажа парохода «Челюскин», высадившегося на лед, после того, как сам пароход в феврале 1934 года был раздавлен льдами в Северном Ледовитом океане. Каждый день в санатории мы с нетерпением ждали сообщений со льдины, на которую высадился экипаж корабля.

На мой взгляд интересное детское воспоминание, запечатлевшееся с тех времен. В то время у всех в домах и в санатории радиосообщения передавались через репродукторы в виде черных картонных тарелок. Сила звука в этих репродукторах не регулировалась. Среди нас был мальчик более

информированный, чем все остальные. Кто-то в их семье имел радиоприемник. Вот он нам и говорит, что у них дома можно усиливать звук радиосообщения по желанию. Ему никто, в том числе и я, не поверил. Этого не может быть и все).

Папа «дуется», потому что мама пришла поздно с работы. Перешел на питание шоколадным маслом.

6 мая.

Смотрел фильм «Закройщик из Торжка». У нас еще много некультурных людей. Кто-то написал под мой стул.

7 мая.

На стадионе мы уже играли в футбол. Нам выдали формы. Я играл центрхавбеком.

9 мая.

Приведена схема моей односоленоидной машины. *(И тогда, и потом я был фантазером.)*

11 мая.

На стадионе играли в футбол 30 минут. Италия вступила в войну на стороне Германии.

14 мая.

Немцы вошли в Париж через ворота Сен-Дени.

15 мая.

Во Франции Петен стал во главе правительства вместо Ренно. Вейган обратился к немцам с предложением о капитуляции.

18 мая.

Я, Елька и Вовка организовали «Союз неругательных». За простое ругательство — шалабан (сильный щелчок). За мат — 10 копеек тем, кто слышал.

24 мая.

Франция приняла условия позорной капитуляции.

15 мая.

В связи с обострившейся международной обстановкой центральный комитет профессиональных союзов (он объединял все профсоюзы страны) обратился к правительству с предложением об увеличении длительности рабочего дня на один час и перехода на семидневку, вместо пятидневки,

а так же о необходимости повышения производственной дисциплины. Это обращение правительство тут же превратило в закон без промедления. *(Как ни странно звучит для современного читателя, в стране практиковался такой иезуитский способ ужесточения жизненных условий народа «по просьбе трудящихся». Так как профсоюзы формально представляли народ, а в действительности это были правительственные учреждения, то все ужесточения проводились через них. Что же касается производственной дисциплины, то это был настоящий драконовский закон. За вынос с колхозного поля нескольких колосков или картофелин, за опоздание на работу свыше 20 минут — суровое тюремное заключение).*

28 мая.

Наш тренер по футболу распорядился, что мы будем играть в 5 часов вечера.

Сегодня по радио сообщили, что у нас мирно разрешился конфликт с Румынией и к Советскому союзу отходят Бессарабия и Северная Буковина.

29 мая.

Папа и мама советуют мне продолжать учебу в техникуме, но я не согласился *и* убедил их, что пойду в военное училище. *(Родители относились ко мне, на мой сегодняшний взгляд, уж очень либерально).*

30 мая.

В 5 часов утра пошли с папой на Конный базар в очередь за галошами. Галоши продавали в обмен на старые галоши. Купили мы галоши в 3 часа дня, да и то на один размер меньше.

2 июня.

Экзамен по русской литературе. В билете было творчество Радищева. Я ответил, что главным моментом в его жизни было то, что он родился. Экзамен сдал.

5 июня.

Целый день ждали, когда привезут хлеб. Хорошо еще, что магазин находится очень близко. Хлеб привезли только в три часа. Хлеб был только белый, а не серый, что не очень хорошо. Его было много и уже можно было купить и без номера. *(Номера в очереди писались на руке чернильным карандашом).*

19 июня.

Переведен в 9-й класс со следующими оценками. Отлично — 5, хорошо — 8, посредственно — 4.

(Рассматривая свой дневник сегодня я понял, почему он довольно безграмотно написан. У меня произошла смесь русского и украинского языков. Школа украинская, а дневник написан на русском языке. В Харькове русский язык в обиходе был не чисто русский, а жаргон. Вот и оценки по обоим языкам у меня были посредственные. И в то же время по французскому у меня была отличная оценка. Мне было интересно учиться по гуманитарным предметам. По ним у меня были отличные оценки — это и русская литература, и история, и география, и анатомия).

7 июля.

И снова мама с папой поссорились. Поссорились так, что пришлось мне идти к кинотеатру и продать заранее купленные билеты.

8 июля.

По случаю купил папе 2 пачки папирос.

11 июля.

Искал в городе учебники, но не нашел.

16 июля.

Снова учебников не купил. Смотрел музыкальный фильм «Большой вальс». Фильм понравился. Сегодня хлеб был без очереди. Купил 1 кг овсяной крупы.

18 июля.

Учебников нет.

20 июля.

Смотрел второй раз «Большой вальс».

21 июля.

С ребятами купались в реке. Я плохо плаваю. Обратно возвращались по железнодорожному мосту.

(Последняя лаконичная запись. По этому высокому железнодорожному мосту над речушкой я с ребятами иногда вынужденно ходил. Я его боялся, но не виду не подавал. Не могу описать его конструкцию. Что было страшным для меня? Надо было идти только по шпалам, а они как бы висели в воздухе. Только по шпалам. Я не уверен, что и другие не боялись, но они, как и я, не подавали виду).

22 июля.

Латвия, Литва и Эстония выразили желание стать республиками в Советском Союзе.

23 июля.

В 4 часа папа разбудил меня. Мы с ним заняли очередь за конфетами. Конфеты я купил. *(Рассуждение на сегодня. В дневнике не написано, о каких конфетах шла речь? Нам тогда было все равно какие конфеты? Лишь бы конфеты. Они, очевидно, заменяли нам сахар при чаепитии).*

Вечером снова тревога. *(И снова в дневнике схемка моего предполагаемого изобретения.)*

28 июля.

Учебников в магазинах нет. Ел первый помидор. Мама с папой пошли в кинотеатр на «Большой вальс».

30 июля.

Пошли с ребятами на фильм «Моя любовь». Пришел поздно домой. Родители беспокоились. Они мне жить не дают своим беспокойством!

Веду переписку с журналом «Техника молодежи». Вот одна запись: «Черт бы их забрал! У них ответ получить трудно».

8 августа.

Вот уже два месяца, как хожу играть в футбол на стадионе. Сегодня тренер поставил играть левым нападающим.

Взял в библиотеке книгу Я.И.Перельмана «Межпланетные путешествия», чтобы доказать ребятам, о существовании ракет, которые разгоняют облака, несущие в себе град.

9 августа.

В 4 часа утра пошел в очередь, чтобы заказать себе туфли. Не заказал, но зато купил 1 кг конфет.

Верховный Совет принял в состав Союза три Прибалтийские республики и Молдавскую. *(И снова задним числом. По сговору с фашистской Германией эти независимые государства вынуждены были отказаться от своего суверенитета. Здесь уместно вспомнить, что мне рассказал мой сотрудник, выходец из Молдавии. Его родители и множество его родственников жили в Молдавии в составе Румынии. Молодежь этой семьи была активными членами Коммунистического союза молодежи Румынии. Они с радостью приветствовали включение Молдавии в состав*

СССР. Но радость их была недолгой. У одного из них отец в прошлом владел мельницей, следовательно он, по решению новых властей, подлежал высылке из Молдавии в Сибирь. Так как у него сохранились связи с руководством, его предупредили, что на всех подлежащих высылке составлены списки и их будут арестовывать до часа ночи. Посоветовали, чтобы он возвращался домой после часа. Так он и делал. Каждую ночь за ним приходили и, не застав, приходили на следующий день. Так длилось долго, пока он не устал от такой жизни. В один из дней он утром пришел в милицию сдаваться. Мол-де вот он я. Арестовывайте меня. Но начальник милиции ему заявил, что план по арестам они уже выполнили и ему посоветовали идти домой и не волноваться о возможном аресте в будущем).

14 августа.

В этот раз пошли занимать очередь, чтобы заказать обувь, уже не в 4 часа утра, а половине третьего. Ночью всю очередь разгонял милиционер, а мы прятались по подворотням. На этот раз удачно. Я заказал ботинки стоимостью 143 рубля 50 копеек.

19 августа.

Стоял в очереди за хлебом под проливным дождем. И несмотря на это было весело, так как девочки распевали песни. *(Уже мне нравится общество девочек).*

22 августа.

Заказал себе в мастерской брюки. *(Снова интересная запись. И ботинки, и брюки не покупались в магазинах, а заказывались в мастерских).*

1 сентября.

Отмечается Международный юношеский день. В этот день занятий в школе нет.

2 сентября.

Сегодня первый день занятий. Я в классе 9-Б. У меня вторая смена. Начало занятий в 1 час 30 минут.

В школе получил 23 тетради.

9 сентября.

Сорвали урок истории. Учительница плакала прямо в классе. Пришел директор и вынес выговор Крамчанинову — зачинщику.

14 сентября.

В зале школы был доклад о международном положении для всех учеников и преподавателей. В конце доклада докладчик рассказал анекдот-притчу, характеризующий, с точки зрения определенных кругов в СССР, руководителей воюющих государств.

Гитлер, Муссолини и Черчиль решили у гадалки выяснить заранее предстоящий исход войны.

Гадалка поставила перед ними небольшой аквариум, в котором лениво плавала золотая рыбка. По условиям гадалки, выиграет войну тот, кто словит рыбку без специальных средств для лова рыб, например, удочки.

Очередь установили путем жеребьевки. Первым начал Муссолини.

Так как рыбка плавала медленно, Муссолини закатил рукава и стал эту рыбку ловить руками. Ловил, ловил пока не выдохся и отказался от ловли.

Затем наступила очередь Гитлера. Тот, в соответсвии со своей натурой, выждал пока рыбка успокоится, нацелился и быстрым движением выхватил ее из воды. Выхватив ее на воздух, он сдавил ее обеими руками и ликующе закричал: «Вот Она»! Но, мокрая рыбка тут же выскользнула из его рук и упала в аквариум.

Наступила очередь Черчиля. Перед тем как приступить, он обратился к гадалке: «Раз приспособления для лова использовать нельзя, разрешите мне взять чайную ложечку». На что он получил согласие. Усевшись поудобнее у аквариума, он начал вычерпывать воду из него этой ложечкой. На возгласы протеста, что это долго, Черчиль ответил: «Англии спешить некуда».

(Автор этой притчи — настоящий ясновидящий прорицатель. Читатель! Обрати внимание на время этого доклада — сентябрь 1940 года. Англия осталась один на один с фашистской Германией. Ее бывший союзник Франция разгромлена и капитулировала, США в войну вступят только через год в 1941 году, а у СССР договор с Германией о ненападении В дальнейшем, после невиданной по жестокости войны, все произошло точно в соответствии с этой притчей. Италия капитулировала первой. И затем уже Англия с союзниками, — для себя может быть и не спеша, — заставила капитулировать фашистскую Германию. Вспомним, как долго оттягивалось открытие второго фронта в Европе и то открыт он был в основном благодаря усилиям США).

30 сентября.

Сегодня из армии вернулся Абрам.

3 октября.

По радио передали новый закон о том, что 1 миллион юношей от 14 до 17 лет будут ежегодно призываться в производственно-технические училища. Мне этот закон не нравится, так как он мне может помешать поступить в институт. И еще. Стипендии будут платиться только студентам-отличникам.

(Посмотрите, как за короткий срок ужесточается жизнь. Увеличивается рабочая неделя с пятидневки до семидневки, удлиняется на час рабочий день, ужесточается производственная дисциплина, теперь принудительная мобилизация юношей, отменяются практически стипендии студентам).

4 октября.

Заниматься стал без интереса и энтузиазма, потому что меня лишили цели. Учись, учись, а придется стать рабочим. Зачем?

27 октября.

С 7 до 9 часов утра в очереди купил два раза по половине килограмма сахара. Хотел искупаться, но не было керосина для керогаза.

6 ноября.

До школы рубил дрова для плиты. Отдал Клименцию Ивановичу юмористический рассказ «Воры».

8 ноября.

Вечер в школе. Впервые пожалел, что не умею танцевать.

9 ноября.

Нигде нет в продаже конвертов для писем. Лизе предлагают квартиру за 6 тысяч рублей. Они колеблются.

12 ноября.

На литературном кружке Клименций Иванович похвалил мои два юмористических рассказа «В грязи» и «Воры». В это время в класс вошли три доктора и начали нам ставить пробу «Пирке» на туберкулез. Когда ставили пирке Крамчанинову стало плохо, он даже позеленел.

17 ноября.

В кинотеатрах идет хороший фильм — «Музыкальная история». И я его смотрел, и мама с папой тоже.

20 ноября.

В школе нам продавали галоши. Купил и я.

21 ноября.

За пять неудовлетворительных оценок и невыполнение комсомольских поручений Семке Сокольскому грозило исключение из комсомола. Но обошлось.

23 ноября.

По решению комитета комсомола меня направили на учебу в школу инструкторов стрелкового спорта. Это даст мне привилегии во время службы в армии, а затем я смогу стать командиром. У меня совсем другая цель в жизни. После того, как отслужу, продолжать учебу в институте. *(Нигде в моих записях не написано о призыве в армию. Из написанного выше вытекает, что в армию призывали всех юношей после окончания школы).*

29 ноября.

(Интересная историческая запись.)

В Румынии был король по имени Кароль, а премьер-министром был Жигурту. Произошел правительственный переворот и во главе государства стал король Михай, а премьер-министром Антонеску. У Антонеску была своя «Железная гвардия». Так вот, в эти дни железногвардейцы ворвались в тюрьмы, где находилось предыдущее руководство страны и убили их. Кто до этого не был арестован, тех убили по домам. В Румынии начался террор и только в один день было убито 64 человека. *(Я эту запись проверил по энциклопедическому словарю — все сходится)*

30 ноября.

Пошел в комитет комсомола и отказался идти в школу инструкторов стрелкового спорта. Обосновал тем, что как нам объяснил инструктор, после окончания школы нас направят в школу командиров армии, а я этого не желаю, так как хочу продолжать учебу в институте. В комитете мой отказ приняли очень враждебно. В конце концов я рассердился и ушел. *(Не ожидал от себя такой смелости).*

3 декабря.

Клименций Иванович вернул мой рассказ «Бред чудака» после того, как его посмотрела учитель химии. Объяснил мне, что рассказ касается строения материи, и он должен быть просмотрен специалистом, которым и является учитель химии. Она ничего предосудительного в рассказе не нашла. *(Смысл рассказа заключается в том, что вселенная является материей.)*

На этих строках заканчиваются мои дневниковые записи в сохранившихся тетрадях.

Что можно сказать о нашей жизни и жизни страны в течение двух предвоенных лет, прочтя мой дневник?

В стране был постоянный дефицит.

Практически все жизненно необходимые продукты население покупало в огромных очередях. Это хлеб, крупы, сахар и даже конфеты.

Мясо, картофель, птицу, молоко и фрукты покупали только на базаре у частников, хотя все сельское хозяйство было коллективизировано.

Так же плохо было с промышленными товарами. Чтобы купить или заказать обувь или одежду приходилось занимать очередь ночью. А чтобы купить, например, новые калоши, надо было сдать старые.

За керосином для примусов, керогазов и ламп для освещения были очереди в сотни человек.

Не было учебников и тетрадей для школ. Из дневника видно какую массу времени я тратил на очереди и поиски дефицита, включая учебники.

Почти регулярно по вечерам исчезало электричество.

И в то же время правительство ужесточает жизнь людей. В сентябре 1939 года издается ряд указов.

Рабочий день увеличивается на один час.

Вместо существовавшей рабочей пятидневки введена семидневка.

Издается драконовский указ об усилении трудовой дисциплины. За опоздание на работу свыше 20 минут — тюремное заключение. За вынос с колхозного поля нескольких колосков или картофелин — опять же тюремное заключение.

Любопытное воспоминание. После издания этих указов я, уже юноша, обсуждал их с нашим соседом рабочим. Как нас учили говорю ему, что завод принадлежит рабочим. Вот его ответ. Ты, Фима, прав. Завод действительно принадлежит рабочим, только проходная правительству. Вот и ответ простого рабочего.

Стипендии студентам практически упраздняются.

В октябре издается указ о призыве одного миллиона юношей от 14 до 17 лет в производственно-технические училища (ПТУ).

Вот, коротко, я подытожил нашу жизнь в эти предвоенные годы.

В то же время, в нашей семье не чувствовалось недовольства

жизнью. Почему?

По сравнению с их жизнью в молодости существовавшие тогда условия жизни для родителей, в особенности для папы, были просто райскими. За хлебом или обувью надо было вставать ночью в очередь. Ну и что? Для папы вставать ночью не было проблемой. Вспомним, что он в возрасте шести лет ночью шел по пустынной полевой дороге в больницу за мазью. Очередь за хлебом. В молодости в его семье не было денег чтобы купить хлеб, а теперь деньги были. Но зато была стабильная работа, обеспечивающая достаточную, с его точки зрения, нормальную жизнь. Хорошая, дешевая квартира. Старший сын учится в хорошей школе, а он вообще не мог учиться, даже в хедере. Младший сын не болтается дома, как его братья и сестры, а посещает детский садик. Что еще? Он довольно часто может ходить в театр или в кинотеатр. Грех требовать большего. И он был удовлетворен жизнью.

Мама. Начиная с 11 лет, когда ее отец заболел и началась гражданская война, у нее дела были не лучше. Теперь же у нее была сносная довольно обеспеченная жизнь. Она по натуре была очень общительным человеком. Теперь у нее кипучая работа в школе. Хорошие отношения с преподавательским составом и даже со школьниками. Ей это приносило массу удовольствия.

Итак, наша семья, — а следовательно и я, — были довольны жизнью.

Часть III. Война. Мы эвакуируемся в Коканд

В этой части рассказывается о начале Великой Отечественной войны, злоключениях нашей семьи во время эвакуации, моих первых попытках получить высшее образование, моем призыве в армию и демобилизации по ранению.

Мы покидаем Харьков в последнем эшелоне

Из записок мамы о начале войны

Для нас, как и для всех людей, война была полной неожиданностью. Когда ее объявили, это было «как гром среди ясного неба». Мы были воспитаны Советской властью в убеждении, что наша армия непобедима. И что в случае войны, которую нам навяжут, мы будем бить врага на его территории.

С началом войны в военкоматах толпились сотни молодых людей, стремившихся записаться добровольцами на фронт. Эта молодежь боялась опоздать к разгрому фашистов. Но война шла не так, как нам говорили, и фронт очень быстро стал приближаться к Киеву. А от Киева до Харькова рукой подать.

В начале войны под руководством Соломона Гафановича во дворе вырыли зигзагоподобный окоп. Этот окоп был вырыт на случай бомбежки. Повеяло страхом. Появились беженцы из западных регионов. А мы ведь были раньше уверены, что немцы до Харькова не дойдут.

Я хочу замолвить слово о наших земляках братьях Бахмуцких, повлиявших на судьбу нашей семьи. Старший Аврум дважды оказал нам неоценимую услугу. А младший Янкл едва не лишил жизни Аврумарна, отправив его в ЧК, откуда мало кто тогда возвращался.

Однажды кто-то сильно постучал в окно. Я посмотрела и увидела Аврума Бахмутского на армейской лошади. Он, не слезая с лошади, ультимативно посоветовал, буквально приказал мне, чтобы мы немедленно уезжали и чтобы нашего духа здесь не было. Фашисты поголовно уничтожают всех евреев от мала до велика. Сам он приехал на завод за танками и у него нет ни минуты свободного времени. Так вот, первый раз Аврум буквально спас нас, когда работал на мельнице и помог мне с обмолотом зерна, а второй раз, в чрезвычайной для него спешке, нашел время, чтобы предупредить нашу семью о смертельной для нас опасности. Мы бы все равно уехали, но он, имея большую информацию, как офицер, нашел нужным нас настоятельно предупредить о том, что нужно преодолеть все сомнения и уезжать немедленно, пока не поздно. И он оказался прав. Все последовавшие события подтвердили его правоту.

С началом войны многие предприятия эвакуировались на восток и вместе с оборудованием увозили с собой сотрудников

и их семьи. Со станкостроительным заводом семья Абраши с Лизой и ребенком эвакуировались в г. Челябинск. Мой брат Абрам был в армии, а беременная жена его Нина вместе со своими родителями тоже эвакуировалась на Урал в г. Троицк.

Из всей родни в Харькове осталась только моя семья и мама. Купить билеты и выехать из города было невозможно, так как поезда были переполнены эвакуирующимися предприятиями и армией. Да и куда нам было ехать? Однако предупреждение Аврума заставило меня действовать. Я через дирекцию школы получила пропуск на эвакуацию семьи с мамой, но уехать мы не могли, так как Аврумарн был на окопах.

(Во время войны все трудоспособное не призванное в армию мужское население было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений, типа противотанковых рвов. Эти работы в народе назывались «окопами»).

Фашисты стремительно подходили к городу. Город пустел.

Из записок папы

В это время я работал в организации «Союзутиль» заведующим складом. С приближением немцев к городу от нашей организации послали меня и еще двух сотрудников на строительство окопов на дальних подступах к городу. До железнодорожной станции Красноград мы ехали поездом. А последние двадцать километров мы шли пешком. Ров мы рыли примерно месяц, пока немцы не приблизились настолько, что уже слышна была стрельба. Пришлось уходить пешком. До Красноградa шли всю ночь. Только мы добрались до железнодорожной станции, как тут же объявили воздушную тревогу и станцию начали бомбить немецкие самолеты. Из нашей колонны осталось человек десять, в том числе и я. Кто был убит, кто ранен, а некоторые просто разбежались. Весь день налеты продолжались. Руководитель колонны порекомендовал нам добираться по домам кто как может.

Когда я вернулся домой, то организованная эвакуация города была прекращена и никого из города уже не выпускали.

Что делать? У меня ведь семья. На мое счастье с эвакуацией помогла мне моя организация. Ранее из Киева в Харьков переехало республиканское управление нашей организации с имеющимся у них ценным имуществом. Управляющий республиканской конторой договорился с руководством обороны Харькова о выезде из города семи подвод с оборудованием и людьми. И вот с помощью этой соломинки мне удалось вывезти

мою семью. В этом обозе была только наша семья. Семьи остальных сотрудников, которые хотели эвакуироваться, уже давно уехали по железной дороге.

И снова слово маме

Сборы были долгими. Все отъезжающие собрались на базе «Союзутиля» на окраине города. По каким-то причинам на этой базе мы просидели недели две. Нашей семье выделили одну подводу с парой на вид неказистых лошадей. Но в дороге они оказались очень резвыми и наша подвода ехала впереди всех. А может это было еще и потому, что из всех служащих только Аврумарн умел обращаться с лошадьми.

Пока мы сидели на базе у меня с Аврумарном шла непрерывная борьба. Он утверждал, что у нас только одна подвода и кроме служебного оборудования на подводе должны будут ехать я, мама и Леня и сам он, как кучер. Поэтому нашего домашнего скарба должно быть как можно меньше. Большую часть дороги Фима должен был идти за подводой пешком. И мы с ним боролись за каждую вещь, которую я хотела взять с собой. Ведь на новом месте без многих вещей трудно будет обходиться.

Опишу две наиболее характерные «схватки» за имущество.

Аврумарн был категорически против того, чтобы везти с собой постель. Выручил меня один из наших попутчиков. Он убедил Аврумарна, что для человека постель так же важна, как и еда. С этими доводами он вынужден был согласиться.

Несколько раз Аврумарн выбрасывал нашу старую ручную швейную машинку, которую я прятала от него заворачивая в подушку. У меня было как будто предчувствие, что эта машинка долго будет в эвакуации нашей кормилицей. И действительно так и произошло.

И все же часть вещей пришлось продать на базаре. Несмотря на то, что я их прятала, он эти вещи находил и выбрасывал.

По неизвестным мне причинам наш обоз двинулся в дорогу, когда фашисты были уже на окраине города. Как назло до сих пор стоявшая хорошая погода резко испортилась и пошел осенний дождь, ведь была уже вторая половина сентября. Грунтовую дорогу сразу развезло и обоз стал передвигаться совсем медленно. В первый день, до наступления темноты, мы проехали совсем немного и пришлось расположиться на ночь в пустующей усадьбе колхоза, который вероятно уже эвакуировался.

Наша группа заняла какое-то помещение, пол которого был усеян засохшими картофельными очистками. Мы были настолько уставшими и промокшими, что никто уже не реагировал

на неудобства и тут же завалились спать на чем попало, а некоторые уснули даже сидя. Так мы провели свою первую ночь в эвакуации.

Рано утром покормили лошадей, позавтракали продуктами, взятыми из дому, запрягли лошадей и снова в путь. Рядом с нами шли и ехали отступающие воинские части, гнали на восток скот, даже свиней и поросят, так сказать своим ходом.

За всю дорогу, которая заняла у нас почти две недели, запомнилось мне только несколько случаев сочувствия к нам со стороны окружающих. Только один случай внимания к нам одного из тысяч солдат, встречавшихся нам в дороге. Он подбежал к нашей подводе и вручил мне буханку хлеба. Возможно он подумал, что и его родные где-то так же мытарствуют. В другом случае мы проезжали мимо отдыхающего в поле стада коров, и женщины угостили нас парным молоком.

Однажды в дороге к нам на подводу прямо на мамин подол откуда ни возьмись залетела курица. Кто-то пошутил, что она не хотела попасть к немцу в котелок, а уж лучше в свою кастрюлю. До железнодорожной станции Валуйки мы ехали, кажется, одиннадцать дней, а надо было ехать как можно быстрее, так как на нас наседали немцы. Ехали мы очень медленно, поскольку все время приходилось останавливаться при очередной поломке какой-нибудь из подвод. То колесо у кого-то соскочит, то оглобля, то какая-то из подвод застрянет в грязи. Одним словом «обоз».

Только один раз нам удалось переночевать в чистой комнате — в семье местных учителей.

Ко времени, когда мы добрались до Валуек, фашисты уже были в Харькове. Мы были вконец измучены двухнедельной ездой на подводе, но надо было как можно скорее уезжать из Валуек. Расстояние от Харькова до Валуек было чуть больше 100 километров и станцию уже неоднократно бомбили. Медлить было нельзя, но в первое же утро в Валуйках я не узнала Аврумарна. Он почему то начал медлить. В ответ на мое недоумение, он заявил мне, что без продуктов он в поезд садиться не намерен. В чем же дело? Оказалось, что привязанные на ночь к подводе лошади, учуяли наши продукты, взломали картонные чемоданы, в которых они хранились, и съели все наши запасы. Поэтому он, прежде чем идти на станцию, собирался купить продукты в дорогу. А медлить было нельзя, так как со слов железнодорожников со станции уходили уже последние эшелоны.

И здесь я в запале сказала то, что в других условиях и помыслить даже было невозможно. Я ведь всегда была покорной женой, а Аврумарн в своих суждениях зачастую был непреклонен.

В спорных ситуациях он заканчивал короткой фразой: «Их об гезукт», что означало по-русски — «я сказал», и на этом спор оканчивался. В этот раз со мной что-то произошло. Или военная обстановка, или грозящая смертельная опасность, но я сказала то, о чем в других обстоятельствах не могло быть и речи. Слова эти стоят у меня в ушах всю мою жизнь.

В запале я выкрикнула: «Командовать парадом буду я!»

(Это фраза, написанная мамой. В этой связи у меня два замечания. Первое. Относительно командования парадом. Это крылатая фраза из, как теперь говорят, бестселлера тех времен — романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Неужели мама прочла этот роман до войны? Он был тогда труднодоступен, и я его прочел только в пятидесятых годах. И второе. Память у людей коротка. Мама забыла, как она вынудила папу бросить учебу, к которой он стремился всю жизнь, когда мы жили в пригороде Харькова). Как ни странно, но после этого необычного выпада, он пошел на станцию. На путях станции он нашел незаполненный вагон, где находилось несколько семей военнослужащих, ехавших от самой границы и мы туда сели.

Встреченный мною железнодорожник сказал, что это последний эшелон, который они отправляют с людьми.

Папа продолжает рассказ

В Валуйках наш обоз распался. Несколько подвод продолжило свой путь в город Моршанск. Остальные, одинокие мужчины, кто втиснулся в вагоны, а кто и на крышах вагонов последовали на восток. Из нашего обоза в Валуйках оставалась только моя семья. А тут еще произошло непредвиденное — лошади съели все наши продукты, которые мы везли из Харькова. К тому же, как можно уехать я понятия не имел. Пошел на железнодорожную станцию, так сказать, искать счастья. Там я встретил двух рабочих и поделился с ними своим горем. Я дал им все имеющиеся у меня с собой 50 рублей, и они согласились посадить нас в вагон, стоявший на запасных путях. В этом вагоне мы и поехали на восток.

У меня было письмо нашего главного управления в Куйбышевское (Самарское) управление «Главутиль» с просьбой, чтобы они приютили мою семью и предоставили мне работу. Но в Куйбышев мы не попали. Наш поезд обошел его стороной, так как тогда в Куйбышеве находились правительственные учреждения, о чем мы узнали уже после войны. За Волгой (Куйбышев расположен на Волге) эшелон, к которому мы были прицеплены, уже на большой скорости мчался на Урал. Когда мы

это выяснили, то оказалось, что никто из пассажиров нашего вагона не хочет по собственной воле ехать в эвакуацию на холодный Урал или в Сибирь. Мужчины нашего вагона объединились и, путем взяток прицепщикам вагонов, вернули вагон на узловую станцию Кинель. От этой станции наш вагон поехал в теплую Среднюю Азию. С небольшими приключениями мы добрались до города Коканд в Узбекистане, где и провели всю эвакуацию.

Чем запомнилось мне начало войны

Мне было 16 лет и события этих дней запомнились мне очень хорошо. Тщу себя надеждой, что эта глава будет интересна многим читателям.

Был конец июня. Время было варить вишневое варенье. Варили тогда на примусе. Обычно все соседки выносили свои ведра с вишнями во двор, усаживались у своих дверей и начинали выдавливать руками косточки из вишен. Я очень гордился мамой, так как она делала это лучше всех соседок. Косточки так и вылетали у нее из под рук, а сама она была чистой, в отличие от соседок, выпачканных соком вишни.

День был воскресный (уже год, как страна перешла с пятидневки на семидневную рабочую неделю), и мама утром послала меня на Конный базар за керосином для примуса. Для варки варенья нужно было много керосина.

Я взял бидон для керосина, книжку для чтения и пошел на базар. Запомнился даже бидон. Это был ржавый цилиндр с конусообразным верхом литров на десять. Очередь у киоска, где продавался керосин, была большой, человек на двести. В очереди стояли, в основном, женщины. День был хороший — стою читаю. Вдруг услышал странный шум. Заговорила вся очередь одновременно. И слышу слово **война.**

До меня весь ужас этого слова сразу не дошел. Чего не скажешь о женщинах из очереди. Они своим женским чутьем сразу почувствовали трагичность случившегося. Как ни странно (во время войн в нашей стране население всегда запасалось продуктами), большинство женщин побежали домой, и я сравнительно быстро купил керосин.

О начале войны страну оповестил председатель правительства Молотов по радио в 11 часов дня 22 июня 1941 года. С его слов, это было ничем не спровоцированное, неожиданное и вероломное нападение. Как мы потом узнали, война уже бушевала в стране по крайней мере 7 часов, то есть с 4 часов утра. А с воззванием к стране верховный руководитель,

а точнее «диктатор», обратился только 3 июля, то есть спустя почти две недели. **На мой взгляд, он просто дезертировал, оставив страну и армию без руководства в самый ответственный момент.** Причем, за несколько лет до начала войны он расстрелял всех думающих людей в руководстве армии. В результате в начале войны во главе армии стояли малокомпетентные люди. Эти руководители от самого низу до самого верху без указания свыше самостоятельные решения принимать не могли.

Вот так для нас началась Великая Отечественная война, хотя правильнее сказать СССР вступил во Вторую мировую войну, которая полыхала уже с 1 сентября 1939 года.

Что меня даже тогда **удивило**, так это то, что когда я шел с керосином домой, из уличных репродукторов на школе уже неслась песня о войне: «Идет война народная, священная война. Дадим отпор душителям, мучителям людей…», исполняемая большим мужским хором. Следовательно, песня была создана и записана задолго до начала войны. Причем в песне были слова полностью относящиеся к фашистской Германии, хотя с лета 1939 года у нас были более дружеские отношения с Германией, чем с Англией. А Молотов только что заявил, что войну немцы начали неожиданно.

Или вот еще одна, странность начала войны.

Кажется, 13 июня 1941 года по радио и в центральных газетах было опубликовано необычное, даже для меня подростка, заявление «осведомленных кругов» (а не правительства как обычно). В заявлении утверждалось, что они (осведомленные круги) опровергают заявление бывшего посла Англии в Советском Союзе Стаффорда Крипса о том, что немцы на границах СССР сосредоточили огромное количество войск. В те времена, даже менее ответственные заявления печатались только на правительственном уровне.

И ровно неделю спустя председатель правительства Молотов заявил, что немцы напали на СССР вероломно и неожиданно. Не странно ли это? Уже одно это говорит о том, что нападение Германии не было неожиданным для правительства.

Каким было мое настроение на момент начала войны?

Все мое окружение было патриотически настроено, а Сталин для нас был живым Богом. В июле местная газета «Харьковский рабочий» опубликовала обращение к юношам города с призывом поступить на учебу в Харьковское Военно-летное училище.

Я загорелся желанием поступить в это училище и родители не возражали. Сфотографировался. Фотография сохранилась.

Необходим был паспорт, которого у меня не было, хотя мне было уже 16 лет и мне он был положен. Но с получением паспорта у меня возникла проблема.

Я пошел к паспортистке, чтобы она мне выписала паспорт. Для подтверждения своей личности предъявил ей комсомольский билет с моей фотографией. Она же мне заявила, что паспорта выписываются на основании метрического свидетельства. Побежал я домой и попросил его у мамы. Она дала мне сложенный вчетверо твердый лист бумаги. Я его взял, не разворачивая, и побежал снова в домоуправление, чтобы успеть до его закрытия. И тут паспортистка меня ошарашила, сказав, что паспорт будет выписан на имя Хаим-Шая Аврум-Ароновича. Я был поражен. Я даже взял у нее метрику, чтобы убедиться в ее правоте.

Необходимо дать небольшое разъяснение для читателя. Вам, очевидно, трудно понять мою панику. У меня, будущего летчика, будет, на мой взгляд тогда, такое необычное еврейское имя и отчество. Обычными были, например, Иван Петрович, Владимир Николаевич и так далее, в крайнем случае Ефим Абрамович.

Вернулся домой и заявил маме, что с таким именем получать паспорт я не буду. На этом первый этап получения паспорта закончился безрезультатно.

А жизнь продолжалась, но уже в военное время.

В мирное время во время летних каникул мы были свободны от школы, а школа от нас. В этот раз старшеклассников собрали в школе вместе с некоторыми учителями и направили в пригородное хозяйство селекционной станции на уборку поспевшего гороха (так вот почему в армии нас постоянно кормили гороховыми кашами и супами). Для меня, как и для моих друзей, это было своего рода развлечение.

Спелые гороховые кусты лежали на земле колючим ковром. Мы заводили руки под куст, выдергивали его вместе со стручками и складывали в кучи. В первый же день мы поранили свои руки о засохшие стебли и они кровоточили и очень болели. Учителя нам твердили, что на фронте солдатам еще хуже. Кто-то предложил новшество. Мы поснимали с себя носки и одели их на руки. После этого руки повреждались меньше.

Что еще было для меня новым. Нам для сна выделили огромный соломенный шалаш. Впервые в моей жизни девочки и мальчики спали в одном помещении. Девочки лежали по одну сторону шалаша, а мальчики по другую. Естественно нам было весело и мы дурачились до полуночи.

К сентябрю город опустел. Уехали с семьями рабочие и сотрудники заводов, фабрик, партийных и государственных

учреждений и много еврейских семей. Уехали в эвакуацию семьи тети Лизы и дяди Абрама. Бабушка Брана осталась с нами. Мы же уехать не могли, так как папа был мобилизован на рытье окопов на подступах к городу.

Интересный факт. Хотя пресса и радио тогда тщательно замалчивало то, что фашисты убивают евреев, только потому, что они евреи, но население и в городе и в деревнях это знало.

В городе на улицах появилось слово «жид», которого я до этого не слышал. При том оно носило ругательный характер. Мол-де бегут. А что было делать, ведь не уезжать евреям было нельзя. Осталась семья моего школьного друга Семки Сокольского и погибла на тракторном заводе. Это место аналогично известному всем Киевскому Бабьему Яру. Причем, когда я после войны вернулся в Харьков, то узнал что его семью выдали украинско-немецким полицейским ближайшие соседи.

Наконец, измученный папа вернулся со строительства окопов. У мамы было разрешение эвакуироваться из Харькова, но уже было поздно, так как пассажирские поезда из города уже не ходили.

К нашему счастью, представилась возможность уехать из города не поездом, а на подводах папиной организации. Для меня, в отличие от родителей, это даже было развлечением. До отъезда мы несколько дней жили на базе папиной организации на окраине города. В организации было много лошадей и их надо было время от времени выгуливать и это поручили мне. Здесь я впервые узнал, что на лошади без седла ездить не безопасно. Я в кровь разбил себе свое «место для сидения».

Пробыли мы на базе несколько дней и почему-то выехали под вечер. В нашем обозе было семь подвод. Во всем обозе была только одна наша семья. Я шел до самих Валуек пешком. Любопытный факт, свидетельствующий о нашем «благополучии» перед войной. Когда нам предстояла дальняя дорога, то оказалось, что у меня нет соответствующей обуви. На мое счастье, у меня нашлись спортивные ботинки без каблуков. Вот в этих ботинках я и прошел от Харькова до Валуек.

Добавлю кое-что к воспоминаниям родителей. Как я уже отмечал раньше, эти воспоминания писались ими в советское время и все, что могло бы опорочить власть, родители бумаге не доверяли.

Теперь я хочу отметить, что по дороге от Харькова до Валуек, население нас принимало если не враждебно, то недружелюбно. Так, например, в селе Непокрытое нас не пускали хозяева на постой в дома, лишь только потому, что мы евреи. И сказали

это в открытую. Была также хулиганская вылазка на дороге, которую мама расценила как антисемитскую, но оставить эту запись на бумаге она не решилась. Сочувствие к нам проявила лишь одна семья учителей под городом Купянск.

События, которые произошли с нами в Валуйках, хорошо описали родители.

Что же касается меня, — несмотря на то, что мне уже исполнилось 16 лет, из всех пропавших продуктов мне больше всего было жаль съеденных лошадьми багдадских пряников. В мирное время эти пряники были лакомством и доставалось мне редко.

Вагон, в который мы сели, не принадлежал никому. В нем ехали семьи офицеров пограничников от самой западной границы. Вагон с их женами и детьми пробирался на восток благодаря сочувствию железнодорожников. Его цепляли к любому составу, идущему на восток. Затем где-то отцепляли и потом прицепляли к другому и так до самых Валуек. В Валуйках вагон стоял долго, пока в него не село несколько мужчин, включая моего отца. Благодаря их стараниям и взяткам вагон покатил в Среднюю Азию уже без длительных задержек.

Сам внешний и внутренний вид вагона тоже был необычным. Я таких вагонов до этого не видел. Он резко отличался от других пассажирских вагонов. Вагон, очевидно, остался от Польши при присоединении Западной Украины. По всей вероятности это был вагон третьего класса Это был темный вагон с маленькими окнами, а две верхние полки поднимались так, что составляли одно целое, — как бы второй этаж в каждом купе. Этот необычный вид вагона через несколько дней сыграл для сохранения нашей семьи решающее значение. Но об этом немного позже.

Наша семья заняла свободное купе, как бы двухэтажное. Внизу была своего рода столовая, а вверху спальня на всю семью. Вот где я отлежался.

Уезжая из дому, я захватил с собой книгу Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». И что любопытно. Дома сколько я ни пытался приступить к ее чтению, я всякий раз ее откладывал, — она казалось мне неинтересной. На верхней полке вагона я ее читал с большим интересом и буквально запоем.

Длительное время мы ехали очень медленно. На поворотах железнодорожного пути было видно, что составы идут один за другим с очень маленьким, — может с десяток метров — расстоянием между последним вагоном предыдущего поезда и паровозом следующего состава.

Так была загружена правая колея пути идущая на восток. Левая колея была пустынна и только иногда с бешеной скоростью проносились воинские эшелоны.

В вагоне нас преследовали вши. Оно и понятно. Мы практически не раздевались. Иногда на безлюдных остановках мы с отцом и Леней выходили из вагона, находили укромное местечко, раздевались насколько позволяли условия и начинали уничтожать этих кровожадных паразитов. Так же поступали и женщины.

Надо еще обязательно рассказать о чуде, которое произошло с папой и со мной по дороге в неизвестность, в бесхозном вагоне. Родители не имели представления куда нам следует ехать. Одно они знали точно — как можно дальше на восток.

Через несколько дней такого ползания наш состав прибыл на станцию Лиски. Здесь мы узнали, что в эвакопункте на станции по эваколистам выдают горячую еду. По нашему опыту состав на станции стоит долго и мы, не особенно торопясь, с оцинкованным ведром пошли за едой. Оказалось, что в этот раз выдают не только суп, как обычно, а и второе — пшенную кашу. А у нас было одно ведро. Что делать? Отец решает взять и первое и второе в одно ведро. Возвращаемся к месту, где стоял наш вагон. И о ужас! Мы своего эшелона не находим. Сейчас трудно представить себе то состояние в котором мы оказались. Конечно по молодости лет я не осознал всего того ужаса, который охватил моего отца. Семья уехала в неизвестно куда идущем поезде, а мы остались в легкой одежде (а на дворе был уже конец октября) и без денег. Никакого адреса в этой огромной разворошенной войной стране у нас нет. Худшее положение трудно себе представить. Некому ни написать, ни позвонить и даже документов, кроме эвакуационного листа, у нас нет. Казалось наше положение безнадежно. Мы потерялись.

Но **произошло чудо!** Иначе это не назовешь. Уходя, отец мимоходом заметил, что начальник станции лично сам посадил в наш вагон группу военных. Вот это была та соломинка, которая нас спасла. Отец бежит в кабинет начальника станции. И чудо повторяется. Уже по моему более позднему опыту, просто так пробиться к начальнику такой узловой станции как Лиски совсем не просто, а тут еще такая военная заваруха.

А произошло то, что трудно себе представить. Папа сообщил начальнику станции о посаженных в наш вагон военных и он (моя искренняя благодарность и признательность этому Человеку) находит время чтобы лично помочь нам. Он повел нас к какому-то составу и приказал сопровождающему эшелон железнодорожнику взять нас. Далее он говорит нам, что этот

состав направляется на восток по левой колее, в обход остальных составов по правой колее, и что он быстро их обгонит. Нам следует выйти на первой же станции и подождать свой эшелон. Не помню как отец его поблагодарил, но я и сейчас присоединяюсь к благодарностью этому Человеку с большой буквы.

Так как наш вагон отличался от всех остальных и его было легко распознать, то я сравнительно быстро определил наш состав. Далее я начал считать перегоняемые нами составы до следующей станции. Их было восемь. Мы с отцом сошли с «эшелона-спасителя» на подходе к станции и стали считать приходящие по правому пути поезда. Но тут дело осложнилось наступлением темноты. Кроме того мы не учли то обстоятельство, что мы не знали на какой путь придет наш эшелон, а путей было с десяток. И когда все же прибыл восьмой эшелон, то его уже трудно было распознать на темных железнодорожных путях. Мы начли бегать с отцом по путям, пролезая под вагонами, — а тут еще ведро с супом-кашей. И снова положение казалось безвыходным. В этот раз папа растерялся. И было от чего. Как можно было найти один вагон из сотен, скопившихся на путях этой станции в полной темноте. Из-за маскировки от налетов вражеской авиации станция была затемнена. Ни одного фонаря.

Но тут снова сыграл свою роль необычный вид нашего вагона. И мне удалось его найти. Радость мамы и бабушки была неописуема. Они даже не поверили своим глазам. Им и в голову не могло прийти, что мы можем догнать ушедший поезд. И все же мы их нагнали благодаря сочувствию этого Человека!

Мораль из этого. Нельзя ни при каких обстоятельствах опускать руки!

В пути было у нас еще одно приключение — состав, к которому был прицеплен наш вагон, направился на Урал. Когда выяснилось, что никто из пассажиров не хочет ехать на холодный Урал, мужчины вагона на первой же станции вышли и путем взяток сцепщикам вернули наш вагон на станцию Кинель. А там аналогичным способом вагон прикрепили к составу, идущему в Среднюю Азию.

Мы очень долго ехали по пустынным, безлюдным степям Казахстана. Только изредка попадались убогие поселки. И только на подъездах к Ташкенту окружающие просторы оживились. В Ташкенте никого из нашего вагона не выпустили и поезд почти сразу проследовал дальше. И здесь стал вопрос, куда нам ехать и где покинуть этот гостеприимный вагон, к которому мы уже привыкли. Надо было решаться. На этот раз родители решили довериться мне, так как я из книг многое знал о Средней Азии.

И я посоветовал остановиться в городе Коканд. Так как это был центр плодородной и цветущей Ферганской долины. Думаю, что мы не ошиблись.

Воспоминания мамы о нашей жизни в Коканде

После поездки, длившейся более чем семь недель, мы выгрузились на железнодорожной станции города Коканд в Узбекистане.

Если 10 лет тому назад мы начинали свою жизнь в Харькове, то теперь нам предстояло освоиться в городе Коканде.

Город Коканд был еще до войны многонациональным. В нем, кроме узбеков и бухарских евреев, жило множество национальностей из европейской части страны. Это и русские, и татары, и армяне и даже немцы.

Сразу же после выгрузки мы пошли на эвакопункт, располагавшийся при вокзале. Зрелище было ужасным. В большом зале на полу, на своих узлах и чемоданах сидели измученные люди. Эти люди много дней ожидали, пока эвакопункт распределит их по колхозам. Антисанитария была жуткая. По полу ходили куры и клевали ползающих вшей. На такое ожидание мы согласиться не захотели и решили попытаться устроить свою жизнь самостоятельно. После регистрации в эвакопункте, мы с Аврумарном тут же пошли в город попытать счастья. Новый город был очень красивый, зеленый, похожий на европейский. Однако в нем вся жилплощадь была уже занята ранее приехавшими людьми. Но был еще и старый город.

По дороге в старый город зашли на базар, чтобы посмотреть, как обстоят дела с продуктами. Несмотря на то, что война уже длилась полгода, базар нас удивил своим изобилием. Полно в мешках риса, круп, муки. На прилавках и земле разнообразие овощей и фруктов. Наше счастье, что узбеки, в отличие от жителей других областей Союза, очень любили деньги. Когда мы перед этим проезжали по России, там продукты можно было приобрести только в обмен на вещи, мыло и все то, что можно было обменять.

Старый город резко отличался от нового. Вдоль улиц — сплошные глинобитные заборы. За ними виднелась зелень и постройки. По краям улиц канавы, по которым течет вода. Это арыки.

Сложность заключалась в том, что мы не разговаривали по-узбекски. И сказать что мы ищем комнату не могли. Спустя некоторое время мы встретили женщину, которая отличалась от узбечек. Эта женщина была татаркой и она немного говорила

по-русски. Эта женщина в дальнейшем оказалась нашим ангелом-хранителем. Узнав, что мы безуспешно ищем комнату, она, несмотря на то, что шла по своим делам, вернулась с нами и повела нас к своей знакомой, у которой, по ее мнению, была свободная комната. Она представила нас как своих друзей и сказала, что она за нас ручается. *(Как редко мы встречаем хороших людей. Очень жаль, что в этом случае мама даже имени ее не запомнила. Несмотря на то, что и в дальнейшем мы не раз прибегали к ее помощи).*

Комната была очень запущенной и напоминала сарай. Не было ни дверей, ни стекол в маленьком окошке. Из мебели — два больших топчана. Дверной проем мы занавесили одеялом, а оконную раму заклеили газетой.

Эта комната, по тем временам, была для нас большой удачей — нам просто повезло. На радостях сразу же вернулись в эвакопункт за мамой, Фимой и Леней.

Для вещей наняли подводу. Но что это была за подвода? В маленькую повозку с двумя огромными колесами был запряжен осел, по-местному — ишак.

Первое, что мы сделали — все основательно помылись и переоделись во все чистое. Надо было начинать жить по-новому. Тут я вспомнила наш переезд из Добровеличковки в Харьков. *Все повторялось снова.*

Аврумарн устроился на работу за гроши в близлежащем колхозе, а мама оформилась в швейную артель швеей. Распределение работ было таким. Мама брала заготовки в артели и затем уносила готовую продукцию. Шила я на той швейной ручной машинке, которую утаила от Аврумарна при выезде из Харькова. Я как чувствовала тогда, что она еще долго будет нашей кормилицей. Я шила солдатские кальсоны из раскроя, который приносила мама. *(Может и мне в Намангане потом достались кальсоны пошитые мамой).*

Работа была адской. Шить для производства я не умела, а старая машинка все время рвала ткань. Так как план для меня был велик, я шила и днем, и ночью при плохом освещении, да еще при том, что правый глаз был слепым с детства.

Днем свет с трудом пробивался через небольшое окошечко. К тому же часть стекол была выбита и заклеена газетой. Сильные ветра Средней Азии то и дело рвали наши газетные заплаты на окне и ночью, после сильного порыва ветра, приходилось вставать и образовавшуюся дыру на время затыкать тряпкой, спасаясь от пронизывающего ветра и мириад комаров.

Ночью я шила при свете керосиновой лампы, стекло которой было тоже разбито и заклеено обрывком газеты.

Швея из меня была никудышная. И качество плохое, и план пошива кальсон я не выполняла. За мою позорную продукцию в артели отвечала мама. Ей часто приходилось уговаривать приемщика готовой продукции принять мои кальсоны по принципу «лучше не будет». При моей малой производительности и плохом качестве заработная плата была мизерной, а цены на продукты росли не по дням, а буквально по часам. Мы оказались на грани голода.

Однако, если человек ищет, то даже в самых безвыходных ситуациях находится решение. Так получилось и у нас.

До этого у нас главной едой был рисовый суп. Но к описываемому времени рис стал настолько дорогим, что мы перешли на затируху. *(Затируха — это еда бедняков. Слегка смоченная мука на столе растирается руками, пока не образуются мелкие комочки разной величины. Затем эту массу всыпают в кипяток и получается суп — затируха).*

Как-то раз мама, покупая на базаре муку, обратила внимание на то, как две узбечки вырывали друг у друга бюстгальтер, который продавала эвакуированная. И маму осенило! Она пришла домой и заявила: «Будем шить на продажу бюстгальтеры»!

Я распорола свой бюстгальтер и сделала из него выкройку.

Мы привезли с собой несколько отрезов для дамских ночных сорочек. Из них я и начала шить бюстгальтеры на продажу. Первые семь штук мама продала играючи. Нам опять подвалило счастье! У нас появились деньги.

Как же мы жили в первые месяцы эвакуации?

Надо отметить, что в Коканд мы прибыли в первых числах декабря и поступать в 10-й класс дневной школы Фиме было уже поздно, поэтому он поступил в вечернюю школу, где, несмотря на опоздание, хорошо учился.

Леня пошел учиться в первый класс в старом городе в школу с преподаванием на русском языке.

Главным источником калорий у нас был хлеб в виде местных лепешек, который продавался по карточкам в прикрепленном по месту жительства хлебном киоске. К сожалению можно было простоять в очереди всю ночь, а лепешек не получить.

Необходимо отметить, что все очереди в Коканде состояли из двух половин. Была мужская очередь и была женская. И еще. В очереди стоял «народ», а более состоятельные люди и знакомые продавщицы в очереди не стояли — это была местная «знать».

Продавщицу звали Абахан, но все в очереди ее звали Абахан-апа (то есть «сестра»). Вот эта «сестра» торговала так. Чужие для нее люди, включая нас, стояли тесно прижавшись друг к другу до самого прилавка, в то время как «знать» передавала

продавщице через наши головы узелки, в которых были деньги и карточки. Продавщица таким же образом передавала им обратно хлеб. Знаменательно, что вся очередь безропотно поддерживала этот бессовестный транспорт денег, карточек и лепешек.

Я как-то раз не выдержала и сказала, что ее действия незаконны. На что она без раздумья ответила: «По закону работай ты!»

Хлеба-лепешек нам часто не доставалось и мы голодали, пока не появился узбек, который стал менять хлебные талоны на сахарную свеклу. Обмен для нас был выгоден. Мы стали варить компоты из свеклы и айвы. Мы уже не были голодными.

Остановлюсь еще на одной стороне трудностей нашего нового быта.

Отапливались мы железной печкой, подобной той, что стояла у нас в вагоне. Уголь продавали у железнодорожного вокзала. Расстояние до него от нашего дома было километров 6—7. Основным доставщиком угля был Фима, который нес его в мешке на плечах.

Еще о еде. Ели мы все из одинаковых эмалированных мисочек. Суп разливался по имеющейся на мисочках каемочке. Из своей порции Фима часто отливал Лене, мотивируя это тем, что тот растет. Также Фима приносил домой всю еду, которую выдавали иногда школьникам.

Запомнился такой случай, связанный с едой.

Однажды в предвечерний час мы сидели на веранде перед домом. Перед этим во двор упал подбитый ястребом голубь. Леня его похоронил и даже памятник ему соорудил из веточек. Позже он передумал. Пошел к маме и спросил, сварит ли она этого голубя? После того, как она согласилась, он извлек голубя из могилы. А мама сварила на всех «мясной» суп, и мы его тут же съели.

Хочется рассказать еще об одном экзотическом способе борьбы с желанием поесть. Во дворе рос хозяйский виноградник, но дети его не трогали. Рядом с нашим двором протекал большой арык, шириной метра два. На той стороне арыка росла ничейная шелковица и на ней висели большие черные плоды. Дети достали большие прутья камыша, расщепили его так, что можно было в расщеп захватить плод шелковицы. Часть, конечно, падала в арык, но часть все же попадала в рот. Вот такая была «рыбалка».

Я отвлеклась. Вернемся к нашим насущным делам.

А дела у нас были совсем плохие. Как-то хозяйка предложила нам полить ее огород из соседнего арыка за 400 грамм хлеба.

За работу взялись Аврумарн и дети. Хоть хозяйка была неплохим человеком, но огород она заставила просто залить, а Аврумарн и дети при этом были мокрыми с ног до головы. Детям это сошло, а у Аврумарна началось обострение его старой болезни — псориаза. Коротко опишу это обострение. Кожа набухает и покрывается образованиями типа рыбьих чешуек. Через некоторое время старая кожа, покрытая чешуйками, начинает отслаиваться и под ней начинает проступать новая кожа, розовая как у младенца. Временами эта новая кожа лопается, вызывая сильные боли. Ее надо смазывать. Что мы делали в Коканде не помню, а до войны Аврумарн смазывал эти места кремом под названием «Метаморфоза». Самое ужасное это то, что кожа слазила со всего тела, включая даже ступни ног. В это время он очень мерз и даже в жару ему приходилось одевать зимнее пальто, а руки он вынужден был перебинтовывать. Его боли я не в состоянии описать. Работать он конечно не мог. *(Я тоже не могу описать переносимые отцом боли. Как-то у меня на одной из ног, после перенесенной мною какой-то болезни, на небольшом участке сошла старая кожа, а под ней появилась новая. При ходьбе появились сильные боли, которые я частично унимал, смазывая это место кремом. Так это ведь крошечный участок, а у папы облазило все тело. Просто человек в прямом смысле менял кожу. Но как это болезненно! И еще интересное наблюдение. Кожа на ступне была толщиной миллиметра 2—3).*

В дополнение к мизерным заработкам Аврумарна у нас основным источником существования было шитье и продажа бюстгальтеров. Когда кончились привезенные из Харькова отрезы белой ткани мы стали покупать на базаре простыни. Но, как правило, простыни были так застираны, что сделать из них что-либо путное было невозможно. Однажды мы обратили внимание на то, что сделанный случайно черный бюстгальтер продался даже легче белого. Тогда решили перейти на производство черных бюстгальтеров. Стали покупать для производства старые застиранные простыни и шить из них бюстгальтеры. Красили же не простыни, а уже готовую продукцию с целью экономии краски.

Реализацией занималась мама и Леня. Мама, во избежание неприятностей, с небольшим количеством лифчиков уходила на базар, а Леня по мере необходимости подносил ей новые.

В базарные дни на большой площади собирались сотни людей и найти в ней маму для маленького Лени было очень тяжело. И здесь нашелся оригинальный ориентир. Мама познакомилась на базаре с супружеской парой по фамилии Остроброд из Киева, которые тоже шили что-то на продажу. Так вот, сам Остроброд был очень высокого роста. Выше его на базаре

не было человека. Когда мама ожидала Леню с очередной партией товара, она не отходила от Остроброда. А Лене по этому «маяку» было легко найти маму.

Так мы и жили, пока не подошло время родов. В свое время я хотела сделать аборт. И когда я уже лежала на операционном столе, врач-гинеколог прогнал меня, заявив, что такие аборты делаются только за деньги. Так как денег у меня не было, то пришлось родить ребенка, которого назвали Геннадием, в память о моем дедушке Герше.

Накануне предстоящих родов я работала еще больше чем обычно. Надо было заготовить продукцию на несколько дней вперед. В самый последний день, вечером, я искупалась, если это можно было назвать купанием, помыла и расчесала голову.

В следующее утро, как только из-за снежных гор взошло солнце, мы с мамой пустились в путь. Идти надо было далеко, так как родильный дом был в Новом городе. Идти было тяжело и мы сели передохнуть на лавочке в городском парке. Красоту этого утра не опишешь. *(Это было 15 июня 1942 года. Самое лучшее время в Коканде).* Затем зашли попрощаться с Фимой.

В это время мы уже были прикреплены к хлебному магазину в Новом городе, а он пошел занимать очередь еще ночью.

В роддоме, часов в восемь, мама сдала меня медикам, а сама пошла на базар продавать нашу продукцию. Кстати, базар был недалеко, а сам Новый город был небольшим.

В 11 часов мама пришла в роддом и спрашивает, как себя чувствует очень худая женщина. А ей отвечают, что она уже благополучно родила нормального мальчика, причем весом 3 кг и 300 г. Будучи в утробе, он высосал из меня все соки. Родившись, он тут же потребовал еду. В больнице кормили неважно и все роженицы питались в основном передачами из дому. Леня приносил мне большие зеленые огурцы и немного хлеба. Новорожденному доставалось немного, так как я была постоянно голодна. Правда со мной в палате лежала польская еврейка. Между собой наши евреи называли польских евреев «дер пойлише», то есть польские. Это была очень хорошая женщина. Ей приносили большие хорошие передачи, так как семья ее была очень зажиточной по тем временам. Она меня и подкармливала. Эта семья имела ткацкий станок, и они вдвоем работали на нем. Их ткань приносила им большой доход. Они свою продукцию распределяли среди своих знакомых и те, реализуя ее, приносили им доход. Эта женщина пообещала мне, что в будущем она включит меня в число реализаторов по 10 метров в неделю и этим поможет нам материально. И действительно — это была существенная помощь. *(Забирал маму с малышом я. Я даже*

помню, что стояла жара, и мы с мамой шли через пустырь, чтобы сократить дорогу).

Постели для новорожденного не было. И все же ему везло. Как-то мама увидела на базаре в продаже большое слегка поврежденное оцинкованное корыто. Это было большой удачей, так как узбеки такими корытами не пользовались. С какой радостью она несла с базара эту ценную ношу. Она просто светилась от счастья. Сейчас эту радость ни с чем даже сравнить нельзя. Это стало и кроваткой для ребенка, и купать его было в чем. Потом это корыто привезли в Харьков и оно еще долго служило нам.

Как только я вернулась домой из роддома, я тут же уселась за швейную машинку. Заготовленные мною до родов бюстгальтеры кончились, а есть надо было каждый день, а тут еще появился непростой едок. Наряду со всевозможными напастями нам иногда и везет. Так случилось и в этот раз.

За нашим арыком был двор очень зажиточного узбека, у которого была корова. Этот узбек немного говорил по-русски. Как-то раз мама, при встрече с ним, попросила его, чтобы он продал нам молоко в кредит до воскресенья для нашего малыша. В обмен на эту услугу она предложила ему что-нибудь пошить. Сосед не возражал и даже приказал жене дать нам не снятое молоко, как это обычно было принято.

Вскоре он принес нам работу. По неосторожности он прожег папиросой стеганную куртку, в которой ездил на работу. В куртке было два кармана. Я сняла один из них и его тканью заделала дыру. Заплату я прострочила точно так, как была прострочена и вся куртка. Так что получилось вполне естественно. Сосед был очень доволен работой. После этого у нас завязалась настоящая дружба. Временами он даже перебрасывал через арык дрова. *(О топке. Основным видом топлива у нас в Коканде были стебли джугары. Джугара — это местное крупяное растение, что-то среднее между просом и гречкой. Джугару, купленную на базаре необходимо было перед варкой потолочь в ступе. Стебли джугары напоминали стебли подсолнечника. Это и было нашим топливом. Практически та же подсолнечная шелуха, что была до революции!)*

Опишу еще одну попытку заработать хоть какие-то деньги.

Однажды я встретила земляка из Добровеличковки по фамилии Исаак Шифрин. В мою бытность в Добровеличковке он был кузнецом. В Коканд он приехал с женщиной, которая была ему не женой. Поговорив о том о сем, он предложил заняться совместно следующим промыслом. Купить овцу на паях, зарезать ее, продать и у нас несомненно появится прибыль. Я сомневалась в этом промысле. Но мне так надоело денно и нощно сидеть

сгорбившись и безостановочно крутить ручку машины! Посоветовались дома решили рискнуть. После первой покупки дохода не оказалось. Нам, правда, досталась серая овечья шкура. Впоследствии мы подстилали иногда эту шкуру и хлебали на ней затируху. Исаак все же уговорил нас купить вторую овцу, ссылаясь на то, что первая была неудачной. На этот раз овца была и большой, и жирной, с хорошим курдюком (отложения жира в хвостовой части овцы). И снова — тот же результат. Никакой прибыли. А ларчик просто открывался. Соседка Исаака по дому, рассказала мне о том, каким он был компаньоном. Дело обстояло так. Исаак жил рядом с базаром, поэтому мясо овцы было логично оставлять у него перед продажей. И вот он часть этого мяса уворовывал. На такую подлость мы никак не могли рассчитывать. На этом наша «овечья» коммерция закончилась. Здесь мы оказались настоящими баранами.

А жизнь продолжается. У меня на груди образовался нарыв. Этот нарыв вылечил хирург, сын наших приятелей Остроброд.

Генка растет и хорошеет как куколка. Им любуется вся наша семья, в особенности Фима. Перед тем, как уйти по своим делам, он останавливается и любуется младенцем. Я же в это время была больше похожа на скелет.

Малыш тихо лежит в корыте и почти не плачет. Он сыт благодаря молоку соседа, которого между собой называем «дер мылыхыкер», что в переводе значит молочник.

Несмотря на то, что машина весь день безостановочно в работе, на деньги за проданные лифчики прожить невозможно. Суп теперь стоит 300 рублей. Попытались перейти на более доходное производство — на шитье стеганных курток, которые здесь назывались фуфайками и пользовались большим спросом. Делались фуфайки так. В раскрой между двух слоев ткани прокладывался слой ваты, и эта полость прострачивалась швами через каждые, примерно, 5 см. Дефицита ваты не было, а верх и подкладку делали из предварительно покрашенных простыней разного цвета. Невероятные трудности возникали при сшивании двух слоев ткани, да еще с ватой между ними. Машина и без того рвала и петляла на тонком материале для лифчиков. Тут-то мы с мамой почувствовали стоимость супа. В дополнение ко всему, узбек, который менял у нас не отоваренные хлебные талоны, перестал к нам приходить. А это было для нас существенным подспорьем.

Однажды уже было такое тяжелейшее состояние. Денег нет, топить нечем, муки нет. У Аврумарна сильнейшее раздражение псориаза. Хоть волком вой. И тут произошло то, что бывает только в сказке.

Фима взял наши, много раз проверенные еще в Харькове, государственные облигации и проверил их по-новому. И произошло чудо. Оказалось, что в свое время, мы, на наше теперешнее счастье, пропустили несколько выигравших облигаций. Всего на сумму 1000 рублей. Тут уж появилась и мука на затируху (стакан муки на кастрюлю для всей семьи), и топливо (стебли джугары), и опять радость жизни.

А затем происходит, как водится, второе чудо. По подсказке наших приятелей Остроброд, мама за бесценок закупила большое количество материала, списанного каким-то интернатом. Для нас это был настоящий клад. Мы перешли на пошив платьев для узбекских женщин. Фасон этих платьев не похож на фасоны европейских платьев. Причем у них имеется традиционный материал и расцветка. Так как у нас этого материала не было мы придумали с мамой свой фасон и назвали его русско-узбекским. Это было платье на гестке и с тремя пуговицами. Имеющийся материал красили в яркие цвета и наши платья пользовались большим спросом. Была бы только возможность шить.

Каким путем мы нашли адреса Лизы и Абрама, не помню. *(В годы войны почта и Всесоюзное адресное бюро работали исправно).*

Как видите, в эвакуации мы все время довольно успешно боролись за выживание. К тому же у нас в семье появился еще один, всеми обожаемый, малыш — Генка.

Но как-то приспособиться к таким тяжелым жизненным ситуациям удалось не всем. Больше всех страдали евреи — выходцы из Польши. Если мы, советские люди, привыкли к тяжелым жизненным условиям, включая и голод 1921 года, и голод 1933—34 годов, то «дер пойлишер» этого не знали. Несмотря на то, что многие из них приехали с капиталом (это и золото, и драгоценные камни, и дорогие вещи), большинство из них приспособиться к тяжелой советской действительности, да еще во время такой тяжелой войны, не смогли. Приспособились лишь очень и очень немногие из них, такие, например, как женщина с которой мы одновременно рожали. Но это были единицы. Большинство из них приспособиться не смогли и умирали катастрофически. Не зная даже русского языка, не то что узбекского, они и на самую низкооплачиваемую работу не могли устроиться. Они воровали на базаре по мелочам и их избивали. Я видела, как несколько человек «дер пойлишер» вырезали мясо из давно сдохшего осла. Это была жуткая картина. Им даже жить было негде. Многие семьи располагались у глинобитных заборов и там, опухшие, умирали. По просочившимся из горсовета сведениям только в нашем

городе их умерло более 17 тысяч человек!

Пришла весна 1943 года. Погода солнечная. Еще не жарко. Вокруг все цветет. Наши дела идут неплохо. И на этом благополучном фоне в дом врывается беда. Фиму призывают в армию, а там и на фронт. А похоронок оттуда не перечесть…

Записки папы о Коканде

(Записок папы о жизни в Коканде очень немного.)

Когда я пишу эти строки, я вновь и вновь оглядываюсь на мое бедное детство и всю мою нерадостную жизнь. Пишу очень сокращенно, так как помню отчетливо, что было семьдесят лет тому назад, но не помню сегодняшних событий.

По прибытии в Коканд мне нужно было устроиться на работу. В городе был только один туковый завод (завод удобрений) и несколько артелей. Устроиться на работу было невозможно. Наконец устроился сторожем в детский дом. Моим рабочим местом была сторожевая будка и, одновременно, проходная. Спустя некоторое время, в ночное дежурство, через проходную проходит парень с небольшим мешком муки. Я его, естественно, не пропустил. Он набросился на меня с кулаками и хорошенько побил, но муку отнес обратно. На завтра я снял в милиции факт побоев. Что стало с парнем я не знаю, но меня вскоре уволили.

Многие из эвакуированных зарабатывали свой хлеб, покупая и перепродавая на базаре. Но я не мог себя заставить заниматься этим. Некоторое время я работал в психиатрической больнице, которая была очень далеко от дома. Хочу описать вам случай, который особенно врезался в мою память. В это особенно голодное время я взял с собой на ночное дежурство несколько вареных бураков (свекла). По дороге я почувствовал такой голод, что ноги отказались идти. Я съел эти бураки, но чувство голода только усилилось. У меня появилось головокружение и мне пришлось прислониться к забору. Вдруг вижу на земле маленький кусочек лепешки. Я его сразу подхватил и — в рот. И вижу по дороге идет местный мальчишка и бросает кусочки лепешки впереди бегущей собачонке. Лепешки было всего-то грамм пять, но она позволила мне идти дальше.

Опишу еще один свой промысел. Многие узбеки ходили летом в галошах на босу ногу. И они, естественно, рвались. Я взялся за их починку, хотя не имел никакого опыта. Так как я работал добросовестно, то у меня часто были заказы, а следовательно можно было покупать еду.

(Вот и все, что сохранилось из папиных воспоминаний).

Коканд моими глазами

Пока мы ехали по безжизненным степям Казахстана, родители, если можно так выразиться, просто стремились убраться подальше от немцев. Ехали и ехали, да и к нашему вагону мы привыкли.

По мере приближения к Узбекистану у родителей встал вопрос — где высадиться? У них кроме Ташкента, известного им еще из Добровеличковки, других знаний о Средней Азии не было. Однако, в Ташкент въезд эвакуированным был запрещен, и поезд поехал дальше.

Из всей семьи что-либо об Узбекистане знал только я, закончивший 9-й класс школы. Это и география, и история с ее Тамерланом и басмачами, и конечно же, то, что я вычитал из книг. Незадолго до войны я прочел книгу о Коканде, которая называлась, точно не помню — не то «Звезды над Кокандом», не то «Флаги над Кокандом». Из этой книги я знал, что Коканд находится в плодородной Ферганской долине. Вот этот, казалось бы, незначительный факт сыграл решающее значение в жизни нашей семьи. Мы высадились из вагона на железнодорожной станции города Коканд.

К описанию житейских невзгод первого времени пребывания в Коканде мне нечего добавить. Они хорошо описаны родителями, в основном мамой. Поделюсь своими соображениями, — естественно задним числом, — о некоторых поступках родителей в то время. Повторяюсь — задним числом!

Они большие молодцы, что не стали ждать, как многие другие, пока эвакопункт распределит вновь прибывших по колхозам.

Известна старая-престарая поговорка о том, что история никого не учит. Не научила она и моих родителей. И что поразительно и бабушку тоже. Они ведь пережили два голода. Один в 1921 году, а второй в 1933—34 годах. А тут такая война — страшнее, чем гражданская, — и немцы были на подступах к Москве. Большая половина европейской части СССР была захвачена фашистами. И весь опыт прошлой жизни оказался не использованным. Вместо того, чтобы, по прибытию в Коканд, на все имеющиеся деньги закупить основные продукты питания, такие как рис, муку, джигару, они с каждым днем платили все больше и больше, не приобретая про запас. Но все это — размышления задним числом.

О населении города. Естественно, большинство населения было узбекским. Город делился на старый и новый. Узбекское

население, в основном, жило в старом городе. Новый, европейский город примыкал к железнодорожной станции. Это был красивый, зеленый, в основном двухэтажный, город с прямыми широкими улицами. Эту часть города населяли по большей части русские. Старый город был застроен одноэтажными глинобитными домами за высоченными также глинобитными заборами. Написал «глинобитными», но они скорее были «землебитными». Как добывалось сырье для этого строительства? Рылась неглубокая яма, в нее заливалась вода из арыка и получалась очень густая грязь. Из этой грязи делались катышки примерно диаметром 20 см и высушивались на солнце. Эти высушенные катышки и были своеобразными кирпичами для строительства домов и заборов.

Не узбекское население ходило в европейских одеждах, а большинство узбеков и даже местное начальство ходили в халатах. Теперь я думаю, что в условиях жаркого климата халаты — отличная вещь. Во-первых, они свободны. Во-вторых, они на вате, что защищает тело от жары. Большинство пожилых женщин ходили в парандже.

Что еще запомнилось. Все что-то непрерывно жевали. Если память не изменяет, это был белый парафин или воск. Я думаю, что современная жевательная резинка берет свое начало от этого парафина.

Первые две попытки получить высшее образование

Среднеазиатский Индустриальный Институт (САИИ)

Год 1942-й.

Учеба в 10-м классе школы в Коканде описана мною в главе «Школьные годы. Что осталось в памяти.»

В нашей семье прибавление. 15 июня родился мой второй брат Геннадий. Я с мамой нес его на руках из родильного дома. Материальное положение в семье улучшилось, благодаря тому, что родители освоили кустарное производство женских бюстгальтеров и простых узбекских платьев. Шила в основном мама, а остальные помогали. Продавала больше бабушка, подносил Леня, а доставал ткани и красил папа. Мы уже не голодали.

Что в стране? Немцы рвутся к Волге. Но паники нет и народ верит в нашу победу.

По окончании учебы я получил отличный аттестат об окончании вечерней средней школы города Коканд Узбекистана. Этот аттестат позволял мне поступать в высшую школу без вступительных экзаменов. На семейном совете решили, что я поеду продолжать учебу в Ташкентский институт, так как в Коканде в то время институтов не было. Очевидно, родители надеялись, что студента не призовут в армию.

В связи с тем, что наша школа была вечерней, мы собирались отметить окончание школы вечером. Предполагалось задержаться допоздна. Предварительно я договорился с родителями, что ночевать я буду дома у нашего преподавателя физики и математики И. М. Калантарова.

Ночь была теплой и мне постелили на веранде, обвитой виноградной лозой. Спать не хотелось и мы разговорились «за жизнь». Он, между прочим, спросил меня куда я буду поступать, где планирую учиться дальше. Я, даже не думая, сказал, что буду поступать в университет. Тогда я считал, что только университет может дать мне по-настоящему хорошее образование. Я и не предполагал как на это отреагирует Иосиф Моисеевич:

— Ты хочешь быть преподавателем в школе, таким как я? Университеты, как правило, готовят школьных учителей. — Я ответил, что не хотел бы быть учителем.

— Тогда поступай в любой технический вуз.

Я считаю, что эта беседа круто изменила всю мою дальнейшую жизнь. Я поступил на энерготехнический факультет Среднеазиатского Индустриального Института (САИИ).

Мне кажется, что любому юноше, прежде чем сделать важное решение, следует советоваться со знающими людьми. Именно знающими!

В общежитии института комендант дал мне в руки матрац, подушку и одеяло без постельного белья. Привел меня в большую комнату на третьем этаже, где на дверях была табличка «Читальный зал». Велел мне здесь расположиться и ушел. Я огляделся. Пол комнаты была покрыт, как лоскутное одеяло, разноцветными матрацами с узкими проходами между ними. Свободного места не было. И тут я углядел в самом дальнем углу комнаты составленные три стула, на которых лежал матрац, покрытый одеялом. Время было дневным и никого в комнате не было. Проскользнув между расстеленными матрацами, я уложил свой матрац под этими стульями. Позже я узнал, что это было «ложе» старшекурсника, по национальности — корейца. Откуда взялись здесь корейцы? В предвоенные годы, после осложнения с японским правительством на Дальнем Востоке и последовавшими за этим военными стычками, всех корейцев с Дальнего Востока переселили в Среднюю Азию. Им выделили землю, и они на ней преуспевали. Любопытно, как питался мой «сосед сверху». У него был мешочек с рисовой мукой. Вечером он брал в титане кипяток и заваривал в нем эту муку. *(Что такое титан? Это кипятильник для больших объемов воды. Обычно он устанавливался в общежитиях)*. Держался он обособленно. Хотя у нас с ним были товарищеские отношения, но он ни разу меня этим своим снадобьем не угощал.

В нашей учебной группе было 17 студентов и только я один был приезжим. Все остальные были либо местными, либо эвакуированными, но жили в Ташкенте. Столовая наша находилась далеко от учебного корпуса на территории Ташкентского Медицинского института. Ехать нужно было трамваем с пересадкой. Дорога занимала примерно час. После первых длительных поездок в столовую и очень плохого обеда все мои однокурсники отказались от этих обедов и отдали мне свои талоны.

После занятий я покупал свои студенческие 400 гр. хлеба и ехал в столовую. По дороге время от времени я отщипывал кусочек хлеба, кстати очень черного и клейкого, как смола. По прибытию в столовую хлеба у меня уже не было.

Опишу процедуру, как я справлялся один с 17 обедами. Когда

я приезжал в большом помещении столовой множество столов было свободно. На обед всегда была затируха — небольшие кусочки теста, плавающие в воде. Обед выдавали, а вернее наливали, в небольшие алюминиевые миски, в виде неполного усеченного конуса. Благодаря конусообразной форме мисок, их можно было устанавливать одну на другую За два три раза я приносил все свои 17 мисок на свободный стол. Расставлял их и ожидал, пока кусочки муки осядут, а вверху останется чистая вода. Так я постепенно сливал воду и у меня оставалось три-четыре миски, но с уже более концентрированной гущей. Я эту гущу выпивал и, налитый как бурдюк, ехал в общежитие. Самое страшное происходило ночью, когда мне необходимо было срочно помочиться. Уборная была во дворе и мне предстояло бежать туда с третьего этажа. Это было часто выше моих сил и я вынужден был делать то, что делали другие студенты. Рядом с нашей комнатой был балкон, выходящий на улицу. Я и раньше ночью слышал шум падающей на асфальт воды. Это так наши студенты облегчали свои мочевые пузыри.

Я понимал, что жизнь с таким питанием долго продолжаться не может.

Пару раз бригадир грузчиков из студентов-старшекурсников брал меня на работу вместо заболевших. Наша бригада на железнодорожной станции выгружала из вагонов тюки табака и перегружала их на трамвайную платформу. На фабрике тюки сгружали на склад. Оплата была мизерной, но студенты-грузчики компенсировали этот недостаток самостоятельно. Я получил соответствующую инструкцию от бригадира, как мне следовало поступить. Несмотря на очень теплую погоду я одевал кальсоны. На лодыжке я их перехватывал веревкой. Перед концом работы, я насыпал в кальсоны листья табака. Такой вынос продукции рабочими с предприятия повсеместно назывался «шабашкой». У бригадира были постоянные скупщики, которые ожидали нас после работы. Таким образом мы пополняли свой бюджет. *(Что интересно, такая «шабашка» в России очевидно была всегда. Из воспоминаний мамы о временах Первой мировой войны, вы помните, что их квартирант Мойше таким же точно образом «на ногах» выносил из маслобойки семечки и подсолнечное масло).*

Но эта работа была временной. Надо было что-то предпринять. И я нашел выход. В Ташкент эвакуировался «Московский завод подъемно-транспортного оборудования». Вот я и поступил туда на работу. Принимал меня главный инженер завода. После ознакомления со мной запомнился его вопрос: «Хочу ли я работать на самом большом станке завода?» *(Теперь я думаю, что вопрос его обращался к мальчику, а не к голодающему*

человеку). Он направил меня на работу в кузнечный цех. Оборудование цеха стояло прямо на открытом воздухе без стен и крыши. Начальник цеха подвел меня к действительно возвышающемуся над всем станку. Этот станок назывался «Падающий молот». Получив у него краткую инструкцию, я назавтра приступил к работе.

Что собой представлял этот падающий молот. Две мощные опоры на расстоянии полуметра поддерживали вверху примерно полутонную металлическую болванку. Это и был тот самый падающий молот. Внизу, между этими опорами, было установлено что-то наподобие наковальни. Мне предстояло из заготовок штамповать крючки для парашютов. Рядом со станком от форсунки пылала нагревательная печь с открытым жерлом. В ней находились заготовки крючков, раскаленные докрасна. Я длинными щипцами доставал из печи раскаленную заготовку и укладывал в выгравированную на наковальне ложбинку, по форме соответствующую нижней половине крючка. Верхняя половина крючка была выгравирована на самом молоте. После того, как я укладывал заготовку в ложбину наковальни, я нажимал ногой на педаль. Молот по направляющим срывался вниз с огромной скоростью. После удара о наковальню, механизм тут же возвращал молот на место вверху. Я щипцами доставал отштампованный крючок, бросал его в корыто с водой и тут же брал следующую заготовку. Несмотря на мою молодость и неопытность у меня был подручный. Этот человек следил за работой печи и загружал ее заготовками. Мой подручный был пожилым мужчиной. В молодости он солдатом участвовал в Первой мировой войне. Побывал в немецком плену. По его рассказам он работал у немецкого крестьянина и ему было там совсем не плохо.

Печь в которой было градусов 500 я использовал и для своих целей. У одного из моих знакомых по заводу мама работала в пекарне. У нее была своя «шабашка». К концу работы женщины, замешав густо тесто, делали из него большие листы. После этого, они обматывались этими листами на голое тело, а поверх одевали одежду. Таким образом они проходили через проходную. Дома они снимали с себя это тесто и сами его выпекали и даже продавали. Вот такое тесто приятель иногда приносил мне. Я из него делал что-то похожее на маленький хлебец и укладывал на край печи. Поверхность этого хлебца часто обугливалась. Но это не страшно. Обугленный слой снимался, а под ним был свежий хлеб.

Дорогой читатель! Вы сейчас подумаете, что это негигиенично. Но таким и многими другими способами мы

выживали в войну.

Расскажу о еще более невероятной «шабашке», о которой мне рассказал знакомый в Коканде. В Средней Азии растительное масло хлопковое. Отец этого приятеля работал на хлопковой маслобойне. Вот у него была действительно «страшная» шабашка. Перед окончанием работы рабочие напивались этим маслом, а дома становились перед тазом и закладывали два пальца в рот. Вот и таким образом люди спасались от голода.

Работа на заводе резко улучшила мое материальное положение. Карточка на 800 гр. хлеба, неплохая рабочая столовая даже с официантками и неплохая зарплата, — я ведь был рабочим горячего цеха, хоть и под открытым небом. 17 талонов в студенческую столовую с ее затирухой мне уже не требовались. Кроме того, у меня появился дополнительный вид заработка. Время от времени из нашей комнаты многих студентов призывали в армию. Так как они, в большинстве своем, были бессемейными, то я у них покупал оставшиеся хлебные талоны. Купленный хлеб я продавал на рынке. У меня даже появился избыток денег, и я их отправлял родителям.

Собственно учеба. На лекции я ходил изредка, когда выдавалось свободное от работы время. Из 17 студентов нашей группы на лекции приходили считанные люди. Я только слушал, конспектов не вел.

Из письма мамы я узнал, что в декабре 1942 года в Коканд эвакуировался «Грозненский нефтяной институт» (ГНИ). И я решил не дожидаться призыва в армию на чужбине, а вернуться в Коканд к родителям. Оформив увольнение из института по семейным обстоятельствам, я вернулся, к радости всей семьи, в Коканд.

Грозненский нефтяной институт (ГНИ)

Итак, я стал студентом Грозненского Нефтяного Института.

После моего возвращения из Ташкента семья уже не голодала, но все вместе с утра до ночи работали на пропитание. Здесь следует отдать должное родителям и бабушке, приветствовавшим мое продолжение учебы в столь тяжелое время. Об их, без преувеличения, тихом подвиге можно судить по тому факту, что и здесь, и в Ташкенте среди студентов было мало эвакуированных, а большинство составляли местные, то есть более обеспеченные, люди.

В этом нефтяном институте я начал заниматься по-серьезному, так как мне уже не нужно было повседневно заботиться о «куске хлеба». Тетрадей для конспектирования

не было, но я и здесь нашел выход. Дома у нас была книга карманного формата поэта-футуриста Владимира Маяковского. Особенностью его творчества было «малословие» в стихах. Иногда в строчке было одно слово. Вот на страницах этой книги, на месте, свободном от текста, я и вел конспекты по всем предметам. Я эту книгу даже привез в Харьков после возвращения. Потом она исчезла. А жаль.

Что любопытно. Из прослушанных лекций я мало что запомнил. Я даже не помню какой иностранный язык преподавали в институте. То ли немецкий, то ли французский, а может и английский. А что запомнилось об институте, так это декан Башилов. Это был человек, обладавший способностью убеждать. Так случилось, что когда я зашел в институт, то первым, кого я встретил, был Башилов. Он перечислил факультеты института, но посоветовал мне поступить на промысловый факультет, деканом которого он был. Так я и сделал. На занятиях по геодезии, которые он вел, он рекомендовал уделить серьезное внимание изучению этого предмета. Надо не забывать, что время было военным и каждый как мог добывал себе средства на жизнь. На лекции он говорил нам, что если мы освоим геодезию, то мы нигде не пропадем. Для того, что бы построить дом, не говоря уже о сложном сооружении, обязательно потребуются геодезические съемки, а значит геодезист и, следовательно, деньги.

А вот еще его важный совет. В начале 1943 года я и мои сверстники по институту прошли призывную комиссию в армию.

После призывной комиссии я, как и другие призывники из моего института, решил оставить учёбу. Зачем? Завтра-послезавтра на фронт. Спустя некоторое время нас пригласил на собеседование декан нашего промыслового факультета. Речь его, примерно, была такова: «Ребята! Не бросайте учёбу. После окончания первого семестра (который должен был закончиться в марте, так как занятия в институте начались с опозданием, в декабре 1942 года) вы получите зачётные книжки и тогда, где это потребуется в анкетах об образовании, будете писать «незаконченное высшее образование».

И мы его послушались. Он был заинтересован в нас. Теперь мне кажется у него были и другие далеко идущие планы. Институт наш реэвакуировался в город Грозный. И ему, очевидно, было известно, что в тех условиях мы получили бы освобождение от призыва в армию. Что это за нефтяной промысловый факультет, где студенты — одни девочки? Но нам этого сказать он не мог.

Меня призывают в армию

Зачётные книжки нам выдали в марте, а 9 апреля 1943 года я был призван в армию с незаконченным высшим образованием. На этом мое высшее нефтяное образование закончилось. Как и предвидел декан, эта запись об образовании сыграла свою роль. Всех ребят с таким образованием военкомат направил не в действующую армию солдатами, а в военное училище.

До предстоящей реэвакуации в Грозный оставалось всего несколько дней. Студентам уже стали выдавать сухой паек на дорогу. Кладовая института находилась в большом дворе жилого дома. Стояла очередь в основном из девочек. В этой очереди стоял и я. В этот день весь двор был завешан сушившимся на веревках бельем. Вдруг появилась неразлучная пара Биргер и Мешков. Они были местными и в группе всегда вели себя вызывающе. Это объяснялось тем, что отец Биргера был директором топливной базы, а Мешков был сыном ответственного партийного работника. Они, очевидно, как и их родители, чувствовали себя хозяевами жизни. И вот эта пара стала оттеснять впереди стоявших девочек, с тем чтобы получить паек вне очереди. Из ребят в очереди был только я один. Слово за слово между нами завязалась драка. Мы выскочили во двор и началась потасовка. Их двое, откормленных, против меня одного. В драке запомнилось, что нам мешали развешанные простыни, в которых мы просто запутались. После драки они ушли, не получив паек, но мне пригрозили.

Дома нашу драку скрыть не удалось, так как на лице у меня было множество синяков и кровоподтеков. Больше всего волновался папа. Он волновался за мою жизнь. Вот какова была его логика: чтобы избежать призыва в армию они могут меня убить. Им лучше отсидеться в тюрьме, чем идти на фронт. Тем более, что у них в Коканде такие могущественные родители. Но они меня не убили. Правда, во второй раз они выполнили свою угрозу и подкараулили меня, сидящего в коридоре. На этот раз они меня сильнее отколошматили, прижав к стенке и тем самым лишив возможности обороняться.

Что мне известно об этих ребятах. Оба они, как и я, были призваны в Харьковское военно-пехотное училище. Спустя некоторое время Мешков дезертировал. Его вскоре поймали и судили. Дальнейшая его судьба мне не известна. А вот Биргер на фронте служил в нашем взводе, но в другом отделении. Я его иногда видел. Это уже был не «кокандский Биргер». Наша тяжелая фронтовая жизнь его сломала. Он опустился, а на фронте

такие долго не живут. Вскоре, в одном из боев, его убили.

Я — курсант Харьковского военно-пехотного училища в эвакуации г. Наманган, Узбекистан. 1943 г.

О моем участии в Великой Отечественной войне я написал в отдельно изданной в 2008 году книге «Армия 1943—1945 гг. Воспоминания солдата». Книга издана на английском и русском языках. В этой книге мои воспоминания заканчиваются полевым госпиталем. Но моя армейская служба продолжалась и дальше, в нескольких госпиталях.

Из полевого госпиталя меня перевели во фронтовой госпиталь на территории Румынии. Этот госпиталь размещался в каком-то дворце. Меня положили в огромной комнате, очевидно

это был зал.

Что запомнилось об этом госпитале?

Я уже мог самостоятельно передвигаться. Когда я впервые вышел в коридор, меня поразило то, что проходивший мимо офицер приветствовал меня, приложив руку к козырьку. Потом я узнал, что так положено по уставу приветствовать раненых.

Как я уже писал в книге, мое ранение, по сравнению с тем, как были покалечены другие, было «легким». Руки, ноги целы и только небольшая повязка на голове. Но у меня постоянно болела голова. Я не помню, чтобы мне от боли давали лекарство. При очередном посещении доктора я ей снова пожаловался на головную боль. И как вы думаете она отреагировала на мою жалобу? Причем ее прогноз оказался пророческим, вернее медицински грамотным. «Голова, — сказала она, — будет болеть постоянно, но вы к этому состоянию привыкнете. В этом нет ничего страшного. Вот у меня мигрень, — ей было не больше сорока, — и тоже болит голова, хотя у меня нет такого ранения».

Однажды рядом со мной на кровать положили нового раненного вместо только что умершего. Голова у него была забинтована (я ведь лежал в «черепном» госпитале). Видно было, что ранение свежее, так как на повязке проступала алая кровь. Было странно. Свежее ранение за сотни километров от фронта. Когда он немного пришел в себя, то рассказал мне историю своего ранения.

Он был старшиной роты. Накануне его вызвал к себе командир и поставил перед ним задачу. Причем, как ни странно, объяснил ему цель предстоящей операции. На значительной территории нашей страны в селах не осталось ни коров, ни лошадей. Вот ему поручается, в качестве военного трофея, привести в часть несколько лошадей для отправки их на Родину. Ночью он взял с собой молодого солдата, такого же как я, и пошел в село. Только он открыл стойло конюшни, как из засады выскочил огромный румын с оглоблей наперевес и набросился на него. Он даже ахнуть не успел, как упал без сознания. «Вот меня и доставили к вам с проломом черепа. Обидно, я ведь от Волги протопал всю войну, а тут в тылу меня угораздило», — с горечью жаловался он. Как затем он понял, такая реквизиция проводилась и до него, поэтому крестьянин и сидел в засаде.

Настало время, когда нас впервые в армии погрузили в настоящие пассажирские плацкартные вагоны, а не теплушки. Это уже был эвакогоспиталь. Ехали мы несколько недель. Время от времени нас посещал начальник госпиталя. У нашего вагонного фельдшера я спросил, какой врачебной специальности наш начальник госпиталя. И вот его ответ: «Он никакой не врач,

а заведующий колхозным клубом».

Последний мой армейский госпиталь был в Тбилиси, столице Грузии.

Помещение было тоже красивым, но не таким, как в Румынии. От обслуживающего персонала я узнал, что до революции здесь находилась мужская гимназия.

Кормили нас очень плохо. Меня мучил постоянный голод. Запомнилось первое блюдо совсем черного цвета. Нам говорили, что его изготавливают из американских сухих овощей. Надо отметить, что это был февраль месяц, и мы еще страдали от холода. Нас уговаривали, что в госпитале мало угля. Запомнилось, что мы воровали уголь в кочегарке. И самостоятельно топили в своей палате.

Как-то я грелся у кафельной стены печи. Ко мне присоединилась сестра-хозяйка. Разговорились. Оказалось, что и она харьковчанка. В конце беседы она пообещала выписать мне дополнительный паек. И что удивительно — я первый же дополнительный паек не смог съесть. У меня исчезло томившее меня чувство голода, а вместо этого появились боли в желудке. С головными болями и болями в желудке меня демобилизовали.

И еще интересный случай произошел со мной в этом госпитале. Со дня ранения прошло уже три месяца, а рана не заживала и гноилась. Во время одной из очередных бань, я забыл про рану и помыл голову хозяйственным мылом, которое нам выдавали. Затем хорошо помылся под душем. Когда я вспомнил, что помыл голову мылом, то сильно испугался за рану. Однако все обошлось и рана вскоре зарубцевалась.

Теперь, по прошествии многих лет, я снова вспомнил об этом случае. В американском госпитале после операции, которую мне сделал хирург, мне порекомендовали время от времени промывать рану теплой водой с мылом. Я вспомнил тбилисский госпиталь, но подумал про себя, а где же я возьму хозяйственное мыло?

Так как меня демобилизовали по инвалидности, то при выписке из госпиталя домой в Коканд я заказал себе железнодорожный билет с пересадкой в Москве.

Это было мое первое посещение Москвы, столицы СССР. В Москве я погостил у Бобеле.

Что меня тогда поразило. Стояла зима, а девушки ходили с обнаженными ногами и в мороз ели мороженное. Шура, дочь Бобеле, объяснила мне, что ноги у девушек не обнаженные, а у них прозрачные капроновые чулки.

Попутно в Москве мне пришлось заняться важным делом.

Как вы знаете у Бобы и Арна был старший сын, которого

в семье звали Дудл. В 1939 году его призвали в армию. У нас сохранилась его военная фотография. В 1939 году началась Советско-Финская война и часть Дудла участвовала в боевых действиях. Тогда же, в 1939 году связь Дудла с родными прервалась. Позже родители получили извещение о том, что их сын пропал без вести.

К тому моменту как я приехал в Москву от Дудла не было никаких известий уже пять лет. Среди вещей Дудла была сберегательная книжка на какую-то сумму денег. В Советском Союзе люди хранили свои деньги в банках с помощью сберегательных книжек. Получить деньги мог только владелец книжки или его наследник. Боба была его наследницей, так как Дудл не был женат. Вот Боба решила получить эти деньги. Для этого требовалось постановление суда, признающего Дудла мертвым. Но здесь произошла нестыковка с еврейским именем Дудла. Не помню его имени в метрическом свидетельстве, а в сберегательной книжке и в извещении о том, что он пропал без вести значилось имя Давид. Для суда основным документом является метрическое свидетельство.

Боба попросила меня заняться этим делом. Поехали мы с ней в суд. До суда надо было ехать на метро. И тут произошло неожиданное. Ко времени моего приезда Боба жила в Москве уже более пятнадцати лет. И за все эти годы она ни разу не пользовалась метро. Втащить ее на эскалатор оказалось не просто.

В суде нам сказали, что проблемы с разночтением еврейских имен решает раввин. Ну а где взять раввина в Москве в 1945 году? Здесь же в суде мне подсказали, что такие справки дает раввин, находящийся в Центральном телеграфе. Тогда это учреждение было на улице Кирова. Взял я у Бобы все документы и поехал на Центральный телеграф. Зашел в огромный центральный зал. Сотни людей и как среди них найти раввина? Начал я спрашивать людей, внешне похожих на евреев. После нескольких попыток я все таки нашел раввина. Он просто ходил по залу, не имея никакого определенного ему места. Он мне за некоторую плату дал нужную справку. С этой справкой мы снова с Бобой пришли в суд и нам выдали решение, о признании Дудла мертвым. Вот такое важное мероприятие я совершил, будучи проездом в Москве.

Мама о моей демобилизации и конце войны

19 ноября

Есть такая поговорка: «Одна беда идет и другую за собою ведет». Только-только Фима ушел в армию, как на нас навалилась другая напасть.

Хозяйка заявила, что ей нужна наша комната. Нужно было искать новое жилье, а мы даже не знаем как это делается, да еще и без языка. И снова нас выручила наша ангел-хранитель. После первого знакомства мы с ней не прерывали связь и, как говорится, дружили домами. Она жила на нашей улице Янги Дехкан (Новые крестьяне) и мы к ней ходили в гости, а она к нам. Она сравнительно быстро нашла для нас комнату на улице Конституции №94. Двор принадлежал когда-то большому богачу.

В этой комнате мы прожили до возвращения в Харьков. Комната была большая, светлая. В комнате было несколько красивых ниш, выполненных в восточном стиле. Через весь двор в виде беседки рос виноград. Так красиво, когда над твоей головой висят большие, налитые янтарным соком, гроздья винограда. От этой красоты глаз не оторвать.

Дети виноград не трогали.

Во второй половине дома (в доме две большие комнаты) жила хозяйка с маленьким сыном. Сын ее дружил с Леней. Саму хозяйку мы звали Апа — сестра. Она редко бывала дома. У нее свои дела в кишлаке. В этом дворе нам вольно жилось. Мы красили и сушили прямо во дворе и никто нам не указывал. Что может быть лучше?

Геня уже человечек. Ему скоро год. Он ангельски красив. Розовый, пухленький с красивой кудрявой шапкой волос цвета соломы. В Старом городе наша улица — центральная, и по ней ходят узбеки на базар. Многие из них при встрече предлагают мешки риса за баранчика, то есть за ребенка. Сам же «баранчик» живет не на земле, а у Лени на шее.

Дети уже владеют узбекским языком, в особенности Леня. Как-то сосед сказал о Лене, что он так ругается по-узбекски, как ни один его сверстник. Он на улице приобрел власть атамана. Но эта власть досталась ему не легко. В первые дни местные мальчишки над ним издевались и даже несколько человек собирались утопить его в большом арыке. Теперь и я уже приобрела славу и меня величали «ая Ления», то есть «мама

Лени». И, несмотря на свое атаманство, он был очень отзывчивым и добрым ребенком. На нашей улице размещался детский интернат. Вначале местные ребята издевались над этими детьми, но Леня добился того, что их перестали задевать. Однажды он привел мальчика старше себя по возрасту из интерната и попросил его накормить за счет уменьшения своей порции. Мальчик был счастлив!

Жизнь наша идет по заведенному порядку. Я шью, мама продает наш товар, а Леня ей подносит, чтобы у нее, в целях безопасности, не было на руках слишком много платьев. Несмотря на свои забинтованные руки, Аврумарн научился мастерски чинить галоши. А галоши местное население носит и летом, на босу ногу, и зимой. Так что заказами он обеспечен. Он так наловчился в этой профессии, что мог из двух пар галош сделать одну или увеличить размер галош на пару номеров. Если Леня у мамы был подносчиком товара, то у Аврумарна он уже был продавцом. На мешке Леня раскладывал продукцию Аврумарна, так как он из-за своих больных рук торговать не мог. Не раз Леню обворовывали, но делать было нечего.

Долго относительное счастье длиться не может. И скоро беда пришла в наш дом. Было время плодоношения тутовника (шелковицы). Леня залез на одну из шелковиц и наелся там вдоволь, нарвал еще и накормил шелковицей Геню. Через некоторое время Леня обнаружил, что у него очень большой живот. Он испугался и побежал к маме, так как я уже была полностью поглощена случившемся с Геней. Чем мама лечила Леню я уже не помню, но у него благополучно все прошло. А вот с Геней случилась беда. Он беспрерывно рвет и поносит. Ни я, ни мама не знаем, что делать. Схватила ребенка и побежала в детскую больницу. А бежать было далеко, в Новый город. Бегу и вся мокрая от рвоты и кала ребенка. В больнице нас с Геней тут же уложили и началось лечение. Но длительное лечение было безуспешным и я невероятно страдала от того, как мучился ребенок. В первые дни болезни Геня все еще был ангельски красив. Особенно была красива головка в золотых локонах, как будто завитых парикмахером. Лечащий врач была просто влюблена в него и лечила его всеми доступными средствами. Тогда уже появился пенициллин. Он был очень дорогим, но врач его не жалела для малыша. Однако все было бесполезным. Никакого улучшения. Врач решила влить ему донорскую кровь. За кровь я заплатила, но влить ему ее так и не смогли. Говорили, что у ребенка очень тонкие вены, а может у сестер была недостаточная квалификация. Геня сильно исхудал и видно было, что он погибает. И все же врач пыталась сохранить его былую

красоту. Она мне предложила сшить ему из марли шапочку, чтобы его не стричь.

Лежала я в больнице долго. Палата была большой и в ней лежали малыши вместе со своими мамами. Мамы спали на полу у кроватей своих детей. Я по возможности пыталась побольше спать, чтобы не чувствовать постоянного голода. Нам ежедневно выдавали по 200 грамм хлеба. Многие, не такие голодные, делили этот хлеб на два три раза, я же не в силах была это сделать и съедала весь хлеб сразу. Если выдавали хлеб, когда я спала, то соседки меня не будили, чтобы я тут же не съела хлеб.

Вход в больницу, во избежания переноса инфекции, был запрещен, но только не для Лени. Он находил всякие лазы в стене и, распластавшись на земле, пролазил к нам. Однажды, во время своего нелегального посещения, он рассказал мне о подслушанном им разговоре Аврумарна с мамой. Он сказал ей, что из-за одного ребенка не стоит губить всю семью. В это время мама действительно от постоянного голода стала опухать. А только мое шитье позволяло семье как-то выжить. Этими горестными известиями я решила поделиться с врачем — больше не с кем было. Врач вошла в мое положение и сказала, что с завтрашнего дня в больнице объявляется карантин и меня с ребенком уже не выпустят. Я вышла из больницы, а соседки по палате передали мне Геню через забор. К вечеру я уже была дома.

Дома дела были такие же плачевные. Посоветовавшись с мамой, решили, что надо что-то предпринять с малышом. Мама, осмотрев Геню, посоветовала начать подкармливать его затирухой, так как другого выхода не было. Как решили, так и сделали. Вспомнили совет профессора Дайхеса, который лечил Леню, когда он тоже был плох. Тогда он Леню поставил на ноги. Начали подкармливать Геню от одной ложечки до десяти, а потом давали ему сколько он хотел. Завязался кал, прекратилась рвота и ребенок стал поправляться.

Одновременно с болезнью Гени болел поносом и Аврумарн. А тут еще невыносимое обострение псориаза и, в особенности, на руках. К Аврумарну пригласили врача, выходца из Польши. Он посоветовал давать ему тертые яблоки. Я варила ему рис и тертые яблоки и скоро стул у него восстановился. Жизнь стала немного легче.

И снова беда.

Конец августа 1943 года. Получили письмо от Фимы из офицерского училища, в котором он нам сообщил, что их досрочно рядовыми направляют на фронт. Когда это будет, не написал. Все поезда, которые следуют на север из Намангана,

проходят через Коканд. Авдеевы, сын которых приятельствует с Фимой, долго дежурили на станции, но безрезультатно. Теперь я уже стала настоящей солдатской матерью, сын которой находится на фронте. Наступило время тревожного ожидания писем. Почтальон стал главным человеком. Мы его всегда ожидали с надеждой и тревогой. Или, к счастью, письмо, или, не дай Бог, — похоронка. Пришло время тревог и волнений. Мы с еще большим интересом читали сообщения с фронта.

Наступило 19 ноября 1944 года. Почему эта дата запомнилась так четко, несколько ниже.

В этот день мальчику хозяйки делали обрезание. Узбеки — мусульмане. И если по иудаизму мальчику делают обрезание на восьмой день жизни, то у мусульман в 13 лет. *(Привожу дословные слова мамы: «У мусульман этот обычай сохранен, а у евреев нет. Гене обрезания мы не сделали)*.

По поводу этого обряда небольшой экскурс в нашу семейную историю. В нашем дворе на Змиевской улице было несколько соседок, но я дружила только с Тасей и Нюсей. В особенности с Нюсей. Тася была бездетной простой русской женщиной, а Нюся была еврейкой. До переезда в Харьков они жили в городе Золотоноша. Мужа ее звали Соломон Владимирович, а я его звала Соломон-мудрый, каковым он в действительности и был. Нюсино имя по паспорту было Анна Абрамовна. Мы с этой семьей дружили, а после войны переписывались, так как они жили после эвакуации в городе Черкасы, тоже на Украине. У этой семьи было двое детей.

Старшего сына звали Дуська, а совсем маленькую девочку звали Феничкой. Феничка была очень серьезной девочкой, а Дуська был плаксивым мальчиком и года на четыре младше Лени. Вот этот Дуська прибегает к своей маме с плачем: «Почему у Лени пипка раздетая, а у меня одетая?» Лене в 1934 году обрезание мы еще сделали.

Вернемся к дате 19 ноября. Как я уже писала, на празднике обрезания было много вкусной еды, но у меня почему-то не было аппетита. В это время мы уже не голодали, слава Богу и машинке Зингер, но ощущение голода не проходило.

Меня не покидало чувство тревоги за Фиму.

До этого мы довольно регулярно получали письма от Фимы с фронта, а тут длительный перерыв. Почтальон не несет нам долгожданных писем-треугольников. Пару раз сходили с Аврумарном к Авдеевым, но они нас только утешали добрым словом. Даже доброе слово поднимало настроение и легче становилось на душе.

И вот то, чего мы боялись, произошло. Почтальон принес

письмо от Фимы и, в тоже время, как бы не от него. В письме невероятное количество ошибок, даже в адресе и моей фамилии. В письме он написал, что ранен в голову и что опасность миновала. На этот раз мы с этим письмом снова бросились к Авдееву. Увидев у меня письмо, он обхватил меня и начал кружиться со мной по комнате, все время приговаривая, как он рад, что Фима живой. Что же касается бесчисленных ошибок, так это естественный результат контузии и что такое состояние быстро проходит.

Усадив нас к столу, он рассказал то, чего он раньше нам не говорил.

Некоторое время тому назад он получил письмо от своего сына, в котором тот написал, что Фима убит осколком в голову, и что они с другим солдатом бросили его на подбитый танк, уходивший в тыл, чтобы не оставить на поле боя. Он долго искал случая встречи с Аврумарном, чтобы ему, мужчине, рассказать о письме сына. А раз получено письмо, собственноручно написанное, хоть и с ошибками, то значит Фима будет жить.

(Дорогие мои дети, Лена и Виталий!

Это случилось 19 ноября 1943 года во время боя под городом Мишкольц, Венгрия.

Шел бой. Нас обстреливала немецкая артиллерия и все время свистели пули от работавшего пулемета. Осколки одного разорвавшегося снаряда раздробили мне череп. Я был бездыханен. Сражение было настолько интенсивным, что один из немецких снарядов даже повредил танк нашего сопровождения в бою. В бою самое безопасное место для солдата — это окоп или ячейка. Если их нет, то солдату следует как можно плотнее прижаться к земле.

Несмотря на это, пренебрегая опасностью для своей жизни, Саша Авдеев и Саша Машенцев оторвались от земли и понесли мое бездыханное тело к уходящему в тыл подбитому танку. Это было проявление такой дружбы, какая бывает только на фронте.

Ранение мое было таким, что оставь они меня на месте, я бы точно не выжил. Так что живу я и, следовательно, появились и вы благодаря моим фронтовым друзьям Саше Авдееву и Саше Машенцеву. Помните их!).

Но самое удивительное то, что Фима был ранен именно 19 ноября, в тот день, когда меня пригласили на празднование по случаю обрезания сына хозяйки. Что значит мать! Ранение сына я чувствовала на расстоянии 5 тысяч километров. Вот почему мне не лезли в рот все эти замечательные праздничные блюда.

Как я уже писала выше, мы уже не голодали благодаря Богу

и машинке Зингер, которую я крутила от зари до зари, а иногда и ночами. Мизинец и безымянный пальцы правой руки у меня изогнулись, а деревянная ручка машины в одном месте протерлась до основания. Мы даже не задумывались о том, чтобы купить ножную машину, так как у нас на это не было денег.

Осень. Сейчас сезон не платьев, а стеганных курток (их называли фуфайками или телогрейками) и брюк. Для фуфаек моя машинка не годится, следовательно надо шить брюки, в народе их называют — штаны. А как их шить? Пришлось идти к нашему благодетелю-молочнику за советом.

Сосед говорит, что узбекские мужские штаны, это наподобие мешка, сшитого посредине с прорезом, чтобы пропустить ноги. Чем материал грубее, тем лучше. Сам он такие брюки не носил, но другие носят.

И мы приступили к пошиву брюк из любой плотной ткани, включая брезент. Наши брюки пользовались спросом.

Хочу описать проблемы, с которыми мы сталкивались в повседневной жизни.

Много денег у нас уходило на топливо. Кроме дров, которые были редкостью, основным топливом были сухие стебли джугары, которые похожи на стебли подсолнуха, но тоньше. Кроме отопления зимой много топлива уходило на крашение тканей, на нагрев ванночек с водой для больных рук Аврумарна и т. д.

Узбеки воду для питья брали из арыков. Вода в арыках — это талая вода с гор. В этой воде отсутствует йод, поэтому у пьющих эту воду людей развивается зоб — стойкое увеличение щитовидной железы. У некоторых стариков эта железа имеет ужасающие размеры и свисает прямо на грудь. *(Отсутствие йода — это еще не самое страшное. Во многих дворах, вдоль которых протекает арык, как бы на консолях построены были уборные. А другие люди, на десяток метров ниже этой уборной, брали воду для питья).*

Мы брали воду только из колодца. Колодец находился далеко и воду носил в ведрах Леня. Мы эту воду кипятили и только такую воду использовали для питья и приготовления пищи.

Легче стало и с питанием. У нас завязалась дружба с продавщицей хлеба — Абахан-апа (хлебным гением). Я для нее кое-что шила. По ее указанию сторож ее киоска приходил к нашей калитке и извещал нас, что хлеб привезли: «Нон кильды». Теперь уже хлебные карточки у нас не пропадали.

Мама познакомилась с женщиной, которая продавала кусочки мяса, и она нам эти кусочки выгодно продавала.

Что же касается соседа, который нам продавал молоко, то для благодарности ему у меня не хватает слов. Позже, когда мы

собрались возвращаться в Харьков, он единственный уговаривал нас не делать этого. «Зачем вам возвращаться в разоренный войной край? У нас вы уже обжились, да и мы к вам привыкли и будем за вашей семьей скучать».

Кроме того, мы получали овощной паек за Фиму. *(Об этой привилегии для родителей военнослужащих я узнал только сейчас, читая эти мамины записки).*

Паек этот состоял в основном из зеленых помидоров, но мы были рады и этому. В очереди за этим пайком Аврумарн встретил свою племянницу Маню, дочь своего брата Юкла.

Муж Мани был офицером и она получала за него и паек, и деньги. Помидоры она отдавала нам. После войны она к нам приезжала в гости в Харьков. А потом исчезла. В беде как-то поддерживали родственные отношения, а после войны потерялись.

Мы уже, по местному обычаю, пекли лепешки из муки с добавлением жмыха из семян хлопка.

День рождения Фимы 6 февраля 1945 года мы решили отпраздновать улучшенным обедом. Мама, на удивление всем, принесла с базара небольшого живого карпа. Я его приготовила как в былые времена. Праздничный обед был как в сказке. В Узбекистане в это время разгар весны и цветет урюк (абрикос). Какая это красота! Рано утром видны сказочно красивые снежные горы, которые стоят, как неподвижные бело-серебрянные облака. В особенности они красивы на восходе солнца, когда снежное покрытие имеет бледно-розовый оттенок. Такой красотой не налюбуешься!

А по улице в это время люди верхом на ишачках (ослах) спешат на базар. Первое время было смешно смотреть, как на таком маленьком животном сидит огромный мужчина, а ноги его едва ли не волочатся по земле. Кроме того всадники и всадницы обвешаны мешками с продуктами на продажу, да еще на коромысле висят пиалы с каймаком (сметаной). А женщины в парандже с привязанным сзади ребенком. Очень красивы также всадники и всадницы на верблюдах. Очень красивая страна. Да и люди в это тяжелое для нас время отнеслись к нам с большим пониманием и сочувствием.

Фима демобилизовался

В начале марта 1945 года к нашей неописуемой радости домой вернулся Фима. Его демобилизовали по тяжелому черепному ранению и в госпитале ему установили инвалидность.

Ему надо было начинать жизнь с чистого листа.

Посоветовались, как всегда, с Авдеевым. Он посоветовал Фиме поступить на курсы бухгалтеров, так как он сам был бухгалтером. Фима так и сделал. Проучился он 3 месяца и получил диплом бухгалтера.

Как только Фима вернулся из армии, он, глядя на мою искалеченную беспрерывным вращением рукоятки машинки руку, настоял, чтобы мы, не взирая на затраты, купили ножную швейную машинку.

Мы послушались и пошли с мамой на базар. Ножных машинок было много, но нам они были не по карману. На обочине базара стояла швейная машинка в очень плачевном состоянии. К тому же она еще была сборной. Станок зингеровский, сама машинка подольская *(В СССР швейные машины выпускал завод в городе Подольск, в Подмосковьи)*, а доска машинки самодельная и испещрена пятнами от затушенных окурков. Женщина, которая продавала машинку, сказала нам, что это машинка ее покойного мужа, сапожника, и что он даже шил на этой машинке кожаные заготовки для обуви. Что нас соблазнило, так это цена 1000 рублей, которую просила женщина за эту машинку. Такие деньги у нас были и за эту сумму можно было приготовить всего 3 супа. Но пригодна ли она для работы ни я, ни мама представления не имели. У мамы на базаре была знакомая женщина-узбечка, которая тоже шила и продавала. Ты женщина шила на ножной машинке. Вот эту женщину мама и попросила испробовать предполагаемую нашу покупку. Женщина сделала пару строчек и сказала: «Якши». То есть хорошая. Эта же женщина научила меня и Фиму как надо шить на нашем замечательном приобретении. Ох, какое это счастье было шить на этой машинке. Легко берет материал любой толщины. Шитье на ней было даже не работой, а удовольствием. Я даже сейчас, спустя более чем тридцать лет, не забыла вдохновения от работы на ней. Ноги себе играючи крутят педаль, а руки свободны и направляют строчку куда надо, так что даже мелка не требуется и, что замечательно, — не рвет нитку. У меня была такая радость в душе, что мне хотелось шить и шить и даже петь.

В таком приподнятом настроении, я подвожу итог нашей длинной ночи.

Раз мы выжили, значит нам не так уж в край было плохо. На фоне тех 17 тысяч смертей среди эвакуированных в городе. К тому же погибло множество людей среди местного населения. Муж нашей добрейшей татарки, которая нас опекала с первого дня приезда в Коканд и дважды находила для нас жилье, умер от брюшного тифа. Выжили и слава Богу, да к тому же Фима, хоть

и тяжело раненный, вернулся домой. А сколько солдат не вернулось?

(В феврале 1945 года меня демобилизовали из армии по инвалидности 2-ой группы. В марте я, к общей радости семьи, вернулся домой в Коканд.

Только став отцом и дедом, могу себе представить радость от моего возвращения, когда большая часть фронтовиков осталась там, на полях сражений.

Кроме помощи родным (я сшивал чашки лифчиков), надо было еще чем-то заняться. Я узнал, что в городе с сентября прошлого года работают бухгалтерские курсы. Я пошел на разведку. Директором курсов был высокий, худощавый старик аристократической внешности. Побеседовав со мной, он посоветовал включиться в учебный процесс. Он был уверен, что за 2 оставшихся месяца я нагоню по знаниям остальных учащихся. Я его послушался и в июне получил удостоверение промышленного бухгалтера.

Интересна судьба этого директора. В 1936 году он был главным бухгалтером всесоюзной парфюмерной фабрики «Красная Москва». Когда в 1937 году над ним, как и над многими другими начали сгущаться тучи предстоящего ареста, он, по совету одного из высших руководителей страны, поднялся и уехал в Среднюю Азию, в Коканд. И правильно сделал. Не прошло и полгода, как все его друзья были арестованы и осуждены. Здесь, в Коканде, он пережил годы репрессий.

После моей демобилизации родители начали готовиться к возвращению в Харьков, который был освобожден от немцев еще осенью 1943 года. Власти придерживали людей от возвращения в разоренные города. Не было ни работы, ни жилья. Однако, благодаря моей инвалидности, мы получили разрешение на возвращение в Харьков.)

1945 г. Я (справа) после демобилизации из армии с братьями Леней (слева) и Геннадием

Конец войны

Утро 9 мая было обычным, как и все предыдущие. Но вот во двор влетает женщина с криком: «Победа! Победа!»

Мы все выбежали на улицу. А там царит необычайное многолюдье и веселье. Узбеки и узбечки, дети и старики, празднично одетые, кто пешком, кто на ишаках, все двинулись праздновать на базар. К этому веселому шествию присоединилась и вся наша семья.

На базаре уже играл узбекский национальный оркестр. Веселье длилось до поздней ночи.

А затем наступили будни без войны.

Нас потянуло в Харьков. Но что там осталось после двух нашествий фашистов за одну войну? А наша квартира разве нас ждет?

Но ехать надо. Этот климат и вода не подходит Аврумарну. Он все время страдает поносом. Да и детей надо серьезно учить, что невозможно при нашей жизни на окраине узбекского города.

Чтобы вернуться домой, нужен вызов. Власти утверждают, что освобожденные и разоренные города, не могут принять множество желающих вернуться. А где взять вызов*? (Вклиниваюсь со своим воспоминанием. Это разрешение на возврат в Харьков с большими трудностями я получил в военкомате, ссылаясь на свое*

черепное ранение, и что мне вредно жить в таком жарком климате).

Когда соседям-узбекам стало известно, что мы собираемся возвращаться в Харьков, многие нас отговаривали. Особенно сильно нас отговаривал наш добрый сосед-молочник: «Куда вы едете в разрушенный войной город? Что вас там ждет и кому вы там нужны? А здесь вы уже прижились, у вас работа, которая дает вам возможность прилично жить, да и мы к вам уже привыкли. Мы будем за вами скучать».

Мы начали собираться в дорогу и паковаться. Как ни странно, у нас в дорогу образовался большой груз. И даже стыдно сказать из чего этот груз состоял.

Самым ценным у нас была ножная швейная машинка, так как и в Харькове мы надеялись, что она нам еще послужит. А где взять такой ящик, который бы выдержал такую длинную дорогу? Голь на выдумки хитра! У нас был довоенный стол из толстых досок. Вот мы обрезали края стола и из него, как из надежного каркаса, сбили ящик. Головку машинки окутали нашей периной. Нашу давнюю кормилицу, ручную машинку, закутали в подушку. Эти две швейные машинки нам пригождались и в дальнейшем. Ножной я пользовалась до самого отъезда в Америку. А ручную, когда мы оказались совсем без денег, продали соседке за 300 рублей, которые в тот момент нас сильно выручили. Ценной, как нам казалось, была часть большого шерстяного ковра. Остальные вещи набили в мешки. Только ящик с машинкой отправили малой скоростью, а остальные вещи тащили с собой.

Когда я пишу эти строки о нашем багаже, спустя много-много лет, перед моим взором стоит совсем скромный предмет. Я этим предметом пользовалась всю жизнь и принимала его как данность не задумываясь о нем самом, хотя эта вещь для меня очень памятна. Это **чугунок** древней формы, который мне достался в наследство от моей дорогой бабушки Эстер. Я точно знаю, что это чугунок бабушки Эстер, но как он ко мне попал не помню. Он такой формы, что в русскую печь вводился специальным приспособлением, которое называлось «рогач». Сколько он вкусных блюд у бабушки знавал. После смерти бабушки он перекочевал к маме, которая и привезла его в Харьков из Добровеличковки.

Теперь я снова везу его в Харьков и не как реликвию, которой больше ста лет, а как необходимую вещь.

В Харькове, хотя его не вдвигали в русскую печь, он и на плите прекрасно выполнял свои функции. Когда надо было, чтобы вода быстро закипала, я его вставляла внутрь плиты,

предварительно сняв все кружки с конфорок. Обычно же я его устанавливала на все кружки конфорок. *(Для совсем молодых. Верх кухонной плиты представлял собой чугунную плиту, толщиной 10—15 мм. В ней, обычно, имелось два круглых отверстия, в которые вставляли кастрюли или казанки, чтобы они находились в зоне горения. В нерабочем состоянии эти отверстия закрывались несколькими концентрическими кружками. Кружки, в зависимости от диаметра кастрюли, вынимались с таким расчетом, чтобы она попадала в зону горения).*

С его помощью вода закипала с меньшим расходом топлива, а чтобы не пригорало, нужно было особое умение. Вернувшись с нами в Харьков, этот чугунок еще долго служил мне пока была большая семья. Когда семья уменьшилась, надобность в нем отпала. Его бы надо было выбросить на металлолом, но у меня рука не поднималась, и я отправила его в нейтральную зону — в дальний угол кухонного шкафчика. И все же, в праздничные дни, когда, мне на радость, собиралась у меня вся семья, я его доставала из этого укромного местечка и готовила в нем фаршированную рыбу, которой восхищалась вся моя родня.

Вот так я отклонилась от повествования, чтобы рассказать вам какую ценность мы возили с собой из Добровеличковки в Харьков, а из Харькова в Коканд и обратно.

(К этим запискам мамы о кухонной семейной «реликвии» хочу добавить кое-что и я. В этот раз мама везла уже не из города в город, а из Украины в Америку кое-какую кухонную мелочь, которая ей здесь очень пригодилась. А после ее смерти эта мелочь исправно служит и нам. Особенно Лиля довольна обычной алюминиевой ложкой с дырочками в виде дуршлага. Как ни странно, но я помню «историю» этой ложки. Сразу после возвращения из эвакуации мама заказала у знакомого ремесленника эту кустарную ложку с дырочками. В послевоенные годы наиболее распространенной едой была лапша, которую она сама делала. Вот этой ложкой мама извлекала лапшу из кипятка. То есть этой неказистой кустарной ложке более шестидесяти лет).

Часть IV. Домой — в Харьков

В этой части приводятся мамины и мои воспоминания о тяготах нашей послевоенной жизни в Харькове, моей учебе и женитьбе.

Записки мамы о тяготах послевоенной жизни

Наконец, мы двинулись в дорогу. Пересадка в Ташкенте. А там в зале ожидания тьма-тьмущая народа, ожидающего посадку на поезд. Так как до нашей посадки было еще далеко, я решила хоть из окна трамвая посмотреть на город. Проехала по кольцевому маршруту, но мало что увидела.

Поездка домой была не столь длительной, как в эвакуацию, но все же долгой. Ехали мы в обычном плацкартном вагоне, в тесноте.

На больших железнодорожных станциях нам выдавали неплохой хлеб и даже иногда горячее. Я в душе даже хотела, чтобы эта поездка длилась как можно дольше, так как мы снова ехали в неизвестность, в разрушенный войной Харьков.

(От этой поездки мне запомнилась неимоверная теснота в вагоне. Я себе оборудовал спальное место под нижним трехместным сиденьем. Почти такое же, как в общежитии в Ташкенте под стульями корейца. Написал и подумал: вот я написал «корейца», а если бы кто-то другой написал «под стульями еврея» или еще хуже «жида». А как правильно?)

Куда же мы ехали? Втайне мы надеялись вернуться в свою оставленную квартиру. Наконец, мы выгрузились в Харькове. Харьков действительно был сильно разрушен войной.

Когда мы пришли в свой двор на Змиевской улице, то оказалось, что, как и следовало ожидать, наша квартира была занята нашей бывшей соседкой, и добровольно выселяться она не хотела. Пришлось подать в суд, так как другого выхода мы не видели.

Надо было временно где-то остановиться. В эвакуации были эвакопункты, где можно было некоторое время переждать, а тут их не было.

Единственное, что у нас было, — это адрес сестры жены Абрама Нины, которая уже успела вернуться в Харьков. Сестру звали Шура, ее мужа-портного звали Федя. У них была старшая дочь Сара и младший сын Фима. Жили они на Ващенковском переулке номер 6 в частном доме. И мы временно остановились у них. Хозяин дома — татарин, — жил отдельно, а комнаты сдавал в наем. Нам и в этот раз очень повезло. Рядом с комнатой Шуры пустовала полуразрушенная войной большая комната с четырьмя окнами. Два окна смотрели на переулок, а два окна во двор. Дом был деревянным срубом, но был обложен кирпичом.

С хозяином мы быстро сговорились на условии, что отремонтируем комнату.

Аврумарн прямо сразу устроился снабженцем-лесозаготовителем в научно-исследовательский институт имени Мечникова. При поступлении на работу было оговорено, что институт поможет материалами для восстановления комнаты. Аврумарн в институте получил стекла и мы сразу застеклили окна. Мы комнату помыли, вытерли пыль, которая собралась за несколько лет пока квартира пустовала, да еще и без стекол в окнах. После такой косметики комната стала пригодной для жилья. Но оставалось большое неудобство, потому что нам надо было проходить через комнату Шуры.

Почти сразу прорубили дверь вместо одного из окон и организовали выход во двор. Так мы разрешили еще одну бытовую проблему.

Крыша в доме была металлической, но вся в дырках. Во время дождя нас просто заливало. Но и эту проблему Аврумарн с Фимой быстро решили.

(«Латание» происходило следующим образом. Папа с грудой тряпок и ведром с масляной красной краской (крыша была выкрашена когда-то в красный цвет) находился на крыше. Сверху маленьких дырок не видно. Для выявления их нужен был другой человек на чердаке. На чердаке свет проникал через даже малейшие дырочки. У меня была соломинка. Я эту соломинку просовывал сквозь отверстия. Соломинку обнаруживал папа и на это место укладывал обильно смоченную краской тряпку и как можно лучше расправлял ее. Залатанная таким образом крыша долго в этом месте не пропускала воду).

Можно было жить.

Но пришло время суда по нашему квартирному спору. У соседки, занявшей нашу квартиру, мужа убили на фронте. Мы судились за возврат нашей законной квартиры и нашей мебели.

Какой-то чиновник в суде сказал мне, что закон о возврате квартир распространяется только на лиц мобилизованных из этой квартиры. По его словам Фима не подпадает под этот закон, так как он был призван в армию в Коканде.

(Вот тот случай, когда мы сделали ошибку, не посоветовались с адвокатом. Уже значительно позже я узнал, что чиновник сознательно или несознательно, меня дезинформировал. В законе есть поправка для лиц, которые в момент оккупации не подлежали призыву, в том числе по возрасту. То есть закон по возврату квартир после оккупации распространялся и на меня).

Учитывая этот факт, а так же то, что комната на Ващенковском переулке была лучше, чем наша довоенная

квартира, да и место ее расположения было лучше, мы прямо в суде заключили мирное соглашение. Квартира остается за соседкой, но она возвращает всю нашу мебель.

Она нам вернула обе кровати, платяной шкаф, которым я и сейчас пользуюсь и даже электрический счетчик. Единственное, что она не вернула, так это наш обеденный стол, который она сожгла во время оккупации. Действительно, в этом столе было много дерева.

Позже с помощью материалов института мы соорудили тамбур, а под ним еще и погреб с проходом в подвал дома.

Во дворе у нас был сарай для топлива и дворовая уборная. Итак, с жильем у нас все, слава Богу, наладилось. Жизнь, как зебра, состоит из белых и черных полос.

Только все, как будто наладилось, как сразу заболевают скарлатиной все трое моих детей. Подумать только! Детской болезнью, скарлатиной, заболевает Фима, только что вернувшийся из армии. Осмотрев больных, районный врач посоветовал обязательно положить в больницу Фиму и Геню, а Леня может перенести болезнь дома.

Но как их доставить в больницу? Теперь мы знаем о машинах скорой помощи, в конце концов есть личные машины и такси. А тогда? Аврумарну в институте дали подводу, с запряженной в нее огромной немецкой лошадью. Положили больных на подводу и повезли в нашу больницу в районе заводов. Там нас не приняли и направили в инфекционную больницу в совсем другом конце города. Попутешествовав с больными три часа, мы наконец сдали их в детскую инфекционную больницу.

(Когда нас оформляли встал вопрос в какую палату нас поместить вдвоем. Дело в том, что больница детская. Палаты были детскими и взрослыми. По возрасту Гене полагалась детская, но так как мы были вдвоем, то нас определили во взрослую. Я был доволен. Но на деле оказалось, что это не совсем хорошо. В детских палатах лежали малыши обоих полов, а во взрослых палатах девочки и мальчики лежали отдельно. Так что в моей «взрослой» палате самому старшему малышу было лет десять).

Дети болели по-разному. Геня болезнь переносил легче, чем Фима. Скарлатина ведь болезнь детская и дети ее переносят легче. Фима в больнице был единственный в его возрасте и болел тяжело с высокой температурой. Ему сделали укол в ягодицу, который осложнился и перешел в нарыв, который пришлось хирургически вскрывать.

Их палата была на первом этаже и я, маскируясь веткой дерева, могла их видеть. Я приносила хорошие передачи и Геня стал поправляться, как на дрожжах.

(В больницах в СССР всегда плохо кормили. И все, кто мог, носили еду больным из дому).

У него был прекрасный аппетит. Кровати его и Фимы были рядом и у них была общая прикроватная тумбочка, куда Фима укладывал мои передачи. Часто Геня ночью вставал, садился на пол, доставал что ему понравится из тумбочки и ел. Фима, конечно, видел его вылазки, но делал вид, что спит. Получив передачу, Геня и днем обращался к Фиме: «Фима, братик, ты не хочешь, так давай я съем».

Когда их выписали, Геня был как после санатория, а у Фимы — еле душа в теле.

Не успела закончиться эта беда, как на нас свалилась следующая. Явился претендент на нашу комнату.

Мы естественно не согласились и предъявили акт о полном восстановлении комнаты. Начались ссоры и оскорбления. Мы, естественно, боролись всеми силами, включая инвалидность Фимы, но, казалось, сила и закон были на стороне претендента. Дети были так напуганы, что при звуках шагов у дверей прятались под кровать.

На нас снова навалилась большая неприятность. От своей квартиры по незнанию мы отказались, а эту реально можем потерять. А где в разрушенном войной городе найдешь квартиру на нашу семью из шести человек?

Такие спорные дела должно был решать райжилуправление. А чтобы попасть к председателю очередь была такая, что у меня не хватает слов, чтобы ее описать. Она была и больше и более воинственна, чем очереди в эвакопунктах. На ум приходит очередь к председателю в эвакопункте Коканда. Там люди в очереди были пришибленные своим горем и спокойно ждали своей очереди, чтобы попасть в ближайший колхоз, который милосердно соглашался их принять.

В этой же очереди все люди, как один, были нервными, озлобленными и в спорных случаях готовы были пустить в ход свои кулаки или костыли. Несмотря на то, что я стояла в своей законной очереди, неоднократно слышались угрозы в мой адрес. Меня тянут из очереди, а я ухвачусь намертво за все, что было под рукой, и не даюсь. И так длилось с десяток дней и ночей. Но всему приходит конец.

Я попадаю в кабинет председателя по фамилии Однопозов. **Это был дивный человек**, не считавшийся со своим временем. Он принимал посетителей до глубокой ночи. *(Это был демобилизованный офицер — инвалид войны, кстати, тоже еврей. Интересно, как сложилась его карьера, когда начался космополитизм, дело врачей и т. п. Ведь дело это, хоть*

и называлось «делом врачей», а касалось всех, абсолютно всех евреев, независимо от их служебного и даже партийного положения).

К приему у председателя я была хорошо подготовлена юристом, который и составил нам акт о восстановлении квартиры.

Однопозов внимательно изучил мои документы и надолго задумался. Затем он сказал: «Я хочу ваш вопрос решить на месте и совместно с претендентом. Приду к вам в шесть часов утра».

Стояла уже зима, но претендент пришел намного раньше назначенного времени. Во время ожидания Однопозова он замерз, — было слышно, как он бьет одну ногу о другую, — но в комнату не просился. Ровно в шесть пришел Однопозов. Осмотрев нашу комнату и семью, говорит претенденту: «Вот что товарищ. Вы оба воевали и имеете привилегии. Но передо мной семья в шесть человек, а ваша из трех. Мне для троих человек легче найти квартиру, чем для шести. Даю слово, что в самое короткое время найду жилье для вас. И прошу прекратить свои угрозы этой семье и оставить ее в покое».

Вот такие люди были в то тяжелое послевоенное время. И, действительно, этот претендент был опасной личностью, но нас он оставил в покое. Спасибо тебе, дорогой Однопозов.

А в дальнейшем наш претендент по фамилии Луговой, оказался очень опасным человеком. Между собой мы его звали «дер васер», то есть белогвардеец. Как-то он пришел со здоровым, как и он сам, приятелем и безо всяких слов выбросил на улицу семью из трех человек с мебелью из соседней комнаты в нашем доме. В дальнейшем мы от нашего хозяина дома узнали, что этот Луговой не имел права претендовать на жилье в нашем доме. Так как справку о том, что он до войны жил в этом доме, он получил с помощью угроз.

Сам же Луговой в приватной беседе с Аврумарном гордился тем, что он член партии, что он культурный человек, что читает газеты и даже ходит в баню. Вот таких сволочей было множество.

Снова беда нас припугнула, но обошла.

Надо было приняться за благоустройство нашего жилья. В комнате было холодно, несмотря на то что нам плиту сделал хороший печник. Сколько не топи, а в комнате холод и из окон капает. Надо срочно делать тамбур, так как мы входили в комнату прямо со двора.

В институте Аврумарну выделили бревна для постройки тамбура. Пока мы искали плотника, бревна сложили под окном. Так как лес был в большой цене, мы боялись за сохранность

бревен. Несмотря на то, что я сплю чутко, я все же улеглась спать под окном, где лежали бревна. Среди ночи слышу шорох. Выглянула и — о ужас! Из двора уже уходит человек с нашим бревном на плече. Я в одной сорочке выскочила из комнаты с диким криком: «Стой! Неси обратно!». А он несет бревно и уже перешел переулок, а я с криком бегу за ним. Тут выскочили Аврумарн с Фимой и ему пришлось бросить бревно и спокойно уйти.

Вскоре мы пристроили тамбур и в комнате стало теплее.

Время вспомнить добрым словом семью Шуры Дубкиной, так как они, хоть и на короткое время, согласились принять нашу большую семью. Теперь, когда я пишу эти воспоминания спустя много-много лет, я понимаю что мы тогда были не достаточно благодарны этой семье. Что легко дается — не ценится.

Шура и ее муж Федя были очень непохожими людьми. Шура — замкнутая неулыбчивая женщина, а Федя был очень добрым человеком. У него на устах постоянно блуждала какая-то детская улыбка.

У них было двое детей. Старшую звали Ларой. У нее дурные склонности и она совершенно не чтит родителей. Учиться в школе не хочет. Младшему сыну, Фиме, тогда было лет шесть. Время было голодное и он наелся ядовитой травы дурмана, который рос во дворе и заболел. Он долго лежал в больнице на излечении, но от этой болезни так и не вылечился. Он остался каким-то заторможенным. Спустя много лет его все же призвали в армию. Служил он в охране заключенных где-то в Западной Украине. Во время его дежурства заключенные организовали побег и в перестрелке его убили. Вот как бывает у человека — не судьба!

Еще об одной соседке-татарке — вдове с шестью детьми.

Вот эта нуждающаяся женщина занимала две большие комнаты, одна из которых примыкала к нашей комнате и была даже между ними закрытая дверь. Как-то пришла она и предложила, чтобы мы у нее купили эту комнату. А она с семьей будет жить в оставшейся у нее второй комнате. Мы ей не доверяли и поэтому отказали. Она все же пришла второй раз и снова предложила эту комнату, так как ей очень нужны были деньги. Отдельно эту комнату она сдать не могла, так как у нее нет входа. Если мы откажемся, то она будет вынуждена продать обе комнаты, а сама с семьей переселится в сухой подвал под комнатами. Так что она просит нас согласиться. И мы рискнули.

Так нам буквально навязали большую светлую комнату. Мы и думать не могли о таком счастье. В двух комнатах у нас уже

было 40 квадратных метров. Наше жилье в десяти минутах ходьбы от центра города. Еще ближе — базар, аптека и очень удобный транспорт. И это в разрушенном войной Харькове.

Опишу эту комнату, так как она этого заслуживает.

Дверь в комнату татарки заложили кирпичом и побелили. В этой комнате, в двух внутренних углах, были чисто белые кафельные зеркала от двух каминов. Зеркала были от пола до потолка с красивой ажурной отделкой. В комнате было два светлых окна, выходящих в переулок. Правда потолок весь в ржавых пятнах, так как крыша давно текла. Аврумарн крышу быстро починил, но отбелить потолок так и не удалось.

И мы зажили вольготно. Теперь мы уже не теснились.

Вскоре эта татарка снова пришла к нам с просьбой купить или найти покупателя на оставшуюся у нее комнату, так как ей очень нужны деньги, а сами они переселяются в подвал.

Однажды мама встретила нашего знакомого Абрашу Балина, у которого с семьей не было жилья, и он скоро вселился в эту комнату.

(Доброе дело бабушки откликнулось для нас и для меня ответным добром от Абраши. Но об этом позже. Не знаю чем занимался Абраша, но семья его жила всегда в достатке, в отличие от нашей, всегда прозябавшей.

Но сначала о комнате. Мы жили в двух светлых больших комнатах. Комната Балиных была небольшой и полутемной, так как дневной свет проникал туда через окно, выходящее в тамбур. У Абраши была очень красивая, полноватая, но очень больная сердцем жена Рахиль. У них было двое детей. Старшая Белла — ровесница Генки. А потом родился сын Миша.

Абраша и Рахиль делали очень много хороших дел для нас. Но у них сложилась печальная судьба! Сравнительно молодыми умерли Рахиль и Белла. Несколько позже погиб Абраша. Он утонул в маленькой речушке, которую буквально можно было перейти вброд. Это случилось на отдыхе. Переправу с берега на берег осуществлял паром. По какой-то причине паром перевернулся и Абраша, и еще двое утонули, так как не смогли вынырнуть из под него. А сын их, Миша, спутался с преступной группой воров на базаре и несколько раз сидел в тюрьме).

И снова борьба за кусок хлеба

Как мы живем? Опять с нуля. Слава Богу, что квартира у нас хорошая.

Хоть война и окончилась, но жизнь у всех, не только у нас, —

тяжелая. На заработную плату Аврумарна прожить невозможно. Цены на продукты питания растут ежедневно. Пришлось снова приняться за свое. Я начала шить фуфайки, а мама — продавать их на базаре. Одно хорошо, что у меня превосходная ножная швейная машинка.

Дети?

Леня пошел учиться в третий класс. Каждый вновь поступивший ученик должен был принести табурет. В школе сидеть не на чем. У Лени учеба идет туго. Сказалась плохая подготовка в русской школе старого города Коканда. В старом городе все школы узбекские.

Что касается Гены. В нашем районе государственных детских садиков не было. Поэтому, несмотря на наши материальные трудности, пришлось отдать его в платный детский садик.

Лучше обстояли дела у Фимы. Он поступил на учебу в престижный Электротехнический институт. Учится он хорошо и у него появились замечательные друзья. **Хороший круг друзей очень важен!** Это Исаак, с которым он одно время учился еще в 74-й школе. Очень хороший товарищ Виталий, — сын одной из наших районных врачих. И Исаак, и Виталий были участниками прошедшей войны с немецкими фашистами.

Третий друг Фимы — Эрвин всегда вызывал у меня огромное восхищение. Этого еврейского мальчика, жителя Варшавы, застала война с фашистами, когда он гостил у своей бабушки в Литовском городе Вильно. В первый день войны он по настоянию Бабушки (я написала ее с большой буквы) ушел пешком на восток, спасаясь от фашистов. После захвата Вильно фашистами и бабушка, и дедушка его были казнены. Бабушка спасла Эрвина от верной смерти. Судьба забросила Эрвина на Урал. Вот этот одинокий мальчик, не зная русского языка, пережил в диких условиях войну. Продолжал учебу и даже смог поступить в институт, в котором учится Фима. Вот такие у Фимы замечательные институтские друзья!

С тех пор прошло очень много лет, а их дружба продолжается. Я их так люблю, что когда их институтская группа собирается отмечать юбилейные годы окончания института, я всегда с ними. У Фимы даже есть фотографии этих встреч, где и я с его бывшими однокурсниками.

Спустя несколько месяцев после нашего приезда, у нас поселилась семья Кисляновых. Их четверо, так как их дочь уже замужем за польским евреем Мишей. Он портной и специалист по женской верхней одежде. Приехав в Харьков, он тут же устроился на работу по специальности. Что значит иметь хорошую профессию. Лиза стала как и я шить фуфайки, а Исаак

продавать их на базаре, как мама.

Пока мама не возвращалась с базара, я не находила себе места. Продажа новых фуфаек запрещена и милиция за этим тщательно следит, не то что в Коканде, где на это смотрели сквозь пальцы. А тут еще дома две швейные машинки и склад сырья для будущих фуфаек. Прямо настоящая противозаконная артель. Это усиливает нашу тревогу на случай обыска. Мы с Аврумарном в долгу перед Кисляновыми и терпим их пребывание у нас, затянувшееся на несколько месяцев. Однажды маму все же привели в милицию с базара и долго там продержали. Кто-то из милиционеров смилостивился над ней и выпустил. Как я в тот раз перенервничала, трудно описать.

В этих условиях мама была недовольна столь долгим пребыванием у нас Кисляновых и давала об этом им знать. Нам с Аврумарном мамино недовольство не нравилось, но мы были бессильны что-либо изменить.

Наконец-то они, слава Богу, нашли квартиру и съехали. Естественно, они остались нами недовольны. А что можно было поделать, когда их шитье и наше сильнейшим образом усиливало страх перед арестом за противозаконное предприятие.

От их зятя Миши у меня осталась память. Из эвакуации мы привезли с собой мое летнее пальто. Несмотря на то, что оно висело на гвозде на стене (шкафа у нас не было), мыши умудрились прогрызть в нем дырку на плече. И вот Миша пришил своего рода погончики на месте дыры и пальто стало вновь пригодным для носки. Это пальто я еще до сих пор не выбросила.

Несколько слов об известной мне судьбе семейства Кисляновых. В конце сороковых годов советское правительство разрешило бывшим гражданам Польши вернуться на родину. Так как Миша был бывшим польским гражданином, то вся семья Кисляновых туда и выехала. По слухам в Польше выжившим от фашистов евреям было не сладко. Там даже были еврейские погромы и Кисляновы переехали жить в Америку.

Идет 1947 год. Аврумарн продолжает работать в институте, мы с мамой шьем и продаем на базаре, но всего этого не хватает для пропитания нашей семьи. Дошло до того, что мы временами питались вареными картофельными очистками. Год очень тяжелый и голодают многие, в том числе и семья Исаака Давыдова.

Накануне нового 1948 года Исаак предложил нам наладить у нас изготовление парафиновых елочных игрушек. Мы, естественно, согласились, надеясь хоть на какой-то заработок. Откуда-то Исаак принес гипсовые формочки различных зверюшек и даже пионера. Принес он парафин и краски. Наши изделия

пользовались спросом, и мы несколько пополнили свой бюджет. Но, как говорится, «к сожалению, день рожденья только раз в году». Новый год быстро прошел и спрос на игрушки тоже.

Исаак же научил нас и другому виду заработка. Изготовлению вуалек, которые по его науке, как и игрушки, делал Фима. Сразу после войны вошли в моду такие вуальки, надеваемые на дамские головные уборы, даже самые неказистые.

Мы боролись с голодом как могли.

Мы подружились с нашим земляком из Ревуцька (Добровеличковки) Исаком Бахмутским. Его жена Поля была умнейшей женщиной. Несмотря на то, что у Поли от какой-то болезни была совершенно изуродована левая сторона лица, Исак этого как бы не замечал и был примерным семьянином. У них было два сына. Младший из сыновей — ровесник Гени, а старший — постарше.

Исак всегда был деловым человеком и в Добровеличковке торговал всем, чем только можно. Но среди жителей местечка его величали не иначе как Ицик-плут.

Как-то в беседе о нашей жизни, Исак предложил нам купить трикотажную машину. К этому времени в Харькове уже промышляло множество кустарей-трикотажников.

Образовали и мы своего рода артель. Он покупает большую трикотажную машину на 400 иголок, пригодную для изготовления полотна для мужских маек. Он же достает пряжу. А труд наш.

Установили машину. Мастер, у которого Исак купил машину, нас обучил работе на ней. Работа на ней оказалась не сложной и мы быстро ей научились. Но беда в том, что машина очень часто ломалась, потому что мастер собрал ее из уже отработанных ранее деталей. По договору мастер приходил ее чинить, но потребность в ремонте возникала слишком часто. Мы эту машину называли мучительницей, так как при сбое она перепутывала пряжу.

Для того, чтобы где-то работать, я оформилась в артель канцтоваров.

(В те времена все трудоспособное население должно было работать на законных предприятиях. В противном случае они зачислялись в тунеядцы и преследовались. Для примера, будущего лауреата Нобелевской премии, поэта И. А. Бродского осудили за тунеядство и выслали из Ленинграда).

Коротко опишу процесс производства. Изготовленное полотно Леня относил к нашей хорошей знакомой вдове Ломазовой. Она кроила это полотно и шила майки. Эти майки

Леня забирал. Я их красила и — продукт готов.

Немного о семье Ломазовых. У матери было два хороших сына. Оба были юристами. Один из них работал в другом городе, а младший, Девик — в Харькове. Позже я неоднократно обращалась к Девику за советом. Сразу после войны к Ломазовым залез грабитель. Матери не было дома, а Девик лежал с температурой в постели. Когда грабитель залез в комнату, то его встретил Девик и ударом кулака свалил его на пол. Дело в том, что Девик, будучи студентом, ходил в секцию бокса.

Спустя некоторое время оба сына Ломазовой умерли. Они были совсем молодыми. Вот какое горе обрушилось на мать двоих замечательных сыновей. Но это будет позже.

Должна сказать, что наш промысел сурово карался законом, не то что в Коканде. Можно было запросто угодить в тюрьму и мы все время рисковали. И однажды это несчастье нас таки настигло.

(В повествование мамы вклинюсь я. Я этот день опишу подробнее, так как именно я был участником этого события. Произошло это в хороший летний день. Были студенческие каникулы. Я перешел на третий курс института. Бабушка с утра была на базаре и у мамы, после покраски, высохла очередная порция маек. Маек было на этот раз слишком много для Лени, основного доставщика продукции для бабушки. Решили, что я отнесу их вдвоем с Леней. Я был в этом деле новичок. Милиционер меня вычислил, как нарушителя, еще на подходе к базару и задержал. Надо было Лене бежать домой и сообщить о несчастье, а он подбежал ко мне с мешочком своих маек и нас уже задержали обоих. В милиции наше задержание начальство приняло неодобрительно и при мне отчитало милиционера. Они даже меня не допрашивали и переправляли три раза из одного отделения в другое. Причем оба раза милиционер нас вел через весь город. Уже ночью, милиционер, ведший нас из второго в третье отделение, проходя недалеко от нашего дома, сказал Лене: «Беги домой». Но не повезло. На подходе к дому его задержал другой милиционер, проходивший мимо. Из третьего отделения нас с Леней отпустили и, так как это было часа в три ночи, то дали даже сопровождающего милиционера. Иду домой, а меня охватил страх: «А дома ведь стоит трикотажная машина!» Пришли. Никакой машины и в помине нет. Ее предусмотрительно убрали. Вновь слово маме.).

Не помню, как мы узнали о случившемся, но я сразу обратилась за помощью к Абраше Балину. Первое, что он сделал — забрал машину и пряжу к себе и мы очистили квартиру от вещественных доказательств. Затем он пошел в милицию выручать детей. Очевидно, это было для него нелегко сделать. Их

отпустили поздно ночью. Надо полагать, что не за красивые глаза их выпустили, но нам это ничего не стоило. Он же о своих действиях никогда не говорил и не вспоминал. А время было очень и очень тяжелым. За упаковку иголок могли дать большой срок тюремного заключения.

Земля тебе пусть будет пухом, Абраша Балин! Ты был очень добрым человеком. Я и мама всю нашу жизнь вспоминали твой благородный поступок. Без твоего вмешательства Фиме пришлось бы несладко.

После этого события мы ликвидировали свое производство. Машину я сдала в артель, где я была оформлена. В артели я получила справку, что машина сдана безвозмездно. На трикотаже поставили жирную точку. А что же Исак Бахмуцкий? Он намного раньше исчез с нашего горизонта.

Шел 1948 год. Я устроилась на работу калькулятором в ресторан «Лето» в парке имени Шевченко. *(Калькулятор — это не портативное вычислительное устройство. В то время это была профессия сотрудников ресторанов и столовых, определявших стоимость блюд, в зависимости от стоимости продуктов, входящих в их состав. Перед войной мама работала калькулятором в школьной столовой).*

В ресторане хорошо и вкусно готовили, но наценки на продукты были большими. Работа мне нравилась. Я прямо за ней соскучилась. В этой работе был один минус, который повлиял на возможность мою продолжать там трудиться. Калькуляцию можно было начинать делать когда прибывали продукты. Повозка с продуктами часто приезжала к концу рабочего дня и, следовательно, мне приходилось задерживаться. Такие мои задержки на работе после окончания рабочего дня не нравились Аврумарну и мне пришлось уволиться.

А жизнь продолжается

В 1950 году Геня пошел в первый класс.

Как я уже писала, наш дом стоит рядом с трехэтажным зданием очень большой прачечной. И вот с этой прачечной мне повезло. После того, как по настоянию Аврумарна мне пришлось уволиться из ресторана «Лето», я долго не могла найти подходящей работы. Я уже обратила внимание, что в жизни многое зависит от случая. И вот такой случай представился.

Как-то я встретила знакомую, которая работала учетчицей в соседней прачечной. Поговорили о жизни и о том, что я ищу работу. И вот подвернулся тот самый **случай**. Она мне посоветовала пойти в прачечную сегодня же, так как

в бухгалтерии требуется работник, а их главный бухгалтер с завтрашнего дня уходит в отпуск. Я так и сделала. Пришла со своими документами и меня тут же приняли на работу.

Поручили мне большой участок работы в бухгалтерии по учету реализации не только прачечной, но и красильни, и химчистки. Работа для меня оказалась сложной, так как я раньше этим не занималась, а спросить было не у кого. Пришла домой растерянная и даже не знаю с чего начать. Аврумарн, хоть и был против того, чтобы я работала, дал мне дельный совет. Надо ознакомиться с архивом по моему участку.

После того, как я изучила все документы по моему участку в архиве, я стала специалистом моего участка. Спасибо тебе, Аврумарн.

Немного о моей маме Бране

Хочу еще раз отметить ее необычайную активность и очень существенную помощь в жизни ее детей, в том числе и в моей. О ее неоценимой помощи моей семье вы прочли в предыдущих главах.

Будучи уже очень старой женщиной, примерно под 80 лет, она сама стала добиваться назначения ей пенсии, чтобы не быть иждивенкой, хотя всей своей жизнью она заслужила это. *(Необходимо мое небольшое объяснение. В СССР пенсии стали вводиться со времен Хрущевской оттепели, т.е. примерно в середине 50-х годов. И еще. Вы только что прочли у мамы, что бабушка сама в таком возрасте стала добиваться назначении ей пенсии. А где были мы?)*

Сама пошла в Собес (районное управление труда и социальной защиты населения) и получила там консультацию. Для назначения пенсии ей необходимо было устроиться на некоторое время на работу, например, няней.

И опять же сама договорилась с нашей очень хорошей знакомой Любовью Исаевной Рудовской. Та, как врач с двумя детьми, имела право на няню для детей. Однако, это ее не устроило. Она оформилась в артель и стала вязать рукавицы. Теперь у нее хоть и маленькая, но была своя заработная плата. И эта работа у нее получалась хорошо. Спустя несколько месяцев ей установили пенсию в размере 20 рублей. Она была несказанно рада и счастлива этой пенсии и обретению независимости. У нее появились собственные деньги для подарков ко дням рождения членов семьи.

Затем она начала вязать авоськи. *(Авоська — это плетенная сумочка для вещей и продуктов из толстых ниток или тонкой*

веревки. Это было очень удобное бытовое изобретение. Пустая, она не занимала места, носилась в карманах или дамских сумочках и использовалась при первой необходимости, то есть ее носили на всякий случай, на «авось». Вдруг в каком-то из магазинов что-то появится в продаже. Тогда это называлось «выбросят». Утверждали, что автором названия этой очень удобной сумочки был известный в Союзе юморист — Аркадий Райкин.)

К этому времени ее внучка Белла уже подросла, и она и ее тоже оформила работать в эту артель. В изготовлении авосек самое сложное было плетение ручек. Это Белла не могла освоить и мама плела за нее все ручки.

Оглядываясь назад, можно сказать, что в жизни ее было очень мало радостей. Относительно благополучно она прожила с мужем до Революции. И несмотря на все невзгоды, она очень-очень любила жизнь до самой смерти.

(Что помню я. В то время к врачам мы обращались в основном при высокой температуре. В СССР медицинское обслуживание населения было бесплатным. Это было одним из достижений правительства коммунистов. Кроме бесплатной медицины в Харькове была и платная поликлиника. В ней работали, вернее подрабатывали, лучшие врачи города. Стоимость была небольшой и зависела от звания доктора. Вот бабушка лечилась там у одного из лучших терапевтов города. Она, мне помнится, лечилась от склероза и проблем с желудком. Я часто бегал по аптекам в поисках морской капусты для нее).

Она сама любила жизнь и старалась, чтобы и я получала максимум удовольствия от жизни. В прачечной, как на вредном производстве, было много очень дешевых путевок в дома отдыха и санатории. И только по ее настоянию я часто брала путевки, а все женские заботы о семье она взваливала на себя. *(Это почти в 80 лет и старше).*

Приведу один пример. Нашу приятельницу Любовь Исаевну по какому-то случаю отправляли с детьми на детский курорт в Евпаторию на южном побережье Крыма. Она и предложила мне с Геней быть ее попутчиками. Я, естественно, отказалась, так как я к такому путешествию была не готова. У меня даже приличного халата не было. Но здесь вмешалась мама. Как можно отказаться от такого заманчивого случая, который больше не представится. Так я и поехала. А халат свой дала мне все та же Любовь Исаевна. И я действительно получила удовольствие от этой поездки.

Теперь немного о ней самой.

Здоровьем она была крепка и до старости мало болела.

Она всегда была высокой и стройной с хорошим

телосложением. Летом ее неоднократно спрашивали, кто ей шьет бюстгальтеры, так как в магазинах они не продавались. Отвечала она двусмысленно и гордо, что эта модистка шьет только для нее.

Она всегда аккуратно одевалась. Не признавала темных цветов в одежде.

(Вклинюсь я в воспоминания о бабушке Бране. Давно мама передала мне большое белое полотенце (по-украински — рушник), сделанный моей бабушкой Браной еще в девичестве и вышитое в украинской манере. На нем вышита дата 1904 год и инициалы ББ — Брана Бавская. Рушник сохранились благодаря маме. Я, для большей сохранности, это полотенце отдал Лене. И вот это полотенце вынырнуло снова спустя 102 года. На нем на свадьбе своей дочери Лена передала Ане «хлеб-соль»).

Она была мне незаменимой помощницей в выхаживании моих детей, то есть ее внуков.

Больше всего ей досталось от Гени. Вы помните, что он родился в эвакуации, в очень голодное время и он не переставал болеть поносом. Его замаранные пеленки она стирала в арыке. И все же она радовалась внукам, так как дети ей мало приносили радости.

(В этой связи я приведу афоризм, который мне рассказала бабушка. Думаю, что это народная «мудрость». Привожу ее, чтобы сохранить хоть какие-то крохи ее мудрости. Сказано это было ею, очевидно, под горячую руку, после нелицеприятного разговора с мамой. Я же это время отчетливо помню, хоть я был еще малышом и сидел на горшке. Вот ее слова: «Почему бабушки любят внуков? Потому, что люди любят врагов своих врагов»).

Леня в детстве никогда не сидел дома и вечно с друзьями мотался по Ващенковскому переулку и дворам. И когда он голодный влетал в дом, его всегда ожидал жаренный картофель с розовой корочкой, который мама делала для него, добавляя в картофель нарезанные мелко ломтики свеклы и лука.

Как вы понимаете, тогда мы жили так бедно, что у нас не было денег покупать фрукты детям. Вот мама ходила к закрытию базара, — это называется на расторг, — и покупала по дешевке фрукты для детей. Из всех фруктов, по нашему карману были дикие лесные груши. Эти груши были по-настоящему съедобны лишь тогда, когда они длительное время полежат. Вот мама их прятала от детей, но Леня их все равно находил и съедал неспелыми. Это маму не расстраивало, она даже этим гордилась — вот какой у нее внук!

Ниже я хочу остановиться на отношениях мамы с Аврумарном.

Отношения их были скорее похожи на хорошие отношения

между сыном и матерью, а не тещи с зятем. Меня это даже иногда раздражало. Например, когда мама болела, а он приходил с работы, первым его вопросом было, ела ли мама.

Хочу описать случай, когда мама дала Аврумарну звонкую пощечину, а он ее простил. Ему тогда уже было около пятидесяти лет. Я об этом узнала от нее много-много лет спустя.

Дело было перед войной. Я работала в бухгалтерии школьной столовой. Столовая нашей школы хорошо себя зарекомендовала и к нам приходило питаться в перерыв все начальство района. В этот год наша заведующая столовой решила вечером отпраздновать день 8 марта.

На вечере присутствовал и председатель исполнительного комитета нашего района. Зима в этом году была свирепой и город был завален снегом. А к вечеру еще разыгралась метель. По нашей предварительной договоренности Аврумарн должен был меня встретить. Так как «бал» немного затянулся, то Аврумарн пришел прямо в школу. И тут произошло ужасное совпадение. Когда открылась дверь и зашел Аврумарн, единственный мужчина на балу — председатель, — на виду у всех поцеловал мне руку. Я сразу догадалась об ужасных последствиях этого поступка председателя. По дороге домой ветер был такой сильный, что я рада была бы, если бы он меня унес. Как я Аврумарну ни объясняла, что председатель был интеллигентом еще до революции, и что для него поцелуй руки женщины в знак благодарности — дело естественное, но Аврумарн этому не верил. В таком воинственном состоянии он пришел домой. Размолвка наша была длительной, что отражалось на ситуации в семье. Но как-то он, вдруг, без каких-либо видимых причин, остыл. И лишь много лет спустя мама рассказала мне о своей единственной пощечине Аврумарну — за эту размолвку.

Со мной он часто на почве беспричинной ревности ссорился, а с мамой они оставались хорошими друзьями всегда.

Из предыдущих глав вы знаете, что в эвакуации я шила, то есть занималась производством для пропитания семьи, а мама вела хозяйство. Тогда, к сожалению, к хроническому псориазу у Аврумарна добавился длительный понос. Руки его были забинтованы и мама ухаживала за ним, как за ребенком.

Когда же в 1971 году у мамы произошли подряд три инсульта, то теперь уже Аврумарн ухаживал за ней, как за грудным ребенком. Это был такой уход, какой я и описать не могу. Во избежание пролежней, Аврумарн научился правильно менять под ней простыни. Так как он ставил ей клизмы, ни я ни Лиза не могли.

Нам всем еще повезло, что к этому времени Лизе

исполнилось 55 лет (время выхода женщин на пенсию) и она смогла по будням приезжать к нам на помощь. С постели мама подняться уже не смогла, но жить ей очень и очень хотелось.

Она говорила своему лечащему врачу, что она плохой доктор, раз она не может вылечить ее от воспаления легких. Этот диагноз ей поставили для ее успокоения.

И еще очень важная деталь.

Теперь, когда я пишу эти строки, на дворе 1988 год и у нас установились нормальные отношения с Америкой и стала возможной переписка. До этого и думать нельзя было о переписке с Америкой. И вот мама настаивала, чтобы мы связались с ее братом Колменом-Лейбом и попросили его выслать необходимые лекарства для ее выздоровления.

Вот так она предвидела то, что теперь является нормальным, а тогда казалось просто невозможным.

Есть такая украинская поговорка: «Одна бида идэ и другу за собой ведэ».

Так оно у нас и случилось в самом начале 1972 года.

У Аврумарна произошел тяжелый инфаркт. И здесь я должна отдать должное нашим врачам. Приехавшая скорая помощь сделала все для того, чтобы оживить Аврумарна, а я в это время ходила то к маме в ее комнату, то возвращалась к Аврумарну. В один из чудесных моментов врач показал мне, что пульс у Аврумарна заработал. Это было счастье.

Затем этот же врач (дай ему Бог здоровье) сказал, что с двумя такими больными я не справлюсь и Аврумарна забрали в больницу. В больнице у Аврумарна, пока его состояние было тяжелым, дежурил Геня.

Мама умерла, когда Аврумарн лежал в больнице.

Возвратившись домой, Аврумарн сказал: «Если бы я был дома, она бы не умерла». Смерть мамы мы пережили очень тяжело. Сидим бывало вдвоем и плачем. Однажды он сказал мне, что ему, после перенесенного инфаркта легче, чем мне. Сейчас у него есть я, а у меня этого уже не будет.

Спустя четыре года у Аврумарна произошел инсульт. Частный врач сказал нам, что если он переживет 9 дней, то останется жить, возможно частично парализованным.

Однако этот 9-дневный барьер он не пережил. В этот день Фима вызвал, как врача, Павла Илларионовича Соболева — мужа Беллы, Лилиной сестры. Случилось это 19 сентября 1976 года. Пережил Аврумарн маму на четыре года.

(О еще одной счастливой способности бабушки. Она умела создавать и укреплять пошатнувшиеся браки. Если бы не она, скорей всего, брак моих родителей не выстоял бы из-за чрезмерной

ревности папы.

Она сосватала Лизу с Абрашей. По моим сведениям, невзирая на трения Лизы со свекровью, брак был счастливым.

Она дважды сосватала своего младшего сына Авреймла и всячески поддерживала его семью с его дочерью Беллой — инвалидом детства. Она настояла на операции тазобедренного сустава, облегчившей Белле жизнь. Она одна настаивала на том, чтобы Белла работала. Замечательная мачеха Рива ее жалела и не хотела, чтобы она работала. И только бабушка смотрела вперед и настояла на ее работе, зная что человек должен находиться в обществе и должен заработать себе пенсию.

Она удачно сосватала Таню, Геничкину сестру. Это то немногое, что я знаю).

Сейчас, когда я пишу эти строки, а ее уже нет в живых, хочу повиниться, что мы, ее дети, мало давали ей поводов радоваться. А она жила в моей семье с 1932 года.

С Лизой она тоже хлебнула немало горя.

И ее сердечная болезнь, и ее первые роды с риском для жизни. Затем похороны этой годовалой девочки, которую Лиза рожала невзирая на противопоказания врачей.

Лизе всю жизнь не везло с жильем. Всегда с соседями, — тогда это называлось «коммуналка».

Так вот, мама неоднократно ходила мирить Лизу с соседями. Ходила она мирить Лизу и с ее свекровью.

С Абрамом она мучилась всю свою жизнь, начиная со дня его рождения. Его неопределенная болезнь преследовала его с раннего детства. Начал он ходить только в 3 года. К тому времени она уже была вдовой в самое тяжелое время гражданской войны и бандитизма. Было невозможно дать ему хоть какое-то образование.

К этому добавилась ранняя смерть его жены, оставившая на его руках малолетнюю дочь с тяжелым тазобедренным вывихом и много-много других бед, включая эпилепсию от контузии во время службы в армии.

О его не совсем удачной жизни я писала и раньше.

Сосватали Абраму Нину незадолго до начала войны. Нина была и старше, и умнее его. Она хорошо устроила семейную жизнь в их квартире. И тут началась война. В эвакуации они жили на Урале. Абрама призвали в армию и беременная Нина осталась одна в деревне. Родила она дочь, которой дали потом имя Белла, 20 января 1942 года. Рожала она дома, а принимала роды женщина. В России такие женщины назывались бабками-повитухами. Всю войну они там голодали и страдали от сильного холода.

Когда семья Абрама вернулась в Харьков, Беллочка знала только вкус картофеля. Теперь я хочу остановиться на его злоключениях после войны. Он с женой Ниной и Беллой поселился в пустующей комнате в том же дворе, где они жили и до войны. Комната была запущенной, но светлой и сухой.

Времена были лихие. Абрам работал обойщиком мебели в артели. Прокормить семью на его мизерную заработную плату было невозможно. Нужно было искать другие возможности заработать деньги. У Нины была двоюродная сестра, которая на машинке дома вязала дамские чулки, а Нина продавала их на базаре. Этот кустарный промысел был запрещен. Однажды, когда Абрам принес Нине партию из 18 чулок, его задержала милиция и арестовала. Его арест был для нас трагедией. Вообще сидеть в тюрьме трагедия для всех, а у него еще и эпилепсия.

Наш знакомый Девик посоветовал хорошего адвоката. По тогдашним законам судопроизводство было быстрым и суровым. И все же, благодаря помощи адвоката, ему присудили полтора года ареста. Это было по тем временам мягким наказанием.

По совету адвоката я поехала в столицу республики, в Киев, за помилованием. К моему счастью в Киеве жила семья Кисляновых и они меня приютили.

Не только приютили, но как говорится и обогрели. Сама их комната была полуподвальной с выходом прямо на улицу. И все же, они меня радушно приняли и проявили ко мне большое участие. С Любой и Юклом мы ходили к зданию Исполнительного комитета республики (Правительству республики).

Когда я увидела очередь людей, ожидавших приема прокурора Руденко или председателя Гречко, у меня оборвалось сердце. Большой сквер перед зданием Исполнительного комитета был заполнен тысячами людей, ожидавших приема.

В этой очереди была запись. Ежедневно велась перекличка. В случае неявки человека несколько раз его из очереди вычеркивали. Многие люди, не имевшие родственников и знакомых в Киеве, там в сквере и ночевали. Хорошо, что было теплое лето. За несколько дней очередь продвинулась очень мало. Я познакомилась с женщиной — матерью студентки. Ее дочери, за то, что у нее милиция нашла несколько пачек швейных иголок, суд присудил пять лет тюрьмы. У большинства людей в очереди были аналогичные несчастья.

Спустя, кажется, неделю, мне надо было вернуться домой, а отмечать мою очередь взялась эта женщина. Когда я вернулась, очередь уменьшилась и я скоро попала к председателю Исполкома. Этот человек проявил ко мне сочувствие, но ничем

помочь не смог. Он сказал, что все такие дела решаются по месту жительства, а не в Киеве.

Отбывал наказание Абрам в трудовом лагере на станции Шебелинка, в двух часах езды поездом от Харькова. В этом лагере его не обижали и даже приступов эпилепсии не было. Временами я его навещала и привозила продукты, чтобы подкормить.

Свой срок наказания он отсидел полностью.

Вернувшись из заключения, он устроился разнорабочим на предприятие «Шубмехпром». Надо отметить, что Абрам родился под «несчастной звездой». Только он начал работать, как заболела Нина. У нее оказался рак плевры. Вскоре она умерла. Остался Абрам с восьмилетней Беллой на руках.

Нам с мамой казалось, что Бог его снова за что-то наказывает.

Однако, через месяца три к нему стали свататься. *(Это естественно. После войны мужчин было мало).*

Сотрудник Абрама стал сватать ему свою родственницу Риву. Она Абраму понравилась и вскоре они поженились. Вот мамино мнение о Риве и ее прямые слова: «О Риве можно написать книгу, но это не мой удел».

Эта женщина так же, как и Абрам, была обижена судьбой. Первый ее муж был командиром Красной Армии. Но он был пьяницей и все время ей изменял с разными женщинами. У них была девочка и, по странному совпадению, ее тоже звали Беллой. От какой-то болезни эта девочка умерла.

Первое, что она сделала, поселившись у Абрама, она превратила комнату, которая была похожа на сарай, в чистую и светлую, как фонарик. В комнату весь день заглядывало солнце, чего я почти всю жизнь была лишена. Большую печь, которая стояла поперек комнаты выбросила и вместо нее у стенки поставила маленькую плиту, которая у нее всегда сияла, как пианино.

Абрам стал ухоженным, как никогда раньше.

Но самое дорогое было то, что она привязалась к нашей Белле. Однако Белла долго не отвечала ей взаимностью. К тому же, ее настраивали против Ривы родственники покойной Нины.

Рива делала все возможное и невозможное, чтобы привязать к себе ребенка. Она за ней ухаживала больше, чем многие родные мамы за своими детьми. Белла была всегда накормлена, чисто одета, аккуратно причесана. Но добиться хотя бы снисхождения, а не любви от Беллы, она длительное время не могла.

И опять мама.

Маму всегда беспокоила плохая походка Беллы. И она решила выяснить, в чем причина. Пришлось мне обратиться

к специалистам ортопедической клиники. Осмотрев ее, врач сказала, что ей необходима операция, в противном случае она «сядет», то есть не сможет ходить вовсе.

Мама добилась, чтобы операцию Белле сделал лучший хирург клиники Новаченко. После операции Новаченко сказал маме, что операция ноги, которую он сделал, прошла хорошо, но нужна операция и второй ноги. Но, к сожалению, от операции на второй ноге Белла категорически отказалась.

После операции Белла долго лежала в клинике и Рива ежедневно ходила к ней и приносила вкусные передачи. Белла лежала в большой палате со взрослыми женщинами. Эти женщины восхищались Ривой, как очень преданной матерью. После выписки из клиники Белла стала называть Риву мамой. Рива этим поворотом в душе ребенка была очень тронута.

Абрам и Рива жили хорошо, но век их был короток. Абрам умер скоропостижно в своей постели 17 мая 1977 года.

Рива пережила его на пять лет. Умерла она в больнице от рака легких 18 июля 1982 года. Белла работала уборщицей на парфюмерной фабрике до выхода на пенсию по инвалидности.

(К сожалению на этом воспоминания мамы обрываются).

Высшее образование с третьей попытки

ХЭТИ

По возвращении в Харьков надо было продолжать учебу. Но в какой ВУЗ поступать?

На этот раз решил выбрать институт сознательно. У Абрам Лазаревича (мужа Лизы) был родственник, занимавший видное положение в каком-то проектном институте. Посоветовались с ним. Решил, что из всех Харьковских институтов, мне больше всего подходит электротехнический — ХЭТИ.

По энергетике в этом институте было два факультета: электрические станции и второй — электрические сети и системы. Опять предстоял выбор. В это время папа лежал в больнице и в его палате лежал начальник службы районных электрических сетей из Донбассэнерго. Он мне и посоветовал поступать на факультет электрических сетей. Что значит человек с опытом! Вот его примерные рассуждения. Работа инженера на электрических станциях это все равно, что на большом заводе, но с большей ответственностью. Время было послевоенное, сталинское и каждая авария рассматривалась органами государственной безопасности. У них оправдаться очень сложно. Работая инженером в электрических сетях, ты относительно свободный человек и начальства у тебя меньше. Надо было не забывать, что это был первый послевоенный голодный год, а материальных возможностей у сетевика больше. Все руководители предприятий нуждались в электроэнергии и от тебя это зависело напрямую. Так я и сделал. Поступил на учебу на факультет электрических сетей.

Сдавать экзамены мне не надо было, так как у меня уже была зачетная книжка Грозненского нефтяного института.

В фойе приемной комиссии появился очень представительный человек. Он весь рассыпался юмором. Впоследствии я узнал, что зовут его Иван Иванович и что он был сосед Лилиной тети Ани по общему коридору.

Чтобы закончить о нем, расскажу о его поступке во время войны. Заранее скажу, что на такое не всякий супруг или супруга в то время были способны.

Он был женат на еврейке по имени Анна Иосифовна. Они, как и многие жители Харькова, не эвакуировались. Кстати, не эвакуировался и муж тети Ани, хотя ее он отправил в эвакуацию. Так вот, когда в город вошли немцы, Анну

Иосифовну, как еврейку, кто-то из соседей выдал. За ней пришли и увели в концентрационный лагерь для уничтожения на Тракторном заводе. Это место для Харькова аналогично Бабьему Яру в Киеве.

Не теряя времени, Иван Иванович бросился на Тракторный завод. Там он подкупил охранника-украинца и тот выпустил ее, как бы по воду. Иван Иванович достал для нее фальшивый паспорт и увез в село, откуда он был родом. Охранники, спохватившись и обнаружив ее исчезновение, пришли за ней по месту жительства. Ее, естественно, дома не оказалось.

Стали требовать, чтобы ее, как еврейку, выдали. Мать Иван Ивановича подвела охранников к иконе и поклялась перед ней, что сбежавшая христианка и ее арестовали по ошибке.

Анна Иосифовна прожила в этом селе до тех пор, пока немцы не оставили Харьков. К сожалению время, проведенное в лагере на тракторном заводе, и страх от того, что ее могут выдать жители села, не прошли бесследно. Мы с Лилей видели, что психика ее была серьезно подорвана.

Итак, я студент Харьковского Электротехнического института (ХЭТИ) по специальности «Электрические станции, сети и системы». Многие студенты не выдерживали нагрузки и переходили в ВУЗы с более легкой программой. У нас учились три девочки-подруги: Лиля Татиевская, Рая Мурина и Мура Виницкая. Эти девочки «слиняли» в Харьковский Университет, где нагрузка была меньше. С этими девочками я подружился, но об этом ниже.

Почти сразу у меня завязалась дружба с несколькими студентами. Дружба оказалась настолько крепкой, что продолжалась всю жизнь. *(О них более подробно в главе «Наши друзья».)*

Что интересно. В то время я не был ни националистом, ни шовинистом и все же все мои друзья были евреями.

Что можно сказать об институте?

По всей вероятности учиться в нем было тяжелее, чем в других.

Интересная особенность ХЭТИ. В стране была карточная система на продовольственные товары. Так вот у нас были самые лучшие карточки из всех институтов. Это были карточки, которые выдавались учащимся ремесленных училищ и по которым полагалось 800 г хлеба, — как у рабочих.

Нам преподавали множество дисциплин и по ним были серьезные экзамены. Какие предметы запомнилось. Три семестра

высшей математики, сопротивление материалов, теория машин и механизмов, химия, теплотехника, черчение, начертательная геометрия, теоретическая электротехника, техника высоких напряжений (ТВН), релейная защита линий электропередач, английский язык и, конечно же, марксизм-ленинизм. Большинство знаний, полученных по этим дисциплинам, мне в дальнейшей жизни не пригодились.

Наиболее запомнившиеся преподаватели.

Пара преподавателей Снегиревых. Она преподавала химию на первых курсах. Вот ее рассказ о том, каким должен быть, по ее мнению, настоящий ученый. Речь шла о каком-то известном ученом-химике. После работы его можно было видеть, либо занимающимся спортом, либо в кабаках. Да, в кабаках — это ее выражение.

Ее муж был заведующим кафедрой теплотехники. Под его руководством я «замахнулся» на общепринятый цикл работы котел-турбина на электрических станциях. Об этом в главе «Творчество».

Преподавали нам два друга, два профессора Бржечка и Геронимус.

Бржечка преподавал нам физику. При изучении закона Ньютона он мастерски одним махом на доске мелом рисовал нам лошадь, с силой тянувшую телегу. Принимал экзамены и зачеты доцент Борисоглебский. О нем ходила прибаутка, как сдавать ему экзамены: «Хоть не знаешь так хоть ври, только быстро говори».

Геронимус преподавал нам какой-то специальный курс по математике. С ним запомнился такой забавный случай. Экзамен по его предмету одновременно принимали в двух аудиториях. В одной он, а другой доцент его кафедры. Геронимус не принял экзамен у студента Дорохина, причем при этом заявил, что из него выйдет никудышний инженер. И все же Дорохин не растерялся. Он пошел тут же сдавать экзамен доценту, который поставил ему отлично. Относительно прогноза Геронимуса. Дорохин, один из немногих моих сокурсников, кто вскоре стал начальником цеха на крупной электростанции.

Когда эти два профессора были вместе, то они выглядели очень комично. Двухметровый Геронимус и полутораметровый Бржечка.

Преподавателем «Электрических машин» был доцент Ковтун. Это был единственный преподаватель в институте, который учил нас не зазубривать, а понимать. Спасибо ему, его предмет мы сдавали «по конспектам». Что это значило? На экзамен можно было приносить не только конспекты свои или чужие, но и книги.

Ковтуна интересовало только то, как мы разбираемся в материале. Несмотря на легкость сдачи экзаменов, я многое запомнил об электрических двигателях и генераторах. Что такое сериесные и шунтовые электродвигатели. О том, что регулирование скорости вращения проще всего можно осуществить у двигателей постоянного тока. Поэтому они устанавливаются на лифтах и трамваях.

Запомнился преподаватель-фронтовик доцент Ланциевский по предмету «Теории машин и механизмов». Как мы ему сдавали экзамены? Он сидел с одной стороны стола, а с противоположной стороны стола была длинная скамья, метра три или больше. Студенты сидели друг за другом на этой скамье. Очередной студент продвигался «пред очи» Ланцевицкого. Преподаватель задавал вопросы, а студент отвечал. Если благополучно, то студент вынимал «зачетную книжку» и преподаватель ставил отметку. Студент удалялся. Если Ланцевицкий не принимал экзамен, студент вставал и усаживался в «хвост» скамьи и предпринимал следующую попытку. В течение экзаменов Ланцевицкий много курил. Время от времени он давал студенту деньги, чтобы тот купил ему очередную пачку папирос. В конце концов, поздней ночью все студенты экзамен сдавали. Теперь думаю, почему Ланцевицкий так принимал экзамены? Он прекрасно понимал, что его предмет нам никогда не пригодится.

Иностранным языком был у нас английский — третий язык за время моей учебы. Учили мы его три семестра плохо, а может быть очень плохо. Что это значило. После каждого семестра нужно было прочесть и перевести определенный текст. У нас он назывался «знаками». То есть полагалось сдать на экзамене текст размером в определенное количество букв английского алфавита. И все же, когда я готовился к одному из экзаменов, мне попалась книга английской писательницы Войнич «Овод». И я, вместо необходимых нескольких страниц, прочел весь роман и даже запомнил его содержание. Как запомнил содержание рассказа Стендаля «Лейтенант Луайо» на французском языке. И что удивительно. Несмотря на то, что ко времени написания этих строк я живу в Америке уже более 14 лет, это единственная книга, которую я прочел на английском языке.

Иван Иванович Черненко принимал легко у девочек. Он как бы сам отвечал и говорил: «Правильно, правильно». Его кредо для девочек было — удачно выйти замуж.

О моем первом опыте черчения. Для того, чтобы я дома вычертил какую-то деталь, в институте мне выдали лист чертежной бумаги. Как известно для черчения нужна чертежная доска, рейсшина, набор угольников и карандаши. У меня же была

только одна длинная линейка, один угольник и карандаш. Вместо чертежной доски я мог использовать единственный обеденный стол. А стол освобождался ближе к полуночи. Я предполагал, что углы у стола прямые. И принялся за работу, отмеряя все размеры от краев стола линейкой. Я что-то вычертил уже за полночь. Свернул бумагу в рулон и пошел спать. На лекции по черчению я развернул свое творение и пришел в ужас. Оказалось, что у стола углы не прямые, а разные. Одни углы чуть меньше, а другие чуть больше. Соответсвенно и чертеж у меня получился скособоченный. Но тройку я все же получил.

Деканом факультета был добрейший профессор Матвеев.

Директором института был человек по фамилии Столяров. В институте ходила молва, что он сотрудник органов безопасности. Я был у него всего один раз. На третьем курсе у нас организовали радиофакультет. Студентов набирали с других факультетов. Подал и я заявление для перехода на этот факультет. В списках принятых меня не оказалось. Вот я и пошел к директору. Очевидно на окне была плотная штора, потому что в кабинете был полумрак. Он пригласил меня сесть на стул перед столом. Яркая настольная лампа была направлена прямо на мое лицо, а сам он находился в полумраке. Молва, очевидно, была не беспочвенной. Он мне объяснил, что я на этот факультет не прошел по успеваемости. Что правда, то правда — я не очень блистал оценками. Отказ не сильно меня расстроил.

О сокурсниках. Не припоминаю никаких склок и ссор между нами. На факультете все студенты были, если так можно выразиться, середняки.

Правда, у нас были два Сталинских стипендиата. Это Наташа Фертик и Юрий Потимков. Наташа Фертик действительно очень хорошо училась. Потимков ничем не выделялся среди других, но был членом партийного бюро факультета и науку брал тем, на чем сидят, то есть много и упорно занимался.

Как мы занимались?

Были зимние и весенние экзамены. Перед экзаменами были зачеты. Были дисциплины, у которых не было экзаменов, а были только зачеты. У меня здесь в Америке две внучки занимались в ВУЗах. Так вот наша учеба по сравнению с их была просто домом отдыха. У нас было масса свободного времени, а у них его почти совсем не было. Они занимались ежедневно и допоздна. Мы же, если говорить правду, часто готовились к экзаменам и зачетам непродуктивно. Готовились мы не по книгам, а по конспектам. Это было удобно и для нас и, в особенности, для преподавателей. Если предмет подготовишь по какой-то книге, то

для преподавателя это не всегда годилось. Эту книгу он мог не читать или с содержанием ее был не согласен. Для нас готовиться по конспектам было тоже удобно, но не все лекции были у каждого из нас. Очень часто мы готовились к экзаменам группой у Виталия и иногда всю ночь. Один читал. Затем мы разбирали раздел. Трудно было высидеть всю ночь, часто клонило ко сну. Припоминается, что я подкладывал на сиденье стула бильярдные шары. При этом много времени уходило на пустые разговоры. Зачем же мы это делали? Разбирали материал коллективно, так как в конспектах были пропуски и не каждый мог в них разобраться. В этих коллективных подготовках участвовали я, Виталий и Исаак, так как мы жили недалеко друг от друга.

Надо отметить, что во время учебы, во всяком случае Исааку и мне, приходилось еще подрабатывать. У Исаака была семья, а наша семья нуждалась в моей помощи. О моей работе есть в воспоминаниях мамы.

О комсомольской организации факультета. В то время она была очень активной. Время было послевоенное, сталинское. Комсомольскими вождями факультета были некие Вайнер и Дриккер. Вайнер был фронтовиком, а Дриккер нет. Они не «лютовали», но под их руку лучше было не попадать. Вот запомнившиеся мне два характерных примера их активности. На комсомольском собрании разбиралось персональное дело одной выпускницы института, отказавшейся ехать в глушь Казахстана. Жалко было смотреть на эту маленькую девчушку, когда на нее наседала эта пара и их прихвостни. Особенно жестоко клеймил ее Дриккер. А спустя год, Дриккер, зрелый мужчина, по каким-то причинам не служивший в армии в войну, остался работать в Харькове и никуда не поехал. Или вот результат кипучей деятельности этой факультетской организации, едва ли не приведшей к исключению из института студентки старшекурсницы Майи Блушинской. Так случилось, что Майя где-то раздобыла ломоть хлеба, а завернуть его ей было не во что. Вот она взяла и сняла старую комсомольскую стенгазету. На собрании ей нервы потрепали изрядно, но из комсомола не исключили. В те времена исключение из комсомола практически влекло к отчислению из института.

Время было послевоенное и в партии, и в комсомоле бытовали еще привычки военного времени. Наш комитет комсомола, очевидно по указанию сверху, время от времени проводил ночные сборы. Что мы делали не помню, но мы собирались. Нас еще чем-то подкармливали. Сборами руководили

те же Вайнер и Дриккер. Оба еврея и оба проявляли большую активность, почему и запомнились.

Наступил 1950 год. Я заканчиваю учебу в институте.

В Союзе, окончившие учебу в ВУЗах должны были отработать 3 года по назначению государственной комиссии. Каждый институт получал разнарядку на вакантные места. Многие из нас считали это деспотией. Сейчас я думаю совсем иначе. В Америке учеба в ВУЗах платная и плата довольно высокая. Поэтому выпускник волен выбирать себе работу самостоятельно. В Союзе обучение было бесплатным, да еще успевающим студентам платили государственную стипендию. Следовательно, выпускникам ВУЗов приходилось отрабатывать.

Мне, как инвалиду Великой Отечественной войны, представился более широкий выбор производств, чем другим. Надо отметить, что уже тогда, секретные предприятия мне, как еврею, не предлагались. Я выбрал Главтунельметрострой Министерства железнодорожного транспорта.

Накануне отъезда Эрвин показал мне фотографию девочки лет 14—15 и сказал, что это его первая варшавская любовь, и что она теперь живет в Америке. На что я ему заметил (год 1950) что это фото человека, как бы с другой планеты. Теперь оказалось, что не только Эрвин, но и я живу на этой другой планете. И слова Богу.

Я никогда не считал себя активистом. И даже наоборот, чересчур деятельные активисты меня раздражали. Но, когда возникают безвыходные ситуации, мне приходится браться за дело.

Во время выпуска сложилась подобная ситуация. Принято на память выпускникам, например, факультета фотографироваться, либо для альбома, что дороже, либо для общей карты. На факультете был и профсоюз и комсомольская организация, но фотографированием никто и не думал заниматься. Были у нас общепризнанные активисты, такие как Индин и Потимков. Но они были активистами меркантильными и просто так ничего не делали.

Пришлось мне срочно заняться этим делом. Мы, конечно, Исаак, Виталий, Эрвин и я отдельно сфотографировались на память (замечательное фото), а все остальные? Жалко ведь. Разъедемся и никакой памяти о пяти годах совместной учебы. Времени уже не было. Пришлось взяться за организацию уже не альбома, а общей фотографии. Был случай отказа сфотографироваться студентом, по фамилии Натанзон. Причину

его отказа я так и не понял. В конце концов общая карта, состоящая из отдельных фотографий, появилась.

К юбилеям окончания института, некоторым бывшим сокурсникам захотелось встретиться, но у них было только желание. И снова возник вопрос об организаторе встречи. Пришлось мне взяться за организацию этих встреч. Здесь уже возникла проблема с жильем для иногородних. И эту проблему я разрешил. Таких встреч было несколько. Последняя была в 1980 году.

Хочу с благодарностью отметить, что во всех наших встречах активное участие принимала мама и Лиля. Сохранились групповые фотографии.

Итак! Свершилось! Я после учебы в четырех школах (трех на украинском и одной на русском языках) и в трех институтах получил «корочку», то есть диплом инженера-электрика. Надо было начинать новую жизнь. *(Сейчас, работая над воспоминаниями, думаю, какая радость была не столько у меня, сколько в семье и, в особенности, у папы, учитывая его прошлое).*

В Москву по распределению

Попрощавшись с родными и товарищами, я поехал по распределению в Москву в Главтоннельметрострой. Так как эта организация являлась структурой Министерства железнодорожного транспорта я получил бесплатный билет в купейном вагоне. И на этот раз я остановился у Бобы в ее крошечной комнате. Спать меня укладывали на полу, но я был рад и этому.

Мой Главк находился на улице Куйбышева. Прямо вблизи Красной площади в здании бывшего монастыря. Интересно помещение, где находился начальник отдела кадров. В конце длиннющего узкого темного коридора с большим количеством дверей находился его «кабинет». Я слово кабинет взял в кавычки, потому что он был очевидно единственный такой кабинет в стране. Когда я открыл дверь, то кроме огромного окна больше ничего не увидел. И только сделав несколько шагов увидел, что эта комната двухэтажная. Стол начальника размещался метра на полтора ниже входной двери. Так что я, очевидно, стоял выше головы начальника. Он мне заявил, что специалисты-сетевики им не требуются и направил меня в Министерство.

Впервые в Москве я столкнулся с закрытыми организациями. В бюро пропусков Министерства железнодорожного транспорта мне долго выписывали пропуск. При входе мне дали

сопровождающего, с которым я на лифте поднялся кажется на 9-й этаж. У входа стоял солдат, вооруженный винтовкой. В управлении кадрами мне предложили поехать на строительство электрифицированной железной дороги в Сибирь. После того, как я отказался, мне дали открепление и направили меня в Министерство высшего образования. Обстановка в Министерстве высшего образования была свободной. В Министерстве мне выдали справку о том, что я могу устраиваться на работу по собственному желанию.

В этот день с самого утра я чувствовал боль внизу живота. Такие боли у меня бывали и раньше. Чтобы как-то уменьшить боль, мне приходилось корчиться. Еще в Харькове, после нескольких таких приступов, я пошел в студенческую поликлинику. Терапевт — пожилая женщина, — установила у меня аппендицит и направила к хирургу. Когда я попал к хирургу, боль прошла. Хирург, молодая женщина, очень нелицеприятно отозвалась о моем терапевте и сказала, что никакого аппендицита у меня нет. «Так и заявите ей!» — сказала она.

этот раз при выходе из министерства боль настолько усилилась, что мне трудно было не то что ходить, но и дышать. Я проходил по улице Неглинной, когда увидел вывеску «Медпункт». Я вошел во внутрь, но дальше входных дверей меня не пустили. Вооруженный охранник заявил мне, что вход только по пропускам. А что мне делать, когда сильные боли? Он говорит вызовите скорую помощь по телефону, который стоял здесь. Я на охранника так разозлился, что плюнул и ушел. А надо было послушаться охранника. Так я в один день дважды столкнулся с вооруженными охранниками. Сел в метро и поехал к Бобе. От остановки метро до Бобы надо было ехать еще и трамваем. Еду трамваем, а боль все усиливается и усиливается. Вдруг слышу объявление кондуктора «Диспансер». Я не задумываясь выскочил из вагона и помчался по указателям на табличках в направлении «Диспансера», не рассуждая, какой это диспансер венерический, психиатрический или еще какой. В диспансере меня тут же уложили, расспросили и я потерял сознание.

Очнулся я уже в другом помещении — это была больница. И почти сразу же мне сделали операцию. Как я потом узнал, показания к немедленной операции были. Операцию делали под местным наркозом. Оперировала меня пожилая женщина-хирург. Во время операции она со мной разговаривала и, как фронтовичка, делилась своим прошлым. Хвалила меня, что я тощий и меня легко оперировать, а то при аналогичной операции иногда приходится удалять по пуду жира. Показала мне желто-

красный комок удаленного аппендикса. В больничной палате, как только я смог соображать, меня начала мучить мысль, как мне сообщить о себе Бобе. Телефона у нее дома нет. Пока я мучительно искал выход, ко мне в палату, к моей огромной радости, пришла Шура. Вот история о том, как она меня нашла. Оказывается вчера дома была только сама Боба, когда днем к ней постучала женщина в белом халате. Увидев ее, Боба чуть не потеряла сознание. Правда, тут же успокоилась, когда эта женщина сказала ей, что со мной произошло и назвала больницу, куда меня отправили из диспансера. А ведь молодцы медики, не поленились поехать к Бобе, чтобы рассказать ей о случившемся. Теперь, когда в каждой семье есть телефон и даже два, молодому читателю трудно себе представить, какова была жизнь без чудо-телефона.

После операции у меня не шла моча. И тут я хочу вознести хвалу опытному медицинскому персоналу и в диспансере, и здесь в больнице. Когда дежурная — не врач, а няня — узнала в чем моя проблема, она помогла мне встать и повела меня в туалет. Там она спустила воду из верхнего бачка (тогда в Союзе вода для слива накапливалась в бачках находившихся на высоте примерно полтора — два метра над уровнем унитаза). Звук бегущей воды снял у меня спазм и у меня отошла моча. Вот что значит знаток своего дела — больничная няня.

Через несколько дней я вернулся домой. Чтобы понять, в каком материальном положении находилась семья, приведу такой факт. Билет в купейный вагон у меня был бесплатный по линии Министерства путей сообщения. А денег на постель у меня не было. Поэтому я спал на сидении, а укрывался пальто.

Моя взрослая жизнь

Год 1953

Этот год остался в памяти, как переломный в моей жизни. Это и смерть Сталина. Это и переход на новую, неизведанную и мне, и моим сослуживцам работу. Это, главное, — женитьба.

При жизни Сталина я был словно «манкурт». (Манкурт́ — существо из тюркской легенды о том, как человека превращают в бездушное рабское создание, полностью подчинённое хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. Была популяризирована среди не-тюркских народов Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»)).

Я, как и многие другие, верил в Сталина, как в живого Бога.

Послевоенная жизнь была тяжелой, но ко всему прочему жизнь еще тяжелее была для думающих евреев. На евреев, как нацию, навешивали всякие напасти. Причем делалось это особым иезуитским способом. Выбирали одного или группу людей, а затем его или их вымышленные преступления перед властью, то есть перед «народом», перекладывали на всех евреев. Не помню, есть чье-то высказывание: «Если бы не было евреев, их надо было бы выдумать».

Сначала все евреи стали космополитами (Читатель! Что здесь плохого?), то есть не патриотами. Потом развернули дело врачей-убийц в белых халатах. Народ стал избегать евреев-врачей. Людям моей специальности вменялось в вину семейственность. (Что здесь плохого если есть потомственная профессия музыканта, артиста, художника и в конце концов инженера?) Последнее «преступление» коснулось и нашей организации. Однако, благодаря особой лояльности нашего директора Дмитренко Дмитрия Александровича, у нас эта «партийная компания» прошла относительно спокойно. Несколько сотрудников-родственников, при содействии директора, были переведены в другие организации.

Это я очень поверхностно описал обстановку в стране. Страна находилась в разрухе после войны и для Сталина создание внутреннего врага была важнее, чем благо народа. Таким путем он направлял недовольство масс не на руководство страны, а на выдуманных им врагов.

Я окончил институт по специальности «Электрические сети и системы». Так получилось, что я в 1950 году устроился

на работу в проектный институт «Теплоэлектропроект». И сразу стал работать по специальности в группе электрических подстанций. Вначале работа мне нравилась. Но потом, из-за ее однообразия, она мне перестала нравиться.

Приведу один примеров из моей работы тогда. У меня был старший инженер Наум Моисеевич. Как-то он мне поручил сделать схему релейной защиты линии электропередачи. Я вспомнил, что про линии с точно такими условиями защиты, нам рассказал профессор в институте. Я нашел конспект и сделал подобную схему. Показал ее Наум Моисеевичу. Он поинтересовался почему именно я так сделал. Выслушав, он послал меня в архив и сказал, чтобы я взял проект подстанции, которую он проектировал несколько лет тому назад. Затем он нашел схему в этом проекте и велел перечертить ее точно один к одному для моего случая.

Так длилось до 1953 года, когда я, по чистому случаю, резко изменил профиль своей работы. Проектирование теплового контроля и автоматизации технологических процессов была для меня совершенно новой специальностью. Так как в институте мы были «сетевиками», то тепловую часть электрической станции мы изучали очень поверхностно. А по вопросам контроля, управления и автоматического регулирования даже книг не было.

Если работа на подстанциях меня не удовлетворяла из-за ее монотонности, то по этой специальности все было новым. Здесь уже Наум Моисеевич не мог послать меня в архив за аналогом. Его просто не было. Приходилось пользоваться ведомственными правилами технической эксплуатации, опытом старших сотрудников, в особенности Исидора Яковлевича Зельмана — главного специалиста технического отдела. Основные принимаемые решения согласовывались с дирекцией электростанции. Это была работа по мне. На принятые таким образом решения, никто уже повлиять не мог.

Но главное, в этом переломном году была женитьба на Лиле.

Две недели, изменившие мою жизнь

Шел 1953 год. Мне уже 28. Пора жениться, тем более, что у меня есть девушка, которую я люблю. О ней надо рассказать особо.

Как я уже писал, в институт я поступил в 1945 году, — сразу же после окончания войны с немцами, но не с Японией.

На курсе ребят было меньше, чем девушек.

Мне особо нравилась аккуратная девушка Нина Ющенко с ее пышными белокурыми волосами. Мне представляется, что и я ей был небезразличен. Но было то, что мне не позволяло перейти

черту в личных отношениях — мое домашнее воспитание. Она не была еврейкой. Были и другие девушки не менее красивые, но те были мне безразличны. На нашем первом курсе была «стайка» еврейских девушек. Это были школьные подруги Лиля, Рая Мурина и Мура Винницкая.

Лиля тогда была худой, долговязой девчонкой и она для меня ничем не отличалась от других девушек. На втором курсе эта группка исчезла, как исчезали и многие другие студенты. В ХЭТИ было заниматься труднее, чем в других институтах.

В первые месяцы учебы я подружился с двумя демобилизованными ребятами-евреями Исааком Давыдовым и Виталием Слуцким. Потом к нам присоединился Эрвин Скорецкий. Эта дружба оказалась нерушимой и продлилась всю жизнь. Еще нашей дружбе способствовало то, что мы все, кроме Эрвина, жившего в общежитии, практически жили в одном районе.

Как-то на втором курсе Виталий предложил мне пойти на встречу Нового Года с девушками, с которыми он подружился еще на первом курсе и которые потом перешли на учебу в Университет.

Этими девушками и оказалась Лилина группка. Встречались мы в доме родителей Раи. Родителей Раи звали Софья Марковна и Давид Павлович. Семья была по тем временам зажиточной. В этой семье «первой скрипкой» была Софья Марковна.

Это было мое золотое время дружбы, именно дружбы, с девочками.

С этими девочками мы с Виталием встречались и отмечали все праздники. Но эти девочки были только моими друзья женского пола. Нравилась мне только Нина.

И так продолжалось несколько лет.

Мне так кажется, что в этом доме я был желанным гостем, так как С.М., очевидно, прочила меня Рае в женихи. К концу учебы я уже было подумывал не перейти-ли границу отношений с Раей. Рая была хорошей, неброской, умной, неизбалованной девушкой. Подумывал жениться на ней. Ведь многие семьи образуются без любви. Кроме того, я видел на примере своих родителей, когда папа был влюблен в маму. Зачастую какой ад был семье, когда папа начинал ревновать маму.

Так продолжалось до последнего курса института. Я иногда захаживал к Рае просто так. Однажды, прогуливаясь с Раей по городу мы решили заглянуть к Лиле, которая жила в самом центре города. Зашли. В это время Лиля спала. Зельман Семенович, отец Лили, разбудил ее.

Она вышла к нам в красном байковом халате, еще заспанная

и теплая, теплая. И в этот момент произошла метаморфоза в моем отношении к ней. С этого момента я влюбился в нее. В течение почти пяти лет эта девушка была для меня такой же, как и многие другие. Произошел как бы обвал в мозгу. В один момент она стала мне дорогой и любимой. Любимой на всю жизнь. Вот и так бывает!

Итак, я влюбился. Моя не юношеская любовь принесла мне только радость, без того безумства, какое часто описывается в литературе. В нашем институте был студент-фронтовик, который повесился из-за неразделенной любви. Кстати, это была обычная девушка — вертихвостка.

Жизнь моя приобрела иной смысл в ожидании встреч. Теперь мне в ней нравилось все (это после пяти лет знакомства). Хотя Исаак отметил ее яркие губы. Это, очевидно, по контрасту с его женой Риммой, у которой были тонкие и бесцветные губы.

Я уже работал, когда Лилю, после окончания университета, направили на работу в районный центр Харьковской области Старый Салтов, учителем в школе. В 1951 году в стране пышным цветом расцвел государственный, в дополнение к бытовому, антисемитизм. Заведующий кафедрой сказал Лиле, что в других обстоятельствах, он бы оставил ее на кафедре.

Наши встречи стали редки, так как регулярного пассажирского сообщения со Старым Салтовом не было, и ей приходилось приезжать домой в кузовах попутных грузовиков.

Теперь я задумался. Я действительно был влюблен. Почему же не я ездил к ней, а она в Харьков? Очевидно потому, что ей хотелось домой. Да и где мне было в селе остановиться? Теперь нравственность другая. Я бы сказал правильная. Бой-френд, герл-френд. Тогда это осуждалось и обществом, да и для нас с Лилей это было неприемлемым.

В теплую погоду расстояние в 40 км по грунтовой дороге преодолевалось за пару часов. Хуже было в распутицу и еще намного хуже зимой из-за снежных заносов. Тогда на дорогу уходила и половина суток. Пассажирам часто надо было из машины вылезать и толкать ее. А как можно описать чувство холода на продуваемой всеми ветрами движущейся машине, где не за что спрятаться?

Полтора дня из двух пролетали быстро и она снова укатывала на неделю.

В течение недели мы с ней разговаривали по телефону. Для потомков, у которых есть сотовый телефон, хочу описать как это делалось тогда. Во всех городах и населенных пунктах были переговорные пункты. В этих пунктах стояло несколько герметичных будок, откуда и осуществлялся разговор. Я,

например, приходил на такой пункт и заказывал телефонный разговор с Лилей. В Старом Салтове аналогичный пункт принимал заявку и извещал по почте Лилю. В назначенное время разговор осуществлялся или мне сообщали, что абонент прийти не может.

В конце 1952 года мы с Лилей решили расписаться. Надо было добиться, чтобы она перебралась на работу в Харьков. По закону того времени, лица закончившие ВУЗ должны были обязательно отработать по назначению 3 года. Одним из исключений было замужество.

Но для этого надо было зарегистрировать наш брак в ЗАГСе. Чтобы это оформить нужно было ей приехать в Харьков. На оформление такого перевода из школы в школу, тогда был установлен крайний срок — 1 апреля. А тут 5 марта возьми и умри Сталин.

Директор школы на просьбу Лили о разрешении ее поездки в Харьков в рабочие, а не в выходные дни, выразил «искреннее» возмущение: «Вся страна в трауре, а вы решили заниматься развлечением!»

Решили, что в таком случае, я приеду в Старый Салтов.

И опять невезуха. В этом году стояла суровая и очень снежная зима. Никакого автомобильного транспорта не было, так как дорога была завалена снегом и стала непроходимой для автомашин. Надо было принимать срочное решение. Ближайшим к Старому Салтову городом, куда подходила железная дорога, был город Волчанск. Между Старым Салтовом и Волчанском было расстояние примерно 15 км. Я принимаю решение ехать поездом до Волчанска, а там как повезет. Но дело в том, что до Волчанска прямого поезда от Харькова не было. Надо было ехать в город Белгород, Московского направления, уже в России, а там пересаживаться на местный поезд до Волчанска.

Так я и сделал. Анна Борисовна, мама Лили, дала мне большую плетенную корзину с пирогами и я утром поехал поездом на Москву. В Белгороде сделал пересадку и к вечеру добрался до Волчанска. Когда я не спеша вышел из вагона, то вдалеке на площади стояло с десяток грузовиков в ожидании пассажиров. Пока я с двумя кошелками бежал к ним, время от времени останавливаясь, чтобы подобрать выпавшие из корзины на снег пирожки, машины развернулись и разъехались. Я остался один в сумерках на пустой площади.

То что я увидел в зале ожидания вокзала вернуло меня на десять лет назад — во времена эвакуации и даже хуже. В сумраке большого, совершенно неосвещенного помещения, на кафельном полу вповалку спали или лежали десятки людей.

Это были пассажиры поезда, который еще когда-то прибудет. Я вышел из зала. Еще было достаточно светло, чтобы увидеть за рекой сам город Волчанск. Подумав, решил идти в город, с надеждой, что там где-то устроюсь на ночлег. Я еще не забыл, — да и забуду ли вообще, — фронтовые будни.

Сразу за мостом через реку был рынок. Тут я вспомнил, что в то время у каждого рынка был «Дом колхозника». Это было то, что мне надо. На мою просьбу о койке дежурная ответила, что мест нет. Меня это сильно не обеспокоило. Ну нет мест и нет. Во всяком случае есть стул, тепло и светло. Переночую сидя — мне не привыкать. Спустя некоторое время дежурная вышла, а когда вернулась, спросила меня, согласен ли я переночевать в помещении прачечной. Я, естественно, с радостью согласился. Мне поставили в прачечной койку, постелили и я заснул сном праведника. О том, что будет завтра, я и не думал. Как-то доберусь.

Назавтра, когда я поднялся к дежурной, чтобы поблагодарить ее за постель, она меня еще и обрадовала. У нее ночевала бригада, которая везла на грузовиках жмых и путь их лежал через Старый Салтов. Вот к ним она меня и «засватала». Это были два грузовика, набитые до краев жмыхом, а вверху одного из них сидели две молодые женщины. Вот в их компании я и катил к своей заветной мечте — к Лиле. Что значит женская интуиция! После непродолжительной беседы одна из женщин без обиняков определила, что я еду жениться! А я ведь и словом не обмолвился, тем более что я еще и стеснялся такого способа достижения своей цели. Вот и такое бывает!

По предварительной договоренности с Лилей ключ от комнатки, которую она снимала, находился у прокурора района. У этой женщины взял ключи и при выходе поцарапал руку. Думаю: «У прокурора поцарапал руку. Плохая примета». Но, к счастью, не все приметы сбываются.

В доме никого не было, так как все были на работе. Комнатка узкая, метра полтора шириной и в длину метра четыре. В ней стояла односпальная узкая кровать с одной небольшой подушкой, в ногах кровати платяной шкаф, а в голове небольшой столик. Даже печь была в соседней комнате.

И здесь мне вспомнилось то, что я говорил сотрудницам из группы. На вопрос, не хватает ли невест в Харькове, чтобы ехать куда-то, я отвечал, что у невесты большой дом, а главное, что у нее есть корова. Тогда наличие коровы, было равносильно большому приданному.

Вот тебе и приданное!

Оставив свои вещи, пошел пройтись по селу. В центре был

сельмаг, а на витрине красовалась шикарная бутылка «Советского шампанского». Можно с уверенностью сказать, что такую бутылку я видел впервые. Я тогда не знал, что такие вина должны храниться в специальных условиях, а не лежать месяцами на витрине, опаляемые солнцем. Я также не знал, что шампанские вина бывают сухими, полусухими, полусладкими и сладкими. Я всего этого не знал, но был счастлив этой бутылке, а не ее содержимому.

К вечеру на нашу импровизированную свадьбу собралось все харьковское землячество, — друзья Лили. Это были знакомые мне раньше супруги Миша — зубной техник, и его жена Эмма — детский врач. Пришли также женщина-прокурор, военный комиссар и заведующий аптекой.

Мы откупорили эту заветную бутылку. Неслыханное в то время в нашем кругу событие — шампанское. Не было пробочной стрельбы, да и вино оказалось кислым. Но все же, свадьбу скрепили шампанским.

Сказочную первую ночь описывать не берусь. И узкая кровать, и одна маленькая подушка на двоих и холод в комнате — ничто по сравнению с испытанным мною наслаждением.

А поутру мы проснулись. В комнате очень холодно.

Поинтересовался, как они отапливаются? В доме две половины. В одной живет хозяйка. Во второй половине — две комнаты. В большей комнате, где и находится топка печи, живут супруги Печерские — Миша с Эммой. В комнате Лили только зеркало (обогреваемая стена) печи. Печь топится дровами. Стало странно, как это в условиях безлесой Харьковской области топить дровами? У нас дома и площадь не меньше, а за зиму мы вытапливали более двух тонн угля, а дрова использовали только для растопки. На мой вопрос почему не углем, мне отвечали, что его нет на топливном складе. Все возможно.

Когда все ушли на работу пошел в разведку на топливный склад. Да, действительно, кускового угля нет, но в углу склада лежала большая куча штыба, то есть практически угольная пыль. Это же прекрасное открытие! У моих родителей этот штыб часто заменял кусковой уголь.

Хорошо, что расстояние от склада до дома было небольшим. Оплатил четверть тонны этого штыба, взял два ведра и за несколько часов перетаскал весь этот штыб.

В одном из ведер намочил немного штыба и слепил из него несколько больших «пирогов». Затем сложил в топке домик из дров, а наверх уложил эти угольные «пироги». Тяга была хорошей и «пироги» разгорелись. В квартире стало тепло.

Надо было решать проблему регистрации брака. Пошли в Сельсовет. Женщина, оформлявшая браки, была в отпуске и должна была выйти на работу только 21 марта. Так что, сами того не ожидая, мы с Лилей пожили неделю, выражаясь современным языком, как бой-френд и герл-френд. Для меня это были сказочные дни.

21 марта совместно с несколькими деревенскими парами мы оформили брак. Вернусь к временной последовательности. Как я уже отметил, заявление о переводе надо было сдать до 1 апреля. Я выехал из Харькова 11 марта. Из-за обстоятельств я прибыл в Старый Салтов 12-го к вечеру. Мы планировали оформить брак 13-го и я мог бы вернуться в Харьков. Но обстоятельства нам не потворствовали. Пришлось ждать. Эти десять дней пролетели быстро и начались школьные каникулы. Дороги на Харьков, как и две недели тому назад, не было.

На этот раз попутчиков оказался полный грузовик и мы в замечательную, солнечную, теплую, снежную погоду повторили мой маршрут из Харькова в обратном направлении. Так же добрались до Волчанска, затем местным поездом до Белгорода, а потом сели в вагон дальнего следования из Москвы.

Имея законную справку о женитьбе, Лиля подала заявление в Областной отдел образования о переводе ее на работу из Старого Салтова в Харьков.

В конце концов ее уволили, а не перевели из школы в Старом Салтове. Но мне хочется рассказать о бюрократической процедуре этого увольнения.

Спустя примерно месяц после подачи заявления, я, а не Лиля (она ведь работала в Старом Салтове), начал обивать пороги Облоно (Областной отдел народного образования). После множества визитов, наконец, начальник отдела кадров Облоно с примечательной украинской фамилией Порохня пообещал мне, что решение будет завтра. Каково же было мое удивление, когда я пришел назавтра, когда мне заявили, что этот самый Порохня с сегодняшнего дня в отпуске. Что делать? Записался на прием к заведующему Облоно. Тот распорядился чтобы его секретарь нашел заявление Лили. Секретарь завела меня в пустующий большой зал заседаний. В те времена повсеместно была принята следующая расстановка мебели в таких залах. Стол председателя, а к нему перпендикулярно был приставлен длинный стол в зависимости от числа присутствующих. Когда я зашел в этот зал, мне бросилось в глаза что-то фантастическое. На длиннющем столе толстым слоем лежали сотни, а может тысячи бумажек. Секретарь говорит мне, что это заявления по поводу перевода. Ищите свое. И, как ни странно, я свое заявление довольно быстро

нашел.

В результате Лилю не перевели, а уволили по собственному желанию. А с такой формулировкой, это что-то наподобие «волчьего билета», директора школ отказывались принимать учителей. Лиля в это время уже была беременной. Уже прошел почти месяц учебы, когда наша подруга Инна сказала Лиле, что в украинскую школу на окраине города Новоселовка требуется учитель химии. Сама Инна преподавать на украинском не могла. Так Лиля устроилась на работу в Харькове. Спустя некоторое время, когда у Лили вырос живот, директриса школы, — кстати очень хороший человек, — выразила недоумение, почему Лиля при оформлении не сказала ей о своей беременности. Дело осложнялось еще тем, что в школе был выпускной 10 класс. Здесь надо отметить хорошее Советское законодательство. Беременной женщине полагался оплаченный отпуск 3 месяца до родов и 3 месяца после. Лиля ее успокоила и сказала, что выпускные классы она доведет и примет экзамены. Так оно и произошло. Лиля металась на трамвае в школу и обратно, а с новорожденной Леной оставалась Анна Борисовна.

Мы

Наш быт после свадьбы

Естественно, своего жилья у нас с Лилей не было, а снимать комнату нам было не по карману. Надо было жить в квартире чьих-нибудь родителей. У моих родителей были две большие комнаты без всяких удобств, да и семья была большая. У Лилиных

родителей были тоже две комнаты, точнее комнатушки примерно по 10 квадратных метров, но их было двое. Решили жить у Анны Борисовны и Зельман Семеновича.

Квартира находилась в самом центре города, в здании на втором этаже.

Комнаты были проходными. В первой было примерно 10 квадратных метров и столько же во второй. В первой комнате была кухонная плита и мойка с водопроводным краном (для меня тогда это было неслыханным удобством). Стоял стол, несколько стульев и платяной шкаф. В этом шкафу хранилась и посуда. Во второй комнатушке стояла большая тахта, на которой спали родители, комод и небольшой столик.

С моим приходом, в квартире пришлось сделать невероятную и, как я теперь понимаю, просто ужасную перестановку. Эта перестановка усложнила жизнь стариков, лишив их последнего пристанища — постели. Тахту на ночь они уступили нам.

У родителей была односпальная немецкая разборная кровать, которую им оставила Белла. Но поставить ее в первой комнате не было места. Мешал стол. И вот до чего мы додумались. Все же думаю, что это была идея Зельман Семеновича, так как я до такого не смог бы додуматься, вернее не посмел бы. Родителям было уже за 60. На ночь стол переворачивали вверх ногами и взгромождали его на шкаф. После этого можно было поставить кровать. На этой односпальной кровати валетом спали оба старика. При этом в квартире уже не было стола. Утром я разбирал кровать и стол снимали со шкафа.

Надо еще отметить, что из-за сердечного заболевания Зельман Семенович был на инвалидности и не работал. Когда мы уходили на работу, у него появлялась возможность полежать на своей тахте.

О первых днях жизни Леночки.

В отличие от многих Лиля прослушала курс для будущих рожениц. И сами собственно роды прошли у нее вроде спокойно. Но пришло время выписки, а ее не выписывают. Так продолжалось более двух недель. В бюллетене о состоянии здоровья рожениц, который вывешивался в приемной, показания у Лили были вполне нормальные. Пошел на прием к главврачу роддома выяснять причину столь длительной задержки в ее выписке. После моих настояний о выписке Лили, он меня выставил из кабинета, со словами: «Когда выписывать роженицу только его прерогатива решать». Через три недели все-таки Лилю с новорожденной выписали. И тогда выяснилось, почему ее так долго не выписывали. Оказалось, что ребенок обмотал шею

пуповиной, что вызвало его удушение и пришлось ребенка оживлять. Справка роддома об оживлении ребенка после родов сейчас хранится у Лены. Но это не главное. У Лили произошло заражение крови и ее долго лечили пенициллином. Так что в других условиях и мать, и ребенок могли бы погибнуть. Надо отдать должное медперсоналу роддома.

Из-за задержки в выписке из роддома и других неурядиц, я пошел регистрировать Лену в ЗАГС спустя примерно полтора месяца. Такой задержкой я вызвал у регистраторши большое негодование.

С появлением на свет Лены, обстановка в квартире еще больше осложнилась. Ее кроватку установили на единственном свободном пятачке во второй комнате. К тому же Лилин зажиточный дядя Фроим Семенович сделал ей по тем временам королевский подарок — немецкую красивую металлическую коляску. Ее тоже надо было поставить во второй комнате и уже на проходе. Сложность еще заключалась в том, что коляска по ширине не проходила в узкую дверь между комнатами, а оставить ее в первой комнате не было места. Приходилось мне на руках переворачивать ее на бок и вначале пропускать через дверь одну пару колес, а затем и вторую. Правда, задача упрощалась тем, что коляска весь световой день стояла во дворе.

Леночка была очень спокойным ребенком. Ночью она спала, не в пример своему младшему брату, а днем большей частью спокойно лежала во дворе в коляске. А когда она не спала, то била ножками по стенке коляски, так что было слышно даже на втором этаже, через открытое окно.

Вот так в тесноте мы без ссор и недовольства жили.

Бабушка и дедушка души не чаяли в своей внучке. В их немолодом возрасте она была долгожданной, единственной и любимой внучкой.

Когда Леночка была грудным ребенком, Анна Борисовна собственноручно стирала пеленки в горячей воде. Воду грели либо на плите, либо на примусе. Во дворе натягивали веревку и на ней пеленки сушили. Когда шли дожди или снег, их сушили на веревках в комнате. Но больше всего меня поразило то, что Анна Борисовна гладила утюгом пеленки с двух сторон. На мое недоумение она ответила, что у моей мамы были только мальчики, а для девочки такая процедура необходима по санитарным соображениям. И еще у Лены был свивальник. Это длинная тканевая полоса шириной сантиметров 20 и длиной метра 3—4. Запеленатого ребенка обматывали этим свивальником, чтобы ножки ребенка были прямыми. Когда ребенка пеленали, ручки его укладывали по швам.

Все это я пишу для вас, будущих читателей, обладателей памперсов, каков был труд выходить новорожденного да еще при работающих родителях и бабушках.

Так как мы все работали, то основным «бебиситтером» был Зельман Семенович. Он сильно к Лене привязался и, на мой взгляд, даже чересчур. Вечером, когда все были дома, он ее сам укладывал спать. И тогда в квартире должна была наступать полная тишина. А если кто-то из нас в соседней комнате громко заговорит, то следовал окрик: «Тише! Ребенок спит!»

О питании ребенка. Для детей грудного возраста была молочная кухня, что было очень хорошо. Да и у самой Лили было достаточно грудного молока. Примерно раз в неделю до работы я ходил на базар покупать для Леночки куриные потроха. Это были ножки, печенка и еще что-то. Стоил потрох 10 рублей, при моей зарплате в 1000 рублей. Для правильной покупки потроха я получил инструкцию З. С. Потрох должен был быть от молодой курицы. У молодой курицы нерабочий четвертый палец должен быть гибким. У старых курей и петухов этот палец не гибкий. Иногда хозяйки курей ломают этот палец. Но эта хитрость легко обнаруживается, если знаешь об этом.

Как я уже написал выше, в квартире было печное отопление. У родителей во дворе был сарай. Когда-то это был один большой сарай. Так как количество жильцов во дворе увеличилось, то сарай разделили на отсеки шириной метр и длиной метров пять. В глубине был закром для угля. Так как А.Б. работала на большом заводе (завод, где было впервые освоено производство лучших танков Второй мировой войны Т-34) ей выделяли хороший кусковой уголь, а не штыб (угольная пыль), которым пользовались мои родители.

Большие куски угля следовало еще дробить на меньшие, пригодные для топки. Каждое воскресенье я одевал робу, залазил вглубь сарая и приступал к дроблению угля большим молотком. Уголь я дробил с расчетом на неделю. Можете себе представить, каким я выходил из этой «шахты». Как вы понимаете ванны у нас не было и надо было отмываться от угольной пыли в тазу.

И еще одна подробность нашего — и не только нашего, — быта с туалетом во дворе. Если я сейчас не напишу это, то люди, живущие после нас, даже и представить себе не смогут те неудобства, которые испытывали пожилые и больные люди, когда уборная была во дворе.

Нам, молодым, уборная требовалась редко, а ночью и вовсе не требовалась. Ну а старикам уборная требовалась часто и в том числе ночью. Для этого использовалось специальное ведро или таз. Если живешь индивидуально — наличие таких

приспособлений еще полбеды. А если живешь с соседями? У нас было три соседа и в коридоре стояли три емкости для этих целей.

А как пользовались уборной остальные? Зимой вокруг туалетного очка намерзали глыбы из мочи, которые не таяли до весны. Ну и что? Сейчас это ужасная проблема и антисанитария. А тогда это были естественные условия жизни и принимались как данность.

Несмотря на все описанные неудобства, жизнь была нам в радость.

Летом 1956 года ТЭП выделил мне комнату в 13 квадратных метров в двухкомнатной квартире. С этих пор мы с Лилей зажили самостоятельно.

О том, как получали собственное жилье в то время. *Жилье строили большие предприятия для своих сотрудников. Согласно действовавшему закону, значительная часть квартир у предприятия отчуждалась для военных, нужд районных и городских советов и партийных органов. Квартиры среди сотрудников делили дирекция, партийный комитет и профсоюз. Какова была процедура? Представители профсоюза (иногда и я) ходили по квартирам нуждающихся и заполняли специальную анкету. Эти заполненные анкеты предварительно рассматривались дирекцией и партийным комитетом. Они давали рекомендации местному комитету. На собрании месткома квартиры или комнаты распределялись голосованием членов месткома. Очень часто на этих собраниях происходили настоящие трагедии. Необходимо отметить, что жилье люди получали бесплатно, а квартирная плата по отношению к заработной была мала.*